СЛОВЕСНОСТЬ 2013

альманах ■ книга 7 ■ чебаркуль ■ проза и поэзия
диалог культур ■ мастерская ■ история российской словесности
контрапункты истории ■ публицистика ■ memoria
НЕшуточные страницы ■ имена и символы эпох
хроника текущей жизни ■ из неопубликованного ■ рецензии
путешествие литератора ■ семейное чтение ■ дебют ■ наследие
рок-поэзия ■ антология одного стихотворения

МОСКВА 2013

ББК 84 (2Рос = Рус) ISBN 5-86676-083-5

СЛОВЕСНОСТЬ 2013

Проза, поэзия, публицистика, исторические и литературоведческие исследования, репортажи, воспоминания, материалы из личных архивов, рецензии, фотографии. Альманах. Книга 7. — М., «Библиотека газеты «МОЛ», 2013, 202 с. с илл., тираж 400 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Юрий МАМЛЕЕВ, прозаик, философ, поэт, председатель секции метафизического реализма;
Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК, поэт, поэт-переводчик, сопредседатель Союза литераторов России;
Сергей АЛИМАРИН, публицист, руководитель сайта Союза литераторов;
Нина ДАВЫДОВА, публицист, координатор секции публицистики;
Наталья РОЖКОВА, поэт, председатель секции поэзии;
Сергей ШЕЛОВ, доктор филол. наук, координатор секции лексикографии

Дизайн и компьютерная вёрстка, обложка: Валерий КОВАЛЕВСКИЙ

Альманах выходит с 2007 года как ежегодное издание Союза литераторов России. Книгу открывают два репортажа литераторов-очевидцев из Челябинска о падении метеорита в озеро Чебаркуль: как напоминание о бренности всего сущего и важности понимания своей миссии в этом хрупком мироздании. В альманахе «Словесность 2013» представлены поэтические подборки 30 поэтов разных направлений. В совокупности с прозой мы можем увидеть срез большого дерева нашей современной литературы. Как и в прошлых альманахах, мы обращаемся к истории литературы: материалы к юбилеям Державина, Батюшкова, Лермонтова, Маяковского и, традиционно, мы пишем о Гумилёве и Блоке, предтечах нашего творческого союза.
В прозе Ильи Оганджанова по-иному, чем в его стихах, ощущается поэтический нерв, а стихи Татьяны Грауз и Евгения Степанова, Марии и Александры Мироновых, Елены Кацюбы и Натальи Ванханен, Николая Грицанчука и Татьяны Пацаевой, Евгения В. Харитонова и Аркадия Агапкина, Максима Жукова и Людмилы Серовой, Татьяны Кайсаровой и Михаила Николаева, как и других поэтов, представленных в альманахе, и прежде не оставляли равнодушным тонкого и вдумчивого читателя. Прозаики добавляют свои нюансы в архитектонику альманаха: тут и армейские «плачи» Евгения Надалинского и Сергея Магомета, и картинка из детства Александра Иващенко, и воспоминания из молодости Иосифа Рабиновича и Владимира Глянца, и «театральная перекличка» Риммы Вечериной, Татьяны Гороховой и Николая Калиниченко вплетаются в многоголосье поэтической основы. В разделе «Имена и символы эпох» представлены три юбиляра: К. Кедров, Д. Цесельчук и Н. Рожкова. В разделе «Контрапункты истории» Наталья Габриэлян заканчивает свои воспоминания об Александре Мене; Ольга Соколовская повествует о судьбе Ольги Константиновны, королевы Греции; Лилия Волохонская рассказывает как она, в отличие от кузена Анри, предпочла Германии Россию, а москвовед Нина Давыдова в разделе «Семейное чтение» приглашает на свидание с городом, раскинувшимся «на семи холмах». «Из неопубликованного» узнаем, «с подачи» художника и искусствоведа Александра Лозового, о ВОЛЬФИЛЕ по воспоминаниям его отца. В «Публицистике» Фёдор Шелов-Коведяев и Сергей Алимарин с головой окунают нас в контексты мирового развития. А полемисты-дуэлянты Артём Каверин и Сергей Чекмаев с Денисом Поздняковым вовлекают в дискуссию о «конце света» в современном книгоиздании.
В книгу включены также разделы: «Дебют», «Мастерская», «Рецензии», «Диалог культур», «НЕшуточные страницы», «Memoria», «Путешествие литератора», «Хроника творческой жизни». Венчает альманах раздел «Антология одного стихотворения».

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ «МОЛ» (Рег. А-0470 от 27 мая 1994 года)
Главный редактор «Библиотеки газеты «МОЛ» Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК
© «Библиотека газеты «МОЛ», 2013»

ЧЕБАРКУЛЬ

РЕПОРТАЖИ ОЧЕВИДЦЕВ

***Наталья* РУБИНСКАЯ**

Наталья Борисовна Рубинская — поэт, эссеист, музыкант. Живёт в г. Челябинске. Окончила Уральскую консерваторию имени М. П. Мусоргского и Литературный институт им. А. М. Горького. Печатается в центральных и региональных изданиях. Опубликовала несколько книг стихов и прозы. Являясь редактором журнала «Автограф. Челябинск-арт» и газеты «Акцент», стала автором материалов о российских поэтах, художниках, композиторах, мастерах искусств. Плодотворно занимается музыкальным исполнительством и педагогикой: ведет класс фортепиано в Институте музыки имени П. И. Чайковского. Дипломант музыкальных конкурсов. Лауреат литературной и журналистских премий. Заслуженный работник культуры России. Член Союза литераторов России.

РЕПЕТИЦИЯ АРМАГЕДДОНА

Челябинск, 15 февраля 2013.

Просыпаюсь от толчка, внутреннего: 5.20 утра. В 6 — самолёт Гоши на Москву. Читаю всё положенное о путешествующих. Засыпаю.

9.20. Просыпаюсь от чудовищной встряски пространства: кажется, дом разламывается. Взрыв, ещё взрыв, и ещё. Последующие чуть слабей, но всё равно жуть по наличию децибелов. После каждого — звон, как от мильонов разлетающихся стекляшек. Проверяю целостность рук-ног. Смотрю на любимые картины, только чуть понакренившиеся в разные стороны. Наверное, в соседнем подъезде что-то взорвалось. И подъезда больше нет. Вспоминаю, что «а у нас в квартире — не-газ». Значит, один из ближайших домов, может даже геологоразведка в соседнем проулке. У них вечно какая-то машинерия в ближнем виду. Бегу к маме. Двери настежь.

— Ты разве уже на ногах?

— Нет. А его поймали?

— А двери отчего раскрыты? И кого поймали?

— Ну как же: были орудийные выстрелы, прямо-таки артиллерийские. Я решила, что вчерашнего преступника, наконец, «вычислили» и «берут». А дверь во время одного из залпов распахнулась.

Сирены по обе стороны дома не прекращают воплей, с каждым новым «бабахом» добавляя новые визжащие голоса. Пробежав к балкону, натыкаюсь на размазанный по всем окнам, как в панорамной съёмке, густой реверсионный след. Как от реактивного самолёта, только раз в сто жирней. Его белые мазки пересекают — не стаи! — стада птиц. Вороны, голуби, да и мелочь. Все разом снялись и срочно эвакуируют себя. А народу людскому куда? Слышны отдельные выкрики во дворе. Ещё не успев достаточно испугаться, не подумав об аналогии с Хиросимой, распахиваю балконную дверь. Ссыпающиеся по раме семечки из перевернутой кормушки, разваленная батарея пятилитровок от «Архыза», ждущих отправки на чьи-то дачи... Со всех углов двора реплики, соответственно фактору личностной ориентированности:

— Мужики, айда на войну!

— Брааатцы! Держись! Китайцы попёрли!

— Задолбали эти америкосы!

И ор нижней глухой бабки, перекрывающий все забулдыжные глотки:

— Ну, наркота проклятая, доберусь я до вас! Довзрываетесь!!!

Включаем разом все телевизоры, радиоточки, лупим по телефончикам.

Ни-че-го. Кидаюсь к ноуту — о радость, Гошка в Онлайне:

— Что у вас там? Как вы? Целы?

— Норм! Ты благополучно летел? Я с 5 утра на посту. Да у нас тут какая-то катастрофа, чё-то взрывалось; пока ни про что не знаем, сотики не робят! Ты в Москве сидишь? Всё ладно?

— Гуд! Скоро дальше! Ток телефон тоже не рубит. А у вас все ок? А то тут весь инет кипит!

— Вот и я в инете ищу, где там позырить-то?..

Чуть позже мой бук наполняется многими воплями: студенты, друзья, коллеги со всего глобуса, все спрашивают — как мы, где, не нарушена ль чья-либо цельность?..

В соседях раздаются тоненькие вопли: «А пофиг! А пофиг! А пофиг!». Бегу. Там живёт дитё Фодя, вдруг он один на один с катастрофой? Выплывает грудастая бабхен. Я, минуя её, к Мефодию:

— Ты почему кричишь-ругаешься? Люди волнуются, все стараются помочь друг другу, а ты?!?

— А я не лугаюсь.

Фодя садиковый, средняя группа. Корпулентная баушка поясняет:

— Он не ругается. Он кричит «Апофис». Это космическое тело из Аризоны. У них там в саду кружок выдумали астрономический, то ли астрологический, изучают летающие объекты.

Обалдев в который раз, мчусь к себе на телефонные звонки. Городской — ура! — пашет! — Сын:

— Целы?

— Да. Это Апофис?

— Чтоооооооо?!

— Ну, новый такой астероид, открытый в Аризоне.

— Так нас бы уже вместе с Землей родимой полчаса как не было!
— А что это?
— Пока выясняю. Закройте двери, окна, форточки, наберите воды в запас, никто никуда не выходит.
— Кто сказал?
— МЧС. Пошла строка на каналах ТВ.

10 часов. Звонит Оля Гладышева-Неясова, в 16 — открытие их с дочкой выставки. Мне очень стыдно, но мои обещания постараться прийти выглядят шрейхбрейкерно. Тут же звонит 93-летняя Клава, потомица купцов Борчаниновых, владельцев именных уральских мельниц. Нет, она не плачет, просто докладывает: окно в ее спальне раскололось на мельчайшие в пыль кусочки. Мы называем телефоны, что бегут приветной строкой от МЧС. (Осколки, коими усыпана была даже отдаленная от окна кровать, они выметали до ночи, два старика. Муж заколотил прореху фанерой, точно как в войну). Клавусенька отлично передает картину, которую долго еще будет видеть: стеклянно сверкающую реку, ринувшуюся в её кроватку ослепительным белым потоком!.. Бывший кардиолог, она нынче спрашивает «сердечных советов» у меня. Останавливаемся на родиоле розовой.

11 часов. Звонит Таня «с Америки»: «когда приземляется Гоша и что вам всем с ним прислать?». Они в феврале купаются в океане, ель у них в гостиной до потолка и всё ещё не убрана, рояль кабинетный настроен, ребята смогут помузицировать, но я уже не слушаю.

12 часов. Звонит наша бывшая старшая по дому Еленванна Аралина-Климова из Тракторозаводского района:
— Как вы-то сами? У нас лоджия встала вся с ног на голову (так выражаются люди, когда у них волосы дыбом, не так ли?), Аришу ранило в шею, много осколков оказалось в комнате. Вылетели все старые окна в подъезде. Стрела была огненная, с *таким носом*, летела с Бажова (улица в районе ЧТЗ), возле угла нашего дома №100 по Героев Танкограда раздвоилась, а в это время угол внутри комнаты ходуном ходил. Слава Богу, Тимофей вслед за матерью на балкон не выскочил. Только потом плакал, узнав, что разворотило стадион их хоккейный. А вот на Смолино у свояков изба шаталась, крыша гремела-корёжилась, а мужик как в кресле сидел — так и решил: будь что будет, не встану никуда! А жена его недалеко от дома с иконой из церкви шла, так тишина вокруг нее полная оставалась, не шелохнулось ничто.

13 часов. Потихоньку начинает прорываться информация. Нет, не самолёт. Нет, не ядерная. Нет, не война вообще. О! Остановились на «метеоритном дожде».
Новостная лента взорвалась от вопросов, предположений; чуть позже — маргинальных юморесок. Бездельникам всё равно, на чём поприколоться!
Несмотря на запрет, выскакиваю на балкон за тарой для воды. Заполняю все возможные сосуды от ведра до пипетки. Телефоны начинают реагировать на дикий спрос на нас, болезных, со стороны родни. Дядьки-тётки московские встревожены и даже плачут, но особенно почему-то ученики. Причём в их голосах не торжество, какое обычно еле скрывается, когда может полететь урок, а искреннее участие.

14 часов. Картина яснеет. Это, похоже, явление метеорных потоков, которые летают по солнечной системе и любят входить в атмосферу Земли. И вот они взорвались в одном регионе — почему-то нашем! Астрофизики настаивают, что по характеру того, что сначала был свет, а потом взрыв, это — метеорит. Невыносимое для глаз (некоторые люди на краткое время ослепли после встречи с этим белым шаром) свечение сгорающего тела, наблюдаемое куда как редко, вызвано тем, что оно летело в атмосфере на огромной скорости — около 10 (по другой версии — 20) километров в секунду — и горело. Космическое тело в этом состоянии зовут болидом. Ярчайшая вспышка, которая произошла — это концовка его жизни.

15 часов. 1 тысяча 200 человек порезанных стеклами. Вот что означал звон расплескавшегося по городу стекла! Оказывается, пострадавшими после попавших под дождь осколков жителей в мегаполисе явились — сами окна. Их расколачивало взрывной волной. Пострадали и многие рамы. В одной хате при полной закрытости всех отверстий смело все комнатные цветы с подоконника и вылетел дверной косяк в центре квартиры. Пять тысяч многоэтажек ослепли или окривели, лишившись трёхсот тысяч кубометров глаз. Особенно досталось большим стёклам в учреждениях культуры, подобных театрам, библиотекам, галереям.

16 часов. Почти весь день живу у компьютера в поисках подробностей и в ответах на запросы о нашей обстановке. Уверившись из множества СМИ-источников, что происшествие — не из ряда Хиросимы с Нагасаки, увидев демонстрируемые доброхотами собственноручные замеры фона — всего 0,08 микрозиверта в час из допустимых даже 0,5! — решаюсь выйти за хлебом и кефиром, а лучше ацидофилином, умеющим бороться с излишками на шкале радиоционного фона.
Мама долго запрещает мой поход, но потом сговариваемся на 15 минутах прогулки. Иные магазины закрыты. Возле «Японского фарфора» полно осколков, и видно, что это даже после уборки. «Мир еды» срочно восстанавливает витражи. Захожу купить гостинцев, так как решила забежать к сыну, повидаться перед обещанным пролётом близко к Земле астероида с половину футбольного поля. «Обжегшись на молоке дуют на воду». Сын с гостьей, приехавшей на театральный фестиваль, встречают весело и с юмором:
— Без упрежденья? То есть, на всякий случай — попрощаться?!

17 часов. В доме всё цело. Подъезд уже от разлетевшихся стекол убран им с соседкой Еленой Леонардовной Богуш. Самодельно, неумело заклеенные дыры смотрятся трогательно. Обмен впечатлениями впечатляет. В 9.20 утра Лена была в душе и взрыв приняла за упавший на хозяина шкаф. Только удивилась, когда при сушке феном от волос и по всей ванной пошли дымы (это, объясняет сын, пылили потревоженные встряской вентиляционные ходы). Тут заходит мой сын, ее коллега по театральному искусству, с — цитирую — «напряженно-спокойным лицом и говорит: что-то происходит, не пугайся, но надо бы одеться и уходить». Оказывается, этот ослепительный белый снежно-флюоресцирующий свет он на некоторых основаниях принял за излучение от атомного взрыва, ибо с таким — мне сдается, художественным? — изображением оного он встречался раньше. Возможно, вот так выглядел Фаворский свет тогда, две тысячи лет с небольшим назад... Явления близкие, и прославляют сами себя.

В самом деле! Город Че профаны любят числить то по разряду вместилища паров брома с катастрофы на ж/д путях, то провалившим под лёд маршрутку, то как место проживания носителя красный труселей, а нынче вот тебе и... не-тунгусский метеорит.

18 часов. Наконец вернулась Марина, ездившая осмотреть комнаты матери и сына на Северо-Западе. Подкрепившись нашим вкусным ужином, не евшая весь день, она рассказывает, *что* пришлось пережить учителям рядом с детьми в лицее. Они репетировали в большом зале к грядущему музыкальному конкурсу и при вспышке решили, что это падение самолета. Ребятня ринулась к выходу, чтобы узреть происшествие воочию. Прозвучавший через пару десятков секунд взрыв настолько изменил их состояние, что из-за искаженных лиц — ужасом, неведением, невозможностью тут же дозвониться родителям — их трудно стало узнать. Они сделались неуправляемы, кричали, метались, рыдали... К тому же при взрыве заклинило дверь, как и проходы в других помещениях, которые учителя с усилиями выбивали, чтобы удержать ребятню от давки. То же самое наблюдалось среди студентов-политехников. Они смели в гардеробе все одёжки, после чего выяснилось, что некоторым придется добираться до дому раздетыми. Такая там случилась большая неразбериха-паника. Зато некоторые их них позже уверяли слушателей, что до последнего своего дня не забудут этого события: огромных стекол в аудитории, что на глазах в момент — вдребезги. Подсчитано, что всего в ЮУрГУ полетело 35% окон. Влад Феркель описал, как выглядел 4 этаж, сплошь усыпанный стеклобрызгами. Как вроде горная река такая!

Возможно, наиболее дисциплинированными оказались детсадовцы. Молодая водительша такси, отвезшая меня поздно вечером восвояси, рассказала: подруга, когда властями было указана необходимость уходить с работы, забирать детей из казенных учреждений и водворяться по домам, прибежав в садик, видит следующее. Чёткие воспитательши, одев деток, дежурят с ними при пороге здания, гуляют вроде. Балагурят, заговаривая зубки. И раненые малышки, с вовремя перевязанными ручками, спокойны и улыбчивы. Только у одной, с сильно поврежденной щечкой, красота личика может не восстановиться: её увезли на операцию.

Доктора по ящику уверяют, что все будет в порядке, что всем — сперва сотне, потом двустам, затем пятистам, и наконец тысяче двустам потерпевшим помощь оказывается, что плановые операции отменены, и врачи будут дежурить до последнего раненого. Назавтра прилетевший к нам руководитель МЧС России сообщит, что одну тяжёлую пострадавшую отправили за помощью в Москву. Не будем удивляться, что раненые объявлялись до самой ночи, ведь добираться было трудно, транспортные пробки — ужасающие! Скажу, что появление на экране сведущих лиц утешало. Они руководили чётко, владели фактографией, приводили цифры. Так, мы узнали: мощность взрыва, расколовшего метеорит на несколько десятков обломков, составляла от 300 до 500 килотонн, в 20 раз больше, чем во время ядерного удара по Хиросиме!..

19 часов. Владыка Феофан выступил с заявлением, что с помощью стихийных сил Господь часто дает людям предупреждения. Он призвал народ не поддаваться панике и оказывать друг другу всяческую поддержку. Митрополит назвал случившееся знаком свыше, напоминающим: мы живем в хрупком и непредсказуемом мире.

20 часов. Проректор Квятковский написал мне, что в субботу занятия в институте отменяются. Спросила, есть ли повреждения. Ответил: только в общежитском здании.

Назавтра мы решили репетировать... в кофейне.

16 февраля. Начали с вопросника. Кто что подумал вчера в 9.20 утра? Все по-разному. В зависимости от прошлых опытов экзистенции. Мы читали стихи, отыгрывали сценки, запивали фруктовым чаем радость бытия. Чаем — ведь я была со своими любимыми учениками. Митя, Кирилл, Поля, Люба, Яша, Настя... Моя литмастерская и театральная студия «Скетч». Один из младых артистов голосом диктора Левитана прогудел: «Болид диаметром около 15 метров вошел в земную атмосферу на скорости 64 тысяч километров в час, чуть не в 70 раз превысив скорость звука, и яркая вспышка осветила небо перед ударом о Землю».

А вчера мы так же праздновали безвредное приземление метеорита. В семье. Мы пили Массандровский кагор. Ведь это был день Сретенья. И ведь все утешились. Мы прощали метеориту, что его осколки упокоились в любимом озере наших детств — *пёстром* озере, *красивом* озере — Чебаркуле. Мы не верим ни в какую межгалактическую чуму. Мы видим синюю полынью, куда сиганул раскалённый железный камень. Ее размеры

— 6 на 8 метров. А сегодня прошла инфа, что останков болида водолазы не нашли. Ну да! Там такое дно, господа, и так глубоко, что вряд ли куски породы, если они вообще не сгорели от жара превыше солнечного, смогут обнаружиться. Там такие затоны, да давно не чищенные от водорослей илистые чащобы, что инопланетное тельце неведомого вещества утонуло навеки! Да уж, такие там природные силы, что несмотря на потравы и отраву от каких-то заводцев (водоросли в этом озере всю жизнь припахивают... целлулоидом), щуки и судаки водятся размером с дельфина. Кстати, только что был звонок от тамошнего рыбака: рыба перестала ловиться!

Забавляясь размышленьями о духе моих сограждан — уловителей необычных планетарных, геомагнитных и прочих трансцендентальных явлений природы, кое-что итожу. Всё терпимо, только у Русановых нет тепла. Они на Мебельном поселке. Валента утром написала сразу после взрыва, что все ничего, только газа нету, да дети испугались... Сегодня всё вернулось: «Так без газа и сидели. Не стало почти сразу после падения. Всю пятницу сначала отключали всех от трубы, потом проверяли, потом заново подключали. Нам только в субботу утром вернули тепло. А так всю ночь без отопления».

Слетала в сторону леса. В детсаде крестника Тимочки Розовского почти все окна завешены байковыми одеялами, на иных какие-то щиты. Вообще, отмечаю, что в наших весях зарешеченные и евроокна не пострадали!

А ночью-то ведь поспать не удалось! Ждали пролёта астероида 2012 DA14. Его открыли год назад, отслеживали, но в последние дни он что-то изменил поведение и стал как бы гоняться за нашим шариком. Шанс встречи Земли с таким крупным астероидом, заявили ученые, один раз в 1200 лет. Вот нынче и боязно. Но он миновал наш грешный глобус, и можно передохнуть. Фодька за стенкой спит. Водолазы отогрелись спиртом и похрапывают в мирных позах. Всех перевязанных и запластыреванных больных отпустили по домам. Мне не спится только по той причине, что в голове раздается танго из трофейного фильма «Петер». Видимо, по причине триумфального характера данной музыки. Завтра достану архивные нотки и спою. Только бы в 9-20 было тихо. Однако наутро в 9.20 раздадутся новые удары. Я выскочу на балкон. Нижняя соседка стучит строительным молотком по железным рамам своего стеклянного балконного укрепления. Смекаю: иные жители разбивают свои старые окно-рамы, чтобы государство бесплатно заменило их. Голь на выдумку хитра. Подавляю приступ ненависти к жлобской наглости землян, глядя в небо: там снова реверс. Но уже с противоположной стороны, и очень узенький. Это след мирного самолета. Птицы мостятся к моим кормушкам.

— Танцуй танго! — горланим мы с Фодькой, сыпя семечки синицам.

15 -17 февраля 2013

Людмила ФЕДОРЕНКО

Людмила Сергеевна Федоренко — координатор Челябинского отделения Союза литераторов РФ, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Челябинского филиала Московского психолого-социального университета.

«ПРИ ВЗРЫВЕ ЛОЖИТЕСЬ НА ЗЕМЛЮ НОГАМИ К ЦЕНТРУ ВЗРЫВА»

Вечером 14 февраля я долго читала брошюру священника Георгия Кочеткова «Беседы о христианской этике. Выпуск 9. Экология души и тела. Существует ли сатана», в которой он повествует о состоянии современного общества с религиозных позиций, отвечает на вопросы об «Апокалипсисе», говорит о моральном и социальном зле и о том, как этому злу противостоять. Блистательная полемика, глубокий анализ священного Писания, доступность изложения произвели на меня сильное впечатление.

А перед этим я прочитала мировоззренческую статью К. Циолковского «Космическая философия», которую он написал в 1935 году за 8 месяцев до своей смерти, запрещённую, впервые опубликованную только в 1981-м. У меня книга 1986 г. выпуска с комментариями к этой статье: «печатается по выправленной автором машинописной копии, хранящейся в архиве АН СССР (фонд 555, опись 1, дело 535). В текст внесены сокращения... опущен последний раздел «Колебания, сомнения, вопросы». В ней К.Ц. разворачивает потрясающую картину иерархии планет, выдвигает гипотезу о том, что во Вселенной существует огромное количество планет с цивилизацией гораздо выше, чем на Земле.

Утром 15 февраля (было 9 час.) я подошла к окну своей квартиры на 10-м этаже и подумала: «Какой мрачный день. Всё небо затянуто чёрными тучами. Темно. Как-то тяжело на душе. Надо помолиться». Я прочитала «Отче наш», молитву «к Богородице». И вдруг всю комнату залил слепящий бело-голубой свет, как от дневных ламп. Мелькнула мысль: «Солнце что ли пробилось?». Я взглянула в окно. И тут бабахнуло, потом ещё четыре взрыва меньшей мощности. Я всё видела. Объект не падал, а летел, низко, параллельно земле, бесшумно, а потом взорвался. Зазвенели стёкла. Заболела голова. Впечатление было такое, как будто полыхает всё небо. Я записала на листке бумаги у себя на столе: «9 часов 25 минут местного времени. Взрыв». Ощущения были полной беспомощности и неведения. Не знаешь, что делать. Мобильники не работали. По радио целый час играла музыка. Работал городской телефон. Сразу стали звонить друзья и знакомые. Никто ни про какой метеорит не думал. Мысль у всех была одна: «Ядерный?». Наконец, по радио

объявили: «не создавайте паники, радиационный фон в норме». Какой он был на самом деле, узнаем лет через 50. Небо после взрыва очистилось. От объекта остался белый след как от реактивного самолёта, только широкий и двойной, рядом с широкой полосой ещё одна, гораздо уже. Высоко в небе летели два реактивных самолёта в разных направлениях с белыми ниточками следов. Как он с ними не столкнулся. След от объекта оставался в небе до 12 час. 30 минут, я записала. Потом пропал. Во дворе моего дома – детский сад. Воспитательницы сбивали детей в группки, но в помещение не заводили (что, оказывается, правильно). Стали подъезжать машины скорой помощи. Люди на улице, мне всё было видно из окна, тоже собирались группами, смотрели в небо. По радио, наконец, сказали, что «упал метеорит, не создавайте паники, радиационный фон в норме, людей эвакуируют из разрушенных зданий.» В 13 час.30 минут я приехала в офис «ЯБЛОКО» на пл. Революции – это центр города. Интернет уже весь был забит фотографиями о разрушениях. В городе Копейске – огромное количество аварий на теплотрассах, разрушение ветхоаварийных зданий, в г. Еманжелинске – землятрясение до 4 баллов – разрушение старых домов. У людей, которые на улице смотрели на взрыв, ожоги глаз и лица. Огромное количество травм: раны, порезы, ушибы. Через несколько дней появилась информация в местных СМИ: «Сумма нанесённого ущерба составляет более 1млрд. руб. (соседние регионы помогают); 1552 чел. Обратились за помощью к врачам; 61 чел. госпитализирован (из них 3 ребёнка); 47 чел. – в стационарах (в том числе 4 ребёнка); 1 чел. в тяжёлом состоянии; 0 погибших.

На вопрос «почему нас не предупредили?» последовал ответ: «По данным NASA» «невидимка» был тёмным, плохо отражающим свет объектом. Его орбита и размер позволяли его увидеть лишь за два часа до столкновения с Землёй, когда предпринимать что-либо уже поздно. Для военных его приближение стало сюрпризом из-за слишком огромной скорости, с которой он передвигался: даже самая совершенная ПРО уже «не видит» цель на скорости втрое меньше, чем была у нашего метеорита. Что касается отсутствия звукового оповещения горожан во время самого ЧП, то власти объяснили это нежеланием сеять панику среди населения» (газета «Ва-Банк», 22 февраля 2013 г. – прим. авт). *Вот так, господа, остаётся только задуматься, что такое «человек» и наша земная цивилизация в масштабах Космоса...*

Я всегда любила смотреть в небо с верой и надеждой, на плывущие облака, на ночные звёзды, а теперь смотрю в страхе.

Местные СМИ объявили, что пострадавшим будет выплачена компенсация от 10 тысяч до 100 тысяч руб. в зависимости от медицинских показаний. Да только, кто их определит? Напечатали также «признаки того, что нужна помощь врача» – 16 пунктов, типа: аффективное поведение (плачет, поёт песни, ложиться не вовремя спать или бежит сломя голову сам не зная куда), притупление эмоций (это уж точно, народ стал грустный и задумчивый, на улицах улыбок не увидишь). Появление навязчивых воспоминаний о пережитом, сопровождающееся чувством «оживления», страшные сны и т.д. Сообщили также адреса бесплатных пунктов приёма по оказанию психологической помощи. По разбитым стёклам тоже объявили компенсацию до 50 тысяч руб.

Ну, и апофеозом заботы государства о своих гражданах явилась публикация «ЕСЛИ ВЗРЫВ ЗАСТАЛ ВАС». Привожу этот шедевр полностью. НА УЛИЦЕ: – после взрывной волны не вставайте сразу – убедитесь, что вы целы. – Не смотреть во время взрыва на вспышку или огненный шар – можно ослепнуть. – Если до взрыва (о котором никто не знал) не удалось спрятаться в убежище, ложитесь на землю ногами к центру взрыва или спрячьтесь за крепкой преградой и накройте голову. (Я мгновенно представила себе площади и улицы, заполненные лежащими людьми (а если кто-то лёг ногами не в ту сторону?). – Нельзя прятаться за пластиковыми, деревянными или стеклянными сооружениями, они разлетятся на осколки: – Постарайтесь как можно скорее покинуть место взрыва (интересно как, убедившись, что ты цел, вызвать такси или купить билет на самолёт?). В ПОМЕЩЕНИИ – постарайтесь как можно скорее его покинуть, взяв документы, деньги, предметы первой необходимости. Не пользуйтесь лифтом. – В квартире откройте дверь, чтобы обеспечить быстрый выход. – На улице не стойте вблизи зданий, перейдите на открытое пространство. – Если покинуть здание невозможно, займите самое безопасное место: проёмы капитальных внутренних стен, углы под балками каркаса. – Отключите воду, электричество и газ.

Как видите, полная беззащитность перед реальной угрозой. Вся наша земная суета сразу забылась. Итак, покидаем помещение, взяв документы и деньги, и ложимся на открытом пространстве ногами к центру взрыва...

Может, человечество всё-таки задумается о своей жизни?

Но где там, грехолюбивый рынок сразу же сработал (человечество не исправишь). Цена осколков метеорита в Интернете доходила до 500 тысяч руб., футболки с символикой «Я пережил падение метеорита. Челябинск. 15.02.2013 г. – до 600 руб. Губернатор сказал: «Бог спас город. Если бы метеорит был больше, или бы упал на один из промышленных объектов Челябинска, последствия были бы трагическими». Прославились на весь мир. Какими ещё будут последствия, неизвестно. У меня на другой день был сердечный приступ, через день – ещё один. Совпало у меня всё: и прочитанное, и пережитое. Простая мысль «Не так живём» – сейчас у многих. Дай Бог, чтобы разбор полётов о случившемся продолжался и дальше, а вспышка этого жуткого взрыва высветила бы все язвы современной земной цивилизации.

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Максим ЖУКОВ

ТАТАРО-МОНГОЛЬСКИЙ ТРАМВАЙ

КУРОРТНЫЙ РОМАНС

Прощается с девочкой мальчик, она, если любит — поймёт.
Играя огнями, вокзальчик отправки курьерского ждёт.
Чем ветер из Турции круче, тем толще у берега лёд.
Кольцо соломоново учит, что всё это — тоже пройдёт.

Но евпаторийский, не свитский, под вечнозелёной звездой
Мерцает залив Каламитский холодной и тёмной водой.
И чтобы сродниться с эпохой, твержу, как в бреду, как во сне:
Мне пофигу, пофигу, пофиг! И всё же, не пофигу мне...

Не ведая как, по-каковски я здесь говорю вкось и вкривь,
Но мне отпускает в киоске похожая на Суламифь
Скучающая продавщица — помятый стаканчик, вино...
И что ещё может случиться, когда всё случилось давно?..

Вполне предсказуем финальчик, и вряд ли назад прилетит
Простившийся с девочкой мальчик. Она никогда не простит —
Пойдёт целоваться «со всяким», вокзал обходя стороной,
На пирс, где заржавленный бакен качает в волнах головой.

Где яхта с огнём на бушприте встречает гостей под шансон.
Над городом тёмным, смотрите! — наполнилось небо свинцом.
И волны блестят нержавейкой, когда забегают под лёд,
И чайка печальной еврейкой по кромке прибоя бредёт.

И весь в угасающих бликах, как некогда Русью Мамай,
Идёт, спотыкаясь на стыках, татаро-монгольский трамвай.
Он в сварочных швах многолетних и в краске,
    облезшей на треть.
Он в парк убывает, последний... И мне на него не успеть.

И путь рассчитав до минуты, составив решительный план,
По самое некуда вдутый, домой семенит наркоман;
В значении равновеликом мы схожи, как выдох и вдох:
Я, в сеть выходящий под ником и жаждущий смены эпох (!),

И он — переполненный мукой и болью, испытанной им, —
Как я притворяется сукой, но выбрал другой псевдоним.
И всё это: девочка, мальчик и я с наркоманом во тьме,
И пирс, и заснувший вокзальчик, и всё, что не пофигу мне, —

Скользя как по лезвию бритвы и перемещаясь впотьмах,
Как минимум — стоит молитвы, с которою мы на устах
Тревожим порой Богоматерь под утро, когда синева
Над морем, как грязная скатерть, и в воздухе вязнут слова.

Пусть видит прибрежную сизость и морось на грешном лице.
И пусть это будет — как низость!
                Как страшная низость — в конце.

1989 ГОД

Это тело обтянуто платьем,
                как тело у жрицы Кибелы обтянуто сетью,
Оттого-то заколка в твоих волосах мне и напоминает кинжал.
Если верить Флоберу, то в русских жестокость и гнев
вызываются плетью.
Мы являемся третьей империей, что бы он там ни сказал.

В этой третьей империи ты мне никто и ничто,
и не можешь быть кем-то и чем-то,
Потому что и сам я в империи этой никто и ничто.
Остается слагать эти вирши тебе и, взирая с тоской импотента,
Обретаться в столице твоей, что по цвету подходит к пальто.

Если будет то названо жизнью, то что будет названо смертью,
Когда я перекинусь, забудусь, отъеду, загнусь, опочу.
Это тело имеет предел и кончается там,
                где кончается все круговертью,
На которую, как ни крути, я напрасно уже не ропщу.

В этой падшей, как дева, стране,
но по-прежнему верящей в целость,
Где республик свободных пятнадцать сплотила великая Русь,
Я — как древние римляне, спьяну на овощи целясь, —
Зацепился за сало, да так за него и держусь.

В этой падшей стране среди сленга, арго и отборного мата
До сих пор, как ни странно, в ходу чисто русская речь,
И, куда ни взгляни, — выходя из себя, возвращаются тут же
                обратно,
И, как жили, живут и по-прежнему мыслят, — сиречь,

Если будет то названо жизнью, то названо будет как надо, —
С расстановкой и чувством, с апломбом, в святой простоте,
Это тело обтянуто платьем, и ты в нем — Менада.
Ты почти что без сил. Ты танцуешь одна в темноте.

СЛАВЕ ЦУКЕРМАНУ

На стыке двух культур — культуры никакой,
Все вывезено лучшее отсюда.
И вот твоя строка, не ставшая строкой
В реестре прочих строк, ни Торы, ни Талмуда,
Бросается в астрал, кончается тоской,
Расцвеченной по грудь огнями Голливуда.

В остаточной связи, на разных полюсах,
По эту и по ту реалию стакана,
Когда звучит рояль Бетховеном в кустах
И капает вода из сорванного крана,
Отчетливо паря на девственных листах,
Рождаются слова Великого романа.

Великого? Уволь. Пройдя по косяку
Бессмертия, на борт пустыми вынув сети —
Не потому, что, мол, плохому рыбаку,
Как трепетной мадам, не любящей при свете...
Скорее, — как тебе напишут на веку,
Оно так и пойдет — рядком по киноленте.

Выходит, так и есть: Вселенная — бордель,
Космический притон для спермовыжималок,
Лесбийская стезя... Но все же — неужель
У прилетевших к нам (для пересчета палок),
Мелькнувших в облаках, раскрашенных под Гжель, —
Божественный инстинкт, как наш, угрюм и жалок?

Покуда не зажглась заштопанная ткань
На облаке души, в штанах ли, без штанов ли,
Не свой видеоряд попробуй раздербань,
А таинство любви, лишенной сна и кровли,
Которой все равно необходима дань
Сердечного тепла — в разгар порноторговли.

* * *

От повтора к повтору, зная всё наперёд...
Проповедует хору трудодни Гесиод.
Я, не видевший Рима, не понявший Москвы,
Говорю тебе прямо, без прикрас и ботвы:
Каждый вдох (или выдох), как на сломе эпох;
Между делом проидох и тщету обретох.
Словно жил не по правде, разеваючи клюв,
Как дырявые лапти, Dr. Martens обув.
На витрины глазея, оскользаясь на льду,
По гламурной Москве я, как по Риму, бреду.
Переменится климат. Повторятся стихи.
Нас по-доброму примут, несмотря на грехи.
Невзирая на лица, всех, кто избран и зван;
Я хочу возвратиться, как последний баклан,
Как последняя сука — инфернальный, больной!..
В этом мире разлука — лишь прообраз иной.
Только так, не иначе. Захожу я во двор —
С туеском от Versace и в лаптях от Dior.
В пиджачке от Trussardi, как большое дитя...
Мне до Рима по карте два огромных лаптя.
В безвоздушном пространстве надо мной, как всегда,
По-церковнославянски — догорает звезда.
Мне бы сил поимети, дабы не лебезя,
Жить и жить бы на свете, но, наверно, нельзя.
Идут белые снеги (а по-русски снега),
Оглянусь я во гневе, а кругом хуерга.
Это грустная шутка. Как сказал бы пиит:
На прощанье — ни звука; только хор Аонид.
Но непереводимо хор по фене поёт,
Что не видел ни Рима, ни Москвы Гесиод;
Что отныне не днями измеряется труд;
Идут снеги над нами (а по-русски идут) —
Без ботвы и разбору, без прикрас и забот;
От повтора к повтору, зная всё наперёд.

* * *

Два чувства дивно близки нам
Пушкин

Понять, в чем дело. Жить зазря,
Водить по выставкам бабищу,
Любить родную пепелищу
И слушать только стебаря.

Косить под Бродского, коря
Себя за то и днем и ночью,
Сводить все фразы к многоточью
И говорить — не говоря.

Иметь презрение к гербам.
Имея склонность к извращеньям;
Понять, в чем дело, но за мщеньем
Не лезть к владыкам и рабам.
Идти, спускаясь по ступеням,
Сходя к отеческим гробам.

Илья ОГАНДЖАНОВ

Из цикла «Рассказы длиной в одну выкуренную сигарету»

ГОЛОСА

В пивной шумно и накурено. Вместе с очередным посетителем в небольшой тускло освещённый зал из открытой двери вплывают густые клубы морозного пара, словно на улице кто-то попыхивает огромной трубкой. Пар мешается с табачным дымом и поднимается к потолку, окутывая змеистыми облаками матовые плафоны, налитые призрачным электрическим светом.

Стряхивая с себя снег и расстёгиваясь на ходу, вошедший направляется к стойке, за которой круглолицая краснощёкая Раечка в белом халате с грязно-жёлтыми разводами заботливо и властно разливает пиво. Из тонкого хромированного краника вырывается шипящая струя, и пузатые пол-литровые кружки до краёв наполняются золотистой жидкостью с весёлыми убегающими вверх пузырьками. В сизом дымном воздухе кружки в шапках белой пены напоминают огни зимних фонарей. Зажатые в увесистых кулаках по одной, две, три и даже четыре, они медленно лавируют между высоких одноногих столов, опершись на которые, стоят осовелые мужики. Пиво тяжело покачивается, стекает по толстым гранёным стеклянным стенкам и шлепается на пол. Где-то надо мной басят: можно? не помешаю? разрешите составить компанию?.. И тусклые жёлтые огни причаливают к липкому кисло пахнущему столу.

Маленький, неприметный, я тихо жмусь под столом, словно под огромным грибом. Вокруг топчутся громадные башмаки. Под башмаками, на серо-бурых шашечках кафеля, натекают грязные лужицы. И в лужицах криво, осколочно отражаются мои санки и я сам в зимнем пальтишке и съехавшей на бок шапке с помпоном.

Серебристым конфетти осыпаются чешуйки воблы, постукивают кружки, и сверху до меня доносятся хрипловатые, сиплые, скрипучие голоса, среди которых я с трудом различаю голос своего отца.

— В армии мы с местными девками дай бог покуролесили как моя-то всё не уймётся и денег мало и невнимательный и храплю по ночам вот и карбюратор совсем ни к чёрту надо перебрать да руки не доходят этому начальничку-кошкодаву съездить разок промеж глаз на зорьке выйдешь тишина туман над водой стелется и рыба так и ходит так и стоит она у меня перед глазами если бы в тот раз не сглупил вся жизнь могла подругому сложиться понимаешь была и у меня одна такая тоска душит не продохнуть хоть в петлю сегодня «Правду» читали почитайте-почитайте уже и по радио передавали во дела в мире творятся а тут живёшь ни ухом ни рылом эх то-то будет... ну что ещё по одной?

Отец берёт меня на руки, строго спрашивая: «Отхлебнёшь?» Я утвердительно киваю, и лоснящиеся от пота измятые незнакомые лица расплываются в дрожащих жалких улыбках. Еле удерживая двумя руками холодную запотевшую кружку, я чуть не с головой ныряю в неё, морщась глотаю колючую горечь и под одобрительный гул выныриваю в седых усиках пены. Посреди стола, на белом блюдце с золотой прописью «Общепит» по ободку, горкой лежат сушки, редко посыпанные крупной солью. Я напряжённо жду, когда в награду за этот аттракцион отец даст мне гладкую, словно каменную сушку, спустит меня вниз, и я стану грызть её и обсасывать, и острые кристаллики соли будут хрустеть и таять во рту.

От тяжёлого пивного духа кружится голова. Под потолком лениво змеится дым, призрачно, как маленькие луны из-за облаков, сияют плафоны, и в вышине глухо гудят чужие мужские голоса, говорящие о чём-то далёком и непонятном...

НА БЕРЕГУ

— Никто не знает, кто он, откуда и как давно здесь сидит — в плетёном кресле под зонтиком каждый день с раннего утра до позднего вечера. Греет старые косточки на солнце, иногда что-то бормочет себе под нос и смотрит, смотрит на море. О чём он думает? Что вспоминает? Детские шалости и страхи, скуку за школьной партой и студенческой скамьей, друзей, первую любовь, первую измену, жену, детей, любовницу, умерших родителей, долгие годы безрадостного труда и одиночества? Всё то, что на закате жизни дано вспомнить человеку. Во что так пристально вглядывается? Может, ждёт, что из искрящихся на солнце волн выйдет кто-то отчаянно прекрасный, как несбывшаяся мечта, возьмёт его за руку, и скажет, что всё прошлое было недоразумением: и неуклюжее детство, и мучительная, как горячечный стрёкот кузнечиков, юность, и пустота, неизбывная пустота куда-то утекших дней и ночей. И что можно начать всё сначала — светло и безмятежно. Да... но никто не выйдет и ничего не скажет. Волны набегают одна за одной, воспоминания теснят и сменяют друг друга. Южный ветер овевает лицо забытым материнским теплом. И словно гарпии, кричат и кружат чайки, высматривая добычу. Вот так и я когда-нибудь, верно, буду сидеть на берегу, старый, никому не нужный. О чём я тогда буду думать? Что вспоминать?

— Вечно ты сочиняешь всякие глупости. Лучше пойдём купаться.

— Да-да, конечно...

ОПЯТЬ ВЕСНА

Я вышел из метро слегка пошатываясь. Конечно, в подобном состоянии в метрополитене запрещено находиться. В правилах проезда так и написано, чёрным по белому, мелкими, тяжело читаемыми буквами — *запрещено находиться*. Но что поделать, если уже ночь, денег на такси нет, а домой ехать надо? И потом не в первый же раз...

Пристально, насколько мог, я посмотрел по сторонам, словно ожидая кого-то увидеть. Словно кто-то должен был встречать меня в этот поздний промозглый час. Старая дурацкая привычка...

Я тогда ещё работал на одном унылом предприятии и, надеясь в будущем изменить свою жизнь и перейти на службу в не менее унылую контору, учился на вечернем. Ты обычно стояла под фонарём, чтобы я сразу тебя заметил. Стройная, в длинном вязаном шарфе, обвитом вокруг шеи уютными небрежными кольцами и похожем на уснувшего удава. В чёрных кожаных сапогах до колена и варёных джинсах, плотно облегавших полные крепкие бёдра. Спрятав руки в рукава короткой болоньевой куртки, поёживаясь от холода, будто кто-то невидимый нежно обнимал тебя за плечи. И в свете фонаря твои льдистые голубые глаза обманно лучились. У твоих ног, свесив набок розовый мокрый язык, тяжело дыша и пуская изо рта пар и тягучие слюни, сидела большая лохматая собака породы ньюфаундленд. Она, наверно, давно умерла эта собака. К сожалению, я не помню её клички, и с моей стороны это свинство — она так радостно лаяла мне навстречу и виляла хвостом как доброму приятелю. Она была очень славная эта собака. Ведь девочек, пусть и без пяти минут выпускниц английской спецшколы, родители в такое время одних на улицу не пускают. А с большой породистой собакой — дело другое, с ней не страшно даже ночью. И мы гуляли без страха. По пустынным улицам и переулкам, по тёмным ещё не просохшим от растаявшего снега извилистым дорожкам лесопарка. И собака нам совсем не мешала. И послушно ждала у дверей, когда мы заходили погреться в какой-нибудь плохо освещённый подъезд. Собака, конечно, давно умерла...

Ты сказала, что некоторое время не сможешь приходить. Скоро выпускные экзамены, и тебе нужно готовиться. У тебя ещё вся жизнь впереди, и я обязан это понять. И нечего так смотреть. На свете есть вещи, которые нельзя изменить. А собака она всё равно очень старая, и ей будет только лучше. В общем, ты больше не придёшь. Летом вы уезжаете в Канаду, навсегда, и ты должна обо всём рассказать родителям, чтобы они успели найти тебе хорошего врача, пока не поздно.

Я посмотрел по сторонам. Всё было, как тогда, как всегда: слева лесопарк, справа дорога и дома. По дороге проезжали машины. В окнах домов горел свет. В лесопарке было пусто и сумрачно. Снег уже сошёл, и от этого лес казался ещё мрачней. Из него, как из погреба, тянуло сыростью. Я поднял воротник пальто, сунул руки в карманы и с хрустом сжал кулаки. Перед глазами всё поплыло, задрожало. И вдруг — словно кто-то погладил меня по щеке. Я огляделся — никого, только голые ветви кустов и деревьев приветно покачиваются на ветру...

Вот опять и дождался весны.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Говорят, лучше писать о том, что видел и хорошо знаешь: «Тогда получится жизненно и общедоступно, и вас, молодой человек, наконец-то, станут печатать и, не исключено, даже читать». А что я видел и что по-настоящему знаю? Разве то, что сейчас раннее утро и я стою у окна и курю, по привычке аккуратно выпуская дым в открытую форточку.

В комнате совсем тихо, безжизненно, и каждый звук с полупустынной улицы отдаётся в голове ноющей болью. Бодро чирикнул воробей и упорхнул, качнув тонкую нервную ветку клёна, унизанную остренькими едва проклюнувшимися листочками; сдавленно взвизгнула и мгновение спустя хлопнула дверь подъезда; пикнула сигнализация соседского джипа; по шоссе, в отдаленье, проехал автобус и скрылся за перекрёстком с глухим сиплым гулом, как если бы кто-то сонно вздохнул и заворочался под одеялом...

Я невольно оглядываюсь. Из глубины комнаты на меня смотрит так и не убранная со вчерашнего вечера уродливая самодельная ширма, отгораживающая угол, где стояла детская кроватка. На полу валяется забытый тобой почти весь выдавленный, скрюченный тюбик с кремом для рук. И в сероватом утреннем свете тускло и бессильно горит моя настольная лампа.

Наверное, всем так будет лучше. И потом — надо же ведь как-то жить! А он добрый, надёжный, перспективный, говорит, что любит и будет заботиться, да и Сашка, пока маленький, быстро к нему привыкнет. Наверно... Тебе, как всегда, виднее.

Солнце ещё не показалось из-за новенькой многоэтажки, грозно возвышающейся над нашей хрущёвкой, и в прохладном свежем воздухе висит лёгкая призрачная дымка, нежно окутывая двор, дома и деревья.

Редкие прохожие, срезая путь до автобусной остановки, идут напрямик: через куцый, робко зеленеющий газон, перешагивая его погнутую и недавно подкрашенную ограду, вдоль сиротливой детской площадки с оборванными качелями и песочницей, в которой клубком свернулась облезлая дворняга, и дальше, мимо помойки, — к низкой сумрачной прямоугольной арке, снизу до верху исписанной и разрисованной.

В помойке копается нищий. Он всегда появляется в этот час. Сутулый, худощавый, мелким торопливым шагом огибает

двор, толкая перед собой скрипучую детскую коляску, куда складывает всё, что удаётся найти. И если в шесть выглянуть в окно, увидишь его склонённую над вонючим ржавым баком красную вязаную шапку-петушок с крупными грязно-белыми буквами RUSSIA, в любую погоду натянутую по самые брови. А если будильник не прозвонил и сквозь сон слышно, как мусорщики с металлическим грохотом опорожняют баки, значит, нищий уже ушёл. Он приходит строго в одно и то же время, чтобы спокойно покопаться в полных баках. И ему неважно — видит его кто-то или нет. Самое главное — успеть до мусоровоза. Тогда можно передохнуть и не спешить к другой помойке...

Передохнуть и не спешить... И затушив сигарету о зазубренный край консервной банки, я возвращаюсь к столу описывать раннее весеннее утро.

ПАСХА

«Земля ощетинилась первой зеленью». Нет, не то. «Молодые листочки показались на ветках, словно вражеские копья на горизонте». Опять не то. «Газоны, клумбы и кроны деревьев были расшиты изумрудным бисером...» Вот так всегда с началом рассказа: ходишь-бродишь вокруг да около, кружишь по городу — ждёшь подсказки. Что это — старый тополь скрипнул или потайная дверь? Дрогнула тень или мир покачнулся?

Переулки, бульвары, проспекты. Слоняясь по Москве, я добрёл до Новоспасского монастыря. За воротами было тихо и безлюдно. Монастырский двор, начисто выметенный и выбеленный, напоминал девичью комнату. Солнце заливало ухоженные цветники и присыпанные гравием дорожки. В глубине двора одиноко стоял молодой высокий монах, неотрывно глядя куда-то поверх куполов. И лицо его светилось тихой радостью и тихой печалью. Я невольно поднял глаза. Не знаю, что я хотел там увидеть, в этом головокружительном весеннем небе. Себя ли десять, двадцать лет назад, только другого, каким мог бы стать, но уже никогда не стану? Отца и мать, ещё молодых и счастливых? Деда, прадеда? Все древние народы, живущие в моей крови? Не знаю, в прозрачном океане лазури не отражалось ничего.

В церкви шла служба. Глубокий полноводный голос затоплял высокие своды, откуда на меня неотступно глядели строгие глаза. «Иже еси... да святится имя Твое...» — механически повторил я и замолчал. Заученные слова безжизненно затихли на губах. Я покрестился недавно и в храме ещё как-то терялся и всё больше косился по сторонам.

Старушки с восковыми лицами, рассохшиеся старики, юродивые и калечные крестились размеренно, торопливо, истово. Мальчик засмотрелся на Богородицу. Заплаканная девушка в чёрном платке поставила свечку за упокой, свечка затрещала, брызнула искрами, став на миг бенгальским огнём.

Служба кончилась, и тот же полноводный голос прозвучал уже буднично:

— Братья, помогите расставить столы для праздника.

Несколько мужчин потянулись за плечистым монахом, этаким Ослябей. Побрёл за ними и я.

Мы прошли во флигель, миновав просторный зал, где богомолки молча красили пасхальные яйца и покрывали глазурью куличи, расставленные на длинном столе, как матрёшки, от мала до велика. Всюду был разлит сладкий запах сдобы. Я подумал, что всегда хотел написать рассказ полный такой же безмятежной невесомой сосредоточенной тишины и сладких тревожных весенних запахов.

Разбившись по двое, мы носили парты из классов воскресной школы и ставили в ряд на улице. Все шутили, смеялись. Мой напарник молчал. Кто знает, может, вот так же молча волокли бы мы с ним баржу по Волге, или таскали брёвна на лесоповале, или катили тачку на рудниках... Я смотрел на его ничем не примечательное широкоскулое лицо, и глазам открывалась бескрайняя степь, пустынная и загадочная. И казалось, это не старые развинченные парты поскрипывают, а запряжённая клячонкой-тоской телега катится по степи, увозя меня куда-то далеко-далеко. И ни души вокруг.

Я немного замешкался и отстал, а войдя в класс, увидел, что к моему напарнику подошёл один из носивших, взялся за край парты и бодро выпалил:

— Ну что, взяли?

— Нет, извини, — тихо и твёрдо прозвучал ответ, — я ношу с ним.

И кивнул в мою сторону.

Парты поскрипывали, телега катилась, но теперь в ней сидели уже двое.

Купола сияли багряным золотом, и тени под монастырской стеной наливались тьмой. На ум всё приходили книжные описания заката: «огненная река», «огнедышащий дракон», «кровоточащая рана», — и с грустью вспомнилось, как жадно стремился я раньше придумать что-нибудь ещё багряней и закатистей.

Ослябя поблагодарил за помощь, поклонившись в ноги, и пригласил назавтра на пасхальную службу. Мы потянулись к выходу и за воротами разбрелись кто куда.

Переулки, бульвары, проспекты. Ветер ластился и манил таким родным и забытым весенним теплом, а у меня перед глазами всё стояло широкоскулое ничем не примечательное лицо. Но скоро черты его потускнели и растаяли в воздухе, в памяти, в пустоте.

«Изумрудный бисер рассыпан — не собрать, вражеские копья нацелены на меня...» Не то, не то, опять не то. «Брат мой, мне так страшно в этом мире. Брат мой, я так одинок».

Татьяна ГРАУЗ

ЛАСТИК ДОЖДЯ

детская песенка дождик
хлястик на курточке старой
не дожидаясь ответа
солнце тюльпаны целует

точное время как ветер
сломанных стрелок уколы
в лужице — сонные капли
склёвывает синица

ЛЕГЧАЙШИЙ ВЕЧЕР

припекает
и облака бегут невозвратимо
сияют прощальным светом

и будто снова
опять ты в пятом классе
заросший Бог весть чем забытый школьный двор
и снова видишь
учительницу с рыжей чёлкой
она качается на тонких каблучках
и объясняет разницу
между сурепкой пижмой девясилом

НАД ПРОШЛОГОДНЕЙ ТРАВОЙ

в увеличительной линзе — вербное воскресенье
дети траву прошлогоднюю поджигают
а над ними стоят как замороженные облака
и кириллицей алой застыло название
кинотеатра «Родина»
над свежим газоном где были когда-то могилы
над омертвелой травой в кардиограмме тропинок

в воздухе сером цветёт растревоженная душа

ВЕТКА СИРЕНИ

среди пустырей — озеро заболоченное
узкая дамба камыш
домики с плоскими крышами
запах сирени весной
в окна настежь открытые
звук самолёта в мутном небе степном
когда меня вовсе не будет
останутся эти пыльные далёкие вязы
сухая потрескавшаяся земля
и ветка сирени
в стакане прозрачном невозвратимого детства

* * *

спускаясь по лестнице
вдыхаю свежесть побелки
(как в детстве когда-то)
и радуюсь
выйду на улицу пятилетней

* * *

волосы скрутила
тугой зелёной резинкой
и будто забыла о счастье
когда распущу
может — вспомню

СИЯЕТ

мне кажется в окне сияет что-то
и тополь старенький как будто ожил
и дальний свет опять как будто ближе
и будто плачет что-то
в лёгком смертном сердце

СОЛНЕЧНОЕ

а душа моя
будто на цыпочки встала и тянется
тянется к тоненькой свечке
медовой и солнечной
лёгким и тающим — «благодарю»

Владимир **ГЛЯНЦ**

ВРУБИСЬ, ЧТО ТАКОЕ ХОККУ...

Есть в бывшем Елоховском проезде уютный ресторанчик «Разгуляй». Здесь спустя пятьдесят лет после окончания школы мы встретились с нашей удивительной учительницей литературы. Ее появление в нашей ученической жизни было ошеломляюще ярким. Я не верил своим ушам. Как, это урок литературы? Не может быть! Он должен быть тоскливым, предельно скучным, и вдруг...

В прежней моей школе в отношениях учителей с учениками царила вечная зима. Словно кто-то, очень строгий, каждое утро проводил накачку преподавательского состава: ...И действуйте только согласно инструкциям РОНО. Никакой близости с учениками! Немедленно пресекайте со стороны учащихся все попытки фамильярного обращения. В отношениях с учащимися не должно быть ничего личного! Помните, у некоторых так называемых учеников усы скоро с вот эту швабру будут. Расслабитесь — будете им за водкой бегать!

Как-то я Галке стал нахваливать Наталью — нашу преподавательницу по литературе. В ее манере вести урок чувствовался не обычный учитель. Чувствовалось, что она сама — человек той высокой культуры, о которой рассказывает. В ее рассказах о литературе всем хватало места. Кроме имен писателей часто мелькали имена художников и композиторов. Видимо, и живопись, и музыка тоже ей были не чужды. Однажды для классного сочинения она дала нам такую странную тему, как будто мы не ученики обычной, никак не профилированной школы, а абитуриенты Литературного института. Каждому был выдан маленький листочек, и на нем — всего три строчки. Перед тем, как нам окончательно окунуться в чернила, Наталья обратилась к классу с такими словами:

— Друзья!

Характерно ее обращение к нам. Не «товарищи», не «братцы-кролики», не «господа», а «друзья».

— Друзья! Перед каждым из вас лежит листочек с трехстишием. Это классическая японская поэзия, очень древняя, в образцах великих мастеров прошлого. Она не всегда проста для понимания. Над ней стоит подумать, и тогда вам откроются удивительные тайны нашего мира. Для того, чтобы писать поэтические миниатюры, требуется особое призвание. Слишком мало на такое трехстишие отпущено слов. Следовательно, это должны быть тщательно отобранные слова, что дает подобной поэзии печать особой изысканности. Такие трехстишия называются «хокку». Вот вы и узнали первое японское слово, и хорошо, что этим первым словом стало слово культуры... Каждый, подумав, напишет, что он думает об этом тексте, как его понимает. Не более одной страницы, можно и меньше. Начинайте!

Я прочитал свое хокку:

О, не топчи, постой!
Здесь светляки сияли
Вчера, ночной порой.

И все? Какая досада! Что же можно об этом написать? Страничку... Я и двух слов не напишу. Что там? «О, не топчи, постой»! Ну, и что? О, не топчи... О, не топчи... Что не топтать-то? Что, что? Траву, наверно... А кому он говорит-то? И откуда он знает, что вчера они сияли, светляки? Он тут что ль вчера уже был? Шлялся тут, наверное, в полном одиночестве? А они ночью-то и светили, и отлично были видны, до того яркие, что и ступить нельзя. Везде они. Темная, безлунная ночь, и без них был бы полный мрак, и страшно и уныло. Потому их так много, и они, не горя, горят. Но если переключить зрение и увидеть не массу крохотных огоньков, а один — единственный. Он так мал — меньше точки в моей тетради, но зачем и кем он сюда назначен, я не знаю. Это его тайна. Кто ж осмелится на него наступить?! Нельзя тут ходить, но и не видеть, не знать ничего об этом сиянии тоже нельзя. Мы же вместе живем, одновременно. Мы — современники. В темные, безлунные ночи он вместо луны. Он не может ее заменить, но их — его братьев много, и потому человеку и зверю в этой кромешной тьме немного светлей и утешней. Что там дальше? — «Вчера, ночной порой». Вчера поэт был здесь ночью и видел их. А сегодня пришел днем и не один, а, может быть, со своей девушкой? Светляков не видно теперь, при свете дня. Она их не видит. И только ее друг, поэт, знает, что они по-прежнему здесь. Значит, поэт видит невидимое? Ни для кого невидимое видит один поэт и делает его видимым для своей девушки и для всех нас. И только он может сказать ей днем: «О, не топчи, постой»! Он знает таинственную сторону природы. Но только это не тайны кладоискателей, авантюристов и отравителей, и прочая мура. Это хрупкие тайны нашего обычного мира.

Когда я на следующем уроке получил свой листочек, там снизу было приписано красными чернилами: Вы увлеклись и не заметили, что называете современником светлячка, который сиял и отсиял восемьсот лет назад. Но это мелочь. 5.

Представляешь, — сказал я Галке, — я надеялся хотя бы трояк получить. А тут вдруг пятерка за какие-то десять строчек! По полбалла за строчку. Нет, Наталья — не от мира сего.

— Конечно, не от мира, — сказала Галка. — Я ее лучше знаю. Она же у нас классная. (В то время у каждого класса был свой классный руководитель).

— Да ты что! Вот повезло!

— Еще как повезло. Она совсем необычная. Мы ведь у нее часто дома бываем. Представляешь? Всем классом.

— И что делаете?

— Как что, чай пьем, разговариваем.
— О литературе?
— Да Бог с тобой. Обычные разговоры. О жизни. Только очень честные и откровенные. Так как с ней с кем-нибудь из взрослых поговорить... Я себе плохо представляю.
То есть в нарушение всех строжайших инструкций РОНО налицо позорное сближение с учащимися. Невероятное амикошонство, больно бьющее по высокому статусу советского педагога. После всех этих совершенно никому ненужных объятий, где теперь авторитет и престиж советского учителя?.. Если в нашем сообществе появились такие белые вороны, которые готовы обрушить всю систему воспитания, возводимую десятилетиями, надо их брать на заметку, очень серьезно разговаривать с ними, а при сопротивлении — безжалостно отчислять. Учитель не должен быть любим учеником. Песталоцци, Ушинский, Макаренко... Все это, знаете ли, слюнтяйство и прекраснодушие. Если бы мне кто в свое время сказал, что ученики ко мне неравнодушны, я бы со стыда сгорела б. Единственно надежный фундамент наших отношений с учеником — страх и дисциплина! Только такой здоровый фундамент не подмоют тухлые воды буржуазной пропаганды.
Однажды мне Галка похвалилась:
— А мы сегодня прогуляли.
— Как прогуляли, кто? — в тревоге спросил я.
— Кто-кто. Не кто, а всем классом. Ведь одного или двух обязательно накажут. Но кто же будет наказывать целый класс?
— Ну, и дурачье! — изумился я. — Вы наказали не класс, а всю школу.
— Это еще почему?
— Потому что, ты права, одного и накажут. Класс прогулял, а кто виноват? Классный руководитель. То есть Наталья.
— Да, ладно, не переживай ты так. Все рассосется.
— Хуже для нее вы не могли придумать. Она и так слишком выделяется из серой толпы преподов. Умна, образованна. Стильно одевается. Курит. Но не так, как курят другие, сломленные жизнью училки, а как современная цветущая и красивая женщина. Я не думаю, что у нее в этом коллективе есть друзья. Зато не сомневаюсь, что есть завистники.
— Да что ты завелся? Увидишь — все обойдется.
Если такой коллективный прогул кем-то зачтется в школярские подвиги, я первый буду против. В таком «подвиге» нет мужества преодоления себя, нет самоотдачи, жертвенности, есть элементарное желание уйти от порки. Потому он и коллективный, что — трусливый. И что это за подвиг, в котором нет героев?..
Не думаю, что наш наилиберальнейший директор так уж безусловно подчинялся всему канцелярскому творчеству, исходившему в виде директив и предписаний из РОНО и ГОРОНО. Но и ему, как видно, не под силу было замять и замазать прогул целого класса...
Лишь пятьдесят лет спустя, во время нашей встречи с Натальей Георгиевной Соколовой я узнал, что учительское сообщество не прогулом было возмущено. Тут я в своих предположениях ошибся. Дело было в том, что время от времени Наталья давала материал, которого не было в программе. Вот, например, темы двух ее уроков для старшеклассников. Лирика Александра Блока. Поэма А. Блока «Двенадцать». Если учесть еще данную нам «Японскую поэзию», то это уже три отступления от программы. А Программа в то время была незыблемым догматом, с ней нельзя было вести себя по-свойски. Она подлежала безусловному выполнению, и — никакой самодеятельности! Можно было, конечно, в графу журнала, где выставлялась тема урока вместо, скажем, «Лирики Блока» написать «Гражданская лирика Некрасова». И все было бы шито-крыто. Но чтобы заметать следы, надо для начала признать себя преступником. Наталья себя преступником не признавала. Но эту нехватку восполнил обнаруживший нарушение завуч. Не думаю, что он был лично настроен против Блока. Но как человек старшего поколения, был не так чувствителен к маленьким фальсификациям. Бюрократический закон того времени требовал одного — правильных, хорошо отработанных документов. Хотя закон жизни признавал, что в любом деле есть большие и меньшие нарушения. Но проверяющие не по производству ходят, они в бумагах роются.
Таких ЧП в инстанциях ждут, как ворон крови. Наталье дали довести до конца этот учебный год, но новый начался уже без нее. Съели.
Однако что бы ни происходило на закрытом педсовете, где ее чихвостили, хотя она была не из тех, кого можно элементарно отругать — этому мешала дистанция короткости, которую не ей, а она назначала, — что бы тот педсовет ни постановил, из школы она не вышла потухшей и сломленной. Все та же точеная фигурка, прямая спина, щегольской костюм, приветливость во взгляде ясных глаз. Человек, получивший настоящее, крепкое образование всегда имеет фору перед узким предметником. Через два месяца Наталья Георгиевна уже водила экскурсии по Третьяковке. Впоследствии сделала научную карьеру, «остепенилась», стала искусствоведом, еще позже стала Хранительницей Отдела русского рисунка. Неизвестно какому богу она была принесена в жертву. Наверное, богу серости и рутины. Слишком ярким пятном она была на сером. Слишком много желающих было это яркое пятно погасить...
Прошло пятьдесят лет, и, конечно, многое забылось. Но куда крепче обычной памяти память сердца.
Это почти невероятно, но каждый из тех, кто пришел на нашу встречу, помнил свое хокку...

Николай ГРИЦАНЧУК

ДВЕРЬ ПОЖАРНОГО ВЫХОДА

* * *

Заголять выкрутасы зимы,
порой скользя,
балансируя под сосульками,
плечом к плечу с филологами-соседями –
знатоками русского языка,
изгоняющими беса
из словарей иноязычных слов,
без допуска
снегирей и ангелов
к лиловой печати ветеринарной службы

* * *

Картину подвесили, как добытую.
Свеже выть
на болеутоляющих таблетках,
лепить сибирские пельмени «Цезарь»,
на последнем ковчеге
доставить в бургузинский заповедник
предтечу западноевропейского натюрморта,
где жизнь обширней и пустынней
для схимы и подвига,
чем количество медведей
и территория Германии
в целом.

* * *

Изгои европейской политики
Нищие и нагие статуи
Лакаон и его сыновья
В толпах демонстрантов
С коктейлями Молотова
Соблазнов освобожденного змия
Бессердечных спазмов Тибра
Солнечного сплетения всемирной паутины
Вышли на арену
стотысячного выя

* * *

Сквозь угольный разрез
К огню паровозной топки
Чаепития на веранде
Мимо огней полустанков
Сожженного романа Введенского
Страхом жены
Над болью представить заживо
Причину смерти
Кобры или поганки

Скорее убийство поездом
На электрической тяге
Падающей воды

* * *

В садах Эдема
Предполагаю сыро

Испытания одинаковы
Везде похожи

Полоса препятствий –
Голоса любимых

Грехов косметика
Заплечной кожи

* * *

Светает
Дома отделяются от неба
Люди в домах отделяются от снов
Словно кости от теплой плоти
Жители от зимнего города
Дневник от читателя
Хлеб
Питающий жизни
От желания превратиться
В тело господне

* * *

Церквушка – колибри замоскворечья
Колотушка медового звона

Её охаживает
Дубовый веник сквера
В сумасбродной городской парилке
Продавцов мороженого

Потенциальных пророков
Неопалимой купины горящих путевок
На внутренние маршруты
Семи холмов метрополитена

* * *

Предгорие
Тонометра накачка
Вскипает газировкой виноградника
Листвы электроподжиг
Березы топорище закалить
Набить клинок рояля
Звучит мотив
Пролог боев без правил
Пейзажа ранней осени

Касание и гулкий звук
Бокалов болевой прием
Подвального разлива

Выкашивается нива

* * *

Когда умрут близкие,
И те, кто тебя окружал,
и ты сам,
Будет казаться,
Что боль исчезла
Безвозвратно...

Болеть будет у тех,
Кто продолжит жить.
А если, все же,
умрут все,
Останется
боль безразличия

ни для кого,
тем более ни для бога.

* * *

Сбежавшее молоко встречи
Горелый закат
Сквозь сизую дымку
Горлицы
Букового леса
Стрела указателя направления
С ядом красавицы Венеры
В охоте на межпланетные зонды
Касаний
Взглядов
Перешептываний
И стука в дверь
Пожарного выхода

* * *

Автомат не работает
Заклинило
То ли билеты закончились
То ли перекос
Перед спуском в метро
Кассир-перевозчик
С красным
лицом
напоминающий революционера-кочегара
в угольной шахте
в глубоком скворечнике
для нерпы
под Христом

* * *

В цвету черешня
Капитуляция зимы
Какаду безжалостного солнца
Под покровом богородицы
В себе
бутон гладиолуса
Багряно-синий
словно российский флаг
В чехле

* * *

Умер
Обидно
Так и не увидев моря

Стою на берегу
Но море велико

Преодолеть

Наверно
также горько
умереть

* * *

ниспослана зачем-то смерть
когда она нужней?
наверно, до рождения

Владимир КОРКУНОВ

ОБ АЙГИ

I

Я не напишу об Айги.

Юноша с лезвием во рту захлопнул книжку и отбросил ее. Он был двуликим — подобно глазам Геро, отражающим день и ночь. Только отличался сущностями, теми внутренними параллелями, которые куда-то уходили и никогда не пересекались.

Я подобрал книжку в надежде понять, что вывело юношу из себя. *А розы...*

* * *

Этой весной троллейбусы реже наезжают на лужи, чем осенью, и теперь несут меня, не забрызгивая брюки и френч. Я держу книжку Павича — роман о Геро и Леандре, который мне привезла, сопроводив словами: «Мы слишком разные, чтобы ты смог читать это», девушка, удивительно похожая на Геронею — героиню романа, чья отрезанная голова кричала мужским голосом. Впрочем, девушка не этим походила на Геро (даже грудь у нее не была усатой), но она знала, что в мире больше красоты, чем любви.

Я читал Павича и никак не мог понять, как иррациональность слов и образов находит в точности свое, измененное под одинаковым для всего мироздания углом, место. *О розы.*

* * *

Книжка, валявшаяся в том углу кровати, на который утром ложится солнце, а вечером отражается тень женщины из соседнего дома (которая или смотрит телевизор, или подходит к окну), оказалась томиком Геннадия Айги.

Я не раз пытался приступить к нему, читал то так, то эдак, улавливая слабое шевеление вселенной (а на слух так и вовсе — шатание) или смутно различая трехмерную картинку — как бывает, когда еще не научился их разглядывать, но продолжаешь ломать глаза, уже не в состоянии *видеть.*

Впервые я держал в руках книгу Айги в покосившемся домике — полуберлоге-полумастерской на берегу Волги. Хозяин — полубирюк-полугений, показывал мне альбом, в котором каждая страница отражала то самое слабое шевеление и смутно различимую картинку. Айги шевелил Вселенную словами, а хозяин не берлоги и не мастерской — красками. Только Айги красками раздвигал пространство, а мой собеседник его сжимал границами холста. *И розы...*

* * *

В какой-то момент я ощутил сильное беспокойство. Женщина из соседнего дома устроилась на уголке кровати, троллейбус зацепил рогами края лужи, а я, держа в одной руке Павича, а в другой Айги, увидел, что книги наклонились друг к другу. Из Павича выпала страница и приклеилась к полу — ровно к тому месту, на которое падала тень от сидящей на кровати тени женщины.

Юноша с лезвием во рту отвернулся к стене, а я перелистывал страницы Айги, ненадолго задерживаясь на каждой, и видел в них отголоски происходившего вокруг. Комната наполнялась голосами, звуки отражались от предметов, пролетая лишь сквозь тень женщины, чуть замедляя полет, иррационализируясь и возвращаясь обратно. *Смысл без подробностей — прост!* Смысл прост без подробностей! И тут я взглянул на оторвавшуюся страницу (часть о Геро на странице 84): *«Здесь нет никакой тайны... Для того, чтобы сохранить мастерство, нужно ежедневно упражняться не менее трех часов...».*

II

Мне было интересно, что видят в свободном от несвободы мире (перефразируя Евтушенко) Айги те, кого избирают его стихи. Я уверялся с каждой страницей, что человек не может *сам* их избрать. Как тот юноша, сущность которого перебиралась через параллели, стоило ему сменить один бок другим во время сна, не мог избрать для себя мир Айги, как все другие, пытающиеся выпить его стихи из несуществующей емкости. Потому что их нельзя пить, в них можно погрузиться. Как свет погружался в тень женщины, которая сидела на кровати, в то время как ее реальная сущность уткнулась в телевизор, как сущность юноши, пытаясь перескочить параллели, споткнулась о страницу Павича, лежащую на полу, как та девушка, которая была красивой изнутри и одинокой снаружи, и с каждой страницей все больше напоминала Геро. *Подходит к окну.*

* * *

Я не смог перевернуть страницу, на которой под красным колонтитулом «Время оврагов» скрывался текст «О девочке и о другом». Я проходил не в другое пространство, даже не в подпространство, я словно перевернул в себе Павича и сущность комнаты, которая становилась то реальной (и тогда сущности юноши заменялись двуличием, а тень женщины опасливо косилась на кухонный нож, а в комнате дома напротив завешивались зеркала), то иллюзорной, в которой они были отражением дня и ночи, сошедшимся и никак не могущим разломить печать четырех монахов.

Поиск, на который меня толкал (я в этом теперь уверен!) Айги, не имел смысла, это был обманный путь, на который он отправил немало старателей, отмывающих от слов крупицы смысла, тогда как смыслом были сами слова. Потому что нельзя избрать путь, который не хочет избрать тебя. *Чтоб отступить от окна.*

* * *

В конце концов троллейбус — окативший мои брюки, но пощадивший френч, — когда мы мчались к метро, подсказал выход из того лабиринта, в который я сам себя загнал. Разгадка иррациональности вовсе не в иррациональном подходе, а в том состоянии мира, которое скрывается в тебе, в тех кирпичиках, параллельных, тенях и внешнем одиночестве, что не заполонены образами, звуками — они могут совпасть со словами или не совпасть. Поэтому обрушился хилый умозрительный ряд, когда мне показалось, что стихи, шевелящие пространство за пределами рамки, которой ограничивает свой мир не только хозяин берлоги, не художник и не бирюк, а все мы под действием догм, поведения, шаблонов, как огня боящиеся когнитивного диссонанса и прочих помрачений рассудка, сами избирают читателя. Чтобы почувствовать вкус музыки, нужно уметь играть на всех инструментах.

Я не напишу об Айги.
И тем более — о Павиче.

Москва, март 2011 года

Наталья **ВАНХАНЕН**

ОТЗВУК ЗАЗЕРКАЛЬНЫЙ

ПИКНИК

Соцветия сирени,
горячий дух из тьмы.
Уходят люди-тени,
пока пируем мы.
Взвивается шутиха.
Гремит вдали состав.
Уходят люди тихо,
ни слова не сказав.
Так уезжают с дачи
в вечерний поздний час.
С дороги, не иначе,
оглянутся на нас.
Запомнят в хвойной раме
мангалов нежный дым,
где все мы за столами,
бесплотные, сидим.

* * *

Не рубите человеку
хвостик радости!
Пусть он машет им, как хочет,
хоть по младости.
Не рубите человеку
хвостик смелости —
пусть его он поджимает
сам по зрелости.
Без него он, бедный кочет,
виду голого.
Пусть уж сам он, как захочет,
сложит голову.
Вправо-влево всем поклонится
с помостика —
не рубите человеку
только хвостика!

НЕВЕЗУЧИЙ ПАССАЖИР

Невезучий пассажир,
опоздавший на «Титаник» —
обронил он мятный пряник
и глотает рыбий жир.
На молу настил дощат.
Чайки дразнят диким криком...
О везении великом
все газеты сообщат.
Но пока на них наскочит
и прочтет в один присест —
он всего себя изъест
и упреками источит.
А прочтя, припомнит ту —
в клетку плед, а платье ало,
что, шутя, ему махала
и смеялась на борту.

* * *

«Отче наш» написал от руки.
Поскрипел основанием стула.
А дошел до известной строки —
«Не оставил ли дóлги?» — мелькнуло.
И помельче чуть-чуть, покруглей,
под молитвою вывел красиво:
«С Маньки стребовать сорок рублей», —
всё равно она спустит на пиво!

* * *

День передпасхальный,
невеселый вид,
постный и печальный
колокол звонит.

Отзвук зазеркальный —
с четырех сторон
чистый и печальный
раздается звон.
Словно на продажу,
вдумчиво, как встарь,
тонкий карандашик
пробует хрусталь.
Цел или надтреснут
выбранный предмет?
Вправду ли воскреснут
завтра или нет?
Теплыми зверьками
за руки, вдвоем,
мы между ларьками
в сумерках идем.
И надежду прячем
в самой глубине,
в сердце дребезжащем,
с трещинкой на дне.

***Александр* ИВАЩЕНКО,** *Новороссийск*

БУДЯ ИЗ БАРАКА НАПРОТИВ

Картинка детства

Будя — странное существо. Без возраста. Без имени. Без пола. Немытое. Нечёсаное. Лохматое. Шепелявое. И — доброе...
Бродит день-деньской по двору — туда-сюда, туда-сюда, подбирает всяческие бытовые ненужности — обрывки газетные, фантики конфетные, баночки, коробочки — и нянчится с ними. И ещё — бубнит себе под нос для постороннего уха совершенно непонятное: бу-бу-бу... бу... бу-бу... бу-бу-бу-бу...
Спросят его:
— Будя, ты про что будякаешь?
А он в ответ:
— Про всё.
— А про что — «про всё»?
— Про всё-всё... Про день и про ноць... про море, про небо, про горы... про собаську Мальцика... про травку зелёную на поляноцьке.... Про бабуську Люсю и маму Катю, которую бомба убила... про цветоськи в полисадниське и про соседа Герасимовиця... — Будя на секунду задумывается и, блаженно улыбаясь, добавляет к уже перечисленному. — И про то, какой хлебусек вкусный... а водиська холодная...
— А ещё про что?
— А есцё про будусцее... про то, как там хоросо-хоросо будет... в будусцем...
— Очень хорошо?
— Оцень-оцень... Вот придёт оно — сами увидите... — глаза у Буди наполняются такой искренней верой, таким искренним оптимизмом, что не поверить ему просто невозможно.
— А там ***всем*** хорошо будет? — допытываются спрашивающие.
— Всем-всем... — улыбается Будя... — И Буде хоросо будет, и бабуське Люсе, и маме Кате, и собаське Мальцику... и тебе... и соседу Герасимовицю... и другим... всем-всем...
— А когда оно наступит... это будущее?
— Скоро... оцень скоро. — Серьёзно отвечает Будя.
И снова расхаживает по двору — туда-сюда, туда-сюда, и бубнит своё, только ему понятное: бу-бу... бу... бу-бу-бу...
Кругом нищета, голод, разруха послевоенная, а он, ещё более нищий и голодный, чем все мы, улыбается и верит, что скоро всё обязательно переменится к лучшему.
И всем, кто рядом с ним, тоже хочется улыбаться. И верить...
Ведь Будя обещал, что в скором (очень скором) будущем всё будет хорошо.
И не просто хорошо, а очень-очень хорошо...
И все верят.
Не может ведь Будя ошибаться.
И врать тоже не может.
Какая ему корысть врать...
Ведь Будя — дурачок. А значит — говорит правду.
А всем так хочется верить, что Будущее всё-таки будет лучше, нежели нынешнее унылое, уродливое настоящее, и что будет Оно (обязательно! всенепременно!) Светлым. Хорошим. Справедливым. Щедрым...
И — Добрым. Как Будя.

***Татьяна* ПАЦАЕВА**

ПЕРВОЗДАННОЕ СЧАСТЬЕ

* * *

Солнышко светит, речка блестит,
мячик трёхцветный над речкой летит,
блещут стрекозы, пахнет трава,
лежат на скатёрочке сыр и халва,
пикник на природе, славный пикник,
падает листик за воротник,
падает листик, шумит ветерок,
чудо, как мил этот летний лесок,
с маленькой речкой, народу немного,
жужжит вдалеке кольцевая дорога,
топорщится сыра желтеющий ромб,
тают проблемы, уходит апломб,

ведь мы не чужие, мы все здесь родня
по линии солнца и светлого дня,
мы в отпуске леса, мы в танцах травы,
в сладких узорах тахинной халвы.
Природа бормочет свой шелест и сказ,
лелея природу, которая в нас.

МОСКОВСКАЯ ЖАРА

Полуголые красотки
украшают зной-жару.
На Садовом пекло-пробки,
а в субару, как в бору,
полутень и мягкий холод,
сладко плавятся слова.
Как калач печётся город,
златоглавая Москва.

* * *

С солнца весеннего белой струей
хлещет и пенится свет,
белою пеной завис над землей
пышного облака след.
Взбитое в пену стоит на земле
кружево вишен в цвету.
Ветки раскинули в белой струе
ситцевость и чистоту.

* * *

Тоннель летел навстречу, аркадой бесконечной,
и мысли аметистами мелькали по стенам,
и в радости предвечной, в обители беспечной,
душа вращалась, нежилась и предавалась снам.

И смерть была блаженна, как дар, слепой и нежный,
как вечный праздник жизни, предчувствовавшей взлет,
как взмах волшебной палочки, барьер был взят небрежно.
Все субъективно двигалось туда, где Кто-то ждет.

А там ждала Природа, торжественно спокойна,
а там ждала Вселенная, сама в себе полна.
И шум травы достойный хор ангелов нестройный
прекрасно имитировал. В тот день была Весна.

МЕДИТАЦИЯ НА КОЛЬЦЕ

Для тверди, влаги, ветра и огня,
Ласкали и лелеяли меня
Хорхе Луис Борхес

Искрится сородич угля и графита
не хуже стихии ***огня*** золотого,
у гномов отбитый во мгле кимберлита
алмаз огранили для перстня простого.

Прозрачная жилка Земли, представитель
незыблемой ***тверди*** в стихии ***воздушной***,
подземного мира мерцающий житель
стал «чистой ***воды***» безделушкой послушной.

Сокровище гномов, усердных и честных,
горит, отражая в себе неизменно,
четыре стихии, четыре известных
в цветном уравнении нашей Вселенной.

За гранями камня, за бликов движеньем
мерцание сути его холодеет,
он мир отражает кристально-блаженным,
каков он и есть в абсолютной идее.

* * *

Лунный свет очень нежно
через окна вошёл,
оплетён орхидеей
ошарашенный ствол.
Первозданного счастья
слышу тему и смысл,
и уходит сквозь темя
предпоследняя мысль.

***Людмила* БАЙКАЛОВА,** *Краснодарский край*

В ПОЛЁТЕ

Кто я? Птица? Стрекоза? Бабочка? Кто меня придумал такую? Плоть моя тяжела. Душа в ней – комочек света. Очень мала. Боюсь, тепла ее на всех не хватит. За спиной моей – крылья. Что там крылья? Крылышки! Какой художник их нарисовал? Тоненькие, кружевные, беззащитные в своей серебристой голубизне. Узоры, узоры, плетение паутинок, нежность и хрупкость фантазии. Спасибо тебе, милый художник! Такие крылья

— самый добрый подарок. Но как они непрочны и хрупки для моей тяжелой плоти!
Вот утренний свет вдохнул в меня жизнь. Открываю глаза: небо бездонное мечтательно манит, притягивает. Облако, погоди, не торопись проплыть мимо!.. Ура! Остановилось, замерло, ждет, зовет меня! Глаза, летите, я отпускаю вас, я догоню. Догоню. Нет, плачут, — не хотят оставлять меня одну. А земля холодит спину, держит, не пускает в полет.
Не могу, не хочу тут лежать в бездействии. Не имею права. Мне о том твердит душа моя. Да, слышу, слышу тебя, мой светлый комочек. Не торопи, дай расправить крылья, дай собраться с силами. Ох! Как же тяжела моя плоть. Не оторваться от серого холода. Тише, тише, сейчас будет теплей. Вот так. Расти, комочек, согревай крылышки.

Облако, жди, уже лечу! Трудно, трудно, еще немного усилия. Все. Оторвалась от земли. Кружевные мои, прошу, не подведите, выдержите! Работают. Несут. Несут! Здорово! Мое тяжелое, неподвижное тело, словно пушинка, летит, подхваченное дуновением ветерка, исходящего из трепета и шелеста листвы! Удивительно! Чем выше, тем легче и теплей, тем светлей и ярче огонек души. Это — уже не маленький комочек! Это!.. Это!.. Не знаю, что такое Это! Просто плоть превратилась в Это, огромное и невесомое, чистое и радостное. Лечу! И облако вовсе не такое холодное и мокрое, как мне говорили лежебоки, оставшиеся там, внизу. Очень улыбчивое, даже ласковое. Я сижу на краешке, свесив ноги. Просторно и сладко дышать. А оно озорно играет моими волосами, безмятежно нашептывает о своей любви. Смотрю вниз, — голова кругом!
Там, левее выжженного солнцем холма, — глухой частокол. Не люблю это место. За прочной оградой — крыжовник. Впился в холодную серость корневищами. Проклятый! Когда-то заманил ты меня за ограду своей пышностью. А я, доверчивая и глупая, изранила свои легкие, кружевные крылья о твои цепкие шипы. Кровинки земляничной россыпью брызнули на мелкие, ничего не значащие листья. А ты не отпускал, равнодушно буравил желто-зелеными глазами мой светлый комочек. Не чувствовали твои ветки и корни горечи и горячности моих земляничин. Неужели твои ягоды так и не нальются никогда сладостью любви к жизни и ко всему живому? Избитая черствостью, я вырвалась из цепких колючих лап. На последнем вздохе одолела частокол. Упала, обессиленная, на холодную серую землю... Теперь я — далеко. Не хочу возвращаться к тебе. Не заманишь по весне робким цветением. Держи меня, облако, крепче. Я тебя люблю!
Посмотри, кто-то там замерзает в сугробе молчания. Я вижу глаза. Синие. Умоляющие. Слабые. Нет, нет! Не замерзай, живи! У тебя тоже есть за спиной крылья! Расправь их для полета! Мы ждем тебя, тут места хватит всем. Хочу отогреть тебя, живая душа. Чувствуешь? Я смотрю на тебя с нежной любовью, и на сердце твоем оттаивает ледяная корка, оно бьется все спокойней. Ближе, ближе ко мне поднимайся. Есть еще высоты не освоенные, не открытые! Вот и поднимается твоя душа выше и выше. Почему мутна синь глаз? Ты плачешь? Да, вырваться из сугроба, покрытого коростой наста, трудно, но потом... Не плачь же! Мне тоже было больно и холодно. Садись ближе. Я обниму тебя, поцелую, бархатом щек осушу слезы. Пусть синева твоя играет в лучах солнца брызгами радостной веры.
Вот нас уже двое. Давай посмотрим вокруг: может, есть еще одиночества, которым тяжело и больно оторваться от земли. Ведь крылья, если их сложить, отмирают.

Евгений **В. ХАРИТОНОВЪ**

ВОТ БЫ

* * *

видел падение звезды
засмотрелся и не успел
загадать желание
ну и ладно
ладно и пусть

а ведь когда-то и земля
осколками будет мчаться
сквозь весь этот космос
и сгорать в атмосферах
других молодых и крепких планет

интересно что
загадают эти
ино-
планетяне
завидев в ночном своем небе
рисующий бенгальский след
пылающий осколок
который когда-то был нами?

ПЕРВОЕ ТАСМАНИЙСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

вода отражает глаза
вода ласкает глаза
вода забирает глаза
вода делает тебя
морем

вода стекает в оду
в оде спит вода
вода перетекает в камень
вода засыпает и
просыпается Жуковским

ода засыпает уши
уши засыпает щебень
оглушенных гласных
гласных без гласа немых
ода засыпает и
просыпается
водой

вода говорит не бывает много
ода говорит не бывает много
Державин говорит не бывает и
выпивает воду и
выливает воду в оду
оду в воду выливает
до самого песка
и камень съедает воду

после
камень падает вверх
и под него
втекает вода
которой не
бывает много
Державин с Жуковским вы-
пивают
тасманийский закат

каменное небо непрочно

* * *

Выкрасить
потолок в черный
и засеять звездами

не мыть
не скоблить
не белить
звезды этого не терпят

тебя любить
под звездным небом
хрущевки

* * *

Робы.
Рабы
Рябы.
Рыбы как
Немы.

Не мы.

МАНТРА

вот бы вовремя остановиться и не писать больше стихов
вот бы вовремя остановиться и музыкантом быть не пытаться
вот бы вовремя остановиться и не тратить себя как критика
вот бы вовремя остановиться и понять что ты дерьмо
вот бы вовремя остановиться и начать жить сначала
и стать не дерьмом а кем-то еще
хоть кем-то хоть кем-то хоть кем-то еще
вот бы...
вот бы...
вот бы...
вот бы но жизнь так коротка и прошла почти половина
а может даже и вся
а может ее не осталось и вовсе (а может ее и не было-то ни-
когда)
и останавливаться поздно и начинать все сначала времени нет
и придется дописывать стихи
и придется вызвучивать ноты
и придется критиком быть
потерпите не много осталось
и все-таки вот бы...

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Константину Кедрову — 70!

***Ольга* АДРОВА**

ПРОМЕТЕЙ МЕТАФОРЫ

Я не стараюсь вырваться из смысла,
Смысл иногда бывает очень мил.
Раскачивая смысла коромысло,
Я мысль как воду в ведрах сохранил.
(К. Кедров, 2013)

Эквилибристами и циркачами стиха называли русских футуристов. Но поэзия Константина Кедрова и его учеников, самым явным из которых называли Парщикова, без сомнения, является самым интересным в русской культуре прорывом в будущее поэзии.

Чудны дела твои, Господи! В 1942 году, под бомбежками, в семье актрисы и театрального режиссера родился самый необычный лирик современности — поэт Константин Кедров. Его поэзия, в том числе программное произведение «Компьютер любви», созрела в диалоге с современниками. Целый огромный мир лирики и метафизики существует благодаря этому творческому кредо поэта — жажде философского диалога, а ведь эта сторона полностью ушла из современной поэзии. Там, на Западе, зрела гениальная поэзия Бродского в диалоге с Оденом и другими мощными европейскими поэтами. Здесь жил поэт, обреченный на молчание. Сильная сторона поэзии Кедрова — увлеченный спор с современниками, живущими в России, — с маститым Вознесенским или юным Парщиковым. Поэзия Кедрова строит метафизический мост в будущее. Земной образ женщины — ферзя у Парщикова, — «в пене вариантов, как ферзь точеный» — превращается в мужской образ «вьюжного ферзя» у Константина Кедрова, устремленного в вихре вьюги в новые сферы сознания.

Интересно переосмысление Кедровым знаменитого восклицания Вознесенского из одноименной поэмы «Возвратитесь в цветы!». Призыв к воскрешению земному — «ирисному» у Андрея Вознесенского: «живите ирисно! — возвратитесь в цветы!» — в поэме Кедрова «Фиалкиада» превращается в вектор прямо противоположный, тяготеющий к трагедийному осмыслению всего мирового культурного опыта человечества, где «прорастает в руинах трилистник Баженова», «все расстреляно, даже цветов аромат», а «фиалка Флоренский вросся в вечную мерзлоту». Родился поэт, обреченный на оторопелое молчание критики, которая испокон веку не поспевает за поэзией.

Например, за такой, как у Константина Кедрова:

Не говорю я с вами — я играю,
Но так играю — словно говорю,
Я клавиши рукой перебираю
Или о Боге с Богом говорю.
2012

Или с такой, как его «Гамлет в Ижорском монастыре», — потому что Кедров сумел в своей лирике впервые в русской поэзии по-новому рассказать про негаснущую радость разделенной нежности — про монастырь «не женский — неженский монастырь»,

где все зеркала звенят
от венецианской нежности
где в каждом зеркале
кто-нибудь обнажен
где падают с неба
заснеженные собаки,
а дворник Гофман
расчищает звуковую дорожку
граммофонной иглой
где колокольный жираф
тянет шею
к небесной маме...

Ближе всего к этим стихам, конечно, поэзия французских сюрреалистов, Поля Элюара и других, далеко ушедших от обычных литературных приемов старой поэзии, заявивших о новых способах «чистой выразительности» в искусстве. Но здесь, как в известном романе Достоевского, — «кому нужна сия чистота?» Все это было безнадежно далеко от России, где рос поэт Костя Кедров, основавший литературную группу «Добровольное общество охраны стрекоз», к которой примкнул Андрей Вознесенский, где поэты могли слушать друг друга. Это было примерно так, как об этом пишет Константин Кедров:

Один Медведь говорит другому
— Я — Большой Медведь
ты — Малый театр
Морда медведя обращена к Богу
Как голова Марии Стюарт...

и где играют ангелы, «даря друг другу кино».
Голос поэта развивался согласно своей чудесной партитуре, но даже в его зрелом, главном поэтическом Голос поэта развивался согласно своей чудесной партитуре, но даже в его зрелом, главном поэтическом произведении, вместившим в себя многие поэтические открытия, в том числе метаметафору, — поэме «Компьютер любви» — для этого чувства найдены самые нежные, удивительные слова: «Невеста — это лодочка для ладони...». Когда-то Анри де Монтерлан сказал, что в новом веке будут углубляться и развиваться человеческие чувства, а вместо этого стали развиваться технологии: политические, экономические, — и этот бурьян стал заглушать человеческое.
Метаметафора стала вызовом этому бурьяну. Неудивительно, что такого поэта, как Кедров, чей отец режиссер когда-то убежал в провинцию, подальше от лозунгов, заполонивших даже театр Мейерхольда (таких, как «Ребенок — будущий строитель социализма»), в начале творческого пути спасла и сберегла русская провинция от политической мишуры, занавесившей 60-е. Об этом был запрещенный спектакль Ю.П. Любимова «Берегите ваши лица». Об этом давлении Евгений Евтушенко уже на склоне лет сказал так: «все, кто мне душу расколошматили, — к е... матери, к е... матери!».

На мой взгляд, русская поэзия 21 века имеет двух гениев — Кедрова и Вознесенского. В последних поэмах Андрея Вознесенского — зрелость и страдание современной христианской души. Творчество Кедрова — зрелость души, находящейся в постоянном метафизическом поиске, для которой Христос и Будда стали метафорой:

Христос — это солнце Будды,
Будда — это луна Христа.

Мысль поэта утверждает равновесие религиозного и научного поиска:

Мысль — молоко младенца-человека,
Ей вскормлен мозг,
Кормлю лишь ею ум я.
Я славлю мысль от века и до века,
Но более всего среди безумья...
2012

Однако именно благодаря такой «трезвости мысли» русская поэзия по праву может гордиться такой гениальной метафорой Константина Кедрова:

Пространство между людьми заполняют звезды,
Пространство между звездами заполняют люди.
И лирик Константин Кедров не был бы самим собой, если бы у него даже нагота не была «распахнута в горизонт»:

Двуногая нагота распахнута в горизонт,
Никто нигде не живет, все временно проживают, —
И только корабль любви плывет через Геллеспонт:
Живые давно мертвы, но мертвые оживают...

Поэт Константин Кедров с книгой «Поэтический космос» впервые вышел к мировому читателю в 90-е годы, плавно обойдя на повороте «60-ков», «70-ков», «80-ков», и легко вписался в современность, в которой человек среди всеобщего хаоса и подмены понятий понимает, что сохранить «душу живу» помогут красота, любовь, поэзия.

НЕБО — ЭТО ВЫСОТА ВЗГЛЯДА
ВЗГЛЯД — ЭТО ГЛУБИНА НЕБА

А дальше, как высота безмерная, 1001 метафора, где

Человек человеку — ангел,
Ангел ангелу — человек.

Константин КЕДРОВ

РАСПРЯМИ СВОЙ МОЗГ

* * *
Мыслью мысль
обнимая
воздвигая к небу мост
мозг меня не понимает
я не понимаю мозг

* * *
Влияние света на совесть мысли
влияние мысли на конец света
въехал Енох в сердечную балку
отвалилась ось основного зренья
сразу увидел я
голенькую бабочку
и она
прикрываясь крыльями
отлетела
Две колеи орбит слились и распались
из середины вылетела пролетка

пролетела
завязла в небе
и заколесила
Вынул я зрачок из середины
вложил его в землю
земля прозрела
пока зрело зрение
и обволакивался глаз вышиной
я лилию лелеял
и рекла река
красота шире естества
мир озарен а душа удушена
Поглощая грядущее шел паровоз
он вез разум
но муза розы
не ум за разум
такого единения еще не знала история
стал казах казаком
а казак Казановой
выруливая я едва не опрокинулся
но вовремя предостерегся
Карательное нательное белье
надевая снимаю
обувь вечную ношу на ступнях невечных
подаю нищему три копейки зарплаты
милосердия рыбий жир принимаю
кроме совести
нет мне ни в чем корысти
авиаматка снует по чреву
Даруй мне
Господи
динозавра
даруй мне
горизонт мировых событий.

* * *

Канатоходец нот
находит ногами нить
и нити тень
разрослась в канат —
так входя в теневую даль
он упал в палитру
он лязгнул плацем
хряпнул хрусталь скелетный
и разлетелось тело
затеплилось в воробьях
затрепетала воробьиная пыль
и пыльца небес облетела
стала прозрачна
крылатая эта
бабочка ландшафтная
расчерченная жилками по эллипсу
В бабочке угасая грассирующим полетом
там Фландрия или ландкарта
многократно сгибаемая и расправляемая
над градом и миром
мраморных изгибов
Их запомнил в ласке
миллионнолетний мурлыкий мрамор
из мертвых «вы»
но мертвые не мертвы:
тоньше стало их тело
без пыльцы телесной
прозрачное и нагое
но не меркнущее в мерцании
моргающее крылами
Он давно твой — этот камень
но ты не знал что он твой.

—Конь окон—

Распрями свой мозг в извилистом пространстве —
распрямись на мозговом коне!
Хрустнули суставы, потекли —
выкатилась громкосуставная песнь,
заполняя вселенную звездными костями,
пирамиды хрустального света
низвергая в низины.
В расколотом солнце
голубой молот дробит хрусталь.
Громыхнул сиянием,
проскакал над полем
всадник серебряной колесницы,
раздробился в костях —
весь из летящего тела, наполненного теплом.
На окне иконном,
на коне оконном,
закусив удила горизонта,
скачи, конь
золотых окон.
Там тело твое стало звонким стеклом,
сияющим телом.
Чтобы тело твое добыть,
надо окно разбить,
но в окне все сияет,
ты весь оконный,
конь голубого света,
ты окна разверз за карниз,
ты — звон, вонзающий ввысь

оскал голубой.
Твое тело —
рама другого
небесного окна голубого.

—Позади зодиака—

Тебя долбят изнутри
и вот ты — челн из зыби
в глазной изнанке нет горизонта
угольный зрачок стекает с резьбы винта
небо — гаечный ключ луны —
медленно поверни
из резьбы вывернется лицо
хлынет свет обратный
на путях луны в пурпурных провалах
друг в друге алея.
Марс — Марс
каменное болото
костяное сердце
отзовись на зов.
Кто поймет эту клинопись
провалов носов и глаз?
Черепа — черепки известковой книги
в мерцающей извести зияющие провалы
твоя звенящая бороздка
долгоиграющий диск черепной
повторяющий вибрацию звонких гор.
В том извиве прочтешь
ослепительный звук тошнотворный
и затухающий взвизг
при скольжении с горы вниз
в костенеющую черепную изнанку.
В том надтреснутом мах и пристанище
ночная грызня светил.
За этой свободой ничем
не очерченный
не ограненный
за этими пьянящими контурами
проявляющейся фотобумаги
не ищи заветных признаков
не обременяй громоздким
твое грядущее шествие в неограненность
и когда эти камни
эти щемящие камни
отпадая от тела
упадут в пустоту
ты пойдешь по полю
наполненному прохладой
отрывая от земли букет своих тел.

«100»-летний юбилей Натальи Рожковой

Станислава ДОРИНА

КОШКА, КОТОРАЯ ГУЛЯЕТ САМА ПО СЕБЕ

В нынешнем году у председателя секции поэзии Союза литераторов Натальи Рожковой тройной юбилей: в мае ей исполняется 50, в сентябре — 30 лет, как она впервые увидела свою фамилию, набранную типографским шрифтом, а ещё — 20 лет назад она вступила в ряды Союза литераторов России. За это время — книги, свыше 250 публикаций в России и за рубежом, большая подборка в «Литтазете», премии «Словесность», «Традиция», им. С. Есенина, стихи вошли в антологии «Русская поэзия» XX и XXI века. На сайте, где размещены образцы школьных сочинений, в одном из них, посвящённом творчеству Анны Ахматовой, цитируются произведения трёх современных поэтесс: Беллы Ахмадулиной, Юнны Мориц и Натальи Рожковой.
Вот некоторые отзывы о творчестве поэта:
Вадим Кожинов: «Наталья Рожкова написала стихотворение, которое, пожалуй, люди предшествующего поколения не смогли бы написать: «Мы не знали победного звона / В потеплевших солдатских речах, / Мы рождались при свете неона, / В телевизора серых лучах. / У дверей двадцать первого века / Мы боимся с тобой не того, / Что он трудная, новая веха, / А что вовсе не будет его».
Лариса Васильева: «Её поэзия — как свеча на ветру — чистое пламя женской души, чья слабость — это сила, которой не отнять. В ней бесстрашие скромного подвига: войти в сады Пушкина и Блока...»
Александр Аронов: «Хорошо бы проснуться и знать, / Что никто не подложит подлянки, / Хорошо с антресолей достать свои старые детские санки». Кто выдержал бы из мужчин этот ножом режущий стих про подлянку? Хорошо, сильно!»
Игорь Блудилин-Аверьян: «Стихи Натальи Рожковой — это не просто мир, отличный от других миров. Её мир — это мир, беспощадно требующий правды и видящий правду; во всём, на что устремлён её взор. Наберёмся терпения, любезный читатель, и вместе с замечательной русской поэтессой Натальей Рожковой проникнемся ожиданием счастья грядущей весной. Поэт никогда не обманывает».
Только панихида, пожалуй, может сравниться с юбилеем по количеству дифирамбов. Поэтому, чтобы не было скучно, редсовет альманаха подослал к Н. Рожковой зубастую юную журналистку Станиславу Дорину взять блиц-интервью. Интересно, как юбилярша будет выкручиваться, отвечая на каверзные вопросы?
— Чувствуете ли вы, что Вам почти полвека?

— Основательница косметической империи Мэри Кэй утверждала: если женщина говорит, сколько ей лет, она способна выболтать любую тайну. Конечно, чувствую! Особенно когда приходят в голову сравнения с великими и просто хорошими поэтами и количественные и качественные. Однако у каждого свой путь, и больше беспокоюсь, чтобы не случилось, как сказал Владимир Соколов: «быть единственным, а написать совершенно другого поэта».

— Критик из журнала «Знамя» Елена Сафронова отмечает: «Мой собственный русский дух настраивается на волну, заданную Натальей Рожковой. Я её понимаю, откликаюсь её боли, страху, вечной готовности к битве (непременно последней!) за непонятную, но священную идею, я чувствую и мыслю, как она... Однако её умение работать со словом иногда опасно, ибо способно породить депрессию, сломить внутреннюю волю человека. Глупо советовать поэту, давно нашедшего себя, исполниться оптимизма. Но, возможно, какой-то добрый случай изменит вектор поэзии Натальи Рожковой?». Вы только в стихах такая?

— По жизни я, напротив, весёлый человек. Мой покойный муж, поэт Александр Дорин, утверждал: поскольку я происхожу из семьи кадровых военных, разрушительное начало в поэзии неизбежно.

— Вадим Кожинов в одном интервью цитирует Ваше стихотворение «Конец карнавала», и говорит об авторе: «Кстати, она очень симпатичная женщина, даже была в каком-то конкурсе какой-то “мисс”». Вы участвовали в подобных мероприятиях?

— Да, был такой эпизод когда-то. Правда, Вадим Валерианович мне польстил: я не заняла призового места на конкурсе красоты, а лишь попала в пятёрку финалисток.

— Я Вас видела на телевизионном ток-шоу «Пусть говорят с Андреем Малаховым».

— Это вовсе не «жёлтая кофта», а действительно, была интересная тема. Я снималась и в программах «Линия жизни», «Апокриф» на канале «Культура», но только тогда, повторяю, когда тема представляла интерес. Сейчас поэты редко появляются на телеэкране, и я была рада выступить в передаче «Библиотека Евгения Степанова» на канале «Диалог-ТВ», а также почитать стихи на канале «Доверие».

— Несмотря на множество публикаций, знаменитой (как Олеся Николаева или Вера Полозкова) Вас всё же не назовёшь. Почему?

— Можно ответить: «не пущали», как всякий талант, от зависти. Однако меня никто не «зажимал»! Я счастлива, что почти все мои стихи опубликованы, причём в таких полярных изданиях, как журналы «Наш современник», «Арион», «Молодая гвардия», «Кольцо А», газетах «Завтра», «МК», «Литературная Россия», «Демократический выбор». У авторов, принадлежащих к какой-либо литературной группе, больше шансов «засветиться», чем у «кошки, которая гуляет сама по себе».

— Чьё высказывание о творчестве Вам ближе всего?

— Грибоедова: «Я как живу, так и пишу: свободно и свободно». А поэтам — совет Бориса Поплавского: «Будь молчалив и чудовищно прост, будь наподобие звёзд».

НАТАЛЬЯ РОЖКОВА

ГОД ЗА СЕМЬ

1982-2012

* * *

Май. Безумной зелени облом,
Обречённость всюду и во всём,
Жизнь в свои вгрызается права
И на крыше — новая трава,
Только смерти чёрная игла
Целится в меня из-за угла,
В мае бы остаться насовсем...
Ты, поэт, как кошка — год за семь.

* * *

Мне любовь твоя нужна
Хоть без поцелуя
Приходи ко мне весна
Если доживу я
Мои песенки лихи
Только нынче спеты
Не выбрасывай стихи
Тютчев из кареты

* * *

Когда хоронила я маму
в гробу ярко-синем, как море,
и в платье таком же красивом,
похожем на цвет её глаз...
Когда хоронила я маму
в осеннее тёмное утро,
мне рядом отца не хватало,
ушедшего светлой весной.

НАВСТРЕЧУ ГОДУ МЫШИ (ИЛИ КРЫСЫ)

Крыска, шустрый носик,
Чёрненькие глазки,
Шебуршишь тихонько
В кухонном раю.
Дед — стукач махровый,
Бабка — киллер в маске,
Били — не разбили —
Голову мою.
Усиками ухо
Ты мне пощекочешь,
И мелькнёт твой хвостик
В лифте, в гараже...
И у олигарха
Если ты захочешь,
С царского камина
Кокнешь Фаберже.

* * *

Это я или нет?
Мне привиделся сон:
На далёкой звезде
Мой двойник был казнён.
Это я или нет?
Ветер голос унёс,
И опять на снегу —
Чёрный шрам от колёс.
Это я или нет?
Вместо солнца луна
На моих волосах,
И я снова одна.
Это я или нет?
Время стукнет в висок,
Опущу в полынью
Я с былым узелок.
Это я или нет?
Предназначено мне
Жить в до жути родной
И нелепой стране.
Это я или нет?
Где-то рядом — пальба,
Отчего ты ко мне
Милосердна, судьба?
Может, всё-таки — я?
Закружило листы,
И в ответ тополя
Прошептали: «Не ты».

* * *

Я одна. Только снег и луна,
Что белее из них — не понять,
Слышу, кто-то по следу идёт,
И боюсь оглянуться назад.
Но придётся замедлить шаг,
Пропустить свою тень вперёд.

* * *

Мне снились весёлые думы...
А. Блок

Все реже хорошее снится,
Все чаще — могильная мгла,
Забавная жёлтая птица
На мой подоконник пришла.
О чем ей поведать — не знаю,
Быть может, что жизнь коротка?
Мне весело птица кивает
И клювом долбит червяка.

МОНОЛОГ РЫБЫ

Меня бросит волною на белый песок,
Покорюсь бесталанной судьбе,
Пусть под жабрами след, что оставил крючок,
Узкий шрам от сети на губе,
Нет, меня не поймали, зачем же тогда
Моё море меня предаёт?
И забьюсь на песке... Ах, как близко вода,
Но меня она вряд ли найдёт.
И собратья, мгновенно забыв обо мне,
Плотной стаей сомкнутся опять,
Хорошо им кружить, играть в глубине,
Только солнца и звёзд не видать.
Будет быстро на солнце тускнеть чешуя,
И погаснет в воздушном плену.
Вот и всё. Но когда умирать буду я,
На созвездие Рыбы взгляну.

* * *

Победой прославлено имя твоё...
А.С. Пушкин

У встречных — лишь тихая злоба в глазах,
Давно позабыты улыбки,
Под ногти — до крови — затиснутый страх,
И он, как всегда, чёрный, липкий.
Осколков стекла не заметишь в траве,
Лишь мраморно кости белеют,

И спрятанный нож, как всегда, — в рукаве,
И древко от знамени тлеет.
И что-то сулит, как всегда, вороньё,
Кружит, изнывая от зноя...
Ничем не прославлено время моё,
Но мне не увидеть иное.

ПРИЗНАНИЕ

Я тебя не люблю, Петербург — Ленинград — Петроград,
Потому что сидит на игле золотой, непогоде по-прежнему рад,
Серый грозный орёл; он за каждым движеньем следит,
Здесь Есенин вошёл в «Англетер», здесь был Пушкин убит.
Перья влажны от сырости вечной, и клёкот пугает людей,
Убежать бы от страшных квадратов твоих ледяных площадей!
Чутко дремлет корабль, что бабахнул тогда холостым,
Столько судеб сгубил, превратив их в две строчки и дым!
Почему-то носил имя древней прекрасной зари,
Хоть на Запад смотрели стеклянные очи твои.
Плотник-царь, усмехаясь жестоко, здесь пот утирал,
Здесь монархов взлетали куски, караул караулить устал,
Если что-то осталось в душе моей, и в голове,
Я щекой припадаю к любимой растрёпе-Москве.

* * *

За птичьим исчезнувшим клином
Как занавес, падает ночь,
И век мой мне видится сыном,
Отчизна похожа на дочь.
Вдали от безверья и славы
Молитву шепчу у огня...
Подвижника лик худощавый
С иконы глядит на меня.

Дмитрий Цесельчук: 45 лет в поэзии

Сергей МАГОМЕТ

СОКРОВЕННЫЙ ЦЕСЕЛЬЧУК
(Опыт дифирамба)

Сразу подумал: вот бы немножко переключиться, написать под видом рецензии маленький мемуар...
Тесный такой подвальчик старинной Театральной библиотеки. Презентация новой поэтической книжки Дмитрия Цесельчука «*В рай как прежде открыта калитка*». Поэзия по-прежнему в глубоком подполье. Как в молодости. Так, вероятно, и надо: поэзия — перманентные катакомбы, удел пассионарных неофитов. И вечная юность. Рай.
Знакомо-незнакомые глаза. Хорошие. Неравнодушные. Человеческие. Несколько старых друзей. И неожиданно для одного культмероприятия — густой рой сугубо личных, очень давних воспоминаний, ассоциаций.
Кстати, первый раздел книги так и озаглавлен «Private Life». Аллюзия с англо-саксонским периодом Бродского. В переводе — «Частная жизнь». А еще точнее — «личная». Само понятие в качестве исходного концепта.
С этого и начал Цесельчук, упершись локтями в изящный, утрасовременного дизайна, как на брифингах ООН, стойку-пюпитр. В очках для «близости». Адекватно харизматичный, точь-в-точь как на новенькой обложке.
— В конце концов, это ведь нормально, — принялся разобъяснять он. Интеллигентно. Как бы оправдываясь, — это ведь еще у Пушкина о себе: я — мещанин...
И мы, литераторы, всегда себя так ощущаем. И прозаики, и поэты. Вот и у Бродского, знакомца Цесельчука в зрелые уже годы, где-то эта тема тоже обозначена.
А как насчет Боба Дилана?..
Нет, пожалуй, я бы не смог писать мемуары. Куда там рецензии. Зверски трудное дело. Чуть протрешь закопченное стеклышко памяти, а за ним сразу вспыхивают звезды, много звезд, солнце, луна, распахивается небо, бегут ручьи, пахнут почки, зеленится зелень, слышны родные голоса, смеются девушки, машут руками, танцуют, плачут люди. Как обо всем рассказать?! А ведь жанр мемуара, как ни странно, побуждает к лапидарности. Хоть бы в результате и выписались два тома «Былого и дум», как у Герцена. Но без всякого растеканья мыслью по древу.
Но у меня совершенно другое намерение. Я хочу написать о небывалом феномене. К тому же лежащая передо мной книга, не только текст, но и повод. Иногда кажется (перекрещусь), что вся наша жизнь — лишь повод. Да, да. Заявляю ответственно: случай уникальный. И, может быть — даже в масштабах всей современной литературы. Возможно, даже центральный ее эпизод. Он мог бы стать энциклопедической статьей, украшением какого-нибудь помпезного, золоченого фолианта. А еще лучше — если б вписать его в какую-нибудь Книгу Почета, вроде книги рекордов Гиннеса, но такую, где запечатлены не дурацкие сальто-мортале, а лучшие человеческие поступки, замечательные достижения духа, куда вписаны имена самых достойных.
Вообще странно. Судя по всему, я первый, кто сообразил зафиксировать этот факт для истории. А ведь с тех пор минул не один десяток лет. Да и я — отнюдь не единственный свидетель и участник... Конечно, это огромная удача! Я ужасно, ужасно этому рад. Такое хорошее, яркое, свежее чувство! Вот,

давеча от радости даже хохотал во сне. И, конечно, чувствую писательский азарт. Еще бы не ухватиться за такой эксклюзив! Пусть даже окажется, что об этом уже написали 880 литераторов, вроде меня, я, пожалуй, не сильно огорчусь. Ведь я и сам до поры до времени не писал. Как-то осело в запасниках души, пока оказия в виде презентации не подвернулась. Да и легко ли писать об основах?!.. Да, да, в свое время мы именно так именовали между собой тех, кто вызывал у нас особенное уважение: такой-то, мол, а? У-у! Что ты! Основа!.. Пусть даже 2880 человек написали. Чем больше, тем лучше! Ибо и сама история, и ее герой этого более чем заслуживают.
Итак, пишу, как оно есть.

Еще при Советской власти, но уже где-то между Черненко и Горбачевым, жизнь молодого литератора была все еще довольно сложной штукой. А зачастую, и драматичной. И это при том, что мое поколение не отличалось особой притязательностью. Не желало изысков, вроде усадеб в Ясных Полянах, домов Творчества в Ялтах или Переделкине. Чтобы писать-творить много нам не требовалось. Всего-то: чуть-чуть пространства этой самой «Private Life». Частной, личной жизни. Мне было 25, а может, 27. Кажется, у Пушкина есть наблюдение, что мужчина способен научиться чему-либо лишь до 30. А если не успел, — так дураком и помрет. Кстати, и Хэм заявлял: хочешь стать настоящим, профессиональным литератором — свой первый серьезный роман пиши до 29 лет.
В общем, я чувствовал: время поджимает. У того же Хемингуэя: чтобы написать полноценную книжку молодому писателю требуется изрядный кусок времени — не менее года, это как минимум. Притом абсолютно свободного. К тому моменту, я уже отработал положенные после института три года по распределению и без особых колебаний уволился с работы — чтобы засесть за нетленку. А в том, что напишу по-настоящему сильную книгу, не сомневался. Ведь речь шла о романе «Человек-пистолет, или Ком».
Кое-какое личное пространство у меня тоже имелось. Две комнатки в коммуналке. В меньшей, «шестиметровке», устроил кабинет. В другую приводил девушек. Однако и проблемы обнажились сразу. Да еще какие! Можно сказать, хрестоматийные. Во-первых, как только я приглашал девушку, злобная и склочная старуха-соседка (ветеран партии и орденоносец) устраивала скандалешник и вызывала милицию.
Во-вторых, я тут же был поставлен на учет как потенциальный тунеядец. Хоть бы и бывший инженер-физик. Участковый, вооруженный резиновой дубиной, (тот, кто являлся по вызову старухи-соседки с проверками паспортного режима, писанием протоколов и т.д.) регулярно вызывал меня звонками и повестками в отделение для профилактических бесед. Реально похожий на Берию, эдакий хрестоматийный плешивый человекоядный хряк с садистской ухмылкой кивал на настенный календарь у себя в кабинете, в котором неопустительно делал пометки, вычеркивал заточенным с двух сторон сине-красным карандашом дни, оставшиеся до «времени Ч». Это был двухмесячный срок, в течение которого я был обязан устроиться на работу. Иначе... страшно представить. Впрочем, участковый, обладавший извращенным изобразительным даром, доходчиво живописал мою дальнейшую судьбу: суд, высылка за 101-й км, тюрьма, лагерь... Ибо статья о тунеядстве (уснащенная при желании, а таковое у моего участкового имелось, дополнительными скверными, отягощающими параграфами и пунктами, включая антиобщественную и антисоветскую деятельность) была отнюдь не пустой страшилкой. К тому же, для устройства на работу, если бы я и решил трудоустроиться, мне, опять-таки, потребовалась бы справка из милиции. Какое уж тут личное-частное бытие молодого писателя! Дни моей молодой творческой жизни стремительно таяли. Да что там, творческой, — мои дни на свободе! Честно говоря, я не представлял, какой будет развязка, и как выкручусь из всей этой ситуации.

Может сложиться впечатление, что я пишу о себе да о себе. Ничего подобного! Я пишу о Цесельчуке!
Вдруг звонит мне знакомый поэт и мастер жизни Федя Филиппов и, по своему обыкновению, простым русским языком обрисовывает мою ситуацию точно как она есть:
— Что, хреново тебе живется, Сергей Анатольевич?
— А есть варианты, Федя? — отвечаю не без резкости.
— Это, — усмехается Федя, — судьба всех нас, гениев. — И тут же, без всякого перехода спрашивает: — Ты Диму Цесельчука знаешь?.. У-у, — говорит, — это человек! Основа!
И растолковывает мне, что, дескать, существует такой Профком, или еще по-другому, Комитет Литераторов, общественная организация, председателем которой и является Цесельчук. Что-то вроде отделения Литфонда, того самого, дореволюционного, который еще Максим Горький с Гумилевым создавали для помощи «пьющим литераторам», а в жуткие годы революции выбивавшего для голодающих писателей и поэтов пайки от молодой Советской Власти. И вот теперь, в условиях демократических реформ и объявленной Перестройки, группе слегка диссидентствующих энтузиастов удалось учредить и зарегистрировать собственный творческий союз согласно еще с конца 30-х годов существующему «Положению о добровольных обществах и Союзах», а не по свежему Постановлению о клубах по интересам — как клуб «Поэзия».
— Будешь вступать? Я уже вступил!
— А смысл? — поморщился я, все еще не понимая, какой прок от этих дурацких союзов, диссидентских ли, верноподданнических ли.

Мало у нас и без этого проблем? Можно сказать, только-только распрямились, вздохнули свободно с сознанием собственного индивидуализма и эгоизма, послали подальше все эти октябрятские, пионерские и комсомольские организации, ДОСААФы и прочие Пролеткульты, а тут опять какие-то «инициативы снизу», взносы, собрания, рутина... Единственной организацией, тяга к вступлению в которую была заложена, так сказать, на генетическом уровне, был аристократический СП, членство в нем давало массу реальных привилегий и возможностей. Впрочем, на тот момент о вступлении в «настоящий» Союз Писателей мы, *естессно,* даже и не мечтали. Хотя бы потому, что у большинства из нас не было публикаций (а требовались две опубликованные книги!). Не говоря уж про блат, рекомендации и т.д.

— Смысл? — фыркает Федя. — Еще какой! Во-первых, ты получаешь членский билет, официально удостоверяющий, что ты литератор и представитель Свободной Профессии. Не работай сколько твоей душе угодно, никто тебя больше не привлечет за тунеядство!

Прямо как у профессора Преображенского. «Дайте мне бумагу, но только такую бумагу, железную, бронированную, чтоб больше ни одна шельма не посмела ко мне и носа сунуть!».

— Во-вторых, — продолжал Федя, — как труженик-надомник, ты получаешь право на дополнительные 20 кв. метров жилой площади. Я свои квадраты уже получил! Когда подошла очередь на расселение моей коммуналки. Теперь, как человек семейный и солидный, проживаю в чудесной трехкомнатной квартире с гениальным видом на Кремль...

Это было похоже на волшебный сон. Еще бы.

— Ну что, будешь вступать? — уже почти с обидой проворчал Федя.

— Да!!! Что для этого надо?

На следующий день Федя привел меня к Цесельчуку. Мимолетная, в общем-то, встреча. Дима, это Сережа — пишет мировую прозу. Сережа, это Дима, наш председатель.

Он показался мне ветхозаветным вождем и пророком, вроде Авраама-Моисея. Бородатый, мудрый. Может быть даже, прости Господи, не за ради красного словца говорю или богохульства, — на Саваофа, каким Его изображают на малоросских иконах. Представьте только, народ с нежностью, без тени фамильярности или ехидства называющий своего вождя, солнцеподобного пустыневодителя — просто Дима!

Скорее, от смущения, нежели ради прикола, разрешите, говорю, ваше удостоверение. Просияв, Цесельчук охотно протягивает мне «корочку». Читаю: «Председатель Профкома Литераторов». Так и есть. Круто, как сказали бы сейчас. Покруче «Председателя Земного Шара», правда.

Я так думаю, что это вообще исключительный тип человека. Причем сам, может быть, об том не подозревающий. Тысячу лет Председателю Диме! По возрасту, как я теперь понимаю, мой пижонистый старший брат, а то и молодой прикольный дядька. Из московских пижонов, музыкантов, знатоков на все случаи жизни. Не подсевших на всякую муру, вроде блатняка или эстрады... Которым в армии, видимо, не снося их открытого дружелюбного взгляда, провинциалы первым делом стараются набить морду. Но которые, кстати, никогда не называли, не позиционировали себя ни «центровыми», ни москвичами — всякими там «детьми Арбата» (какие нафиг дети, если мы даже в детстве себя ощущали «молодыми людьми»!)... Но это так, к слову.

Дима пунктуально пересказал мне то, что я уже слышал от Феди.

— Надо две фотокарточки 2х3. И две рекомендации.

— Фотокарточки я принес...

— А рекомендации?.. Я-то, — говорит со вздохом, виновато, — как председатель, по уставу давать не имею права. Извини, старик!

Я смотрю на Федю.

— А я, как без году неделю поступивший, тоже не могу, — разводит руками тот.

Сердце мое готово оборваться.

— Да я, — говорю, — никого тут не знаю.

— Ладно, — успокаивает Дима — это тоже решим...

Не прошло недели, как мне подыскали рекомендателей-поручителей. Ими стали Света Василенко и Володя Вишневский. Хотя все мое «собрание сочинений» состояло из «двух с половиной» неопубликованных рассказов (один из которых, кстати, до сих пор не опубликован!), они за меня поручились. Кто-то скажет, подумаешь, плевое дело! Э, нет, уважаемые! Вас вот когда-нибудь просили написать кому-нибудь рекомендацию, а? Вы написали? Или отговорились грыжей? То-то и оно! Кто-то скажет, подумаешь, ведь это им ничего не стоило! В том-то и фокус, что сделать что-то для другого человека, которому, может быть, это самое как раз позарез нужно, что-то простое, а нам ничего не стоит, почему-то труднее всего! Скажу больше, мы почему-то *почти никогда* этого не делаем.

Я, кстати, однажды писал об этом. Сам человек может бесконечно долго, бедный, прозябать-загибаться в своем «замкнутом кругу». Если только другой человек не протянет руку, не поможет спастись. Тогда вмешательство этого другого будет, по сути, ничем иным, как божественным провидением. А сам этот другой практически богом. Так устроена жизнь. К сожалению, мы этого не понимаем. В мировой литературе это отчасти выражено известной формулой Хэма. «Один человек не может ни черта». Но это лишь отчасти. Конечно, очень важно просечь эту истину, усмирить свою гордыню «всё могу и сам-с-усам»... Но еще — должен помочь ближний. В данном случае, вы должны помочь. Хоть это вам и «плевое дело». А это куда

сложнее! Дороже всего стоит то, что ничего не стоит. По себе, конечно, сужу. В общем, приняли меня по этим «двум с половиной» рассказам.

В этой связи, по касательной вспоминается удивительный характерный случай, который рассказывает Ринго, когда Битлз только-только нацелились переманить его к себе. Мол, у него на тот момент было еще одно предложение. Даже более завлекательное. Приглашали в другой группешник, но — басистом. «Басистом?! — изумился он. — Да я ж барабанщик, а на басу вообще играть же ж не умею!» — «Да фигня, — говорят, — что не умеешь. Научишься! Главное, ты музыку понимаешь!». Он тогда еще даже некоторое время колебался, раздумывал, представлял: вот, дескать, буду стоять с бас-гитарой у самой рампы, куда почетнее, на виду у девчонок, это вам не где-то там за грудой барабанов в глубине сцены горбатиться! Я же, в отличие от Ринго, вообще ни на чем играть не умел...

Так я стал членом Профкома и обладателем «железной бумаги». Старуха-соседка вскоре существенно улучшила свои жилищные условия, а хряк-участковый то ли тоже накрылся медным тазом, то ли просто исчез, как «ежик в тумане». Я спокойно написал «План» и несколько рассказов. Потом был написан «Человек-пистолет, или Ком». Спасибо Диме.

А еще через некоторое время в коммуналке освободилась комната. Я уже был женат. Я взял в Союзе Литераторов справку, что состою в оном. Узкий такой, прозрачный, почти как трамвайный билетик, убогий клочок с печатью Профкома, за подписью Цесельчука. Я принес этот «трамвайный билет» в районный исполком, в какой-то жилищный отдел или комиссию. Тетка-бюрократка, сделав морду валенком, посмотрела на меня, юношу с милыми, но наглыми ямками на щеках, как на вышеупомянутого нобелевского лауреата. Как на недобитого Бродского.

— Ну и что мне ваш Союз Литераторов?

Однако и на этот случай Дима снабжал нас инструкцией, как действовать.

— А вот вы, мадам, плиз, если полистаете папочку с документами и распоряжениями, то найдете в ней приказ за нумером таким-то, где прочтете о положенных творческому работнику дополнительных квадратных метрах!

Делать нечего. «Трамвайный билет» был подклеен в соответствующую папку, а мне, через череду бюрократических процедур, выдан ордер на комнату. Все это выглядело как настоящий сюр. А впоследствии, точно как в Федином случае, мы удачно разменяли свою коммуналку. Спасибо Диме.

Все верно: для серьезного писательства действительно нужен изрядный кусок свободного времени и пространства. В молодости, как известно, и год-другой, даже несколько месяцев — часто критический отрезок. При труднопреодолимых обстоятельствах можно внутренне перегореть, спиться, работая дворником или пожарным; заболеть, элементарно растерять творческие силы, настроение, уверенность в себе. Кое-кто из моих знакомых, даже вступив в Союз Литераторов, так не решился уволиться с работы, уйти в «свободное плаванье», не воспользовался чудесным счастливым членским билетом Профкома; большинство из них, увы, сидя на двух стульях (работа и хобби), так ничего серьезного и не написали...

Когда вышел «Ком», меня приняли в СП. А затем — в Литфонд. К слову сказать, просто ради справедливости, что мне дал СП? Облегчил публикации? Нисколько. Если только осложнил. Кроме нескольких дешевых бутеров в ЦДЛ, ничего. То есть вообще ничего. Ноль. Баранка. А Литфонд? Только несколько дешевых пломб да поликлинику без очереди, в которой все равно не лечат. Даже ни разу в Переделкино не пригласили! Наверное, уже безнадежно коррумпированные, номенклатурные, политизированные структуры. Говорят же среди писателей, что единственная реальная заслуга этих двух организаций — похоронные деньги. Что да, то да. В этом смысле, бедный как церковная мышь Профком, денег никогда не имел. Грустно, но факт остается фактом.

Вообще-то, до этой презентации я не виделся с Цесельчуком лет 25. Собственно, с тех пор и не виделся. Хотя приветы передавал. Они общались с Андреем Головым. А иногда и Бога за него молил... И вот да, конечно! Что еще я приобрел, благодаря Профкому! Несколько замечательных знакомств среди литераторов. И Андрей — один из них. Ну вот. Все познается в сравнении. И времена тоже. Конечно, что ни говори, моим друзьям-литераторам, целому поколению, посчастливилось, что Дима оказался у руля Профкома.

А вот тому же Бродскому, к примеру, повезло меньше. Ему, своему именитому, а в молодости, конечно, безвестному приятелю, Дима, увы, «не успел» выписать членский билет. Вьюноша «тунеядец» одним из первых глотнул поэтического эфира частной жизни, за что ему тут же пришлось поплатиться. Был он, как известно, послан вперед самого Макара с телятами — аж под самую звезду родных полей...

Не вдаваясь в толстовско-чеховские абстракции, а конкретно. Что нужно писателю? Два аршина земли, весь мир? Только одно: возможность «частной жизни»:

А) Свобода. И, опять-таки, не в каком-то там аллегорически-духовном смысле, а в самом элементарном: чтоб в тюрьму, психушку или лагерь не укатали... и

Б) Немного личного пространства.

И еще архиважное обстоятельство! Чтобы за эти А) и Б) ничего взамен не потребовали. Что касается меня, то когда я получил и то и другое, от меня действительно НИЧЕГО не потребовали. Наоборот, как бы даже сказали: живи спокойно, друг, будь мещанином. Как Пушкин. Как все мы, гении, твои собратья по перу.

А сейчас — что нужно молодым писателям для частной жизни? Не знаю. Может быть, немного «траффика»? Немного денег на «мобиле»? Пачку «лайков» в «бложике»?

Сейчас даже дружных компаний талантливых людей, способных хорошенько расхвалить друг друга, и то нет. В лучшем случае цепляются к «паровозу». Чугуннозадому и кисельномозгому.

Что ж, сейчас в России как минимум — две культуры-антипода, две литературы. Каждая из которой таковой как раз другую не считает. Однако кое-какие факты указывают, какая именно из них является литературой.

Для меня всегда был, в частности, надежный критерий: когда что-то выходит, публикуется не то чтобы без всякого блата и поддержки, а и даже вопреки им. Пример — тот же Андрей Голов, вполне сопоставимый, хотя бы по формальным признакам с Бродским, которого привечали антагонистические литературные тусовки, публиковали противоборствующие издания. Публиковала, а затем открещивалась газета «День». Однажды журнал «Знамя» вдруг отметил как автора лучшей стихотворной подборки. Но так же быстро и забыл, распознав православную основу поэзии. Зато немного погодя Евтушенко включил его в свои эпические «Строфы Века». Ты помнишь, друг, была пора...

Немного об Андрее Голове. При участии Союза литераторов и лито «Бригантина», естественно, абсолютно на общественных началах, при участии Цесельчука, а иногда — Элизбара Ананиашвили, Андрей, инвалид-колясочник, много лет проводил у себя на квартире литературные семинары для молодых поэтов и прозаиков.

Эх, как хотелось бы написать когда-нибудь об Андрюше, абсолютно гениальном мещанине, отдельно, развернуто! Ведь о нем не осталось, кажется, ни одной единой видео или аудиозаписи!

Ну да, мещане-писатели. Это ведь совсем не то, что писатели-мещане. Вот, говорят, Пушкин не поехал в Питер делать мятеж и революцию, повернул, суеверный, домой, потому что перебежавшего дорогу зайца побоялся. Вот смешно, ей-Богу! Чтоб Пушкин зайца *испужался*! Потому, что мы ж — поэты. Мы ж — писатели. А?

А ведь у нас поэту или писателю, особенно теперь, прям буквально руки выкручивают, пинками гонят — на баррикады, на трибуну, в «говорящие головы» на ТВ, в депутаты, богословы, мессии... Требуют: будь больше, чем поэт! Будь больше, чем поэт!.. Только... не будь, сука, поэтом!..

Да пошли вы!..

Возвращаясь к Бродскому. Мне кажется, самого его несколько тяготил имидж бунтаря. Отсюда, вероятно, и — private life. Отсюда и мятый профессорский пиджачишка с гипертрофированными декоративными заплатами на локтях. И непонимание, «на каком языке он, в конце концов, писатель».

И да, жалко мне, так жалко, что не посчастливилось ему, как нам с Димой, хоть и в разных компаниях, земляничку и черничку, свинушки и сыроеги в Купавне собирать, обнимать не ведающих изысков секса подмосковных дев, декламировать стишата друзьям на летней травке с бутылкой теплого Каберне и бутерами с «докторской» на газетке, и гитарой... Поганые судейские тетки, с рожами, как на подбор, ни одного такого потенциального нобелеата лишили сих нехитрых радостей, оставив в унесенной ветром душе лишь вязкий комок глины из карьера, да в аорте тромб, тупой как пуля из «бульдога»...

Вот, сначала хотел написать о том, как мне понравилась эта поэтическая книжка. Но книжку лучше читать самому. А вот о человеке написать — совсем другое дело. Это как песня. Тем более о Диме, который спас, устроил судьбу одного, двух, а то и трех поколений. А разве нет? Покажите мне другого такого человека, который сделал для современной русской литературы больше!

Как ни парадоксально, до Цесельчука подобные масштабные деяния были по плечу разве что Отцу Народов, который, говорят, имел такое обыкновение — вытащить изо рта трубку и, послюнявив карандаш, вычеркнуть из расстрельных списков пару-тройку писателей, одарив взамен премиями своего имени, квартирами, дачами.

Ну, Дима нас хоть, конечно, не из расстрельных списков вычеркивал, но зато — сразу десятками, сотнями. Потому что не в билете дело. А в поступке, результат которого — свобода и жизнь многих.

Есть такое кино — «Список Шиндлера». Там эсэсовский офицер укрывает, спасает евреев. Ничуть не сравнивая, тем более, не сопоставляя или противопоставляя. Разве что минимально ассоциируя. И ассоциация эта очень простая. У меня нет никакого специального желания снова и снова тревожить великих учителей-мещан, а тем более, поправлять их своими «пятью копейками», но в данном случае не могу не сделать небольшое дополнение в свете хрестоматийного речения Хэма, что «писатель может работать при любом режиме, кроме фашистского». Я бы поставил запятую и уточнил: «...если, конечно, и тут не вмешается Цесельчук».

Список Цесельчука. Существовал ведь, стало быть, такой список. Да-с. Шутки шутками, а у него у самого, между прочим, дед сидел в Освенциме (бежал!)...

Вот такие люди могли бы возродить нашу культуру. И тогда. И сейчас. Да вот беда: ищут их власти да «никак не могут найти». Конечно, объявятся такие, кто скажет: даже не знаю такого — о ком тут пишут! Да и самого пишущего знать не знаю. Но ведь это, если откровенно, уже не мои проблемы. Как говорится, кому надо, тот знает.

Отдельно скажу критикам-злопыхателям, если таковые тоже нарисуются. Вам во все ваши судьбы, даже сложив их вме-

сте, даже для весу с вашими предками и потомками, не сделать того, что сделал в русской литературе Дима. Можете сколь угодно прыскать в рукав ядом. Мол, кто такой? Что написал? Да и вообще, мол, дескать, тоже мне сти-и-хи!.. Стыдно! Вы что написали, что создали?.. Ну, стихи. Что стихи! Да и стихов таких вам, бедные, тоже ни в жизнь не написать!
Писателей много. Переписывателей еще больше. Делателей мало, вот беда...

А вот и книга.
Лирическая. Чувствительная и чувственная. «*В рай как прежде открыта калитка...*». Мне кажется, Дима вполне может это и от своего лица говорить. Нам. И мне, конечно. Он ее, калитку эту, то есть и открывает... Подумать только, какой тираж у Председателя Профкома! Сколько бы вы думали? Well. Well. Аж «целых» 200 экземпляров! И один из них — у меня!
Мне кажется, каким-то затейливым, обходным манером я все-таки ухитрился и достаточно адекватно передать и содержание поэтической книги и, что еще важнее, ее внутренний настрой. Так как я его понимаю, естественно. А что еще нужно для добротной рецензии? Да! Несколько строк из самой книги. Только чтобы не быть совсем уж голословным... Так и слышится в этом брутально-эрегированный моррисоновский вокал. Ох, как не просто конвертировать из саунда в иероглифы! А ведь хоть сразу клади на музыку:

Прохожих встревожены лица
Врезаясь в туман ледяной
Над городом кружат птицы
Их крылья звенят за спиной.

Не знаю, что означает Димина фамилия, но она и правда звенит, как эти его крылья за спиной. Кому-кому, а ему-то ни к чему, чтоб кто-то где-то стучал в стеклянный колокольчик...
Я прочел книжку, и ее горячо одобряю.

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

СКОРОСТИШИЯ

* * *

Тоненький,
словно мальчик в маечке,
месяц.

* * *

Август — посредник между мной и моим сыном,
месяц любви короткой, он не бывает длинным.

* * *

Алые рапаны повернуты вверх жерлом извитым,
Водоросли на камнях и неподвижные скалы.

* * *

Птица с коротким синим хвостом
села на мол.
Чуть посидела на камне пустом
вновь камень гол.

* * *

Голуби по камням ходят на розовых лапах,
женщина заплела руки за головой...
Ночью и среди дня вдруг вспоминаю запах
Водорослей на камнях, ветер береговой.

* * *

За семью морями,
за мысом Хамелеон
там, где солнце садится зеленое,
а восходит розовое,
по берегу ходит девочка,
собирает камни,
и влажные
так отличаются
от сухих.

* * *

глажу женщину с нежной кожей
щурюсь с глупой улыбкой на роже
ну а женщина молча кивает
хорошо себе цену знает

* * *

Другого пола ягодка

* * *

Дрожь охватывает тело
Как свирепый мавр Отелло

* * *

Не вторгайся в мои авуары,
а не то посажу тебе фары,
под каждым глазом — по одной,
тем и закону выходной

* * *

Иду домой береговой каймой,
Над головой ветвей чернеют нити,

И месяц, полукружьем, ледяной
Колеблется в сентябрьском зените,
Как будто колокольчик легкий дышит...
А весь узор одной иглою вышит.

* * *

Кружевные веера бабочек
и пятна...
Было весело вчера,
было все понятно:
отчего уходит грусть,
отчего приходит —
вдоль по строчкам
наизусть
длинным ногтем водит.

* * *

Ночью
На голове
Вырос кактус

Не сплю
Боюсь
Подушку порвать

* * *

Богатая флора и фауна
Не радует видимо дауна

* * *

Борьба С УМОм.

* * *

не успеваю
за ускользанием дня
он меня затевает
и забывает
меня

* * *

Бездонное лето — без конца и края,
а я в своих маленьких мыслях сижу.

* * *

корова вытягивается вдоль звука мычания
хвостом махает но не нам на прощание —
она отгоняет слепней мы промелькнем
а слепни останутся с ней

* * *

Собаки гуляют
в любую погоду
Собакам вообще
наплевать на природу...

* * *

логово головы

* * *

Одна голова — одна мысль.

* * *

Вегетарианство
Не спасает от пьянства
Не дает постоянства
Засоряет пространство

* * *

Буду буду как Иуда
Буду есть мясные блюда

* * *

Ем желе, себя жалея,
снова стану тяжелее

* * *

Твои формы
как реформы
доведут меня
до нормы

* * *

Светло и вольно в доме
Как на аэродроме

* * *

восхождение в равновесие

* * *

Как солдат идет на штык
так и я к тебе привык

* * *

Будущее истомило.

* * *

Возвращаются первые ласточки
и вторые поют петухи
Ты дала мне
        варенье из вазочки
я тебе прочитал стихи

* * *

Сижу один — жена ушла
На посиделки к внучке.
А за окном луна взошла, —
Как Винни Пух на тучке.

* * *

Ах, зачем себя лелею,
Все равно я околею.
Ах, зачем себя люблю,
Все равно себя сгублю.

* * *

вот так умрем и сгинем в неизвестности
из-за своей наивности и честности

* * *

все овцы похожи на Пушкина

* * *

Все одиноки
далеки
и опасны

* * *

По кладбищу ходить на Пасху
благородней
чем ближнего мочить
кастетом в подворотне

* * *

Душа как бабочка ночная
сама себя переживет
Гляди к живым она ползет
о смерти им напоминая

* * *

Кто это по небу наколол
Звезд татуировку?
— Я был маленьким тогда, —
Бог ответил робко.

* * *

Был слепцом бесноватый Иуда,
но, наверное, в этом и кара,
что душа — не всевидящий Будда,
А горящие крылья Икара.

* * *

Беру из корзины,
Надкусываю яблоко —
Пролежало всю зиму,
Горчит слегка.

* * *

Посули и нам, Господь,
яблок легкой смерти.

* * *

Устал бояться червей
гусеницу кладу на ладонь
гляжу как бабочки ночные
влетают медленно в огонь

* * *

чувство вины и чувство вина
того и другого отведал сполна

* * *

Я как пиво охлаждаюсь,
Лежа на просторном ложе.
Боже, я в тебе нуждаюсь
И надеюсь, что Ты тоже.

* * *

Чужая жизнь, как ягода, сладка...
Попробуй-ка с куста собрать малину
так, чтобы солнце обжигало спину, —
не покупай с лотка.

* * *

По ртути опрокинутого неба
катится серебряный шар
Вынырнула рыба
глотнула серебряного

* * *

Высунул язык
Лизнул небо
Марку приклеил
Куда бы послать?

ДЕБЮТ

Полина БАБУШКИНА

«Полина сочиняет с 10 лет. С 13 лет посещала литературную студию «Твёрдый знак» (руководитель Константин Рубинский) в лицее № 31. Печаталась в альманахах «Доверься ветру» (2010), «Внутренний дворик» (2012). Лауреат городского литературного конкурса «21 облако» (2011 год). Принимала участие в Международной конференции молодых дарований, организованной Литературным институтом им. Горького (г. Москва). Полина — человек необычайной энергии и творческой инициативы. В свои 18 она курировала и режиссировала литературно-театральный проект «Музы и гвозди» (Галерея «10/06»), была режиссёром и со-сценаристом проекта «Ангелы бывают» (Новый художественный театр и театр ЧТЗ), а также уже второй год ведёт Студию театральных миниатюр при Южно-Уральском государственном институте искусств. Полина работает в жанре прозы — притча, малая драматургия, рассказ, эссе. Её взгляд на окружающий мир проницателен и точен, она владеет метафорой и умеет выстраивать интересную фабулу, у неё прекрасно развито чувство образного, аллегорического мышления. Известный прозаик С. Шаргунов (Москва) сравнивал стиль Полины с творчеством Ю. Олеши, с интересом следит за развитием её литературного таланта. Публицистика и статьи Полины также печатались в городских периодических изданиях «Люмон», «Афиша. Сезон развлечений» и др. Полина Бабушкина интересна как человек, тонко и вдумчиво работающий в художественных жанрах, готовый ярко проявить себя в большой литературе».

Наталья Рубинская

ИРКА. ЛЮСЬКА. ТАНЕЧКА

* * *

— Ирка, не дури! Слышишь! Не дури! Давай лучше бутыль в магазине купим! В ларек за одеколоном можно... — выдувала сквозь грязные от красной помады зубы шипящие приказания русая женщина лет сорока пяти.

— Мам, уже ночь! Какие ларьки! Все закрыто! Разве что можно спирт в аптеке, да и то ее поискать нужно! А тут настькина квартира и окно открыто! Хорошо, что эта скотина на первом этаже живет, тем более — должна она нам! Помнишь? — молоденькая девушка с мочалистыми свекольными волосами в высоком пучке подпрыгнула еще раз к открытому окну и, ухватившись костлявыми пальцами за край рамы, подтянула вторую руку, измученно пыхтя перегарными охами и ахами.

— Помню, конечно, — нервно наблюдала мать со вздрагивающими, как от икоты, бровями, — но это не повод вламываться в квартиру посреди ночи, когда хозяйки нет дома...

— Повод! Сколько Настька нам должна? Пять бутылок? Вот! У нее на хате точно в десять раз больше есть! Сейчас и приватизируем, — скрипела связками Ирка, и лицо ее багровело в тон к волосам. Наконец она уперлась ступнями в стену дома и своими длинными руками стала пробираться в глубь распахнутого окна, переставляя ноги, как скалолазка. После двух вертикальных шажков она навострилась, и вскоре ее тело совсем скрылось в темноте, подтаскивая за собой объемный зад, надежно скрывающийся в подоле болотной юбки.

— Как ты там, Ирка? — задрав украшенный косою затылок, беспокоилась мать.

— Все в порядке, — Ира перегнулась из кухни на улицу, как белье через веревку, и, неуклюже вцепясь в маму, стала ей помогать проделывать тот же бандитский трюк. Женщина была тяжелее, ибо имела более округлые формы, но и ее трепыхания закончились победным финишем. Дамы оказались внутри апартаментов. Пора искать добычу.

Квартира была пуста. Элементарная мебель, расставленная по периметру обклеенных обглоданными кусками обоев стен. Ирка и ее мать изучающее просматривали каждый угол в надежде найти то, что задолжала им Настька. Свет решили не включать, лишний раз не привлекая внимания соседей. Из-за этого нетрезвые барышни постоянно сталкивались, мгновенно слепляясь, как мятые куски пластилина, в единый кривобокий ком. В одном из подобных могучих слияний они вдруг услышали плач. Это был скулящий прерывистый вой.

— Мам, ты слышала? Как будто кто-то пищит... — с трудом разжала высушенные и онемевшие от алкоголя губы девушка.

— Это в башке у тебя пищит! Совсем уже перепила, девка! — усмехнулась, чуть покачиваясь, мать, как вдруг повторная волна стона обрушилась с еще большей силой, — Ирка... это, кажись... ребенок ноет.

Незваные гостьи замерли.

— Это из шкафа в другой комнате, — сообразила Ира и побежала на детский голосок, мама кинулась за дочерью. Они открыли в темноте дверь шифоньера и увидали мальчишку лет трех. Скрюченный черный эмбрион, зажатый в углу, заунывно скулил.

— Что же эта Настька — совсем из ума выжила? Свинота поганая! До чего дитятко довела! Паскуда! — закипела иркина мать, — ребенок усохший валяется, голодный, брошенный! Уух! Паскуда! — она потянулась к мальчику и аккуратно, как хрустальную вазу, бережно прижала к груди, покачивая и что-то убаюкивающее приговаривая.

— Мам, что делать-то будем? — торчал остолбеневший чернильный силуэт Иры.

— Ну, явно уже не водку искать! Понесем мальчонку к Таньке — она разберется...
— Но у сестры и так двое своих маленьких!
— Танюшка у меня — что надо, не то что мы с тобой — две алкашки! К ней понесем! — скомандовала мама, и ее зеленые, египетские, косые от перепоя глаза целеустремленно остановились на одной точке.
Так две пьяные дамы на карачках выкорабкались из того же кухонного окна на улицу, только теперь в их руках поблескивал в лунном свете кто-то большеглазый.

* * *

Ночь полноправно воцарилась в городе, когда постепенно трезвеющая парочка с неожиданной находкой заявилась к Тане. Сонная девушка, чуть постарше Ирины, в тюлевой сорочке на одной бретельке (другая скромно была завязана в бантик, перетягивая вперед краюшек так, что открывалась часть левой груди) неохотно вышла в коридор, поправляя свое белокурое каре. Васильковые глаза ее еще пеленала дремота, но, облокотившись на стену и приложив усилия, она разглядела свою мать с чем-то большим на руках и сестру.
— Мам, вы в своем уме? Время три часа ночи! Ира, что у вас опять произошло? — спокойно с порицанием, привыкнув к высокоградусным пристрастиям родственниц, подняла бесцветную бровь Татьяна.
— Дело в том... — начала, мешкая, мать, — Ирка, продолжай, — и ткнула дочь левым локтем.
— Дело в том... — иркины глаза скакали, будто обрисовывали горы.
— Дело в том... — помогла им Таня, заискивающе глядя на заговорщиц.
— Тут вот, Танька, — мама протянула из рук кокон, обернутый в ее малиновый платок. Татьяна по инерции переняла передачку и, отогнув краюшек, увидала маленькую черноволосую голову. Девушка вопросительно и строго посмотрела на сестру и мать:
— Вы совсем обалдели? Это же ребенок! Ладно, пьете — досаждаете только мне вашими причудами, так теперь влезли и в чужую жизнь!
— Танюська, но что делать-то? Ребенок бесхозный, брошенный, голодный... мы его в шкафу нашли. Сердце кровью обливается! — стала оправдываться мама.
— Танька, ну куда мы его можем деть? Бросить — никак, жалко очень его так помирать оставить... а с собой, — сестра махнула рукой, — да ты ведь знаешь нашу жизнь с мам Люсей...
— У меня же два своих в комнате маленьких спят... куда же... — брови умоляюще полоснули ее лоб.
На минуту в люсином сердце что-то защемило: младшую дочь спаивает давно, старшей жить нормально не дает, а ведь у Тани муж, дети... — что же она за мать... Подведенные нагло вверх, жирные хвостики из уголков ее глаз дрогнули:
— Танька, ну мы пошли, внучатам привет! — мама схватила Ирину за руку и, виновато улыбнувшись, потянула дочь к выходу. Они, перешагнув порог, рванули что есть мочи, как последние воровки, перекидывая друг дружке пьяные терпкие смешки... Татьяна, крепко сжав мальчика, обреченно уперлась лбом в стену. Скомкав веки, искажая кругленькое личико в рваных гримасах, она тяжело выдыхала немые рыдания.
— Тань, ты чего? — из комнаты вышел загорелый, мускулистый мужчина с седыми длинными волосами, собранными в слабую струйку. Девушка виновато подняла на него глаза, развернувшись грудью, к которой прижимался маленький и кряхтящий неведомо кто.

* * *

— Что значит: пришли, бросили и убежали? — недоумевал мужчина, обходя кругами обеденный стол, где сидел мальчуган, — а ты по их комбинации, наверное: приняла, пригрела и воспитала? Так что ли?
— Борь! Ну а что мне делать-то было? Всучили и исчезли! — плакала Татьяна, наливая в тарелку суп для ребенка.
— Что делать? Послать куда подальше! Вот что делать!
— Это же мама и сестра, — тихонько всхлипнула девушка.
— Мама... — раздумчиво буркнул Борис, — замечательная мама, — и сел напротив мальчика, чтобы сменить тему и переключиться на живую проблему, — как тебя зовут? — мягко обратился мужчина. Ребенок выпучил глаза. Лицо его задрожало.
— Он напуган, — заметила Татьяна. Ее муж взял из вазочки пряник и протянул мальчишке. Тот схватил хищным рывком и, запихав сладость целиком в рот, подбежал к Боре, упал на хрупкие обтесанные коленочки и принялся целовать грубые, мозолистые, мужские руки. Девушка заплакала еще пуще!
— Танечка, да ты посмотри! У него же рука левая сломана! — Борис посадил ребенка на колено и взглядом изучил болтавшуюся ручонку, как за гвоздик прикрепленную к телу.
— Его нужно в больницу. Срочно! — девушка ринулась в комнату и, выбежав в черной юбке и водолазке, вынесла детские штанишки и кофту, которые кое-как натянули на две колготочные гусеницы и майку мальчика.
— Ну и куда ты пойдешь? Может, я? — скептически улыбнулся муж.
— В больницу скорой помощи. Ты, Борь, останься с Петей и Машкой, — Татьяна взяла на руки ребенка и бросила отчаянный взгляд.

* * *

Потихоньку светало. Таня с мальчишкой сидели у кабинета, дожидаясь приглашения врача. Коридор был, на удивление,

пуст. Какая-то мертвечина повисла в тусклом свете и гробовой тишине. Одна техничка, грузная женщина с боками вроде капустных кочанов, молча слизывала водянистой тряпкой дневную натоптанность. Девушка заметила, как уборщица пристально изучает мальчика, все его многочисленные желтые и багряные синяки, которые пятнали ребенка, как далматинца. Техничка медленно продвигалась к Тане и, наконец, подобравшись к единственному сухому островку под скамейкой ожидающих, стала ненавистно тыкать шваброй в ноги девушке.

— Это не мой ребенок...

— Как это: не ваш? — остановилась женщина, выпятив свой живот котлом.

— Мне его... я его нашла...

— Вы меня тогда простите... — замялась уборщица, плотно приставив к себе швабру, — я-то думала... Интересно мне посмотреть на его мамашу! Дрянь такую! До чего ребенка довела!

Раскрылась дверь, вышел врач:

— Заходите!

Мужчина строго осматривал мальчика, попутно записывая в блокнот свои замечания.

— Вы знаете, я вам сразу скажу, это не мой ребенок... — тихо, но твердо сказала девушка. Лицо врача, съеженное в изюминку, тут же разгладилось:

— Как же он у вас оказался? Вы только честно говорите мне все. Тут дело подсудное! Гематома и перелом как-никак, — глянул он из-под волнистого лба. Таня все рассказала: как и что произошло этой ночью. Ее голос дрожал, будто в мурашках, ресницы, не успевая разойтись, снова смыкались.

— Ребенка мы сейчас определим в палату, но с такими обстоятельствами ждите повестки в суд, барышня. Это у нас не первый случай... только вас сразу предупреждаю, если увидите на суде его настоящую мать, держите себя в руках... что, конечно, понимаю — будет трудно. А сейчас идите домой к семье... — мужчина улыбнулся арбузной долькой, — как тебя зовут, парень? — обратился он к мальчишке.

— Ми...Миша, — опасливо произнес ребенок.

— Михаил! И меня Михаил! Да мы с тобой, брат, тезки! Попрощайся с этой тетей, и пойдем на третий этаж, — подмигнул ему врач. Миша обхватил танины ноги правой костлявой ручонкой и ткнулся в них головой, прерывисто и горячо дыша. Девушка заплакала, в ее аккуратные ямочки на щеках стекали бурные соленые потоки слез.

* * *

Прошло два месяца, и Татьяна получила судебную повестку, как и предсказывал доктор. Все это время она навещала в больнице Мишу. Конечно, речи не идет о богатых и тяжелых передачках, так как танина семья жила очень бедно, но каждый недоеденный кусочек девушка сохраняла, чтобы отнести мальчику.

Двадцать второго октября состоялся суд над Опухшиной Тамарой Николаевной. Ее лишили родительских прав. Таня не любила говорить об этом процессе, всегда морщила веки в грецкий орех, вспоминая прокуренные вопли подсудимой:

— Я его и давила, и душила, и била, он, мразь, все никак сдохнуть не мог! — орала она с дергающимися на оплывшем лице томатными кочками. Был в зале и отец. Молчаливый, долговязый, с траурным лицом, одетый во все черное гробовщик. Хоронил каждого, на кого падал его взгляд.

Мишу определили в детский дом. Его мать — Опухшину отправили на исправительные работы, но о подробностях история умалчивает...

Как-то по прошествии четырех лет Татьяна навестила мальчика. Вернувшись из длительной командировки, она собрала в носовой платок, что могла с семейного стола, и ринулась в детдом. Однако вскоре Таня снова уехала... Больше Мишу она не видела.

P.S. Мы с братом уже два года живем одни после смерти родителей. Им было по сорок два года... Вчера вечером раздался звонок в дверь, я, прицелившись зрачком в глазок, спросила: «Кто?». Стоял сутулый молодой человек, на несколько лет младше меня. Он мялся, глаза его испуганно бегали:

— Та...Татьяна здесь живет?

— Мама умерла два года назад, — отрезала я, наблюдая, как незнакомец отшатнулся от двери и, вынув бумажный помятый конверт из внутреннего кармана куртки, бережно положил его у порога. Затем он резко развернулся и скрылся.

Я осторожно подобрала оставленный сюрприз, разорвала желтую хрустящую бумагу и увидела носовой платок, один из тех, которые обычно покупала мама. В свои двадцать два года я знала историю о подкинутом нам мальчике наизусть.

Я ткнулась лицом в платочек, который мгновенно пропитался влагой: «Мамин платочек... А это, значит, был тот Миша...».

София КАМАЛОВА

«Родилась и воспитывалась в семье литераторов. Ее трагически погибший отец Цихил Камалов был известным лакским (Дагестан) драматургом, поэтом и прозаиком. С раннего детства София была погружена в две культуры, две стихии — Пречистенки в Москве и высокогорного аула. Это не могло не отложить отпечаток на обостренное восприятие окружающего, рано возникшей потребности выразить себя в творчестве, в том числе — в литературе и в живописи.

В настоящем София ученый секретарь, действительный член Общероссийской профессиональной психотерапевти-

ческой лиги. Выбор профессии и творческое кредо слилось в молодом литераторе по-настоящему гармонично. Ее проза психологична, автор любит своих героев, сопереживает им и этим внутренним наполнением продолжает традицию русской классики. Разумеется, стиль письма автора абсолютно современен. И это не только словарь, прежде всего, это чрезвычайная плотность текста. Развитие образа в трехстраничном тексте Софии может перекрывать успех не бесталанного текста полновесной повести современного автора. Герои Софии — ее сверстники, и как она в свое время, пытаются решить вопросы поиска себя и смысла своей жизни. Без высокопарных рассуждений, но продвигаясь поступками — шаг за шагом. Главное же достоинство прозы Софии — живые люди в ней, а, значит, вызывающие ответное живое чувство».

Римма Вечерина

ВЕЗУНЧИКИ — НЕВЕЗУНЧИКИ

Елена уже второй час дожидалась очереди войти в кабинет своего терапевта — закрыть больничный. Поколебавшись, она набрала номер приятельницы, работавшей в том же детском саду, но не логопедом, а воспитательницей. Объяснив ситуацию, просила передать, «если спросят», что на работу все же придет. Когда заветная дверь уже была близка, проявились пациенты с талонами на прием. Судя по темпам движения очереди, ждать предстояло еще не менее часа. За окном темнело, и Елена решилась на мизерное жульничество, вновь позвонила приятельнице — попросить включить свет в своем кабинете.
Выходя из поликлиники, Елена поскользнулась, избежала падения, но пустячным этим обстоятельством расстроилась до слез. На гололед она ступила из-за погруженности в мысленный диалог с заведующей. Пыталась еще раз объяснить, что, сколько родителям ни говори, те водить к ней заболевших детей не перестают, и второй больничный за три месяца ей и самой брать было совестно, но как же можно не брать, если нельзя логопеду работать в медицинской маске. И так далее и тому подобное, в ответ на укоры, бессмысленные и напрасные.
В это время Эмма Стеценко — администратор дамского клуба «Жизнь удалась» осторожно подруливала к нерегулируемому пешеходному переходу в мало знакомом спальном районе. Это и помогло избежать больших неприятностей. Из-за грязно-серого сугроба на проезжую часть вышла молодая женщина в пуховике того же цвета, что и сугроб. Бампер «Фольксвагена» задел недотепу по касательной, но та все же отлетела на тротуар, прямиком к ногам осмотрительного старичья, перед переходом медлившего. Эмма во избежание скандала быстренько выскочила из машины, обогнула ее, подала руку недотепе, помогая встать.
— Ничего страшного, — обратилась она к зашумевшим старикам, — сейчас я отвезу девушку в поликлинику.
Она усадила Елену в машину и скоренько покинула место происшествия.
— Не надо в поликлинику, — произнес слабый голос, и Эмма стала свидетельницей града слез потерпевшей. Машина тормознула, Эмма достала бумажный носовой платок и протянула плаксе.
Надо сказать, что и водитель, и ее неожиданная пассажирка имели в виду абсолютно разные клиники. Эмма — хорошо знакомую — частную, где за нормальные деньги можно получить полное себе оправдание в случившемся; Елена — обычную районную, из которой только что выбралась.
И тут Эмму осенило — из неприятного положения можно выбраться вообще без потерь. На незнакомую улицу администратор попала на пути к Рублевке. В ее сумке, помимо прочего, лежали конверты с приглашениями для вип-персон на тренинг известного психотерапевта. Персоны на приглашения отзывались не часто, так что одним пожертвовать не составляло труда. Эмма достала атласистый конверт, протянула его пассажирке и томно произнесла:
— Я вижу, что вы сейчас в шоке, но и до случившегося у вас имелся сильный, длительный стресс, иначе вы бы дошли до перехода и огляделись. Нет, нет — я вас не виню, хочу помочь. Здесь приглашение.
Елена осторожно приняла конверт. На лицевой его стороне готическим шрифтом было выведено безадресное — «Уважаемой госпоже». С госпожой она себя соотнести никак не могла и стушевалась. И вообще — не надсмехается ли над ней эта яркая уверенная в себе женщина. Эмма видела перед собой лохушку, из тех, что ни из какой ситуации для себя выгоду не поимеют и прилив великодушия к ней, может впервые, захлестнул женщину.
— Не вздумайте, отказаться. Разумеется, тренинг не из дешевых, но я могу себе позволить помочь вам. Не лишайте меня этого удовольствия.
Елена поспешила заверить хозяйку машины и положения в благодарности, говорить более было не о чем, и они расстались. Эмма двинулась по направлению к МКАД, а Елена — к дому, заметно прихрамывая, коленкой она все-таки к бордюрному камню приложилась не слабо.
В течение трех дней, остававшихся до даты, указанной в приглашении, Елена не раз доставала его, перечитывала название тренинга — «Сценарий личного будущего» и соображала, как не попасть впросак. Во-первых — стоит ли идти? Определившись с первым — во что одеться? И, наконец, — под каким предлогом отпроситься с работы пораньше? Нужны полчаса, что бы ни в коем случае не опоздать. Однако все сложилось. Ровно в шесть Елена переступила порог симпатичного особ-

нячка недалеко от Арбата. Она протянула заранее извлеченное из конверта приглашение и пожилой мужчина в строгом костюме кивнул и указал направление. В среднего размера зале было немноголюдно. Позже публика подтянулась и, когда обслуга стала вносить недостающие стулья, Елена порадовалась, что пришла пораньше и никого не озаботила. Она радовалась, что никому здесь не знакома, что одета в темное, не привлекающее внимание, платье, что хватило ума отказаться от бижутерии и дареных арабских духов. Вскоре у первых рядов объявилась дама в длинном синем платье, она поздоровалась сперва со всеми, потом — выделяя тех, чье присутствие ей было особенно приятно, и предложила поприветствовать сегодняшнего гостя их гостиной. Елена присоединилась к аплодирующим и сразу узнала по телевизионной картинке моложавого с приятной улыбкой человека, представленного психотерапевтом с упоминанием многочисленных его регалий. Зал, заполненный дамами, узнавшими телевизионного персонажа, с каждой минутой все больше оживлялся и проаплодировал даже ассистентке, молоденькой и длинноногой, в мини, сразу отошедшей к круглому столику с демонстрационным материалом.

Елена собиралась конспектировать, но обстановка оказалась не та — легкая, с оттенком интимности. Оставалось, согласно предложению выступающего — «расслабиться и погрузиться в комфортную атмосферу благополучия и взаимной доброжелательности».

Залу было для начала предложено ознакомиться с тремя установками личности: на удачу, на средний результат и невезение. Каждая из установок в свою очередь предполагала три уровня. Тренер после каждого утверждения предлагал залу примерить на себя различные роли. Елене было забавно услышать, что наивысшая категория удачника — «принц», а крайняя позиция неудачника — «лягушка». Когда же тренер определил слабого середняка как «кое-какера», а среднего — как «покрайнемерщика», зал дружно рассмеялся. Легкость и светскость приемов в психотерапевте сочеталась с тонким артистизмом, о чем свидетельствовала и сиреневая бабочка в тон серебристо-серому костюму. Описывая переходы от одного типа личности к другому, тренер сыпал шутливыми примерами. Вскоре Елена заметно утешилась осознанием того, как легко можно перейти из категории неудачника в крепкого середняка-малоудачника. От этой позиции к хрупкой удачливости уже можно прокладывать мостик. И, как оказалось, не без помощи...

Удачно занятое место — прямо напротив тренера, полное к нему внимание не остались незамеченными. Однако, провести экспресс-тестирование предложено было не ей. Только полная дама, украдкой скинувшая туфли на непомерном каблуке, от обсуждения своих проблем отказалась. Она заявила, что имеет персонального психоаналитика.

— Что ж, примем во внимание продвинутость присутствующих, члены клуба, судя по его названию, не могут не иметь высокой самооценки, а уж по банку «поглаживаний», и не только в области косметологии, — тут он тонко улыбнулся — равных вам нет. А вот вы, барышня, не согласились бы на помощь мою и помощь зала?

Елена не сразу поняла, что обращаются к ней. Она зарделась и встала. Ей рукоплескали. «А почему бы и нет?».

— Итак, я буду задавать вопросы, совсем безобидные, не бойтесь. Если уклонитесь от ответа — не беда. А зал мне будет помогать. Согласны?

Елена кивнула, прошептала «да», прочие же воодушевились, кому-то предстоящее показалось забавным, многие же не могли обойтись без возможности учить жить.

— Для начала хочу — вас поздравить, — продолжил тренер, — вы попали на нашу встречу и оказались в кругу удачливых. Второй плюс — не побоялись публичности, что всегда рискованно. И, наконец, вызвали у прочих симпатию и желание помочь, ваша скромность, юность вызывают положительные эмоции.

— Приступаем к вопросам. Начинаю я, когда исчерпаю свое любопытство, подключается зал. Согласны?

Вокруг одобрительно зашумели и экспресс-тестирование Елены началось. Скоро достоянием присутствующих стало: «молодой специалист с красным дипломом», «не замужем», «детей нет», «с молодым человеком не встречается», «живет с мамой», «коренная москвичка», «зарплата скромная», «за границей не была», «нечасто пользуется косметикой и духами», и прочее и тому подобное.

— Подытожим, милые дамы, — пропел психотерапевт, — милая девушка точно определила себя крепким середняком. А у нас в психотерапии принято считать таких «золотой серединой» общества. Они день ото дня несут свою ношу, не много при этом выигрывая, но не очень проигрывая. Такие не поднимаются на высоты, но и не падают в пропасти. Как правило, они избегают риска, и, — тренер тонко улыбнулся, — не пьют шампанского, уточняю — французского. Их жизнь спокойна и лишена неожиданностей, а, следовательно, на взгляд удачника — скучна. Итак, ваши рецепты. Только помните про баланс поглаживаний и пинков для перехода милой барышни в категорию удачников. Поглаживания должны превалировать.

И посыпались советы. Елена поворачивалась на очередной голос, механически кивала, натужно улыбалась, понимая, что практически ни одним советом воспользоваться не сможет, но еще не осознав, что тренинг артистичным тренером переведен в разряд шоу...

Из салона она выходила в обществе дамы, имеющей личного психоаналитика. Дама взгромоздилась на свои каблуки и имела двойную выгоду от сопровождения — утолять жажду учить

и иметь хоть хрупкую, но опору, так как еле ковыляла. Поток поучений прервался возгласом:
— Катя, ты почему не была на тренинге?
Катя, по-видимому, дочь полной дамы, подошла ближе, бормотала извинения. Елена отметила ее привлекательность. Особенно хороши были ярко-рыжие тяжелые пряди, контрастирующие с тонко вылепленным бледным лицом. Подошел и мужчина в темном костюме, он принял на себя услугу по поддержке хозяйского тела.
— У тебя сейчас фитнес, после — сразу домой! — Борис мне нужен допоздна, так что добирайся сама, — велела властная мать и отбыла. Попрощаться с Еленой она позабыла.
— У меня к вам просьба, вы же были на тренинге?
Елена кивнула и согласилась на рассказ о происходившем, как и на чашечку кофе в баре клуба. Катя ей была симпатична, а ее ситуация взаимоотношений с матерью — зеркальным отражением ее ситуации. Еще подумалось, что Катя напрасно думает подольститься к матери расспросами о тренинге. Полная дама, оставшаяся для нее без имени, наверняка не одобрит общение дочери, пусть не с неудачником, но все же середнячком.
— Может, возьмем к кофе ликерцу? — предложила Катя в баре. Халявное угощение для Елены имело черту, за которую переходить было не в Елениных правилах и она отказалась.
— Зря, ликер здесь отличный, особенно банановый. А я все же возьму себе. Не часто я не за рулем.
Скоро стало понятно, что найти общий язык ровесницам не составило труда. Еленин рассказ бесконечно перебивался непосредственным: «и ты решилась?! Я бы сквозь землю провалилась», «поучать они все здесь горазды», «логопедом? В детском саду?! Ну, ты и счастливица!»
Катя, оказывается, мечтала стать воспитательницей детского сада — «маленькие — они все послушные, мне с ними было бы легко». Но любительнице поучать нужен был для дочери диплом юриста.
— Они все там в МГУ такие умные... Даже на платном, — делилась Катя, — мать за мои курсовые по триста баксов платила. А ведь сразу же видно, что не я писала. Препод ведь не идиот. Усмехнется и «хорошо» ставит. Так мать потом у аспирантов половину суммы требовала назад. Я такой срыв нервный получила, что пришлось в академический уйти. ГОСы, слава богу, не...
Елена сочувственно кивала. Ей и с институтом, и с сокурсницами везло. До сих пор дружат.
— Парня у меня нет, — продолжала откровенничать Катя. — Смотрят, конечно, многие, некоторые — прямо лупятся, но чтобы подойти, познакомиться — нет. Витьке — брату младшему — квартиру купили, а мне — нет. Пусть, мол, муж покупает. А какой тут муж?! Она и не подумает, что личную жизнь сейчас без своей квартиры не устроишь. Она у нас все решает и все — в пользу любимчика.
Выходило, что Кате не о тренинге надо было узнать, а выговориться. И выговориться в темпе — у нее в запасе было не более пятнадцати минут. Перед выходом девушка приняла еще «ликерцу» и предложила обменяться телефонами. Обменялись. Катя на Еленин — даже вылупилась: «ничего себе раритет». И сходу предложила дружбу. С подругами у нее, скорее всего, было не густо. Только Елена уже точно знала — не выйдет у них дружбы. Где встречаться? О чем говорить? И еще поняла, что по шкале, озвученной сегодняшним психотерапевтом, красавица Катя отнюдь не «принцесса». Комфортабельная жизнь — так, приложение. Банк пинков зашкаливал, да и самооценка — не та.
Катя с некоторой неохотой встала и попрощалась. Кивнув официанту, она положила деньги на стол и отчалила в неизвестном направлении. Елене подумалось, что походы в фитнес-клуб, за которые полная дама на неустойчивых каблуках выкладывает немалые деньги, для Кати не приносят ни малейшего удовольствия, а в жизни ее есть лишь материнское «надо».
Как говорил тренер, неудачник обычно руководствуется мнением и ожиданиями других при принятии решений, живет чужой жизнью в ожидании чуда.
Вспомнились привычно-стереотипные отношения с матерью, перешедшие в отношения пассивно-покорного подчинения с заведующей детского сада.
"Важно понимать себя, знать свои интересы, стоять на своем, где это необходимо", — подумала Елена и, неспешно допив свой кофе в одиночестве, направилась к выходу.

К 200-летию Михаила Лермонтова

Ксения МИРОНОВА

«Когда-то в школе, готовясь к сочинению по «Капитанской дочке», Ксения прочла статью М. Цветаевой «Мой Пушкин» и воспоминания современников о поэте. Это было открытие, прорыв в свободу из школьной рутины: оказалось, что Пушкин в детстве был увальнем, что о нем можно говорить не заученными штампами, а как о близком и необходимом человеке, чувствуя его другом и собеседником. Следующим этапом к освобождению были занятия в Клубе юных искусствоведов в Пушкинском музее и в Школе педпрактики при Московской консерватории, но особенно — семинары, посвященные поэзии французских символистов в Школе юного филолога на филфаке МГУ. Культура превращалась в свое, домашнее дело. Естественным продолжением стало поступление на филологический факультет МГУ, который Ксения окончила с отличием в 2007 г. Углубленное изучение английского и китайского языков в университете продолжается и реализуется в преподавании их детям, в писании стихов на китайском язы-

ке, а поиски свободного диалога с классикой и потребность помочь школьникам открывать для себя мир лирической поэзии — в сотрудничестве с коллективом авторов, разрабатывающих учебные книги по русской филологии в Психологическом институте РАО. Работы Ксении публиковались в коллективной монографии «Я — другой. М.Ю. Лермонтов», в журналах «Литература в школе», «Теоретическая и экспериментальная психология», в газетах «Русский язык» и «Литературные известия». В этом году готовится новая учебная книга о Пушкине. Желание слышать поэта, постигать скрытую реальность его личности и текстов, соотнося их с глубинным опытом человеческих чувств, эмоций и размышлений, присуще Ксении как творческой индивидуальности. Шаги к постижению могут быть разного размера, но главное, чтобы они делались, и делались с чистым сердцем, открытым и активным умом, действенной интуицией истины. Ксения Миронова обладает этим потенциалом».

Мария Миронова, поэт, литературовед, член Союза литераторов РСФСР (России) с 1991 г.

БЛИЗКОЕ И ЧУЖОЕ: ДВА ОБЛИКА РОДИНЫ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Отношение М.Ю. Лермонтова к Родине всегда было сложным и противоречивым: в нем сочетались приятие и отторжение, любовь и ненависть. Одним из наиболее сложных и мучительных на пути к обретению родного для поэта было срывание масок, отделение от ненужного, наносного, освобождение от иллюзий в отношении не оправдавшего доверие, — ведь родное всегда значит избранное.

Стихотворение «Смерть поэта» стало самым известным и горячим откликом на смерть А.С. Пушкина. Лермонтову удалось донести до других свою скорбь, ворваться в потрясенные души, дать им почувствовать и разделить боль утраты. Стихотворение основано на двух центральных противопоставлениях: первое — противопоставление родного и иноземного, которое не понимает, не признает, не уважает чужую родину.

Лермонтов от имени родной страны и народа защищает почитаемые на Родине святыни от дерзкого поругания «пустых сердцем», не могущих ни понять, ни оценить красу чуждой им земли. Второй же полюс создается противопоставлением выделяемых уже внутри самой Родины родного и чужого: «оклеветанный молвой» поэт, «дивный гений» противостоит «завистливому и душному» свету, «злобно» его гонящему. Лермонтов принимает на себя полномочия тех проповедников, которые, как Савонарола, взывают к высшему — Божьему — суду и выявляют пороки.

Тема родины, размышления Лермонтова об особенностях своего отношения к ней, чувств, ею вызываемых, тем острее, чем глубже поэт осознает себя чужим — миру, людям, той же родной стране. Поэт чувствует, что мир «официальный» не принимает его, отталкивает, казнит как преступника.

Страстный поиск родного, жажда его обретения наполняют стихотворение «Тучи», написанное за год до смерти, в апреле 1840 г., перед отъездом во вторую ссылку на Кавказ. Поэт вновь, «как преступник перед казнью», ищет «кругом души родной...» («Гляжу на будущность с боязнью...», 1838).

Противопоставление близкого (любимого) и чуждого внутри многоликого отечества вылилось в два итоговых стихотворения поэта, которые, как отмечают исследователи, образуют единое целое: «Родина» и «Прощай, немытая Россия...».

В стихотворении «Прощай, немытая Россия...» (1841) поэт со злой болью высмеивает то, что вызывает в нем скуку отвращения, и прежде всего это двуединое согласное рабство: и «рабов», и «господ». Лермонтов выступает против той мнимой заботы, которой окружало полицейское государство своих подданных, от заботы власти, использовавшейся не по назначению под предлогом сохранения «мира и порядка». Поэт говорит об отсталости, неразвитости, бедственном положении современной ему России, увязшей в грязи порока, нуждающейся в глубоком очищении, омытии нравственно-духовных основ.

Говоря о российских «жандармах», Лермонтов не случайно обращается к реалиям турецкой действительности — *пашам* (так в Турции называли высших сановников и генералов). Во времена Лермонтова Турция воспринималась как образец деспотического государства; это представление особенно усилилось после начала освободительной борьбы греков. Тем самым поэт проводит мысль о «турецком», деспотическом характере «немытой» российской действительности, в которой система контроля настолько разрослась, что даже мощные стены свободолюбивого Кавказа не гарантируют от нее защиту («*Быть может*, за стеной Кавказа / Сокроюсь от твоих пашей...».

Поэт отрицает любой самодержавный «официоз», распространяющий духоту, съедающий воздух в родной стране, с его «восточным» оттенком — «пашами», стремящимися бесцеремонно вторгнуться в жизнь подданных и распоряжаться ею, наделенными всевидением и всеслышанием. Отрицает он и унизительную для народа его преданность «мундирам голубым».

Стихотворение «Родина» также было написано Лермонтовым в последний год его жизни, но если восьмистишие «Прощай, немытая Россия...» — это грозная инвектива, резкая обличительная речь, то стихотворение «Родина» — это уже признание в любви.

«Родина» начинается с полемики, с полуочевидного отрицания трех составляющих официальной формулы, выдвинутой графом С.С. Уваровым. Поэт подчеркивает, что формула эта навязана извне, создана умом сановников, а не сердцем народа, не согревающие душу, не вызывающие в ней ответного движения: «Люблю отчизну я, но странною любовью!».

Это не противопоставление нелюбимого любимому, а разграничение того, что приносит *утешение* и что не дает его. Лер-

монтов нисколько не дискредитирует военную славу, «полный гордого доверия покой», «темной старины заветные преданья». Все эти понятия остаются для него высокими, заслуживающими уважения, достойными национальной гордости, которой отдает дань и поэт, — вспомним хотя бы его знаменитое «Бородино». Но одна гордость своей страной и ее славными делами не утоляет его потребности в любви.

Лермонтов полемически, как бы во внутреннем споре, противопоставляет любовь «официальную», «государственную», «умственную» любви индивидуальной, безотчетной, душевной. После формульных, рациональных определений поэт разворачивает перед нами картину, увиденную глазами сердца: «Но я люблю — за что, не знаю сам — / Ее степей холодное молчанье, / Ее лесов безбрежных колыханье,/ Разливы рек ее, подобные морям...». В этих строках прослеживается постепенный переход от покоя (*холодное молчанье* — величавая, отстраняющая строгость, сосредоточенность, отрешенная от всех забот и волнений тишина) к началу движения (*колыханье* — шум, заговорщический шелест листвы, словно некое возмущение, ропот) и, наконец, к бурному действу, мощному, неудержимому прорыву (*разливы рек, подобные морям*, — стремление к свободе, скрытое в самой природе, которое, когда приходит час, выносится наружу и все собой затопляет). Вместе с природой путь освобождения от условных пут и внешних границ проходит и лирический герой.

Изображение любимого построено по принципу перехода от общего плана к более крупному: начиная издалека, поэт приближает образы почти вплотную. Сначала перед нашим мысленным взором предстают степь, безбрежные леса, разливающиеся реки. Потом читатель становится путником, уставшим в дороге, едущим ночью в телеге мимо деревенских домов. Затем перечисляются уже отдельные конкретные явления: дымок спаленной жнивы, ночующий обоз, чета берез на холме, полное гумно, изба, окно с резными ставнями. И завершается перечисление, а с ним и все стихотворение, описанием шумного деревенского праздника: «Проселочным путем люблю скакать в телеге / И, взором медленным пронзая ночи тень, / Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге, / Дрожащие огни печальных деревень. / Люблю дымок спаленной жнивы, / В степи ночующий обоз / И на холме средь желтой нивы / Чету белеющих берез. / С отрадой, многим незнакомой, / Я вижу полное гумно, / Избу, покрытую соломой, / С резными ставнями окно; / И в праздник, вечером росистым, / Смотреть до полночи готов / На пляску с топаньем и свистом / Под говор пьяных мужичков».

Душа лирического героя отогревается постепенно. Сначала могучие, величавые русские просторы дают общую перспективу и необходимое, родное душе чувство необъятности, но эти образы еще холодны и отстраненны: «холодное молчание» степей, колыхание «безбрежных» лесов, разливы рек, «подобные морям», восхищают и воодушевляют героя, но не согревают. В этой картине, нарисованной размашистыми красками, с гиперболическими, почти былинными образами, передающими безмерность пространства, где готов засвистать Соловей-разбойник, еще присутствуют отголоски «гордости», сродни той «исторической» гордости за родину, которая сейчас не трогает лирического героя. Это описание служит неким переходом от официального обобщения к конкретному проявлению.

Сразу вслед за отчужденно-величавой картиной идет резкое приближение плана и даже его полная персонификация, когда взгляд внешний, пытавшийся охватить необъятное, становится взглядом изнутри. И вот уже легенда и былина превращаются в передачу индивидуальных ощущений, знакомых читателю, почти осязаемых и легко вовлекающих нас в ту радость непосредственного общения с родиной, которую испытывает лирический герой и которая дает теплоту, надежду, невидимо вводит в пространство индивидуальной, душевной, необъяснимой — «странной» — любви.

Г. Адамович писал: «Кто привык представлять себе Лермонтова «байроненком» или доморощенным демоном, пусть вспомнит «Люблю отчизну я...». Стихи неровные, как неровно все у Лермонтова. Начато не без декламации. А к середине, в пейзаже, в напеве, в эпитетах — «дрожащие огни печальных деревень» и другое, — звучит что-то непостижимо русское, с предчувствием знаменитых тютчевских «бедных селений» и всего того, что в нашем искусстве по этой линии прошло».

Ф.И. Тютчев в своем знаменитом стихотворении говорит о том, что русская красота может остаться загадкой для иностранцев («чуждого взора иноплеменного»), они просто не могут ее увидеть, а потому спокойно проходят стороной, не зная, мимо чего прошли. Лермонтов же обращает внимание на то, что и далеко не каждый принадлежащий к «русскому племени» обладает даром видения подлинной красоты и умением по-настоящему ценить родной край.

Но это та *странная* любовь, которая может помочь освободиться от маски высокомерной презрительности, изматывающей тонко чувствующее и ранимое сердце, может привести к не терпящему фальши родному теплу, к дому.

«Дрожащие огни» делают окружающие просторы родной земли доступными, близкими и понятными: от холодности степей и рек — к теплоте и трепетности «белеющих берез». На дикую природу герой смотрит издали, а в природу, обжитую человеком, составляющую предмет его заботы, внимания и включенную в его повседневную жизнь, где даже березы выступают «четой», как в добропорядочной крестьянской семье, он уже не боится войти. Характерно, что в начале стихотворения путник встречает холодное *молчание* степей, а в конце он уже слышит *говор* мужичков.

Таким образом, душа лермонтовского лирического героя находит отраду в тихой незатейливой прелести окружающей природы, в естественной жизни тесно связанных с природой людей.

Мария МИРОНОВА

ВЕРЯ В ЕДИНСТВО, ЛЮБИТЬ ВОПЛОЩЕНЬЕ

* * *

Счастлив, кто посетил сей мир...
Ф.И. Тютчев. «Цицерон»

Бессветно-вычурные звуки,
Рифмованная маята.
Ко мне она всё тянет руки –
Увлечь в широкие врата.

Она жонглирует умело
Словами, мыслями, строкой,
Распоряжается, как телом,
Священной речью и мирской.

Блуждая в соснах добровольно,
Осколочное бытие
Любуется собой, мирволит
От искусов глухой змее.

И красочное словоблудье
Жизнь обессмыслить норовит.
Тамтам, животное безлюдье.
Возгонный, алкогольный ритм.

Ей нужно всё твоё богатство,
Всё восхищенье, весь запал.
Ей мало светом наслаждаться –
Весь поглотит её напалм.

Но не насытить дна пустого,
Где Кафку знают и Басё...
Без целомудренного слова
Сей мир не может быть спасён.

* * *

Мужество делать, идти, сомневаться,
Преображая инертную массу,
Быть в безоглядной степи матерьяла,
Смысл извлекать осторожно и рьяно.

Горная музыка здешних просторов,
Горестных стен и внезапных разломов, –
Кто ты, зачем твой мотив так предтечен,
Что утверждаешь, когда я перечу?

Зелено Древо, Единый бессменен.
Что мне искать? – Каждый в зёрнах измерен.
Но остаются деревья, дубравы,
Все, кто всегда ежедневностью правы,

Правы и сутью, навек прикровенной, –
Что мне найти остаётся за сценой?
Нет, не интриги, не пыль, не гримёрки –
Лучше тогда на далёкой галёрке.

Но неужели нащупать придётся
Каждого – меру и каждого – солнце?
Веря в единство, любить воплощенье.
Дух в глубине его – вещи вещее.

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ

Скупайте земли, данные веками,
Чтоб ни ступить нельзя было, ни сеять,
Чтоб не поля считать – собак на сене,
Чтоб проросли луга особняками!

О, весело плодить миллионеров,
Им отдавать не меньше, чем районы! –
Богаты мы, богаты и влюблённы,
И влюблены всегда в одну химеру:

То власть упорная, угрюмая, литая,
С кем не поборешься – пойди против рожна! –
И, наконец, в себя уйти сполна,
Из-под плиты, как пчёлы, вылетая.

А если не давить, то, вроде, забалуем –
Куда же метафизике деваться? –
И среди общества благоразумных наций
Затеем апокалипсис всем ульем.

Так, значит, в распродажу нам дорога? –
Вот и земля, клочки её берите,
А пахотные земли – то «элите»,
И скоро будет больше, чем помногу.

«Кому не ндравится, ворота вам открыты,
А мы уж похозяйствуем без «плана».
Нам всё тут нынче стало по карману,
Здесь будет всё как следует разрыто».

И дуб стоит пока, набухли корни.
Повсюду свалки с видом напряжённым.
Но сделается чисто и *решённо*:
От нас всю землю оградят забором?!

И новых феодалов жёсткий профиль,
Раздробленность, высокомерий войны
Напомнят революции каноны,
Земля и *воля* с кровью станут вровень.

ИЗ ЦИКЛА «О ДРУЖБЕ»

Светлой памяти моей Мамы

Годами мне давалась радость
Тебе помочь, тебе служить,
Но в эту ночь не я обрядом
Спрямляла жизни виражи.

Во мне спокойствие лежало,
Когда волнение рвалось,
Как будто я была там гость,
Где ты владение стяжала.

Мой друг! Ты знала, что за этим
Стоит, как слово глубоко,
Как в дружбе любящим легко,
Как после будет мне на свете.

Я верила, ты спишь, но только
Не ведала, как сладок сон,
Как быстро, счастью в унисон,
Вся жизнь твоя летела в польке,

Как детство приходило вновь
Родителей святых чертами,
Как в Гаграх обнимал, мечтая,
Твой муж тебя, свою Любовь,

Как ты училась вдохновенно,
Как побеждала, как цвела,
Как песней поднимала зал,
Как слушала концерт из Вены,

Как плакала в поездках долгих,
Соскучившись по малышам...
Пришел ли в эти сны клошар,
Моста хранитель голоногий?

И Нотр-Дам внушил ли снова
Досаду, страстную печаль,
Что нет родных с тобой сейчас,
Чтоб красоту вместить *иного*.

О, сколько было красоты,
Легко так повергавшей в слёзы!
Природа повседневной прозы —
Искусства дивные холсты.

Живая клетка, кладезь тайны,
Тебе доверила себя —
Исследованьем зло дробя,
Спасать живое от страданья.

Когда-нибудь начну о главном,
Что разделила я с тобой,
Пока летели над судьбой,
Над непевучим серым камнем.

Давно торила ты прощанье,
Но догадалась навсегда:
Спасаемся мы не вещами,
Но чудом сердца и труда.

Мой давний друг, исконный, верный,
Ты слышала мой первый вдох,
Ты помогла сберечь росток
И в мир врасти неимоверный.

Теперь же суть метаморфозы —
Рожденье в Жизнь — ты узнаёшь
И нового открытья дрожь,
Бессмертье видишь, а не грёзы.

Прости мне горечь и роптанье.
Не мы определяем срок.
Пусть вера будет наш урок
В непостижимой этой тайне.

ДЕРЕВЬЯ

Как люблю я тёмные стволы,
Многоярусные танцы веток,
Контражурный ореол листвы,
В воздухе парящей беззаветно!

Что-то ожидает мощный ствол,
Легкомыслия не принимая,
От переливающихся волн,
Зелено забушевавших в мае.

Соль семьи, её земной трибун,
Триумфатор, центр и опора,
Норовистый каждый год табун
Гонишь из себя тугим напором.

Каждый год — единство и борьба.
Ты прощаешься не беспокоясь:
Плотная коры твоей резьба
Воскресенья продолжает повесть.

Илья ЕГАРМИН

ЦЕЛУЮЩАЯ СПЯЩИХ

Обычно я сплю крепко и глубоко, а засыпаю долго и мучительно. Однако в эту ночь дело обернулось иным, я бы сказал, прямо противоположным образом, ибо заснул я на удивление быстро, а спал исключительно чутко. Всякий звук, рождающийся в моей комнате в эту ночь, открывал для меня дверь. Например, дверь в окно, ведущее во двор (в моей комнате одно-единственное окно, и оно выходит во двор через второй этаж). Двор, надо сказать, ничем не примечателен: зажат в четырёх стенах, тесен, увит плющом. На противоположной моему окну стене (которая совсем без окон) — ржавая пожарная лестница с парой-тройкой проломленных временем ступеней и ведущая, по правде сказать, неизвестно куда. Прямо под лестницей — скрытый листвой фонарь с выбитыми на всех четырёх гранях стёклами, но действующий. Свет его зеленоват, тускл и напоминает лунный.

Попасть во двор можно только через чёрный ход, на ночь запирающийся на висячий замок. К моему окну на втором этаже снаружи никакие лестницы не ведут. Единственная лестница, по которой можно попасть ко мне, — внутренняя, каменная, ведущая к двери, которая на ночь изнутри запирается на ключ. Ключ я обычно кладу на письменный стол.

Итак, этой ночью меня разбудил звук или, я не знаю, ощущение света фонаря с улицы, — так или иначе, открыв глаза, я понял, что в комнате кто-то есть. Понял я это сразу, хотя никого не увидел. В комнате ничто не шевелилось, за исключением фонарного света с улицы, — это из-за колеблемой лёгким ночным ветром листвы, скрывающей фонарь. А может быть, это шевелились тени этой листвы?

Моя комната устроена приблизительно так: два или три ряда тяжёлых портьер (на тех стенах, где нет окон), куча старых платьев на вешалках (дырявые плащи, надетые один на другой и проч.). Эти вещи принадлежат не мне, а хозяйке, у которой я снимаю комнату. Хозяйка (Марья Ильинична, если мне не изменяет память) умерла с месяц тому назад, унеся тайну комнаты с собой в могилу, посему устройство и обстановка описываемого помещения, по-видимому, до конца времён останутся загадкой. Например, за портьерами имеются три или четыре чулана, два из которых абсолютно пусты (если не всматриваться), а остальные забиты всяческим хламом (заклеенные изоляционной лентой очки, церковные свечи, склянки с запылённой святой водой, пилки для ногтей, керосиновая лампа, кружева, тесёмки и т.п.).

Помимо всего прочего в комнате имеется широкая кровать (которую занимаю я) и два старинных платяных шкафа. Один из них (отведённый мне) фактически пустой (в нём паратройка чистых футболок и шнурованные кеды со сломанными каблуками, принадлежащие моей бывшей сожительнице). Второй шкаф — «детективный»; через него можно попасть в соседнюю комнату (также хозяйскую), однако этот ход давно и безнадёжно заперт и, по-моему, даже заколочен с той стороны (говорят, что через этот шкаф хозяйка ночью из своей комнаты входила к жильцам).

Итак, придя к заключению, что в моей комнате находится кто-то посторонний, я сразу же подумал о хозяйке, однако вскоре очень быстро вытряхнул из головы остатки сна, одумался, взвесил всё... «Кто-то (полагал я) должен находиться в одном из чуланов, за портьерами. Видимо, он наблюдает за мной, и посему мне не стоит подавать виду, что я проснулся и догадываюсь о его присутствии. По этой причине я не шевелился совершенно; двигались в этой комнате лишь мои глаза.

Ключ от двери лежал на столе (хотя это совершенно ничего не значило). Шкафы заперты. Тишина. Я предположил, что в момент пробуждения я как-то неловко шевельнулся, застонал или что-нибудь в этом духе и тем самым отпугнул пришельца. Посему он сейчас затаился и ждёт. Но чего он ждёт? Например, ждёт, когда я засну. Значит (решил я) следует притвориться спящим и понаблюдать за тем, как события будут развиваться дальше.

Что я и сделал: не закрывая глаз, задышал ровнее; весь внимание. Но *он* мог видеть мои открытые глаза, ведь в комнате было

достаточно светло. Поэтому я принял решение закрыть глаза и погрузиться во тьму и неизвестность (или, как говорят, отдаться во власть слепого случая), отныне полагаясь лишь на слух.
Сначала я не услышал ничего, кроме лёгкого, едва различимого шума ветра. Однако спустя некоторое время (может быть, минуту или полторы) к этому внешнему звуку, который исходил с той стороны окна, примешался совершенно иной, и он, этот звук, родился уже непосредственно здесь, в комнате.
То было шуршание края портьеры об пол, и затем тихий скрип половицы. Тот, кто находился за портьерой, теперь выбрался из своего укрытия и направлялся определённо в сторону моей кровати. Двигался он очень медленно (это было хорошо слышно по скрипу половиц). Я не открывал глаз. Уже можно было различить дыхание идущего — взволнованное, но в то же самое время как будто умиротворённое. Все звуки исчезли, осталось только это дыхание. *Он* стоял уже рядом, совсем рядом, в изголовье кровати. Не открывая глаз, я ощутил приближение чего-то тёплого к моему лицу; я почувствовал запах мускуса, зверинца, жары.
— *Я целую только тех, кто спит*, — горячей скороговоркой прошептали мне в ухо; я открыл глаза, и в следующий момент цепкие, невероятно сильные пальцы схватили меня за горло.
— *Только тех, кто спит.*
Выпроставшись из-под одеяла, я обеими ногами отпихнул того, кто навис надо мной. Пальцы разжались, тело отбросило в сторону, тело упало в темноте. Я дёрнул за верёвочный выключатель над кроватью.
Конечно, это была женщина. Разглядев её при свете, я пришёл к заключению, что не думаю, что это хозяйка. Да это и вправду была не она. За моей спиной раздался скрип — это сквозняком приоткрыло входную дверь.
— Значит, вы вошли через дверь, — сказал я. — Да по-другому и быть не могло, — через двор, например, ко мне не попасть.
Я бы дал ей лет тридцать. Губы у неё были в крови — моя вина. Волосы распущены. Лента на шее. Деревяшки. Колокольчики. Длинное серое платье.
— Да, — сказала она. — Только через дверь. Ключи, — добавила она.
— Ключи?
— Ну да, ключи.
И она потрясла огромнейшей связкой ключей.
— Боже, сколько их у вас... Наверное, от всех на свете дверей...
— Почти, — она посмотрела на меня, как мне показалось, косо.
Я взял её под руки и усадил на стул.
— А я сначала подумал, что вы вошли через шкаф.
— Не знаю пути через шкаф, — сказала она, вытирая рот.
— Ну, и хорошо, что не знаете... И всё-таки интересно, откуда у вас ключ? Я имею в виду ключ от моей комнаты?
— Откуда? Не помню... Я их нахожу. Ищу и нахожу.
— Находите?
— Да, на улице. На улице много ключей.
— И как вы определяете... Ну, я имею в виду, откуда вы знаете, что, например, вот этот ключ именно от этой двери, а не от другой? Вы что, бросаете кости? Или вам это снится?
— Не знаю. Я просто выхожу и иду. Ночью по городу. С закрытыми глазами или нет, я не знаю. Иду и прихожу.
— И что, ключ всегда подходит?
— Не подходит, когда не спят. А так — подходит всегда. Поэтому и странно. Очень странно. Сейчас странно.
— И что вы делаете, когда приходите?
— Я целую тех, кто спит.
— Целуете? Зачем?
— Потому что это — лучше всего. Это лучше всего на свете. Это лучшее из того, что можно делать... Но теперь — всё. Со мной такого никогда не случалось. Это конец и для вас, и для меня.
— Конец? Не понимаю... Почему конец?
— Вы не спали. Вы обманули меня. Ключ обманул меня. Ваша комната обманула меня. И я столкнулась с тем, кто не спит.
— Да разве вы не сталкиваетесь с ними каждый день? С теми, кто не спит?
— День? Меня не бывает днём. Хотя днём спят все. Но по-другому. И меня не бывает днём.
Я сел напротив неё на кровать и прикурил сигарету.
— Дайте мне денег, — сказала она. — Я уеду. Я должна уехать отсюда. Далеко. Навсегда... Хотите переспать со мной? Раз уж мы оба здесь...
Я посмотрел на неё. Я был подлецом и сказал ей правду.
Через десять минут она не поправляла перед зеркалом волосы.
— Вы завтра умрёте, — сказала она. — Завтра ночью.
Я посмотрел в окно, где свет фонаря медленно расплывался в свете тусклого, полупрозрачного утра. На часах было: 4:16. Я усмехнулся:
— Почему завтра?
— Не знаю. Так надо. И я тоже завтра.
Я прикурил сигарету.
— Знаете, — сказала она, — когда вы спите, всегда что-то происходит. В вашей комнате. Я имею в виду, не только в вашей... Вообще, когда кто-то спит, в его комнате что-то происходит. Это может происходить с тем, кто спит, а может просто происходить. Но сейчас это чаще происходит именно с теми, кто спит. Всё чаще.
— А если человек не спит?
— Если он не спит, этого не происходит. Знаете, я приходила и целовала. Всегда по-разному. В щёку, в волосы, в губы. Это чудесно. И тогда происходило это, а не что-то другое.
Я смотрел во двор, она тоже.
— Странное место, — сказала она. — Из него действительно никуда нельзя попасть.

Она ушла.
А следующей ночью было вот как: я засыпал долго и мучительно и заснул крепко и глубоко. А потом я поднялся и сел на постели. Нет, я вовсе не хочу сказать, что я не спал, напротив, я спал и спал крепко и глубоко. И, сидя на кровати, я видел то, что происходит в моей комнате. В моей комнате что-то происходило, нечто происходило, а лучше сказать — просто происходило. И это происходило со мной, спящим...
И от всего этого я, как ни странно, умер.

Аркадий АГАПКИН

ЧТО ЖИТЬ ДА ЖИТЬ...

* * *

Пой ветром перехлестным, солнцем пой —
Июньским дребезжащим тенорочком.
За светлый день — глаз выколотый — ночка
Залижет мраком междометья хвой.

А про души серебряный настой
Доскажет перепрыгнувшая кочка
Через кусты-словечки, будто точка
На чистой кальке спелости лесной.

* * *

Два отщепенца и рожок
Сверчком раздавленным ... Послушай,
Стяни потуже узелок
Души и спрячь в суме пастушьей.

Собрав зерна в пыли дорог,
Закатной выпивки откушай.
Покуда выцветший денек
Не захлебнется тьмою стужей.

А я пойду за бугорок.
Там не в пример светлей и суше.
Там умирают со всех ног
Мои отпущенные души.

* * *

Смутьянское кино — глазок брусничный,
Клен звездолистый, песня на ветру.
Вороны дохнут, сойки мамок кличут,
Почистив клювы — если поутру.
Как дух в лохмотьях, утро нараспашку.
К разлукам страсть покрепче первача.
Плевался хвоей, плакал на ромашку,
Но слово, будто крест, таил у теплого плеча.

И хаживал по горьким тропам Каин.
С багряных крон бросалась рысью жуть.
Смутьянское кино — могильный камень.
На камешке насиженном сижу.

* * *

От праздных объятий — до твари с глазами —
Потом чело век, чело губ, чело глаз.
Что Слово у Бога, в крови, со слезами,
Не знали. И свыше безмолвствовал глас.

Ждать свыше — но тучами полдень увешан,
И снизу — хребтами — топорщится твердь.
А твари с глазами порывы безгрешны,
Коль, зная, не смочь, коль, не зная, посметь.

И солнце — дождями — лучей не потратит,
И тучам — в тумане — темнеть про запас.
А тот, после твари — то странно некстати
Ему чело век, чело губ, чело глаз.

* * *

Эти вербы врут, наверно,
И не тот Христос воскрес.
Вьются лярвы, кружат стервы
На башку с пустых небес.

Речки жало голубое
Ядовито впилось в брег.
Я, бессмыслием спокоен,
Слышу века жуткий смех.

Скатерть трав в лохмотья смята,
Моросит листвою лес.
Это вербы виноваты,
Что не тот Христос воскрес.

* * *

Двужильный день перехитрить
И ночь бездомную пришучить
Златосеребряной луной...

Так пелось брошенной весной
На тот неосторожный случай,
Что жить да жить...

Дмитрий КУРИЛОВ

ДВОРЯНСКАЯ ФАМИЛИЯ ДОМБРОВСКИЙ

Начинать эту историю надо, наверное, с Шуры Лаврова.
Шура был крепкий деревенский парень, такой же рыжий, как я, но года на четыре постарше и после армии.
Мы вместе отдыхали в зимнем оздоровительном лагере, где я прославился песнями, а Шура — непрестанными поисками спутницы жизни на одну ночь.
Жили мы вдвоём в одной комнате, и Шурино либидо этот факт воспринимало, видимо, как руководство к действию. Несмотря на зиму, спал Шура без трусов. Возможно, так он готовился к предстоящему свиданию, до которого дело так и не дошло.
Утром мы, как идиоты, бегали на зарядку и делали разные парные упражнения. В том числе вставали спинами друг к другу, переплетались руками и, наклоняясь вперёд, поднимали партнёра на спину. Шура был раза в полтора крупней меня, и, при очередном поднятии всем весом перекатился мне на голову. Я упал носом в лёд, а сверху легло мощное Шурино тело...
Так я познакомился с лагерным врачом Светланой Михайловной, вдовой заведующего кафедрой систем жизнеобеспечения космонавтов. Она восстановила мой нос, мы подружились, и она стала поклонницей и пропагандисткой моих песен.
С её лёгкой руки я стал выступать по разным хорошим компаниям.
Водила меня Светлана Михайловна и в только что реанимированное Дворянское собрание. При этом она прожужжала мне все уши о важности генеалогии. Из её рассуждений выходило, что приличный человек должен иметь дворянские корни. А поскольку, по её мнению, я человек не только приличный, но и талантливый (да чего уж там скромничать — гениальный!) — то не только должен, а просто обязан их иметь.
Я порылся в корнях своего скромного и унылого генеалогического древа и не обнаружил там ничего, кроме навеки полусогнутых в полях и на огородах землепашцев, нескольких представителей рабоче-крестьянской интеллигенции, похотливого лесника и какого-то не весть откуда забредшего коробейника, разогревавшего базарную толпу шумными речёвками типа: «А ну-у, кому пирожки! Налетайте, мил дружки! А кто купит бутербродки, тот получит рюмку водки!».
Дворянами там и не пахло. Да и откуда, если я — классический советский интеллигент второго поколения, сын инженера и учительницы начальных классов, ну, максимум, — третьего (мамин отец был журналистом, репрессированным по наговору завистника-соседа). Копни поглубже — появляются вышеупомянутые землепашцы, хитрый лесник и голосистый коробейник.
С этим надо было кончать. И судьба послала неожиданный подарок.
Этот подарок по имени Света по уши влюбился в мои песни и, судя по всему, и в меня. Кроме всех приятных достоинств у Светы была красивая фамилия — Домбровская. Мы со Светланой Михайловной решили, что эта фамилия явно дворянская. Отношения наши со Светой развивались стремительно и вели к неминуемому хэппи-энду. И не то что бы её фамилия являлась решающим фактором — но всё же она придавала нашему роману романтический флёр. В общем, при замужестве (пардон, женитьбе) я взял фамилию жены. И из Курилова стал Домбровским.
На моё решение накладывалась неприязнь к собственному прошлому — с травлей в школе, с безответной студенческой любовью к роковой девочке Тане П., с маминой призказкой при ее ссорах с пьяным папой: «Ох, уж эта куриловская порода!» Короче, я решил эту породу улучшить. Или хотя бы названье заменить. Что и было сделано.
Почти год я двуличествовал: продолжал учиться, постепенно бросая МАИ, под фамилией Курилов, а на концертах выступал под псевдонимом Славин. И тут весьма кстати случились эта любовь, и эта свадьба.
К тому же Юрьич, руководитель лито «Бригантина», сказал, что одна из наших бригантинщиц, Катя — потомок польского мятежного генерала Ярослава Домбровского, деятеля Парижской коммуны. И я возомнил себя польским шляхтичем.
Последовала чехарда с документами — я поступил в Литературный ещё под старой фамилией, и некоторое время мне пришлось объяснять преподавателям, что я теперь Домбровский. Вот так весело, с оптимизмом, я расставался со своим тёмным прошлым, предвкушая светлое будущее.
Постепенно все привыкли ко мне как к Домбровскому, пару раз я выступил на телевидении и часто концертировал под этой фамилией. Поступил в аспирантуру Литинститута. И на Высшие курсы сценаристов и режиссёров. Работал на радио, в «Литературной газете». Издал книжку стихов.
У нас со Светой родились дети, Даша и Саша. Домбровские.
И друг к другу мы обращались исключительно по фамилии: Домбровский! — Домбровская!

И вот, на восьмом году нашей общей жизни попадается мне в руки Светино свидетельство о браке. Из которого явственно следует: Домбровский — это фамилия первого мужа, Виталика, а напротив Светланы стоит другая — девичья фамилия. Неко-

торое время я тупо смотрел в эту бумажку, пахнущую временем и обманом. А потом пошёл и напился…

Света побелела, как разоблачённый шпион перед сотрудником контрразведки. Помолчали. Покричали. Попытались найти контакт. И оправдание. Стали выяснять нюансы. Дабы отвлечь от главного, Света старалась сосредоточить моё внимание на этих нюансах.
— Да ты не понимаешь, это вообще какая-то левая фамилия! Настоящая фамилия Виталика — Израилевич! Согласись, уж слишком в лоб! Слишком уж вызывающе для СССР! Вот его родители и придумали аферу: нашли какого-то тридесятого родственника с фамилией Домбровский, провели какую-то хитроумную процедуру, вот Виталик и стал Домбровским!
— А ты? А ТЫ??? — вопрошал я.
— Ну и я… стала… — потерянно брякнула Света.
— А дети? Наши дети? Ведь это НАШИ дети! МОИ — от тебя! То есть — ТВОИ от меня!!! — тут я остановился. — Погоди, а дети-то хоть мои?
Света выразительно покрутила пальцем у виска.
— Ну, хоть на этом спасибо!
— Пожалуйста!
— Но вообще… как ты могла? Они же семь лет носили фамилию… чужого дяди!
— Ну почему чужого… Не совсем уж чужого…
— Спасибо!
— Пожалуйста. Но ты тоже хорош — дворянскую фамилию ему подавай. Расчирикался — корни начал копать. Вот я тебе и… накопала…
Я был потрясён. Света была готова пойти на то, чтобы дети носили фамилию её первого мужа — лишь бы не раскрывать тайну своего неэлитного происхождения!

В ЗАГСе, когда я возвращал назад свою родную фамилию — себе, Свете и детям — паспортистки долго таращили на меня глаза — согласитесь, фортель тот ещё!
Эту историю я рассказал только двум людям — мастеру на киношных курсах Валерию Семёнычу Фриду и старшему товарищу по Клубу 12 стульев Павлу Феликсычу Хмаре. Оба очень удивлялись и, похоже, были разочарованы, что я оказался неевреем.
А вот на кафедре русской литературы XX века Литературного же института товарищи, отличавшиеся пристрастным отношениям к лицам еврейской национальности, мне просто не поверили — мол, опять эти евреи воду мутят, фокусы-покусы с фамилиями устраивают, но нас-то на эти понты не возьмёшь и так далее.
Всё это меня, конечно, очень удручало, и я на какое-то время заимел личную неприязнь — и к семитам, и к антисемитам. Ну, и ко всем остальным.
Прошли годы, страсти улеглись, и теперь я их всех нежно люблю. Издалека. А что касается жены — конечно, я недели три был в шоке, но… с кем не бывает. Или, как говорят современные подростки, — глупость нереальная.
А на днях, спустя сто лет после скандала, Светлана Викторовна мне заявляет:
— Ну, и зря сменил. Курилов — разве это поэтическая фамилия? Вот Домбровский — таки-да.
Таки-нет. Пускай моя фамилия хоть и менее поэтическая, и кондово-рабоче-крестьянская, зато своя.
А насчёт поэзии еще посмотрим.

Суламифь КАНАРСКАЯ

ЭМИГРАНТЫ РАЯ

КАК ЦВЕТОК

У меня внутри не растёт цветок:
Старуха во мне — земля.
Поливал меня — напоить не мог:
Нет моря твоим кораблям.
Тестом вылеплюсь — стану маленькой:
Ты учи меня — забывать.
Приручённая и карманная
Снова вырасту — будешь рвать.

ЗА СЕРЕБРО

Не отдавай за серебро
Меня, дождёмся золота.
Твоё упрямое ребро —
Я надрываюсь городом.
Оглохнут под землёй цветы
В пещерах Метрополюса:
До слепо-немо-глухоты
Мечты седеют… волосы.

ТАНЕЦ

Рот крест — накрест закрой руками,
По — рыбьи учись молчать.
С проглоченными крючками
Собою прикрой кровать.
Исполни старейший танец

Евы борьбы со змеем —
Ночь слижет тебя, слистает:
Жмуришься... Жить не умеешь.

ЛЮДИ

Падаем — впадаем
В разные реки:
Эмигранты рая,
Люди — человеки...

ТИР

И сердце моё — тир,
И тело моё — мишень.
Тебе меня перейти —
Короткий один день.
В тебе расхожусь по швам,
На хлеб твой ложусь — соль:
И тело моё — шрам,
И сердце моё — боль.

УЗЕЛ

Узел Гордиев — наши руки —
Побелели костяшки пальцев.
Без амнистии на разлуку:
Не распутаться, не расстаться.

РАСТЕНИЕ

Я — женщина-растение,
Тепличный экземпляр.
Пишу стихотворения,
Живу на гонорар.
Я не сварю варенье,
За спицы не сажусь...
Пишу стихотворенья, —
На что ещё гожусь?

ИЗ ПЕСКА

Из словесного песка
Не намоешь золота:
Сети горе-рыбака,
Как карманы, вспороты.

Сергей ***ГЕЙЧЕНКО***

ЗНАКОВ ВСЕГДА СЛИШКОМ МНОГО...

* * *

Музейная усталость сильнее, чем
Солнце на улице, ветер с юга
И ноги, увязшие в параличе
По причине стояния, чем дорога
В гору и прочее, что извне
Веет на душу, не увязая в ней.

«Птиц» — это пятница и птенец,
В слове «Мария» находится слово «мор»,
И так же культура находится в человеке,
Как нечто нежданное, как самолёт в яйце
Шоколадном. Материя наш кумир,
Но материя не объясняет утёнка в утке.

И поэтому она беззащитна пред
Идеей музея, вяжущей, как ириска.
Духовность спёртого типа приносит вред
Затхлого рода, который, при всей ощутимости, вряд
Ли затрагивает вещество мозга,
Но развращает разум, как шоколад —
Рот и живот ребёнка, шапка — причёску.
Знаки вменяют значению роль довеска,
Хотя сами не говорят.

* * *

Ужин — никакая не еда,
А продукт умственного труда.
В организме мужчины вырабатывается борода,
Особенно активно, когда
Он гуляет на свежем воздухе,
Колет дрова, разжигает мангал,
Языки пламени, похожие на рога,
Возникающие от жира, капающего с мяса,
Аккуратно тушит. Его предзакатный разум
Направляется на ужин и только на ужин,
Что объясняет тезис, приведённый выше,
к тому же
Размышления у огня в наше быстрое время
Важнее еды или важны не менее.
Обойдёмся без заключения.

МОХ

Откровения человека, не могущего собраться с силами,
Не слишком откровенны, потому что он
плохо чувствует, не может определить истину,
а без истины неискренны откровения.
Нынче я на острове Катаиха —
помеси китихи и катарсиса —
делюсь треской с муравьями.
После полуночи
солнце здесь так и не село.
На следующий день узнаю, что
Остров называется Котоиха:
вместо очищения появляется кот.

Видели будто тюленя,
лохматого, как вымытая собака.
Но не я, а Владимир Ильич
(Небезызвестный рыболов Владимир Ильич
с нами на острове).
Я — только зайца.
Вот он, порядок вещей.

День третий. Остров называется Кокоиха.
Теряю присутствие духа.
Мы,
Наконец,
уплываем дальше.

* * *

«Гейченко» рифмуется с «вещи» и «вечность»,
С увечьями человеческими, отточиями,
С горечью чисел, конечным кочаном
Мозга, чтением вслух, перекроением речи,

Неутолением всякого рода. Буквой
Открывается банка шпротов, довольно вредных.
Но что нам до пользы. Знаков
Всегда слишком много, и они наследуют

Глупость того, кто придумал их. Ты же,
Как ты будешь смотреться с моей фамилией?
Нынче немодно менять. Ты тоже
Будешь скучать по своей. Или

Делать вид, что скучаешь. Имя
Рода и жизнь его — это накипь
Прогресса, придаток улья, своими
Подвигами занятого. Знаки

Отличия, числа и другие новомодные штуки,
Появились после первейшей лажи,
Лажи исходного человека. Так что

Не будем корчить из себя хороших,
Хороших и безымянных. Мы не природа,
Мы что-то словесное, больше, чем шорох
Синицы в опавших листьях, меньше, чем водный

Купол моря, меньше, чем рыба, скакнувшая
В руки к святому, когда он просил о пище,
Больше, чем вбитая в воду свая.
Вряд ли свая имеет душу.
А рыба выходит больше и лучше
Человека, в темноте сидящего,
Потому что хотя бы не соображает.

Игорь ХАРИЧЕВ

ИММУННАЯ СИСТЕМА ГОСУДАРСТВА

(Окончание, начало в «Словесности 2012»)

Сначала у меня украли машину. Я перенервничал, потратил день в написании заявлений в милицию и пустых выяснениях, а на следующее утро мою Тойоту Камри нашли в соседнем дворе, целую, но с кучей дерьма на водительском сиденье. Потом меня избили какие-то странные люди, молчаливые, деловитые. Непонятно, что они хотели: денег не тронули, увечий не нанесли, но синяк под глазом поставили. Потом пришлось объяснять друзьям и знакомым, что произошло. Я говорил: подрался с хулиганами. Не скажешь же: просто поколотили. Кто, почему? Тестю я не хотел рассказывать об этих происшествиях, но он и так все знал. Будто бы Аня ему сказала. Он смотрел на меня скорее внимательно, чем с сочувствием.

Потом я заметил слежку за собой. И когда жена в один из вечеров спросила: «Ты позавчера встречался с женщиной?» — я не удивился. «Встречался, — невозмутимо подтвердил я. — А что такого? Это известный аналитик из Центрального банка. Мне важно было поговорить с ней». «И где вы говорили?» — чересчур придирчиво поинтересовалась она. «В ресторане. Как принято в таких случаях. А ты откуда узнала?». Она явно смутилась: «Знакомые видели тебя». Я знал, кто меня видел, но не стал уличать ее во лжи. Лишь спросил: «Что же тебе не объяснили, что я с этой дамой всего лишь беседовал в ресторане?». Она не нашла, что ответить. На следующий родительский день во время обеда я виду не подал, что догадываюсь о причинах происходящего. Но когда мы обосновались в зимнем саду с бутылкой Хеннесси, этак спокойненько задал вопрос:

— Юрий Сергеевич, зачем вы это делаете?
— Что? — Он глянул на меня цепкими глазками.
— Хотите поссорить меня с Аней?.. Он сделал озабоченное лицо:
— Боже упаси. Разве я могу хотеть такого?.. И хотя проговорил он все это весьма убедительно, я ему не поверил. А потом случилось вот что. В нескольких европейских газетах промелькнули сведения о сомнительных финансовых операциях, в которых был задействован банк, связанный с моим тестем и моей женой. Главред предложил мне копнуть, поискать информацию, дабы пролить свет на истинную роль банка.
— Я понимаю — там работает твоя жена, — тактично заметил он. — Если что-нибудь интересное найдешь, напечатаем под псевдонимом. Чтобы у нее не возникло никаких проблем. Он не знал, что и тесть работает в том же банке. Про звание тестя и прежнее место работы он тоже ничего не знал — я старался не распространяться об этом. В противном случае навряд ли получил бы подобное предложение.
А я подумал: почему бы нет? И начал собирать информацию. Разумеется, я не стал приставать с вопросами к собственной жене. Она занималась электронными операциями с физическими лицами в пределах страны и не располагала нужной мне информацией. Но я знал людей, которые могли мне помочь, и обратился к ним. Довольно быстро мне удалось кое-что выяснить. Сомнительные финансовые операции на самом деле имели место. Похоже, они совершались в интересах весьма высокопоставленных лиц. И среди тех, кто занимался этими операциями, был мой тесть. Наш следующий с ним разговор произошел не в его доме. Он позвонил мне, попросил о встрече. Я сразу понял, о чем пойдет речь. И не ошибся. Мы встретились в ресторане, довольно уютном, удобно устроенном для приватных разговоров. Наш стол отделяла от остального пространства декоративная стенка, чужие голоса звучали негромко и неразборчиво. Как только официант удалился, тесть посмотрел на меня своими пытливыми глазами:
— Зачем ты это делаешь?
Я не стал на его манер делать вид, будто не понимаю, о чем он спрашивает.
— Главный редактор дал мне задание, и я его выполняю.
— А если главный редактор прикажет тебе убить?
— Такого задания он мне дать не может, — с легкой усмешкой ответил я. — Мы не ФСБ.
Он помолчал, сумрачно, сердито, вновь перевел на меня глаза.
— Ты понимаешь, что твои действия могут нанести вред нашему государству?
— Какой? — Я продолжал демонстрировать полное спокойствие, хотя ситуация для меня была не из приятных.
— Ты должен прекратить лезть в эти дела. Иначе у тебя могут быть неприятности... Я говорил, что органы, обеспечивающие безопасность государства, подобны иммунной системе. А она, защищая организм, подавляет опасные клетки.
«Надо же, какая метафора, — мрачно подумал я. — Прямо-таки, поэт суровой чекистской правды».
— Юрий Сергеевич, вы мне угрожаете?
— Я тебя предупреждаю. Если бы ты не был мужем моей дочери, тебя предупредили бы по-другому.
Весьма откровенное признание. Я не знал, что ему ответить. Официант принес холодные закуски и бутылку дорогой водки, наполнил рюмки.
— Под такой разговор надо пить водку, — пояснил тесть, едва мы остались вдвоем. — За здоровье наших близких. — Он, деловито чокнувшись со мной, опрокинул рюмку. Мне ничего другого не оставалось, как последовать за ним. Водка была холодная и мягкая на вкус. Закусив маринованными грибками, тесть как-то буднично выговорил:
— Прекрати лезть в это дело. Скажи Главному, что не можешь найти интересную информацию и, возможно, западные слухи не имеют подтверждения. Не мне тебя учить. Главное, чтобы он не заподозрил... — Тут он запнулся, но быстро нашел нужную формулировку, — ну, того, чего не должен заподозрить. Нет никакого смысла продолжать копать, и всё. Я молчал. Мне было неприятно то, что он говорил и что происходило. Но встать и уйти я не мог... Принесли первое, потом — второе. Бутылка лишилась всего своего содержимого. Он не дал мне заплатить. Отодвинул мою руку с деньгами.
— Что ты, в самом деле? — отеческое недовольство слышалось в его голосе. — Перестань. Когда мы вышли на улицу, он пристально посмотрел мне в глаза, пытаясь отыскать ответ на вопрос: как я поведу себя. А я сам пока что не знал, что буду делать.
— Все, что нужно, сказано, — выговорил он. — Тебе решать. И протянул руку. Рука у него была сильная и горячая... Направляясь к машине, я размышлял о том, как поступить? Я понимал, что прозвучавшая из уст тестя угроза вполне реальна. С другой стороны, мне так не хотелось уступать. Во мне тлело уязвленное самолюбие. И я решил отложить решение, чтобы если даже согласиться, то не сразу. В любом случае, не стоило спешить. Как и положено уважающему себя человеку. Так что никаких разговоров с главным редактором не состоялось.
Вечером, едва я вошел в квартиру, Аня ринулась мне навстречу, глянула на меня с торжествующей улыбкой: — У нас будет ребенок. Радостное известие ошеломило меня. А через секунду явилась мысль: «Тесть подговорил?» Более удачного способа повлиять на мое решение трудно было придумать. Я изучающее смотрел на жену. Навряд ли она могла сыграть столь натуральное оживление и ласковую тоску во взгляде. Я притянул ее к себе, поцеловал: — Это прекрасно. — Таковы были мои слова.

Позже я размышлял о том, что теперь мне куда сложнее ссориться с тестем, потому что это будет расстраивать жену, а в ее нынешнем положении всякие лишние волнения недопустимы. Я так хотел этого ребенка и не имел права допустить что-либо, что могло отрицательно сказаться на наших с Аней отношениях.

Так что разговор с главным редактором все же состоялся.

— Я не могу дальше заниматься этим расследованием. — Господи, как только я выговорил это... Умный и опытный человек, он не стал расспрашивать меня о причине отказа. Главное он понял.

— Может, Антон возьмется? — Речь шла о молодом сотруднике газеты.

— Это опасно. Мне угрожали, — сухо сообщил я. Нахмурившись, он поразмышлял несколько секунд, пожал плечами.

— Предупрежу его, и пусть сам решает.

«Антон согласится, — подумал я. — Он азартный парень. Но это все плохо кончится». Однако вслух я ничего не сказал.

Антон загорелся желанием раскопать все тайны. И когда он явился ко мне через день, я передал ему собранные материалы. Мне хотелось, чтобы он довел расследование до конца. И я не стал говорить ему лишний раз про опасность.

В ближайший выходной моя жена торжественно сообщила родителям о грядущем событии. Радость была неимоверной. Брат жены ограничился одним ребенком, который успел вырасти до старшеклассника, а теще и тестю хотелось маленьких внучат.

На этот раз мы с тестем после обеда вышли на улицу, потому что наступило теплое время года, и родители жены перебрались в загородный коттедж. Мы сели на плетеные стулья и занялись привычным делом — употреблением Хеннесси. Через некоторое время я сказал ему с тонкой усмешкой: — После ваших речей много думал о государстве. И даже полазил по интернету. Лучшее, на мой взгляд, определение таково: «Государство есть воплощение права в обществе». Это определение мне нравится. По-моему, оно ближе всего к истине. Ведь право — это завоевание государства. Право прежде всего ограничение. Разумное ограничение на пользу людям. Но ограничение для всех и каждого. Иначе это не право.

Изучающе посмотрев на меня, он скупо выговорил:

— Ограничения нужны. А вот то, что вы с твоим главным предприняли, ошибка.

— Я его предупреждал о том, что не стоит этим заниматься, — выдавил я.

— А потом передал всю собранную информацию. — Какими едкими были его глазки.

Он знал всё. Похоже, в редакции стояли микрофоны, потому что посторонних, когда мы с Антоном общались в моей комнате, не было. Я предпочел сохранить молчание. А тесть вдруг произнес:

— Что касается государства, его надо любить всей душой и служить ему всеми силами. — Сколько игривости было в его улыбке. — Государство — наша опора. Но не все из нас — опора государства.

И вновь я не проронил ни слова. А что я мог сказать? Шутить мне вовсе не хотелось... Следующие три недели я старался как можно реже появляться в редакции — сдавал новые материалы и тут же удалялся. А потом улетел на месяц в отпуск вместе с женой. Мы отправились поначалу в Испанию. Там было изнурительно жарко. Мне это не мешало — целый день я торчал в воде, а вечер проводил в баре, — но Аня мучилась от жары. В ее положении это было нежелательно. Так что мы через неделю перебрались в Норвегию. Здесь было куда прохладнее, и хотя я не мог непрестанно купаться, я не скучал. На взятой напрокат машине мы объездили самые разные уголки этой уютной страны. А потом перебрались в Швецию. Там тоже было, что посмотреть. И в Стокгольме, и за его пределами. Отпускные дни истаяли незаметно. Пришлось возвращаться в Москву. Меня это не слишком радовало. Я будто знал, что меня ждут неприятные известия.

Открыв редакционную дверь, я тотчас увидел на стенке холла фотографию Антона в траурной рамке. Текст сообщал о трагической смерти молодого сотрудника и похоронах. Они прошли три дня назад. Я бросился к главному. Тот был мрачен, отвечал неохотно:

— Сбила машина. Ночью. Неподалеку от его дома. Водитель был пьян. Сбежал. Его поймали... Понимаю, о чем ты думаешь. Но... Больше похоже на несчастный случай.

— А как Антон оказался ночью около дома?

— Не знаю. Может быть, откуда-то возвращался.

— А мобильный проверили? — не унимался я. — Может, его вызвали на встречу? И сбили?

— Мобильного при нем не было, — хмуро сообщил главный.

— Не было? — удивился я. — Тогда все ясно.

Он глянул на меня беспомощно.

— Что ясно? А может мобильный при ударе машиной отлетел в сторону, и потом его кто-то забрал?.. — Хмуро помолчав, он продолжил. — Новое следствие на основе единственного факта отсутствия мобильного телефона не возбудишь. Тем более, что виновный найден, вину свою признал, и единственная версия, которую выдвинуло следствие — непредумышленное убийство. Зря я предложил ему заняться этим делом...

Главный был прав: ничего не докажешь. А раз так, то и получить разрешение на изучение разговоров, которые вел Антон накануне гибели, не удастся. Тупик... Но я не сомневался, что его убили, умно, хитро. Выманили на улицу и сбили. Наверно, водитель — сотрудник органов. И его, несмотря на суд, кото-

рый состоится, в реальности не посадят. Он выполнял задание. Иммунная система государства работала.
Тяжко вздохнув и отведя глаза, я покинул кабинет главного.
С тех пор в наших отношениях поселилась неловкость: главный винил себя в смерти Антона, а я знал, что вина — моя.
Наши отношения с тестем внешне стали идеальными, но каждый из нас знал, что другой его ненавидит.

Татьяна **КАЙСАРОВА**

ПО БЕЛОМУ БЕЛЫМ

ИВАН-ЧАЙ

Ч*а*ется, тесниться Иван-чай,
Клонится, колышется и длится
Будто вся российская печаль
От его цветенья растворится.

Тянется сиреневый дымок
Вдоль дорог — и манит причаститься.
Истина таится между строк —
Иван-чай над пропастью дымится.

Где-то у забытого ключа,
Где у вяза сломана ключица
Иван-чаю некому кричать,
В стылом небе некому молиться.

И плывет Россия сквозь века
В розовом дурмане Иван-чая —
Млечная вселенская река
Берега мятежные качает

СНЕГОПАДА ТАИНСТВЕННЫЙ ШОРОХ

Снегопада таинственный шорох ,
Как ушедших иной разговор,
Как старинные песни в повторах,
И молитвы печальный узор.

Может быть, это только виденье:
Эта жизнь, этот сон, этот бред...
Приоткрыта калитка Забвенья —
Только вход... только — выхода нет.

Только странные мысли о воле
В исступленье плетут кружева...
Но лыжнёй перечеркнуто поле,
Упакована снегом трава.

Незнакомые зимние птицы
Щедрой россыпью стынут в лугах...
Потерялась Судьбы колесница —
Растворилась в российских снегах.

* * *

Здесь всё, как было сотни лет назад:
Такой же дождь, такой же звездопад
И тот же всплеск разбуженной сирени
Под окнами. И чей-то детский смех
Врывается сквозь ставни без помех,
И рыжий кот садится на колени.

Тут чайки не сторонятся ворон
И чинны ритуалы похорон
Родных, переходящих в мир соседний.
А свадьбы, именины и крестины,
Скорее безалаберны, чем чинны,
Зато философ — каждый собеседник.

К озерам опускаются холмы,
А валуны — прохладны и немы,
Им помнится период ледниковый
И грозное потрескивание льдин...
Им дела нет до графики рябин
И шорохов поляны вересковой.

Останемся до первых холодов,
До инея, до бедности садов,
Дары раздавших, скинувших одежды,
Поднявших к небу пальчики ветвей,
Молящихся всей сущностью своей
Без фальши, без печали, без надежды...

* * *

Как давно я с тобой говорю, не сказав и полслова.
Сквозь ненужные слёзы гляжу уходящему вслед:
Полумрак, полусвет, ускользающий промельк былого
Серебро, седина — совмещённые отсвет и свет.

Снегопад, гололедица, лестница к выходу-входу...
Взмах руки растворился — дымится, сгущается, смог.
О какую, Всевышний, ты нам уготовил погоду!
Лишь незрячие звёзды ложатся на стылый порог.

Мы с тобой словно птицы, давно потерявшие зренье:
Всё вслепую, на ощупь, на оклик случайный, на слух.
Как нежданно искрится, в кромешной ночи оперенье,
И к земной тишине неземной приближается звук.

Заблудись в трёх соснах — за спиной все дороги безлики!
Позабудь имена из случайных видений и снов.
Наклонись и отведай, с ладоней моих, голубики —
Пусть небесным огнём снизойдёт, обжигая, любовь.

НЕ ПОМНИ ОБО МНЕ

Такой же, как и раньше вид с холма,
Но неуместны прежние раденья.
Всё ближе, все безжалостней зима
И только мы всё дальше от рожденья.

Иди себе, не помни обо мне.
Моих стихов прибрежия рябые
Пусть больше не привидятся во сне —
Бери себе на выбор сны любые:

Сны вещуны ли, сны говоруны,
Сны ожиданий ложных и тревожных.
Возможно, мы для снов и рождены,
А не для этих будней невозможных.

Спи со Случайной, обнимай во сне,
Пей темный мёд примет и предсказаний
И никогда не помни обо мне.
Тебе неведом код моих желаний.

Покуда дремлют горы и холмы,
И прилетают ангелы оттуда
Откуда родом мирты и зимы
Там испокон не ведома остуда.

Ты будешь ждать свершения надежд,
Все так же — у разбитого корыта.
Не надо размыкать сомкнутых вежд —
Уж слишком широко они закрыты.

* * *

Когда в грозу, когда в чужом лесу
Бредешь под эти всплески и раскаты
Всё кажется, что мы не виноваты,
Что, доверяясь белому листу,
Не ожидаем за строку расплаты.

За то, что пониманье не нашло
Нас, спрятанных в слепой чащобе страха,
За то, что влёт пробитое крыло
Навеки застраховано от взмаха,
От неба, где привольно и светло;
За то, что за полвека не нашли
Ни пристани, ни просто утешенья,
И силы центробежные земли,
Нас отдаляя каждое мгновенье,
Ни разлучить, ни сблизить не смогли.

Валентин КУКЛЕВ

В ПОИСКАХ АНДРОГИНА

Главы из романа
(Продолжение, начало в «Словесности 2008»)

И холод гранита, как пёс языком, оближет хозяина руку...

Из-за притворенной двери слышны голоса отца и дяди, который только что вернулся из мест заключения. От него ушла жена и сын отказался от своего отца. Ему негде жить. Семья ведь как корневая гласная, как глас в пустыне и как возглас неподвижности.
Могилы тоже возгласы неподвижности, их покосившиеся кресты. Мой отец уже не помнил могил своих родителей, умерших в гражданскую. Он ездил во Владимир и не нашёл их последнего внешнего следа, размытого дождями, воровством, событиями многих прошедших лет и нашим советским отношением к «корням».
Повествование идет то из пространства отца, то из пространства сына. «Я» это естественно не «он», потому что «он» — это всегда другой.
Альтер всегда нас запутывает, смущает возможностями иного свершения, иной реализации, как пятиложница Елена Троянская. Кстати, кто последний муж Елены?
Моя теперешняя жена тоже пятиложница. Она не анагога, а педагога, вечно меня обучающая, не загадывательница загадок дева, а созидательница простых задач. То найти, то достать, а это пойти сделать. Вообще-то всё это нужно и, конечно, грех жаловаться мужу на жену Троянскую, ибо это тайна тайн, а жена двигает своего мужа к его горизонтам.
Но вернёмся к «Я». Мне это трудно определить, что это за конкретность такая, может это идеальное «Я», а может это «Я», которое всегда ожидает, но никогда не реализуется, приносит нам страдание.
Я ожидаю, чтобы *она* всегда была рядом и оставалась доступной, я ожидаю, чтобы другой всегда считался со мной и слы-

шал меня, я ожидаю, чтобы к моей чувствительности другой проявлял деликатность, я ожидаю, чтобы мои друзья были медитативными и осознанными по отношению ко мне. Я ожидаю, чтобы мои ожидания в определённое время исполнялись. Есть понимание, что этих «Я» несколько и если это «Я» живое, то оно может превратиться в «Не-я», то есть в другого. Быть может это театр для самого себя, где переживаешь, не живя, всего лишь как приключение одного из твоих «Я», известного тебе самому и никому больше. Другому человеку себя так не покажешь, как не пытайся... Получится лишь жалкая комедия, и та речь, которую ты выбрал для другого, всё равно превратится ни во что и время сотрёт её даже с надгробного гранитного камня... Для самого же себя я подобен герою с множеством лиц и перевоплощений, с этим предупреждением продолжим...
Обращение к «Я» — это признак того, что действия и события будут происходить в настоящем. Как только текст окрашивается лирическими инверсиями, метафизическая плотность возрастает и появляется «он», который делает разрывы и сдвиги в тексте.

Как мелки реки у своих истоков, так первые шаги у дома всё ещё идут не в счёт...

Он видит старуху в зелёном платке, в руке её палка, ручка которой — это крест божий или крест на могилке. Пальцы в суставах так искривлены, что кажутся узловатыми ветками, переплетающими крест. Старушка напоминает ему его бабушку, похожую на ныне состарившуюся мать...
Все люди проходят первое сексуальное посвящение... Всем людям это посвящение даёт родами мать. Мать от слова тьма. Из этой тьмы Богиня Мать из глубокой древности добирается и до современного сознания. Эти архитипичные черты мы видим во всех культурах: у Афродиты, Геи, Деметры, Инанны-Иштар, Артемиды, Исиды, индийской Умы-Дурги-Деви, а также народное почитание Богородицы, что связано с перенесением черт Богини-матери на восприятие Родины.
Все люди появляются на свет от страшной силы этой связи... Многие люди этой энергией ведут свою жизнь, и ею же стараются постигать жизнь... Лишь к старости, возможно, различая, что в силе той от бренности, что от святого, что от смысла... И почему-то, именно старость женская, с нитью переплетающей, как искупление грехов, с этой силой угасающей, страшна печалью, ужасна жалостью... Он вспомнил, как он сидел на диване со своей старушкой-матерью, и она от слабости падала ему на руки, лежащие на коленях. Он выпрямлял её и усаживал обратно, и так несколько раз подряд. И он забыл, как она доносила на него в КГБ. Через несколько дней она умерла — тихо и незаметно.
Бабушка — её мать, мать матери, застыла в памяти с пряжею, лишь искривлённые пальцы в движении скручивают бесконечную нить, наматывающуюся на веретено. Она, после смерти деда, кажется, только этим и жила, теми нитями шерстяными деньги зарабатывала, собирая, связывая, обвязывая всех своих детей и внуков.
Толстая шерстяная нить так и остаётся не только символом судьбы, но и символом женской старости...
Или всё это выдумки одного из «Я».
Мы косим траву на деревенском кладбище, это жутковато, и похоже на воровство, хотя, что в том такого — трава та скотине на пропитание на зиму шла. Дед по материнской линии, чтобы прокормиться, должен был, как тогда говорили, попросту красть траву у колхоза. Серьёзный дед Иван! А трава красная была, то ли от солнца, заходившего за большой холм, то ли от жуков-пожарников. Звук «христь-хрясть» наполнял предзакатный багряный воздух.
Дед: «Клади грабли зубцами вниз! »
Мальчик то ли по рассеянности, то ли из упрямства, то ли сопротивляясь жёсткому дедову голосу, всегда бросал грабли, как попало. Мы крадучись, несли мокрую траву в мешках. Нести их было неудобно. Они болтались за спиной, задевая пятки. И мальчик в отместку деду, в обиде на весь мир, шептал про себя наговор: «Жили-были дед и баба, ели кашу с молоком... » А потом что было? Он забыл, что.
Осталось лишь «Жили-были дед и баба...» — метрономом в ушах...

Время свернулось, чувства напряжены,
как стоячий в воде поплавок...

Я долго считал себя человеком, лишенным иллюзий насчет своего прошлого и будущего, как вдруг обнаружил, что их у меня предостаточно — настолько, чтобы даже называться мечтателем, коих в прошлый век было хоть пруд пруди. Нереальные люди встречают нереальных людей и ситуации. Люди прошлого привыкли жить в прошлом, не живя в настоящем, а тем более в будущем. Вообще-то жизнь штука простая, ты либо живой, либо мёртвый, но есть и гибридные состояния. Тот, кто хочет жить, тот мёртв.
Вот и сейчас, когда пишу, идея бесконечности и повтора сковывает волю и любое мое действие лишено всякого основания. Будет и повторится лишь то, что было, и, погружаясь в прошлое, пытаюсь отыскать следы того, что есть сейчас. Я нахожусь в странном пространстве вне времени, только радиоволны доносят что-то. Последние известия, которые так и не станут последними...
Шум проезжающего ночного троллейбуса, звук от которого — приближение атомной катастрофы.

Сломались краны, лопнула водопроводная труба, и лужи на полу — кровь поржавевших артерий дома.

Это прелюдия к эсхатологическим переживаниям, и людям вокруг нет никакого дела до нашего прошлого и будущего, до упавшей звезды Полынь, до тайны неподвижных звезд, горящих на фоне северного неба. Я почти засыпаю, но ощущения распускают хвост огненной кундалини; и запах розариума с его шёпотом, ощущаю в утреннем свете, и белый халат моей первой жены пытается остановить сердцебиение, и брюшко мертвой пчелы, и опавшие лепестки только что напоминали потемневшее лицо, отжившее в строгости улыбки и то, что таит в себе последний миг. Я отбрасываю от себя паутину дремоты...

Взгляд натыкается нам измятый носок, охраняющий форму отсутствующей ноги. Вибрации прекратились, и мой взгляд падает расколотым биноклем... выкатилось стеклышко сверхсознания, как у того соседа по палате, который, стоя на бетонном подоконнике больницы, размахивал руками-крыльями, оставляя в пространстве очертания потерянных городов. Когда у него спросили, что он делает, он вразумительно ответил: «Переговариваюсь с соседней Галактикой, говорю с *Микромегасом*».

— Ну, как у нас обстоят дела с памятью?, — задал свой собственный вопрос врач.

Руки его изучали историю моей несуществующей болезни, а в его манихейских очках отсвечивала чья-то возвращенная память, которая сосредоточила историю человечества в оптической сфере холодного зрачка.

Ах, да Память! «Память времени — это история, которой уже нет, и которую придумывают ученые люди, окрашивая ее в цвет, выгодный власть имущим», — произнесло ожившее мое сознание.

— Так же, как история человечества, сплошные истории навязчивых идей, ставших вскоре великими открытиями, — прошамкал его птичий рот.

И я отвлекся, меня не занимало, что он скажет, так как знал это наперед, а занимала его беззубая артикуляция. Звуки он укладывал то по вертикальному, то по горизонтальному ряду, причем, например, буква. «А» — подчеркивала горизонтальные предложения, а буква «У» — вертикальные.

— Лежал тут у меня один тип, историк, — губы прошлепали как соскакивающие калоши.

— Горизонтальность, — отметил про себя «Я».

— Так вот, его биокомпьютер содержал даты рождения и смерти всех великих людей. Своего рода феномен, ставший идеей-фикс. И лежал у меня один еврей, называвший себя Марком Туллием Цицероном. Он и вправду был красноречив, умел заговаривать зубы. Так вот, мой историк, подходя к нему, сообщал: «Ты родился 3 числа первого месяца 106 года до Рождества Христова», — тем самым, пугая нашего ритора, так как мог точно назвать даты рождения его римских предков и потомков.

Крики ночных кошек, мартовское полнолуние 1974 года. Было очень холодно, и он искал внутреннюю чистоту и Чистую землю, на которую мог бы приземлиться, но нигде этого ощущения не находил: ни в ночной электричке, идущей с Курского вокзала, ни в ограде храма в Никольском, ни в квартире первой жены, в которой все спали... Переждав ночь в подъезде, не дав расколоться сознанию окончательно, В. отправился вместе с заскорузлыми упырями — рыбаками, ехавшими с подлёдного лова обратно в Москву...

Но вернусь к этому проходу 8 марта, в год Тигра, после того как опишем, как нам даётся знание своего греха, без угрызений совести...

Луна видна была на фоне почти дневного неба... Она попалась на его глаза как-то внезапно, и было непонятно, что это... «Может солнце» — подумал он, затянувшись глубоко сигаретным дымом, и вдруг увидел, как дым превратился в чёрные потоки никотина, который двигался по внутренним каналам... От этой визуализации, которая в предельной форме представила черноту и грязь, захотелось чистоты во всех аспектах...

Но к чему бы ни прикасался взгляд В., он натыкался на грязь, на *чёрную землю*. Грязь, в смысле энергии отторжения, разрушения и проклятия...

Грязным был дом, в котором он жил; улицы, по которым ходил; воздух, которым дышал; женщина, с которой был.

Он метался в поисках чистоты... луна в холодности своего света, на которую он замедитировал, устремившись в полёте к её кратерам... он почти разглядывал их в упор, как вдруг остановил свой полёт и вернулся обратно в тело...

Чувство «грязи» — греха, оно из иной почвы, нежели угрызения совести, имеет иное напряжение и иные последствия переживания его...

Он оказался в почти зимнем лесу, так как деревья стояли покрытые снегом...

Он шел по дороге вдоль безымянной реки, ещё покрытой льдом, и слышал, как трещит неподвижный лёд, хотя до ледохода ещё было далеко...

Он остановился, свет от луны был ярок, и В. не мог поднять голову вверх, а видел лишь полосу света на дороге...

В голове мелькнуло: «Свет на пути... » и он продолжал идти по этой узкой полоске, не смотря по сторонам... Смотреть было больно и страшно, так как он видел теперь объёмно и насквозь... «Вот почему монахи носили клобуки, глубоко надвинув их: однажды, когда я, благочестия ради шёл в церковь, находившуюся вне города... глаза моего разума начали открываться... » мелькнуло где-то внутри уже нового сознания...

Перед ним, в тишине ночи, возник православный храм... В. прочувствовав энергию вокруг, не смог подойти даже к ограде, не видя и там чистой земли; но вот пошёл символический поток, и появилось имя книги: «Вызывная книга», помогающая искать зарытые тайные клады. Многие не подозревают, что имеют клад в своём доме, в своей душе.

«Благословляю, я, грешный имярек, и наказую, и вразумляю сына своего, имярек, быть во всяком Христианском законе, и во всякой чистой совести и правде, с верой творить волю Божию и хранить заповеди его».

Не смейтесь над теми, кто умеет достойно проговорить до конца молитву Иисусову: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго».

Кто успевает достойно, перекрестясь молвить... Тому, к изголовью его ночи, слетаются светлые ангелы, которые до конца верны Господу. Тот ест и пьёт с благодарением, он чист от греха и помыслы его чисты. Он излучает нелицемерную любовь ко всякому, кто творит молебен с истым покаянием, с Божьей милостью и воду свою светит от чистых крестов.

«Чёрная книга» гласит: «А тот, кто бес, отеческого предания не помнит, кто ест и пьёт без воздержания, производя песни бесовские и плясания, скакания, гудения, бубны, трубы, к сему же чарование и волхования, и звездочётье, Рафли, Альманахи, чернокнижье, вороноград и шестикрыл, и стрелки громные, топорки, усовники и иные всякие козни бесовские гарцуют, и эти потворства всякие кормят зло»... *(Продолжение следует)*

Алёна МИХАЙЛОВА

НАВЫРОСТ

Предисловие

Стихи даются навырост
Когда нам малы:
Грудная клетка, время и место действия,
Широта обзора, долгота сна, сила и масса души.
Хорошие стихи отличаются тем,
Что вырасти из них невозможно.

* * *

Я шла.
Надо мной снег.
Заворачивал меня в белое
Тени ветвей рисовали на мне иероглифы.
Я шла.
Думала ни о чём что-то светлое.
Я шла.
Думала ни о ком что-то тёплое.

Пришла на вечер поэтов
Вписала себя номером сорок пятым
Прочла стихи, написанные к 13-летию
Мне сказали, что это, мол, детский лепет
И не нужно публике это лицезреть
Я горько плакала
И целовали меня в нос
И предлагали ехать куда-то радоваться
Я смеялась.
Но с носа всё равно капало.
Значит, скоро весна,
Хорошо, значит нам
Капать и капать, и капать.

Моя вера

Я верю в весну,
В прекрасную ложь,
Бездонную ночь ...
В высокую рожь ...
Я верю в весну!

Я верю в ответ,
В лелеющий свет,
Щекочущий хвостиком алых комет
И в смех против бед,

В конечную жизнь,
В веселую смерть
И горячую печь,
В безмолвную речь,

В сиреневый прах,
Секунду дрожавший на чьих-то губах
И с дымом ушедший к весне в небесах.

Я вижу любовь
В осколках стекла,
В следах от ногтей,
В слепой доброте
И в острых углах.

И после всего —
Я верю в детей,
В удачу и лень,
И в завтрашний день.

* * *

Поезд
Затменье зрачка
В зените синей зеницы
Метро качает
Влача свои гусенИцы
Голубая щель
Зёв океана
Поезд, гремя сквозь серый туннель
Вскрывает синюю рану
Но желанье залезть на крышу
Оно
И свято и невозбранно
Ведь поезд стоит
Уже давно
Песчаник.
Красные скалы.
Паровоз утонувший уснувший в песке
Ветер гудит — слышишь?
Ты свесился с крыши
Твои шоколадные кудри
И голубые глаза
Нам десять
Я просыпаюсь
Десять
Точно
И на часах

* * *

Серебряными, золотыми
СтрочнЫми нитями любви
Прострочены пути земные
Прошиты все часы и дни
Привязан к нитке каждый волос
И нитями лучится взгляд
И каждый лист и каждый колос
Растут, на ниточке вися.
Не гравитации законы
И не магнитные поля:
На нитке прыгает Земля
Как шарик бильбоке зеленый

Мёртвая кошка

Давай не будем скалить зубы в объектив.
Будем тихи и серьёзны.
Дети уважают вечность.
Сосредоточенно и гордо
Они смотрят в будущее
И знают, что следующий миг может не наступить.
Дети уважают смерть
Торжественно и серьезно
Они отрывают головы рыбкам
И забивают камнями котят.
Это не смешно.
И дети
Отдают грусти дань:
Протирают глаза слюнями,
Бьются в конвульсиях до истомы,
Смотрят друг другу в глаза до головокружения.
А ты отвернулся
От женщины, лежащей рядом:
И то — куда занимательней вид из окна.
Да, и это, — ты боишься с ней встретиться взглядом:
Она — уже мёртвая кошка,
Она влюблена.

Молитва

Ты в тесном спрятался застенке:
На чердаке моей души
А я, прижав к губам коленки,
Молюсь: Прости ... и
Напиши

Ты спрятался на дальней полке
Рассохшегося стеллажа
Буравят глаз моих иголки
Тебя от корки и до корки:
Страниц немного,
Фразы колки,
И опечатки в падежах.

Напоследок

В меня втекают капельки луча,
Дробясь в алмазы
И, словно мошки,
Капельки тебя
Прильнули к глазу
Да, ты уже сидишь в моей тюрьме,

В горячей печке
Мой негатив, ты мной насквозь просвечен
И скачешь, наподобие мяча, из области мечты в долину смерти
И там тебя сечет на части вертел
Сознания, бесшумно грохоча,
Эссенцию, как видно, добывая,
Как, океан любви по капле выпивая,
Проплыли сквозь него, сердец не замоча

* * *

Ангелы вплыли в печальную заповедь
В тихую заводь бескрайнего сна
Ангелы плакали
Ангелы плакали
Заповедь ангелам разве нужна?
Заповедь что заповедник для ангелов
Что же, сидеть там, все крылья сложа?

Ангелы крылья раскрыли и сразу же
Заводь взбурлила, людей тормоша ...

Им дали много лет условно
Тогда на маленькой Земле
И им поставили условьем
Светить ступающим во тьме
И каждый в свой маяк зашитый
В ударах сотен мотыльков
И с сетью для небесных рыбок
Или хотя бы их мальков
Ангел таскался по планете
Забрасывая в небо сети ...

Так я все жду и жду отважно
В своем миражном маяке
Когда мой пароход бумажный
По звездной поплывет реке ...

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Год Германии в России

Борис ШАПИРО

ШЕХИНА

Мой брат по лотманским прогулкам...
Ирина Рашковская

1.
Душа обнажена до бестелесности,
и глас отверст до бессловесности,
и до беспамятства апрель.

Капель.

2.
Сколько неба под ногами — талая вода.
Сколько света над ночами — да и никогда.
Сколько сна и сколько смерти ждут на берегу.
Сколько светлого бессмертья на бегу.

3.
Как неожиданно: сестра.
Какая точность: «Сны не мучай!»
Как замечательно остра
простая рифма и певуча!

Как ты права — из детства в рабство,
в Египта страстный разворот
Иосиф продан был из братства —
идут и я, и мой народ,

и неизбежная дорога
в непредрекаемую высь,
в которой срока нет, ни слога —
о, длись, мгновенье, только длись, —

не смерть и даже не прощанье,
конец, сказанье, новый день
и новое очарованье,
сестра, иллюзия, сирень.

Ни строчек нет, ни букв, ни линий
неопалимого куста,

а только свет пурпурно-синий,
и голос просится в уста.

И звук так тих, непроизнесен
на незнакомом языке,
как только радость первых весен
и как дыхание в строке.

Непредсказуемое прежде
и неизбежное потом,
как восхождение к надежде,
как слово, сказанное ртом.

Не эта торная дорога
и не скамейка во дворе —
улеглись суета и тревога
по дороге к Синайской горе,

и не в призрачной круговерти
зажигает молитвою день
Элизиум, презренье смерти,
иллюзия, сестра, сирень.

4.
Между небом и землёй
так пируем мы с тобой,
свет мой солнечный и лунный,
звёздный жар и хлад ночной,

воздух лёгкий, ветер трудный,
детский сон как пёс приблудный —
вознесенье и покой,
звук и запах струнный —
отблеск золотой.

5.
Пусть эта роза налегке тебе всё скажет.
И пусть росинка в лепестке тебе всё скажет
и не иссякнет никогда...
Тебе всё скажет
Тот, кто из сердца налегке тебе всё скажет.

Татьяна ГОРОХОВА

В ЛАБИРИНТАХ ДУШИ

Тамара приехала в Германию, выйдя замуж за немца. Через несколько лет развелась и развила бурную деятельность. Она нашла и восстановила Русский камерный театр, основанный в Берлине в 1922 году русским хореографом и танцором Мариинского театра Романом Борисовым, эмигрировавшим в Калифорнию после прихода нацистов к власти. Великий танцор завещал театр внебрачной дочери Серафиме. Только дочь, на счастье Тамары, оказалась по какой-то причине «невыездной», хотя танцевала в юности в Большом, а ныне окопалась где-то в московской коммуналке. Это решило исход дела. Тамара жила в Германии официально, была молода и энергична.

Спектаклем «В лабиринтах русской души» на стихи Зинаиды Гиппиус она открыла театральный сезон. Немцы были в шоке. Они не привыкли к такой обнаженности чувств даже на театральной сцене, и долго еще в Пренцлауерберге судачили, что в бывшем пивном заводике русские актеры душу выворачивают наизнанку, причем на немецком языке.

Но со славой пришли и проблемы: надо было ежемесячно платить аренду за снятое под театр помещение, надо было найти денег на зарплату актерам, потому что театр — частный, надо было его как-то рекламировать, сводить дебет с кредитом и получать ощутимую прибыль. Но прибыли не было. Через два года Сенат отказался финансово поддерживать Русский театр, ссылаясь на то, что он — частный, а каждый предприниматель в Германии сам изыскивает средства на нужды своего предприятия. На самом деле подоплека отказа была очевидна — не нужна немцам русская культура, наелись они ей за военные и поствоенные годы, причем из первых рук. Мало не показалось. Тамара не сдалась. Она обратилась к частным спонсорам, любящим русскую культуру, используя радио и газеты, наскребла денег еще на один сезон и поставила 6 спектаклей. Она не жалела сил для театра: сама продавала билеты за полчаса до начала представлений, покупала красное вино и готовила салаты для премьер. После спектакля всегда оставались нужные люди, их вместе с актерами надо было накормить и напоить, а заодно и прояснить важные вопросы. И как-то — это была ее гениальная идея — даже «выписала» отца-сценографа из Москвы.

В молодости папа Вова — вечно занятый актер, и мама Нина — неугомонная гримерша, настолько были заняты собой и своим «нетленным» творчеством, что вынуждены были на время отдать четырехлетнюю дочку Тамару в детский дом, где она и провела свои лучшие детские годы. Детский дом научил Тамару самостоятельности. Когда она выросла, то сама себе выбрала жизнь заграницей, о чем ни разу не пожалела. Удалось уговорить папку эмигрировать, а, продав квартиру в Москве, и приехав в Германию, без знания языка, он оказался в полной зависимости от дочери. Папа Вова своими руками сколотил стулья, оформил зал, сделал бархатный занавес, как и все декорации в театре. Потом Тамара пригласила священника, отца Максима, и тот освятил театр.

Все спектакли шли на немецком языке — это было первое и главное условие работы в нем. Тамара немецким уже владела в совершенстве и выступала в качестве конферансье перед каждой премьерой. Репертуар выбирался из русской классики. В выборе и первым и последним голосом обладала она — Тамара фон Штраус — директор Русского камерного театра. Ей никто не возражал, все документы были в ее руках, она единолично их подписывала, все деньги были сосредоточены тоже в ее руках, она их и выдавала, правда, и ответственность тоже ни с кем не делила. Труппы как таковой в театре не было. Актеров в Германии набирают только на конкретный спектакль или сезон, они не живут жизнью театра, а работают на контракте, и, отыграв договорные пьесы, отваливают в другие театры.

Но однажды в театр пришел новый молодой режиссер с женой-актрисой и предложил поставить спектакль «Идиот» по Достоевскому. Тамара не возражала. Она подписала с ним контракт и засела за инсценировку. А Андреас — он был из Литвы — начал работать с актерами. По-своему. Он нашел помещение в Молодежном культурном центре, пригласил туда актеров, которых хотел видеть в ролях, купил две бутылки дешевого красного вина и начал репетировать. Андреас говорил:

— Я хочу собрать мгновения любви в спектакле. Мы должны плыть в одной лодке — это самое важное.

Но в эту «лодку» он почему-то наотрез не хотел брать Тамару. Почему — выяснилось впоследствии. Но в начале Тамара еще ничего не знала, только чувствовала, что осталась как бы за бортом жизни.

Андреас водил актеров в маленькие уютные кабачки и продолжал свою обработку, он хотел полного подчинения своей режиссерской воле и абсолютного невмешательства в его планы и идеи. Тамара так работать не привыкла. Она — директор должна была все держать под контролем, в том числе и творческий процесс, который не могла пустить на самотек, и от которого, в конечном счете, зависело количество зрителей, а значит сборы. До нее дошли слухи, что Андреас уже репетирует, в то время как она еще работает над инсценировкой.

Мне хочется души, доброты, мне кажется, их так мало в наше время, — объяснялся на репетициях Андреас, обольщая актеров все больше и больше. — Почему люди приходят в театр? Одни — отдохнуть, расслабиться, но есть и такие, кто приходит очиститься эмоционально.

Наконец, Тамара не выдержала — позвонила Андреасу и предложила расторгнуть контракт и заплатить неустойку. По всему Пренцлауербергу были расклеены афиши скорой премьеры, фон Володя и Ада раздавали флеерсы на всех станциях метро, и назад пути не было. Противостояние наметилось конкретное, никто не хотел уступать. Андреасово « хочу сам!» натолкнулось на Тамарино «я — хозяйка театра!». Это не была конкуренция в чистом смысле, скорее удовлетворение творческих амбиций и желание стать во главе. Конечно, Андреас подспудно хотел заполучить театр вместе с труппой, так сказать забрать этот лакомый не им испеченный кусочек. Соответственно Тамара свое выстраданное дело, в которое было так много вложено, отдавать за просто так не хотела. Каждого можно было понять. Актеры оказались крайними в этой сваре, казалось, что в реальной жизни идет спектакль под названием «Как выживают интеллигенты в буржуазном государстве», которым хотелось только одного — поскорее отыграть и отдохнуть. Вопрос «С кем остаться?» — еще не стоял, хотя поговаривали, что Андреас уже нашел помещение для нового театра, где и состоится премьера. А далее сам будет возглавлять новый театр.

Так оно и оказалось. Последние репетиции проходили в неотапливаемом «зимнем дворце». Пожилая заслуженная актриса, приглашенная на роль Настасьи Филипповны, в декольтированном платье, грелась водкой и отчаянно кокетничала то с Мышкиным, то с Рогожиным, оба ей в сыновья годились. К постановке лепились белые шары из пенопласта и гладились утюгом сухие кленовые листья из Фридрихсхаймпарка, а Андреас рассуждал: — Нужно создать разрушенный дом, в котором гуляет ветер. Белый снег, снежные шары, одиночество — я хочу показать трагедию красоты и добра в спектакле.

И все актеры тащили на сцену старые рамы, найденные в одном из берлинских двориков, расставляли по кругу и играли между стеклами и белыми шарами.

Этот режиссер-мальчик все поставил с ног на голову, чтобы показать триумф людей в победе над своей судьбой, что было особенно важно в его задумке. И когда наступила премьера, зритель увидел, как на фоне черного неба, по занесенной снегом сцене бредут замерзшие актеры...

На самом деле не так уж прост оказался молодой литовец. Премьера наделала шуму в Берлине, ее слава была подогрета и слухами о противостоянии, о том, что новый режиссер увел всю труппу в свой новый театр, и что в Русском осталась одна Тамара. Все было сильно преувеличено, хотя раскол между актерами произошел.

Андреас разрушил старый театр, но так и не создал ничего, кроме единственного спектакля, который состоялся, имел успех и забылся через неделю, а Тамара после этого случая стала подумывать кому бы серьезному продать свой театр, не захотела она больше возиться со всем этим дерьмом. В результате через год директором стал другой человек — старый эмигрант Миша. Тамара с легким сердцем продала ему театр за хорошие деньги, а сама открыла модное ателье. Андреас уехал в Литву, которая к тому времени уже вошла в Европейское сообщество. Ему стал не нужен фиктивный брак с Адой как и сама Ада, окончательно спившаяся, попавшая в больницу. Андреас уехал, поставив перед зрителями риторический вопрос: А умеет ли вообще человек любить?

Юрий Мамлеев — лауреат Премии Правительства России

Союз литераторов России поздравляет Юрия Витальевича Мамлеева, прозаика, поэта, философа, члена СЛ РФ с 1990 года, с присуждением ему ***премии Правительства Российской Федерации 2012 года в области культуры за книгу «Россия вечная»***, Эксмо, 2011. — 512 с. — Библиотека всемирной литературы. *Список лауреатов опубликован в «Российской газете», 29.12.2012 г., федеральный выпуск № 5975.*

Юрий МАМЛЕЕВ

«МИР ТАИНСТВЕННЫЙ, МИР МОЙ ДРЕВНИЙ...»

Отрывок из книги «Россия вечная»

Я родился в другой Москве — по сравнению с современной. Это было советское время, тридцатые годы. Но дело вовсе не в политике. Оставим ее в стороне. Москва в пятидесятые, шестидесятые, даже в семидесятые годы XX века (время, когда я жил активной жизнью неконформистского писателя) еще сохраняла многие черты исторической, дореволюционной Москвы, благо большевики очень увлекались градостроительством. Прежде всего, это относится к общей ауре города. Несмотря на власть, в ней еще оставалось что-то тихое, нежное, доброжелательное, что было характерно для дореволюционной Москвы, которая и многими иностранными наблюдателями воспринималась тогда как сказочный восточный город. От сказочности, правда, осталось мало, но в этих московских прудах, бульварах, затаенных переулках, двориках хранилось нечто родное, доброе и в то же время таинственное. И люди невольно попадали под влияние этой ауры.

В то время, когда формировалась «неофициальная» культура, да и в «официальной», начались брожения, было несколько мест особого духовного притяжения, и, прежде всего, я имею в виду памятники великим поэтам и писателям.

Как ни странно, памятник Маяковскому сыграл большую роль. Вокруг него собирались для несанкционированных выступлений непубликуемые поэты — и не только поэты: площадь вокруг памятника была местом открытых политических выступлений. Здесь читался известный в свое время «Человеческий манифест» Юрия Галанскова, причем в стихах, нечто противоположное коммунистическому манифесту... Видимо, революционность Маяковского, его общий бунтарский дух привлекал молодежь. И его могучий памятник парадоксально превратился в символ протеста против закосневшей в своих догмах советской власти...

Совершенно иные настроения были связаны с настоящим паломничеством к месту захоронения Сергея Есенина на Ваганьковское кладбище. Я часто приходил туда, и, что поразительно, как мне рассказывали «старожилы», буквально каждый день могилу великого поэта посещали люди. Собиралась обычно небольшая толпа, читали стихи Есенина, будоражили себя всякими разговорами... Здесь слилось все: и тоска по ушедшей России, Руси («мир таинственный, мир мой древний»), по ее красоте, и бесконечное чувство перелома в жизни, перелома, который ведет неизвестно куда, и многое другое...

Совсем иное — дореволюционный памятник Гоголю, «сидячий памятник», как его тогда называли в противоположность советскому памятнику, стоявшему неподалеку. Место у «сидячего памятника» Гоголю было местом отрешенных раздумий, медитативного отдыха и встреч с лучшим другом. Именно в таком духе я и мои друзья встречались там...

Незабываемыми местами для меня были те салоны или центры неофициального искусства и литературы, которые я обычно посещал. Таковыми были Лианозовский центр (художник Оскар Рабин, поэты Генрих Сапгир и Игорь Холин), художественно-литературный салон художника-авангардиста Льва Кропивницкого в Царицыне. Эти имена теперь достаточно хорошо известны.

Ну, естественно, главным центром потаенной литературы для меня была моя квартира в Южинском переулке (теперь — Большой Палашевский переулок). Я использовал ее именно для чтения моих рассказов и встреч с людьми из моего окружения. Мы не занимались политикой, и поэтому, видимо, нас терпели.

Что отличало этот центр на Южинском от других? Прежде всего, то, что там яростно обсуждались вечные вопросы бытия, философско-метафизические темы, причем словно от их разрешения зависела жизнь и смерть здесь, на земле... Наконец, отличало и то, что «встречи», на посторонний взгляд (а дело происходило не где-нибудь в «салоне», а в обычной коммунальной московской квартире), носили необычный, в каком-то смысле «дикий» характер. Например, встречи начинались поздним вечером и порой продолжались до утра. Или, тоже к примеру, по нашему длинному коммунальному коридору мог шествовать солидный, хорошо одетый человек, явно профессорского вида, и с почтением вести за собой какого-нибудь пьяного забулдыгу. Забулдыга был поэтом. «Что я, — молчаливо говорили глаза профессора, — я, в конце концов, преподаватель, а он — поэт. Да еще бросающий вызов власти и всему миру».

На стенах «богемных» моих двух комнат висели авангардные картины, которые пугали соседей. Но я родился в этой кварти-

ре, соседи знали меня с детства и потому терпели, но не без любопытства. «Как можно целую ночь о чем-то беспрерывно говорить?!» — удивлялись они.
Все, без исключения, они были хорошие люди. «Хорошую» квартиру вместе с домом № 3 по Южинскому переулку, точнее, Большому Палашевскому (говорят, в далекие времена в нем жили палачи), снесли где-то в 1968 году. Но «южинский кружок» все равно продолжал существовать, присоединяя новых персонажей и устраивая свои встречи по разным другим «центрам» или квартирам. У нас появлялись или были ярыми участниками такие поэты, писатели, художники, как Леонид Губанов, Веничка Ерофеев, Евгений Головин, Анатолий Зверев, Александр Харитонов, Олег Целков, Лев Кропивницкий, Генрих Сапгир и многие другие. Летом убежищем для подобных встреч, но в масштабе не более чем четырех человек, были знаменитые московские дворики, даже тогда сохранившие поленовский дух. Там можно было найти уютное место, практически в центре Москвы, где царили тишина и покой. Подмосковье, с его необъятными и родными лесами и полями, тоже пользовалось успехом, ибо это тоже была Россия, где-то нетронутая революциями и катаклизмами: в глубинах вечных лесов не слышалось времени.

Наталия ПАХОМОВА

ПИТАТЕЛЬНЫЙ РАСТВОР ИЛИ СРЕДА ОБИТАНИЯ

Хотелось бы знать, кем бы я была без друзей, питавших меня всю жизнь любовью, знаниями, уменьями, одним своим присутствием в моем мире? Без них я была бы бесполезна, как статуэтка. Я не генератор идей, которым становилась в детстве и юности, становилась, да так и не стала. И что бы вообще была я без подпитки?
Еще с детства, (с трёх лет) дружок Толя неожиданно мог «вырасти из-под земли» и удивить каким-нибудь сюрпризом: розыгрышем или поделкой. Особенно хороши были куклы-самоделки, порожденные нашими общими впечатлениями от театра, в частности, театра Образцова. Я занималась куклами до самой взрослости, от этого вкушали потом и мои дети...
Поступив в Архитектурный институт, я тут же «кинулась» в самодеятельность, где сложился у нас кукольный театр с забавными ироничными спектаклями. Там вновь выявился катализатор — два замечательных парня: комсомольский вожак, вдохновитель всех видов деятельного досуга, и Андрей Некрасов (в будущем преподаватель) душа нашего кукольного театра, талантливый рисовальщик, уже в годы учебы ассистировавший на занятиях по специальности Б.Г. Бархину. Именно там, в МАРХИ, я, вышедшая из семьи служащих (юристов и военных) увидела вблизи настоящую творческую интеллигенцию. И навсегда влюбилась.
Мое самообразование с детства базировалось на чтении. Я без конца поглощала литературу, «днем и ночью» не расставалась с книжкой. Родители, требовавшие упорядоченной жизни (помните, «режим дня»?) в десять вечера в приказном порядке гасили свет, и я, бывало, читала при свете уличного фонаря. Самыми любимыми в детстве были Пришвин и Бианки, затем Гоголь и Диккенс. Диккенс — это было наше общее увлечение со школьной подружкой Иришкой Севриковой. Нам обеим посчастливилось, — в домах наших имелись хорошие библиотеки подписных изданий, из книг, достававшихся тогда «по списку». Это — от наших пап. Иришкин папа был журналист, работал в Известиях. Да еще у моей «двоюродной бабушки» тети Мани были старинные книги: «Доктор Гааз», «Княжна Джаваха» Чарской, «Наполеон» Тарле и Библия с гравюрами Доре. От Иришки мне досталось прозвище — Пиготти. Из Диккенса. У меня, по мнению Иришки, были такие же щечки. «Пиготтины щечки»... А испанка Мари Претель, учившаяся на класс старше, ходила с нами в походы. Она учила меня испанским народным песням! Некоторые помню до сих пор. В 1957 году испанцы, укрывшие в России в конце 30-х от фашистской чумы, стали уезжать на Родину. Студенческая пора дала других информаторов: тех, кто подпитывали знаниями, а не в том гаденьком значении — «кто сдавал», чтобы выслужиться.
Володя Козаровецкий, ныне пушкинист и литературный критик, а тогда студент Авиационного института, всегда «делился вкусной мозговой косточкой», не «ел» духовной пищи в одиночку. Первые порции самиздата я получила из его рук. И эти порции «съедали» коллективно, иногда по-двое, по-трое (заглядывая на разворот книги с разных сторон). Читали быстро: экземпляров было мало и они активно ходили по рукам. Книжным и киноинформатором была замечательная Леночка Раскина, мама которой работала в Институте мировой литературы.
Мне перепадали (также не надолго) уникальные книги 19 — начала 20 в.в. с пожелтелыми страничками и старой орфографией. Навсегда полюбились Гамсун, Томас Манн, Бласко Ибаньес, Лорка. А «бабуля» Леночки организовывала наши «проникновения» на Международные кинофестивали методом долгого стояния в очередях и записей номеров на ладошках. Другие подруги-студентки, Ленка Полонская и Эля Овручская, имевшие уникальные по тем временам библиотеки по искусству, позволяли сидеть у них дома, листая современные и начала века издания. Библиотека Эли была общая с мужем, Осей Чураковым, племянником С. Юткевича. Позже, уже в 70-е, посещали коллекционера Евгения Нутовича, к которому ходили как на выставку. Смотрели картины современных художников-нонконформистов. Алексей Пахомов, мой

муж, с богатейшей книжной эрудицией и обширной «коллекцией» друзей — литераторов, художников, скульпторов, музыкантов в самых разных жанрах, от хоровой музыки и солистов до различных инструменталистов. Музыканты играли у нас дома: был оркестр балалаечников, саксофонисты, гитаристы. Алешино чтение стихов записывали под гитару. Получалась красивая мелодекламация. У самого Алеши были незатейливые мелодии, на которые мы вместе пели его стихи. Композитор П. Старчик написал песню на его раннее стихотворение «Виолетта». Хороши были и сборища поэтов с чтением стихов по кругу: от поэтов-хиппи, СМОГистов, постобэриутов до поэтов «высокого штиля», к которым принадлежал и сам Алеша. А что стоили встречи с двумя информаторами-«киноведами» Ильей Бурмистровичем и Алешей Певзнером, племянником всемирно известного скульптора Габо,. Совершенно отдельно стоит сказать о двух «зубрах»-информаторах — Евгении Сабурове и Валентине Лукьянове. Лукьянов — поэт-шестидесятник. Читал прекрасно. Знаток литературы и современной поэзии. Подпитывался из литературных кругов Москвы и Питера. Постоянно курсировал между двумя столицами. Был так обильно начитан и наслышан, что мог беспрерывно говорить нескольких часов подряд. Входя в дом, он останавливался в дверях и, не снимая пальто, начинал сыпать свежей информацией. Прервать его было бы кощунством. Круг общения Евг. Сабурова был необыкновенно обширен, приходило столько людей, что», как в московских салонах, назначались «журфиксы». У Рубиных, например, довелось побывать на одном из прощальных концертов тогда уезжавшего Галича. Еще живого. Старалась не реветь в голос, особенно, когда он исполнял «Караганду».

Салон — у Ники на Садово-Кудринской... Там мы слушали интересных современных композиторов. Дом генерала и диссидента Петра Григоренко, где в день его рождения пели барды... Множество народа собирали домашние концерты у Петра Старчика. Большие сборища бывали у Эрастовых. Там можно было встретить Якира, Подьяпольского. Оттуда «брали» Красина, там бывали замечательные праздники, маскарады, спектакли, выставки детских рисунков, концерты.

Большие сборища поэтов были вокруг загородного храма, где служил изгнанный из Москвы о. Дмитрий Дудко. А огромная библиотека у о. Александра Меня в Семхозе, где мне было доверено подписывать на корешках самиздатские, переплетенные кем-то книжки. А Надежда Яковлевна Мандельштам и ее окружение... А духовные беседы наших воцерковленных мудрецов! А замечательные общения архитекторов и художников, несравнимые с узкоцеховыми встречами архитекторов-снобов среднего уровня. Интересные сборища в Мерзляковском переулке у Саши Горелика, где была замечательная старинная музыкальная машина с большим медным диском...

Сколько себя помню, я не только читала, но еще и рисовала. Дед мой собрал мои рисунки и отнес в художественную школу, что на Садовой у Зоопарка и Планетария, ту самую, где учился Норштейн. Там я впервые ощутила «вот это — самое важное»: как подзаряжает общая атмосфера творчества. Когда сначала просто шуршат карандаши, а потом ребята вскакивают посмотреть: у кого как получилось. Непередаваемое чувство... И снова шуршат карандаши, порхает по комнатке муза... Как именно от других подзаряжаешься. Ощутила. Как-то подкожно...

И вот культурный слой, что подзаряжал, подпитывал, — размыт, разбрызган по заграницам. Может, и неплохо такое впрыскивание. Для них. Но не для нас, с нашим многострадальным социумом. И благодарность моя этому социуму, его ярким точечкам — огромная. Питательный раствор — это так много для творчества, но есть еще и корни. Они напитали изначально.

Здесь нельзя не сказать о маме и бабушке — бабусе. И о брате бабушки, писателе Якове Окуневе. В детстве всё начиналось с чтения сказок перед сном. Сказки читала мама, а бабуся пела романсы и арии из опер. Пела она замечательно. Но оперной певицей не стала. Простудилась, когда распевалась, катаясь по реке, в лодке. Хотя для драматической актрисы она пела вполне сносно. Играла в Минске, в театре, который впоследствии назвали театром им. Якуба Коласа. Говорили, что у нее глаза Веры Холодной.

Моя мама состоялась как журналист. Работала в Гознаковской многотиражке, затем внештатным корреспондентом в газете «Труд». Когда меня было не с кем оставить, брала меня в редакцию. Там некто Мануильский катал меня на счетах по коридору. Я хохотала в восторге. Мама не закончила Литературный институт, куда попала по комсомольской путевке. Я помешала. Своим рождением...

В моем детстве были настоящие дворовые общины. Не религиозные, как в старину и впоследствии, но — общины. Мы, дети, были с головой втянуты в игры. Фольклорные, имевшие очевидные деревенские, возможно, даже древние корни. Мальчишки играли в «ножички», в «монетку», девчонки — в «чоки-верчоки» с бросанием большого мяча об стенку... игры со скакалкой. Потом сходились в общих играх: в «штандер», круговую и беговую лапту, «ручеек», в «казаки-разбойники», в «козла», т.е. — «чехарду». Община имела свои законы. Если прыгаешь через веревочку — «откручивайся», крутить-то веревку кому-то надо! Если прячешься — «отваживайся». Кому-то ведь надо и водить. «Штаб» общины находился на чердаке. Там разбирались с провинившимися. Мамы и бабушки сидели во дворе на скамейках, беседовали, поглядывали на нас. Каждый, кто выходил во двор с какой-нибудь едой, считал себя обязанным делиться с ребятами. Особенно в войну и сразу после войны. Чаще всего это был кусок хлеба, посыпанный сахаром. Он выносился на крыльцо,

и ребята подходили откусывать. Поговорка — «Ест, не подавится, дать не догадается», страховала от жадности. У меня во дворе была своя, отдельная миссия: рассказывать сказки. Когда игры утихнут, основной народ разойдется, я усаживалась на скамейку, а вокруг собирались постоянные слушатели. Однажды я забастовала. У меня погибла кошка, и был трехдневный траур. Я покинула «скамейку сказок». Мальчишки возмутились, и с песней «Идет война народная» вышли меня бить. Я получила «под дых», и, «бездыханная», приползла домой. Бедная мама почему-то решила, что я попала под машину.

Позже, когда я училась в школе, мамины друзья, литераторы, хвалили мои школьные сочинения. Школа была знаменитая, бывшая 25-я Образцовая. Там в свое время учились Светлана Аллилуева, тогда Сталина, Светлана Молотова, Нина Буденная, Музуруки и другие знаменитые дети, т.е. «дети знаменитостей». Английский язык преподавала Елена Михайловна Булганина. Супруга Булганина. Она называла нас только по именам, приносила в класс игрушки, называя их по-английски, что мы за ней повторяли. Пела с нами песни. К сожалению, это были не английские песенки, а гимны. И не английские, а наши. То есть песни, всего лишь переведенные на английский.

Мой главный литературный корень — мама. А ее — брат моей бабуси, мамин дядя — Яков Окунев. 30-е годы прошлого века он был уже заметным писателем. Роман «Грань», повесть «Дарья Авилова и сыновья» получили высокую оценку А.М. Горького. Мамин дядя умер своей смертью, от тифа, в те самые тридцатые, будучи послан на Дальний Восток, на КВЖД, писать оттуда корреспонденции...

В начале 70-х произошло мое воцерковление. Община. Снова плотное общение с интеллигенцией. Натали Трауберг, Н.Я. Мандельштам, Евг. Барабанов, Евг. Сабуров, Олег Степурко, Володя Ерохин, тогда работавший в «Альманахе библиофила», «Толик» Жигалов, как называл его Алеша Пахомов, Сережа Бычков, Зоя Волоцкая, познакомившая меня с Лилей Волохонской, «Жены-мироносицы» о. Александра Меня, как их в шутку называли: Зоя Афанасьевна Масленникова и Елена Александровна Огнева, вдова архитектора-реставратора. Отец Александр Мень и его дом, отец Александр Борисов (тогда еще дьякон) и его дом.

Спасибо за такой питательный раствор, за удовольствие в нем пребывать.

О, мои вдохновители, спасибо Вам. Спасибо Господу за все.

Людмила **КОЛОДЯЖНАЯ**

*В РОСКОШНОЙ БЕДНОСТИ, В МОГУЧЕЙ НИЩЕТЕ...**

(Два дня дежурства у Надежды Яковлевны Мандельштам в декабре 1980 года)

В первый раз я пришла в квартиру № 4 в доме 50, кор. 1 на Большой Черемушкинской улице в середине декабря 1980 года, в девять часов утра, как и было договорено о моем дежурстве. Квартира располагалась на первом этаже в девятиэтажном блочном доме недалеко от метро.

Я вошла в однокомнатную квартиру. Маленькая прихожая — и сразу вход в комнату. Кроме Надежды Яковлевны, там находились две девушки, при этом одна из них, художница, набрасывала грифелем на картоне ее портрет в профиль. Больная лежала, вытянувшись в полный рост на диване, так, что ее профиль действительно прекрасно проступал в свете лампы.

Увидев меня, Надежда Яковлевна произнесла: “И этот цыпленок будет за мной ухаживать?”. Вскоре на пороге появилась еще одна девушка, увидев которую, Надежда Яковлевна вдруг закричала: “А ты, собака, уходи и больше не приходи!”. Это было так неожиданно, что я испугалась, хотя меня предупреждали, что она с первого взгляда может прогнать посетителя. Но со мной такого не случилось, слава Богу...

Пока девушки, видимо с ночного дежурства, продолжали беседовать с Надеждой Яковлевной о портрете, я оглядывала комнату. Комната была почти пуста — в нише кровать, у стены диван, на котором она лежала. Между кроватью и диваном — тумбочка с лекарствами. Далее, ближе к окну у стены — еще тумбочка с проигрывателем, у противоположной стены, кажется, этажерка с книгами (сейчас, через тридцать лет, помню смутно...). Главное ощущение от комнаты — пустынность, то есть, комната человека, прожившего жизнь странника, бездомного. Такова ведь и была жизнь Надежды Мандельштам с юности, с 1919 года, когда она в Киеве, в артистическом кафе “Х.л.а.м.” познакомилась с поэтом Осипом Мандельштамом.

Прежде, чем воспроизвести наши с ней разговоры в первый день моего дежурства (с 9 до 18 часов), нужно сделать некоторое отступление о том, как я оказалась в группе людей, ухаживающих за Надеждой Мандельштам в конце ее жизни.

Я принадлежу к поколению, юность и молодые годы которого пришлись на середину и конец “оттепели” (знаменитые 60-е). Поэтому, скорее всего, начальное восстановление “связи времен”, нарушенное Октябрьским переворотом, пришлось и на нас. Именно в эти годы появились острова и островки свободы. Важным событием стала книга Ильи Эренбурга “Люди, годы, жизнь”, из которой многие из нас впервые узнали имена Цве-

таевой, Мандельштама и других поэтов и писателей, запрещенных в Советское время.

Возникло уникальное явление авторской песни, и мы стали переписывать друг у друга кассеты Окуджавы, Галича, Кима, Визбора, Якушевой. Возникло полуподпольное движение Самодеятельной песни с весенними слетами, собиравшими тысячи молодых людей. Участники слетов были распределены по "кустам", и места проведения передавались тайно друг другу.

Возникли "Московские кухни". Одна из них с 1975 г. была у меня в Теплом Стане, где мы делали доклады по философии, религии, поэзии; устраивали платные концерты бардов, обменивались литературой. В 70-е гг. уже процветал Самиздат. Мы с мужем, Евгением Полищуком, стали активными изготовителями и распространителями запрещенной литературы. Первые копии делали на пленках микрад-300, сами печатали и брошюровали. Например, "В Круге Первом" издали в пяти томах на фотобумаге. Все лучшее, что я тогда прочитала, было прочитано с 1970 до конца 80-х гг. Благодаря самиздатской деятельности, летом 1973 г. я прочитала около четырехсот стихотворений Осипа Мандельштама, опубликованных в знаменитом издании Никиты Струве, 1971 г. Все книги этого издания мы перефотографировали, и мой муж переплел их. Мы начали узнавать подробности судьбы поэта, его творчества, гибели. До сих пор те книги занимают почетное место в нашей библиотеке, наряду с другими, уже современными изданиями. Осенью 1973 г. Евгений принес "Стихотворения" Осипа Мандельштама, подготовленную Ленинградским отделением "Совписа" для издания ещё в 1968 г. книгу. Она являлась "Макетом для обсуждения". Вступительную 60-и страничную статью написала Лидия Гинзбург. Составление, подготовка текста и комментарии были выполнены Н. Харджиевым. Эта книга-макет была уникальна тем, что к вступительной статье на первых двух пустых станицах было добавлено как бы предисловие, написанное от руки Н.Я. Мандельштам. Кроме того, почти к каждому из трехсот стихотворений, на полях написаны примечания и сделаны правки Надеждой Яковлевной.

Друзья Евгения, передавшие ему книгу, просили сделать фотокопию. Двадцатого сентября 1973 г. мы отсняли шесть фотопленок, повесили их сушиться за комнатной дверью на стене, а 21 сентября к нам пришли 10 человек из КГБ, произвели обыск, «изъяли» все наши самиздатские книги, но не заметили пленок с книгой Мандельштама. Я до сих пор считаю это чудом, и до сих пор мы храним эту так и не изданную фотокнигу, (вышло другое издание, со вступительной статьей Н. Харджиева).

Из вышесказанного понятно, что я попала в группу помогающих Надежде Яковлевне, не совсем случайно, хотя знакома была с ней только заочно – по ее книге "Воспоминаний" и стихам Мандельштама. Как мы шутили в те времена – "не круг тесен, а слой тонок...".

В середине декабря 1980 г. моя знакомая Марина Романова, физик и музыкант, предложила мне участвовать в дежурствах, Надежда Яковлевна была серьезно больна, практически не вставала с постели и не хотела лежать в больнице. Близкие к ней люди организовали круглосуточное дежурство под руководством врача Юрия Фрейдина. И, как сказала мне Марина, нужны были люди на дневное дежурство, если работа им это позволяла. Я в те годы была научным сотрудником Лаборатории вычислительной лингвистики МГУ, и могла не присутствовать там каждый день.

В обязанности дежурного входило: быть в основном не в комнате, а на кухне, но время от времени подходить к больной и выполнять ее просьбы. В кухне на стене был повешен листок Юрия Фрейдина с медицинскими указаниями и рекомендации – какую и когда давать Надежде Яковлевне еду. Еще Марина Романова меня предупредила, что хотя Надежда Мандельштам со мной познакомится и побеседует, она может не узнать меня в следующий раз.

У меня в дневнике за 1980 год сохранились четыре страницы наших бесед, которые я записала 22 декабря. Довольно приблизительно сейчас, спустя более 30 лет, помню, какие из этих бесед относятся к первому дню, а какие – ко второму. Поэтому вначале попытаюсь кратко вспомнить эти два дня, а затем приведу диалоги так, как они записаны в тетради.

После того, как девушки ушли, и мы остались вдвоем, Надежда Яковлевна стала со мной знакомиться, расспрашивая обо мне и моей семье. Помню, рассказала ей, что окончила мехмат МГУ и работаю в МГУ. Рассказала, что мы с мужем любим и читаем стихи Осипа Мандельштама и у нас в доме нередко поет песни на стихи Мандельштама бард Петр Старчик. Помню, читала ей стихи, которые знала наизусть: "Невыразимая печаль..." (кажется, сказала и том, что это стихотворение знает наизусть и мой 6-летний сын Саша), "Чарли Чаплин...", "Увы, растаяла свеча...".

После первого разговора я ушла на кухню, а Надежда Яковлевна заснула. Она в основном спала, иногда курила, несмотря на больные легкие, ела очень мало (помню, ела творог). Перед сном, побеседовали о стихотворении "Чарли Чаплин". Я ей спела начало на мелодию Петра Старчика, сказав, что это одно из любимых стихотворений моего мужа Евгения. "Плохое стихотворение", – возразила Надежда Яковлевна и продолжила: "Он там в конце приглашает Чаплина в Москву... Его здесь убили бы...". "Но Евгению особенно нравятся первые две строчки – " Чарли Чаплин вышел из кино. Две подметки, заячья губа...". "Ну, тогда еще ничего..." – произнесла Надежда Яковлевна, – "На самом деле, прекрасны следующие две строки – "Две гляделки, полные чернил/ И прекрасных удивленных сил...".

Еще, помню, я ей спела детскую песенку Сергея Никитина на стихи Юнны Мориц "Пони девочек катает...". Надежда Яковлевна оживилась и стала вспоминать.
— Очень мило... У меня в детстве был пони, его звали Мишка. Я вообще хорошо ездила верхом. Мой отец был сыном садовника, и у нас был загородный дом, где жил этот пони... А еще у меня была гувернантка-англичанка и поэтому я хорошо знаю английский. Это спасло меня... меня спасли дети: во время войны в Ташкенте я учила их английскому...".
Не помню, по какому поводу мы говорили о философе Евгении Трубецком и его книге о русских иконах "Умозрение в красках". У нас дома эта книга была, и я пообещала принести ее в следующий раз.
Во второй и последний раз мое дежурство пришлось на 22 декабря 1980 г. Я принесла обещанную книгу. Надеюсь, Надежде Яковлевне удалось немного её почитать, ведь у нее оставалась только неделя... Через год книга вернулась ко мне... Несмотря на предупреждения о том, что Надежда Яковлевне может заново познакомиться со мной, она меня узнала, и мы продолжили неоконченную беседу.
В этот день к Надежде Яковлевне пришли две ее подруги (имена у меня в дневнике не записаны). Я организовала им чай и кофе в комнате на небольшом столике возле дивана, где лежала больная, а сама ушла на кухню. Подруги пробыли в гостях часа два, все трое оживленно беседовали.
Потом в течение дня Надежда Яковлевна периодически спала, почти не ела, дыхание было затрудненным. Вдруг я услышала, что она встала и пошла в туалет и ванну. Я перепугалась, так как вставать было запрещено. Она приняла душ сама, а я помогла ей добраться до постели. Видя мой испуг, она произнесла фразу: "Ты не бойся, при тебе я не умру...".

ДИАЛОГИ ИЗ ТЕТРАДИ 1980 года

О *Марии Юдиной*

"Она пришла ко мне просить, чтобы я заставила С. (*возможно, Солженицына?*) не разводиться со своей первой женой. В 50-х годах Юдина пускала меня жить к себе со словами: "Вы, конечно, будете мне мешать, ну, ладно, жертва необходима".

Из характеристик поэтов

"Блок — трепло...".
"Цветаева — бешеная кошка...".
"Стихи Ахматовой однообразны, и потому плохи...".
"Соллогуб однажды накричал на меня, потому что принял за горничную, а я замешкалась со звонком. Жена Соллогуба, Чеботаревская, утопилась и ее труп по Неве приплыл к его дому".

Я спросила: — Наверное, он любил ее?
— Не знаю, если вообще он способен был любить...
Я продолжала: — Вот для нас — всё это лишь книги и фотографии, а для Вас — живые люди...
— У вас много своих дураков... Евтушенко, Вознесенский... Вознесенский как-то приперся ко мне с цветами. Я его выставила.
— А вот Ахмадулина — мила.
Я спросила еще: — А за что Вы не любите Вознесенского, за стихи, или как человека?
— П'аныч...
— Что? Я не расслышала.
— Так говорят на Украине. А попросту — барчук.

Далее разговор вернулся к стихам Мандельштама

Я спросила: — А Мандельштам читал стихи на "Башне" у Иван***о***ва?
— Да, читал, только у Ив***а***нова...
— Почему ударение на первом слоге? Есть же русская фамилия Иван***о***в.
— Иван***о***в — это для мужиков, а для господ — Ив***а***нов.
О стихотворении Мандельштам "Невыразимая печаль...": — "Очень изысканное стихотворение...".
О строчках Мандельштама, которые мне нравились:

"Лепили воск, мотали шелк,
Учили попугаев,
И в спальню, видя в этом толк,
Пускали негодяев...".

— "У вас с Ахматовой одинаковый вкус"...
На этом мои записи заканчивались. Через неделю, 30 декабря, Надежды Яковлевны Мандельштам не стало. Она умерла во сне, когда возле нее дежурила Вера Лашкова. Последними словами Надежды Яковлевны были: "Ты не бойся...".

* — *цитата из стихотворения Осипа Мандельштама, 1937 г.*

ИМЕНА И СИМВОЛЫ ЭПОХ

К 120-летию со дня рождения Владимира Маяковского

***Лариса* ШЕСТАКОВА** *доктор филол. наук, ведущий науч. сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, член секции лексикографии Союза литераторов России.*

«...И ЕДЯТ НЭПАЧИ И ЗАВЫ В ДЕКАБРЕ АРБУЗЫ И ДЫНИ...»:

нэп в языке поэзии Владимира Маяковского

Нэп – явление сугубо экономико-политическое – оставил заметный след в культуре, искусстве, литературе и языке. Само выразительное сокращение *нэп* быстро обросло производными словами[1]. Основные из них были зафиксированы уже в Словаре под редакцией Д.Н. Ушакова: во втором томе вслед за исходным *нэп* шли по алфавиту *нэпман, нэпманский, нэпманша, нэповский*; позднее многотомный «Словарь современного русского литературного языка» дополнил это гнездо еще одним прилагательным – *нэпмановский*. В Словаре Ушакова все слова приведенного гнезда сопровождались пометой «нов.», а *нэпман, нэпманский, нэпманша* – составной пометой «нов. истор. пренебр.», негативный экспрессивный компонент которой отражал общую оценку нэпа как «мелкобуржуазной стихии» (ср. толкование слова *нэпман*: 'торговец, спекулянт, частный предприниматель в первоначальный период нэпа'[2]).

Из поэтов, творивших в десятилетнюю эпоху нэпа, откликнулся на него, прежде всего, Маяковский. Лексически это выразилось не только в употреблении поэтом в стихах, лозунгах, статьях ключевого слова *нэп*, сниженного производного *нэпман* (это слово функционировало в текстах эпохи и как лишенное ярко выраженной сниженной окраски полуофициальное наименование), более сниженных *нэпач, нэпачка, нэпачиха,* но и в создании ряда окказиональных образований, также в основном негативного звучания. В их числе слова *нэпист, нэпчик, нэпик* (последнее встречается в статье 1923 г. «Мелкий нэп. (Московские наброски)»: *мелкий, доходящий до карикатурности нэпик*[3]), *нэпия* (собирательное 'нэпманы'), *нэпов* и *нэпский* (прилагательное к *нэп* в окказиональном значении 'нэпман': *Чтоб не скучали нэповы жены и детки, / и им развлечение – / зал рулетки*; *Нэпское сердце – / тоже радо: / Европу / вспомнишь / в шагне и в стукне*), *разнэп, всенэповский.* В манифесте «За что борется ЛЕФ?» (1923) встречается сложное образование *нэпо-чтение* (в сочетании *легкое нэпо-чтение*); ср. также *нэпманус натуралис* в киносценарии «Позабудь про камин»[4]. В разном составе приведенные обозначения зафиксированы в словарях окказионализмов Маяковского, в материалах «Словаря языка русской поэзии XX века»[5]

Обращение к собственно поэтическим текстам, содержащим соответствующую лексику, показывает, что они принадлежат к разным жанровым формам. Среди них написанные в разные периоды нэпа стихотворения: «Спросили раз меня: "Вы любите ли НЭП?" – "Люблю, – ответил я, – когда он не нелеп"» (1922), «Бюрократиада» (1922), «Порядочный гражданин» (1925), «За что боролись?» (1927), «Стабилизация быта» (1927), «Маруся отравилась» (1927), «Стих не про дрянь, а про дрянцо. Дрянцо хлещите рифм концом» (1928), «Польза землетрясений» (1928), «Мрачное о юмористах» (1929) и др., а также поэмы «Про это» (1923) и «Владимир Ильич Ленин» (1924). Приведенные стихи, как и многие другие произведения Маяковского 1920-х гг., публичны в своей основе, часто окрашены в сатирическую тональность, содержат критику новой буржуазии, неприятие мещанина, приспособленца, взяточника, бюрократа и т. п. «новой дряни» – ср.: *Теперь / пошло / с измельчанием народца / пошлое, / маленькое, / мелкое дрянцо. / Пережил революцию, / до нэпа дожил / и дальше / приспособится, / хитер на уловки.*

---

[1] В соответствии с тенденцией к сокращению наименований, характерной для русского языка 1920-х гг., подвергся сокращению составной термин *новая экономическая политика.* Правда, сначала появилась не хорошо знакомая нам аббревиатура *нэп*, а сокращение нэпо, быстро вытесненное вариантом *нэп.* (См.: *Шумарин С. И.* Нэп: ключевые слова эпохи // НЭП в истории культуры: от центра к периферии: Сб. ст. участников междунар. науч. конф. Саратов, 2010. С. 215–216).

[2] Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова: в 4 т. М., 1935–1940. Т. II. С. 606.

[3] Цитаты приводятся по изд.: *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1955–1961.

[4] Приведем фрагменты сценария:

«250. Встает директор зоосада.

251. Я против его оживления, клетки с «нэпманус натуралис» уже переполнены, и нам нет надобности в разновидностях. Есть у нас более крупные экземпляры...

252. Во время речи директора промелькнет слоновьего нэпмана, которому подают булку с большой вилки. <..>

388. «Нэпманус натуралис» демонстрирует глотание булок перед группой хохочущих» (Маяковский В. В. Полн. собр. соч. Т. 11 [Пьесы 1926–1930 годов и киносценарии]. М., 1958. С. 204, 211).

[5] *Humesky A. Majakovskij* and his neologisms. N. Y., 1964; *Колесников Н. П.* Словарь неологизмов В. Маяковского. Тбилиси, 1991; *Валавин В. Н.* Словотворчество Маяковского: Опыт словаря окказионализмов. М., 2010; Словарь языка русской поэзии XX века. Т. V: Н – Паяц / Отв. ред. Л.Л. Шестакова (в печати).

Известно, что переход к новой экономической политике вызвал непонимание, колебания даже в среде пролетарских поэтов, воспринявших нэп как конец идей социалистической революции[1]. Общее восприятие нэпа Маяковским нашло отражение в названных выше произведениях. Уже в первом из них, специально посвященном нэпу, поэт призывает не поддаваться упадническим настроениям, а пытаться противостоять растущей буржуазии — «счётами бить учиться», «в мозг вбирать» купцовский опыт. Строки из других текстов рисуют нэп как явление вынужденное, но, в общем движении к социализму, временное (вспомним характерное определение нэпа как «временной уступки» несознательным элементам ради восстановления разрушенного Гражданской войной народного хозяйства), акцентируют его коммерческую, торговую основу. Ср.: *Коммуна — столетия, / что десять лет для ней? / Вперед — / и в прошлом / скроется нэпчик. / Мы двинемся / во сто раз медленней, / зато / в миллион / прочней и крепче; Теорию к лешему! / Нэп — / практика; Обычные вывески / — купля — / продажа / — нэп; Перед нэпачкой баба седа / отторговывает копеек тридцать.* При этом во всех случаях проступает, хотя и в разной степени, негативность по отношению к нэпу, восприятие его как опасности, от которой надо защищаться (см. такой лозунг-плакат Маяковского 1924 г.: *Члену союза нэпач нипочем. Профсоюз защитит и справится с нэпачом*). Особенно заметна эта окраска в характеристиках, условно говоря, носителей и выразителей нэповской идеологии — современных буржуев, пользующихся всеми благами жизни. ...*И едят нэпачи и завы / в декабре / арбузы и дыни,* — пишет поэт в стихотворении 1927 г. «За что боролись?», вызывая в памяти строки 1917 г.: *Ешь ананасы, рябчиков жуй, / день твой последний приходит, буржуй.* Ср. также: *Перед плакатом* [кинофильма] *«Медвежья свадьба» / нэпачка сияет в неге: / — И мне с таким медведем / поспать бы! / Погрызи меня, / душка Эггерт* [киноактер]. Заметим, что среди окказионализмов, порожденных словом *нэп*, выделяются образованные с помощью разных суффиксов именно обозначения субъектов с отрицательной экспрессией: *нэпачиха, нэпист, нэпчик*[2].

Оценка Маяковским нэповских реалий просматривается в самом употреблении поэтом лексики, которая входит в гнездо слова *нэп*. Обращает на себя внимание то, что поэт эксплицирует и использует разные языковые потенции этого нового слова-понятия: не только образует уже от него ряд окказиональных лексических единиц, но продуманно вводит слово и его производные в ткань текста. Выбор для стихотворения темы нэпа (или связанного с ним мотива), актуализация понятия отражаются графически — в написании ключевого слова прописными буквами (в этом Маяковский, вероятно, следует существовавшей в 20-х гг. практике написания слова большими буквами), в постановке слов гнезда в сильные текстовые позиции — заглавия, начала стихотворения, рифмы, в использовании их в лексических повторах. Подчас эти приемы выступают в сочетании друг с другом, привлекая и возвращая внимание читателя к предмету разговора. Так, уже в первом из стихотворений на данную тему слово, переданное большими буквами, попало в заглавие с выразительной рифмой: «Спросили раз меня: “Вы любите ли НЭП?” — “Люблю, — ответил я, — когда он не нелеп”»[3]. Далее, уже в самом тексте, слово повторяется в таком же оформлении: *Сегодня, / изголодавшиеся сами, / им открывая двери «Гротеска», / знаем — / всех нас / горчицами, / соусами / смажут сначала: / «НЭП» — дескать.*

Несколько произведений отмечено введением рассматриваемой лексики в их начало, как, например, в стихотворении «Порядочный гражданин»: *Если глаз твой / врага не видит, / пыл твой выпили / нэп и торг, / если ты отвык ненавидеть, — / приезжай / сюда, / в Нью-Йорк.* В стихотворении «Польза землетрясений» начальные *нэпачиха* и *нэпач,* обрамленные рифмой, поддерживаются срединными *нэпачи* и *всенэповское*: *Недвижим Крым. / Ни вздоха, / ни чиха. / Но, / о здравии хлопоча, / не двинулись / в Крым / ни одна нэпачиха / и / ни одного нэпача.* И далее: *нэпачи, / стихов не слушая, / едут / на успокоительный нарзан. <...> Сколько / силы / экономится, / тратящейся / на всенэповское загорание.*

Нэповская тема заостряется в стихах разного рода звуковыми соответствиями и сближениями. Р. Якобсон отмечал в свое время, что поэзия Маяковского — это поэзия выделенных слов по преимуществу. Феномен выделенности характеризует и рассматриваемую лексику, которая, в частности, формирует целый набор рифм. В рифменные отношения вступают разные слова гнезда (и общеязыковые, и вновь созданные), занимая в парах созвучий разные позиции, рифмуясь, будучи существительными, со словами разных частей речи. Кроме уже приведенных в иллюстрациях рифмопар: *НЭП — не нелеп, ни чиха — нэпачиха, хлопоча — нэпача*, отмечаются и такие: *хлеб — нэп, ослеп — разнэп, пачками — нэпачками, нэпчик — крепче, нэписты — канцеляристы.*

Слова включаются и в звуковые отношения иного рода, притягивают к себе близкие по составу согласных лексемы, создавая определенную мелодику стиха, например — резкую, прерыви-

[1] Об этом и отношении Маяковского к нэпу см., например, в статье «Маяковский» Литературной энциклопедии 1919—1939 гг., сайт http://er3ed.qrz.ru/mayakowsky-articles.htm.

[2] В указанной монографии A. Humesky встречающаяся у поэта словоформа *нэписты*, как и слово *разнэп*, отнесена к подразделу «“Классовые враги” в СССР» раздела «Против внутренних врагов» (с. 85).

[3] Это заглавие, как отмечают комментаторы, представляет собой перефразировку эпиграммы Козьмы Пруткова:
«Вы любите ли сыр?» — спросили раз ханжу. «Люблю, — он отвечал, — я вкус в нем нахожу».

стую, когда в таких контекстах фигурирует само сокращение *нэп*. Чаще всего в строках контактно и дистантно повторяется, множится звук [п] — третий в слове *нэп* (иногда в сочетании с гласным). См., к примеру: *от н**эп**а осл**еп**; **п**ыл твой вы**п**или нэ**п** и торг; **П**оесть, **п**опить, **п**опить, **п**оесть <...> Нэ**п** — **п**рактика*; ср. также: ***нэ**пачка сияет в **не**ге*. В стихотворении «Маруся отравилась» звуковая игра строится на повторе сочетания согласных [чк], выделяемого в повторяющемся слове *нэпачки*: *И мальчики / пачками / стреляют за нэпачками. / Нравятся / мальчикам / в маникюре пальчики. / Играют / этим пальчиком / нэпачки / на рояльчике.* Входящее в разном качестве в разные слова (в том числе в составе уменьшительного суффикса -чик), это сочетание создает общее ощущение иронии с оттенком слащавой умилительности.

По окраске и характеру употребления лексемы рассматриваемого гнезда (включая нейтральные в определенном окружении) соответствуют образу говорящего у Маяковского, его сниженному, разговорно-фамильярному стилю, вульгарности, грубости[1]. Это демонстрируют уже приводившиеся примеры, но особенно — такие строки: *И вот, / Вечекой, / Эмчекою вынянчена, / вчера пресмыкавшаяся тварь еще — / трехэтажным «нэпом» улюлюкает нынче нам: / «Погодите, голубчики! / Попались, товарищи!»* («Спросили раз меня...»); *Оглоблей / или машиной, / но только / мордой / аршин в снегу. / Пулей слова матерщины. / «От нэпа ослеп?! / Для чего глаза впряжены?! / Эй, ты! / Мать твою разнэп! / Ряженый!»* («Про это»).

Портрет нэпа и его реалий в поэзии Маяковского создается, конечно, и другой лексикой, входящей в своего рода словарь нэпа[2]. Это такие «непоэтические» слова, как *кооператив, трест, смычка, фининспектор* и под., обнаруживающие те же черты функционирования, что и рассмотренные лексемы. Вот, например, строки из стихотворения «Мрачное о юмористах»: *Саранчой / улыбки выев, / ходят / нэпманам на страх / анекдоты гробовые — / гроб / о фининспекторах.* Или из поэмы о Ленине, где появлению слова *нэпчик* предшествуют стихи: *точка / смычки-причала / найдена <...> И Ленин / сам / где железо, / где дерево / носил / чинить / пробитое место. / Стальными листами / вздымал и примеривал / кооперативы, / лавки / и тресты.* См. также стихотворение «Разговор с фининспектором о поэзии» (1926), адресат которого — «гражданин фининспектор» — одна из заметных фигур нэповской эпохи. Обращаясь к нему, Маяковский писал: *Слово поэта — / ваше воскресение, / ваше бессмертие, / гражданин канцелярист. / Через столетья / в бумажной раме / возьми строку / и время верни! / И встанет / день этот / с фининспекторами, / с блеском чудес / и с вонью чернил.*

Приведенные наблюдения показывают, что средства выражения темы нэпа у Маяковского коррелируют с характерными началами его языка, такими как словотворчество, стилистическая сниженность, публичность. При этом важнейшим приемом использования лексики, участвующей в воплощении темы, является ее намеренная и разноплановая выделенность в тексте.

[1] Об этом подробнее см.: *Гаспаров М. Л.* Владимир Маяковский // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыты описания идиостилей. М., 1995.

2 См.: *Яшин В. Н.* Актуальная лексика периода НЭПа // НЭП в истории культуры: от центра к периферии: Сб. ст. участников междунар. науч. конф. Саратов, 2010. С. 222—227.

75 лет со дня рождения Венедикта Ерофеева

Наталья ШМЕЛЬКОВА

*У ТВОЕГО ОКНА**

(Из дневниковых зарисовок)

В мае в Коломне, на «Ерофеевской кухне» в арт-коммуналке открылась выставка из домашнего архива Натальи Шмельковой. А за несколько месяцев до этого события вышел в свет «Ерофеевский» выпуск журнала «Околололомна».

«Все говорят: Кремль, Кремль», а вот я до сих пор так и не увидела коломенского Кремля. И сама виновата. Ведь сказала же Игорю Сорокину**: — хочу, в первую очередь, не в Кремль. Хочу, в первую очередь, посмотреть на институт, в котором учился Ерофеев и из которого его вышибли. А еще интереснее посмотреть мне на общежитие, в котором он, бесприютный, нашел свое очередное кратковременное убежище.

Общежитие, к которому мы подошли. оказалось заброшенным, двухэтажным кирпичным зданием, с сильно обшарпанными стенами и множеством тусклых «навсегда забитых окошек».

— А вот эти 9 окон — показывает мне на 2-й этаж Игорь, — это окна большой просторной комнаты, в которой и жил Ерофеев, а еще, кроме него, восемь человек. Как рассказывал мне один из них, посреди этой комнаты стоял громадный стол, вокруг которого все с диким хохотом катались на его велосипеде.

— А что же еще, — спрашиваю, — рассказывал однокурсник-велосипедист?

— Больше ничего он вспомнить не смог, — вздыхает Игорь.

— Ну что же, — говорю, — и на том спасибо. Ведь, согласитесь, что даже такая малость, если она только не придумана, — уже драгоценна.

И вот вглядываюсь я долго-долго в эти сиротские окошки, стараясь мысленно проникнуть внутрь комнаты. И, кажется мне, что совершенно явственно вижу я Веничку: – и катающегося с диким хохотом на велосипеде вокруг громадного стола; – и возлежащего на железной койке с книжечкой в руках; – и распивающего с однокашниками дешевый портвейн;
– и пристально всматривающегося через мутное оконное стекло на улицу: «что там? изморозь, или гроза?» Смотри, Веничка, смотри...
Вон, видишь, прямо напротив окна твоего, в зарослях придорожной сирени, будто укрывшись от мира всего, неподвижно, словно окаменевши, лежит человек, и мне кажется, что он мертв. Рядом, поблескивая на солнце, стоит порожняя бутылка из-под водки «Забава» (!)Кто он? Почему забрел именно сюда, к окну твоему?
Может быть, это один из тех восьми, что жили с тобой в комнате? Пришел помянуть тебя? Тем более, что сейчас май, Веничка, май, в котором тебя не стало?
– Простите, могу ли я чем-нибудь Вам помочь? – осторожно тормоша неизвестного за плечо, спросил Игорь.
Тот на секунду приоткрыл глаза, слегка приподнялся, и вместо естественного <!..>, мы услышали совсем неожиданное:
– ЧЕМ ОБЯЗАН? – с холодными нотками в голосе, отрешенно и внятно спросил неизвестный. Спросил и, не дождавшись ответа, снова опрокинулся в забытье.., – у твоего окна, Веничка.

* *Венедикт Ерофеев «У моего окна». Малая проза. Захаров, 2005 г.*
** *Игорь Сорокин. Редактор журнала общества любителей вольных прогулок «Околололомна».*

Коломна, май 2012

Наталья **ГАБРИЭЛЯН**

АЛЕКСАНДР МЕНЬ

(Воспоминания, окончание. Начало в альманахе «Словесность 2012»)

Помог случай. Однажды на даче к нам зашёл сосед и стал с восторгом рассказывать, что был в церкви в Новой Деревне и слышал замечательную проповедь отца Александра.
Вдруг я решилась: «Василий Степанович, я знала когда-то, в школьные еще годы, отца Александра. Когда пойдете в следующий раз на проповедь, подойдите к нему, и если он помнит Наташу Габриэлян, скажите ему, что мне очень хотелось бы к нему приехать». В следующее воскресенье после полудня пришел Василий Степанович и очень довольный сказал мне, что отец Александр меня прекрасно помнит и просил приехать е ближайшую среду, после службы, он сможет со мной поговорить.
Солнечным августовским днем я приехала в Новую Деревню, подошла к калитке церковной ограды и вошла в небольшой церковный палисадник. Прямо перед папертью была большая клумба. Цвели флоксы, хризантемы, табак, жёлтые лилии. Слева от меня был небольшой деревянный домик и перед ним длинная скамья, на скамье сидел отец Александр, перед ним стояла прихожанка и что-то говорила ему, потом она села на скамью, и я заметила, что она плачет. Я поняла, что надо подождать, пока идет такая серьезная беседа. Я обошла церковь и встала около стены. Отец Александр заметил меня. «Наталья, ты что там стоишь, я сейчас», – окликнул он меня. Он проводил посетительницу до калитки и, улыбаясь, подошел ко мне. Мы поздоровались за руку и сели на скамью. Я спросила: «Меня можно узнать?» Я сказала, что долго не могла понять, что отец Александр – это мой старый знакомый школьной поры Алик Василевский.
– Что ты знала обо мне?
Я сказала, что слышала, что он ушел из института прямо перед самой защитой диплома.
– Да, я даже рецензии получил на дипломную работу, но марксисты не дали закончить вуз. Я уехал в Ленинград и закончил экстерном семинарию, – мне было легко, я был подготовлен еще дома. А как ты, Наталья?
– Я работаю в биохимической лаборатории, работа интересная. Алик, ты помнишь мою маму? Сегодня как раз ее день рождения – 13 августа.
– Конечно, помню, помню, как был у вас и мы очень чему-то смеялись.
– Ты рассказывал, как показывал Третьяковскую галерею своим кузинам.
– А, помню, помню, давно это было, однако.
– Моя мама скончалась. Вот уже десять лет будет.
– А моя похоронена тут, рядом.
Я тогда подумала, что рядом с церковью, но оказалось – на кладбище, которое находилось через дорогу. Помолчав, отец Александр спросил меня, читала ли я газету «Труд», где напечатана статья о нем – «Крест за совесть», Я ждала этого вопроса и ответила, что не читаю желтую прессу.
– Мною очень на Лубянке интересуются, часто вызывают, я там во многих кабинетах побывал.
– Господи, Алик, а как здесь, в приходе?
– Здесь ничего, второй батюшка – хороший человек. Что ты читала из моих книг? – спросил он.
– Я читала книгу «Сын человеческий», изданную в Париже. Друзья привезли и дали нам на три дня. Ничего подобного я не читала раньше, все по-другому засветилось. Но у тебя псевдоним? Там автор – Андрей Боголюбов
– Да, будут, будут, – сказал он, улыбаясь. Мы помолчали, и я попросила его: – Расскажи немного о себе. У тебя уже взрослые дети? – Да, сын и дочь. Сын хотел быть тоже священником, но

я увидел, что это не для него. Знаешь, для этого нужно иметь призвание.

Я попросила отца Александра окрестить моего внука и сказала, что сама я крестилась в Армянской церкви.

— Я не знаком с московским священником, но очень дружу с главой Армянской церкви в Тбилиси, он очаровательный человек.

Я сказала, что читаю церковные календари, которые выпускает именно этот епископ Геворк Серайдарян. Отец Александр сказал, что хочет дать мне свой адрес. Он зашел в домик и принес мне записанный на листочке отрывного календаря адрес. Так он у меня и хранится. Тут я почему-то вспомнила нашу общую знакомую Лену Сёмину,

— Хорошо бы ты Лену разыскала, и вы бы вместе приехали. Встретились бы совсем уж детской компанией, — засмеялся он. Тут я заметила, что отца Александра кто-то ждет. Это был Андрей Смирнов, кинорежиссер. Я встала и мы попрощались; мне казалось тогда, что впереди еще много встреч и бесед.

В эту встречу около храма Сретенья Господня в Новой деревне мы обсудили все, что тогда волновало нас. Мы вспомнили наших родителей и помолчали, думая о них, незабвенных и дорогих. Мы поговорили о детях. Мы говорили о его служении, и я поняла, как ему сложно в этом современном мире. Стало понятно, как он занят творчеством и как трудно с публикациями. Много забот и в приходе. Вот и тогда, когда мы сидели около церкви, подошла старушка, служащая при храме, и он заботливо стал расспрашивать ее о здоровье внучки и передал ей лекарство. А как он внимательно и участливо разговаривал с прихожанкой, когда я подошла к церкви. Мелькнула мысль: пока он здесь, в этом храме — можно жить, надеяться. Та встреча в Новой Деревне, в августе 1986 г., была неповторима, больше не пришлось так задушевно беседовать с ним, но были еще события в моей жизни, в которых он принимал участие, и об этом нельзя не написать.

В июне 1988 года мы поехали крестить внука Никиту. Был чудесный летний день. Храм Сретенья Господня был украшен к Троице, всюду ветки березок, пол устлан скошенной травой. Прозрачный воздух, косые лучи солнца из окон зажигают огоньки у окладов икон. Крестил Никиту отец Владимир — пожилой, с длинной бородой — классический деревенский батюшка. Отец Александр был занят другими требами. После крещения он подошел и спросил, все ли в порядке. Я была счастлива и сказала, что все просто замечательно. Ещё помню, что, кажется, в это же лето, в конце июля, я пошла в церковь Сретенья Господня рано утром вместе со своей соседкой Александрой Дмитриевной. Церковь была пронизана лучами солнца, народу было не очень много, и я стояла впереди, слева у алтаря. Отец Александр пел вместе с хором. Когда он начал петь «Отче наш», подхватила вся церковь. Как он пел! Какое вдохновенное у него было лицо, как сияли его глаза! Люди пели самозабвенно, Я подумала: вот это, наверное, и есть «ангелы поют на небесах»! Мне не забыть его лица в те мгновенья, Я видела его лицо еще не раз. Видела его задумчивым и радостным, видела его лицо, когда он отвечал на вопросы, иногда непростые — оно становилось строгим и напряженным. Но такого лица, вернее — лика, как тогда в храме, когда он со всеми вместе пел «Отче наш», я больше не видела никогда.

В этот же день после службы я слушала его проповедь о великом князе Владимире. О подвиге этого человека, решившегося на крещение своего народа. Только слушая живую и образную речь отца Александра, я начала понимать, какой это был великий подвиг — крестить народ, оторвать его от язычества! В конце августа я слышала проповедь об Успении Богородицы, эта проповедь была такой лиричной. Помню, что отец Александр сказал: в этот день надо приносить в церковь белые лилии, это любимые цветы Богородицы.

Однажды мы приехали с моей дочерью Аней в Новую Деревню, и попали на день юбилея — 30 лет служения отца Александра. Он уже вышел из церкви, и у него в руках был букет белых лилий. Когда мы подошли к нему, то нас вместе сфотографировали.

Особое и очень важное место в жизни отца Александра занимали его публичные выступления. Постараюсь описать одно из них. Весной 1990 года в Доме литераторов состоялась лекция отца Александра. Зал был переполнен. В 1989-1990 годах отец Александр читал публичные лекции в нескольких клубах, читал целые курсы лекций по истории религии, вел занятия по изучению Библии, но эта лекция была особенной как по месту, так и по содержанию.

Отец Александр вышел на авансцену в белом облачении, спокойный и сосредоточенный. Помню, с чего он начал. «Помните ли вы картину Крамского «Христос в пустыне»?», — обратился он к нам. «Спаситель один в пустыне, он сел на камень и глубоко задумался. Он погружен в свои мысли. Вот так и в России мы должны задуматься. Что ждет нас? Какие испытания?». Далее он рассказал об искушениях Господних и подчеркнул, что самое тяжелое искушение для человека — это искушение властью. Кончилась для нас целая эпоха. Что же ждет нас дальше? Отец Александр стал говорить об исторической судьбе России. «У каждого народа и у каждой страны есть свое историческое предназначение. Так, Греция дала миру понятие красоты и гармонии, создала великую архитектуру, заложила основы законов строительства. Рим дал миру основы юриспруденции, законодательства. Израиль дал миру единобожие, из которого позже возникло христианство. Россия, которая находится между Востоком и Западом, стала «буфером», и ей пришлось стать ареной великих столкновений. Она остановила орды монголов, в ее просторах застрял и был вынужден уйти Наполеон. Она отразила нападение Гитлера. Русский национальный характер, состоящий из великого терпения и великого обвального бунта, дал возможность именно в России провести эксперимент построения социализма и коммунизма. Вот

почему так труден ее исторический путь, евразийское местоположение и экстремизм характера, генетически закрепленный.

Как случилось, что в России, которая считала себя третьим Римом, возникло атеистическое государство? Это началось давно — церковь слилась с государством и потеряла свою самостоятельность. При Петре I была потеряна тайна исповеди, все, что касалось государства, дóлжно было сообщать. Народ стал отходить от церкви, и обрядоверие стало теснить истинную христианскую церковную жизнь. Только-только кончилось крепостное рабство — и Россию захлестнул поток новых идей... Династия Романовых была исторически завершена, царь отрекся от престола, началась революция, которую сменил большевизм, принесший гонения на церковь. Новая власть думала, что она победила, но испытания отечественной войны помогли церкви начать путь к возрождению. Этому помог накопленный веками образ мысли и подвижничество. Русская церковь породила великих старцев-подвижников и великих мыслителей: В. Соловьев, К. Леонтьев, И. Ильин, И. Бердяев, П. Флоренский. Сейчас мы должны возрождать из пепла не только здания храмов, но и живую мысль, и церковную жизнь.

Далее отец Александр начал отвечать на вопросы.

Вопросы были разные. Часть из них касалась основ религиозного мировоззрения. Помню, что был вопрос, как должен современный человек понимать Рай и Ад. Ответ был таков: «Понятие Рая как райского сада и понятие Ада как огненной пещи были сформулированы в средневековый период. Ад для современного человека — это аннигиляция, другими словами — исчезновение. Рай — это жизнь после жизни». Было сказано о трудах Вернадского, о ноосфере. Спросили о. Александра и о вещих снах и о чудесах. Вспоминаю, как он сказал, что с ним не случалось явных чудес, но однажды он провел службу как бы в забытьи. Его попросили служить после длинной службы, когда он очень устал, отказать друзьям он не мог, но как он служил — он не помнил, очнулся уже после службы. Около него были друзья, они были потрясены, говорили, что на него снизошло какое-то неземное вдохновение.

Когда его спросили, можно ли общаться с ушедшими от нас, он ответил, что ни единого дня не прожил без внутреннего постоянного общения с матерью своей Еленой Семеновной. В мыслях, снах вы можете общаться. Были вопросы о его иудейском происхождении. Он, в конце концов, сказал: «Успокойтесь, я еврей, но я горжусь этим — в моих жилах течет та же кровь, что и в апостолах и в Матери Божьей».

После лекции я прошла за кулисы, но не смогла подойти к нему, так как его внимание было всецело занято одним человеком, который написал ему записку о самоубийстве, как я потом узнала. Отец Александр спасал многих от этого шага. Об этом же рассказывали мне его духовные дети.

Летом 1990 года моя дочь Аня впервые стала крестной матерью. Крестили восьмилетнюю дочь Аниной подруги и правнучку старого друга нашей семьи Веры Александровны, Наташу Займовскую. Когда началось крещение, отец Александр пояснял главные моменты, особенно тот момент, когда крестящийся зажигает свечу, что символизирует сошествие Святого Духа. В церкви воцарилась тишина благоговейная. Удивительно, но младенцы в руках отца Александра переставали плакать. Прислуживала очень приятная высокая полная матушка в белом платке, именно матушка, добрая и радостная. Мне запомнилось, как отец Александр ответил тогда на вопрос моего внука Никиты: «Почему христианство не было всегда?» Ответ был кратким: «Надо было дорасти до него».

3 августа мы вновь были в Новой Деревне — Аня крестила свою подругу — Таню Алатырцеву. Они уехали в Новую Деревню рано утром, а мы с мужем пришли в храм уже к концу крещения. Аня обрадовалась нашему приходу и попросила меня представить Татьяну отцу Александру. Мы подошли к нему, но он был окружен людьми, сказал, что в ближайшее время очень занят: «Буквально живу по часам!» Его спросили, как он относится к расколу церкви на Украине, связанному с греко-католической церковью. «Это все со временем успокоится. Сейчас им очень самостоятельности захотелось, ну и пусть. Ничего страшного, пройдет это».

В связи с этим разговором я вспомнила, как он всегда говорил о разделении церквей: «Наши перегородки не доходят до неба». Наконец, я смогла подойти к нему и представила ему Таню. «Отец Александр, вот наша Таня, она сегодня крестилась!» Отец Александр улыбнулся и сказал: «А я знаю Таню, мы виделись в редакции журнала «Детская литература»». Потом он подошел ко мне и, обняв меня за плечи, сказал, обращаясь к молодому человеку, который часто бывал около него и фотографировал: «Сергей, это моя школьная приятельница, мы тоже были молодыми!» Я засмеялась и как-то смутилась. Но вдруг неожиданно для себя сказала: «Отец Александр, благослови Никиту!» Он подозвал Никиту и, возложив руку на его голову, благословил.

«Надо бы нам как-нибудь встретиться, потолковать с вами еще раз», — сказал он моему мужу Виталию. По дороге домой муж вдруг стал рассказывать, как о. Александр читал лекцию на физфаке.

— Знаете, он замечательно начал, он сказал, что на его месте, здесь, в университете, следовало бы быть отцу Павлу Флоренскому... Но мне кажется, — сказал Виталий, — он и сам очень большой человек, просто очень значительный.

Мы были счастливы и думали о встрече и беседе с ним у него или у нас дома. Ничто не тревожило нас, мы были в счастливом неведении, но только отец Александр показался мне очень утомленным, и взгляд становился вдруг грустным. Но, может быть, это сейчас так вспоминается?

Очень хорошо помню, что в воскресенье 9 сентября 1990 года мы поехали на дачу, взяв с собой Олечку Ардову. Борис с Олечкой ждали нас на станции метро «Новокузнецкая». Борис про-

водил нас до вокзала. Был солнечный, но ветреный день. Дети бегали по саду, а потом играли в доме. Мы собрали в Москву яблоки, тыквы, кабачки. После обеда стали собираться, но упаковка яблок заняла много времени и в обратный путь отправились около 6 часов вечера. Ехали очень медленно, шоссе было забито автомобилями с возвращающимися с дач людьми. Проехали Новую Деревню и вскоре остановились. Что-то случилось с машиной, мы вышли на шоссе. Наконец, водитель справился с неполадкой, мы тронулись, но какое-то смутное предчувствие шевельнулось в моей душе. В Москве мы с Олей Ардовой направились на Ордынку, но по дороге Олю окликнул какой-то молодой человек. «Оля, ты где пропадала, Нина Антоновна беспокоилась!» Мы прибавили шагу. Было уже около десяти вечера, когда мы вошли в дом к Ардовым. Нине Антоновне я объяснила, что задержались на шоссе. Все успокоились, и началось наше московское чаепитие, как всегда, было хорошо около Нины Антоновны. Вспоминали всякие семейные истории, как однажды пропала Аня, старшая дочка Бориса, вспоминали Коктебель, моих родителей. Наконец, я стала прощаться. Нина Антоновна сказала, что приходили с телевидения и уговаривали участвовать в телепередаче об Анне Андреевне Ахматовой — «а мне не хочется, я не люблю эти телеинтервью. Ну, что можно сказать о целой жизни рядом с ней, она для меня и сейчас жива».

Когда я вернулась домой, то сразу поняла, что что-то произошло. Виталий встретил меня вопросом: «Ты слышала, что сегодня утром убит отец Александр Мень?!», помолчав, добавил: «Хорошо, что мы тогда, 3 августа, поехали все на крестины, хоть повидались». Я опустилась на стул, все закружилось перед глазами. «Все-таки убили», — без конца повторяла дочь Аня.

На похоронах было море народу, мы стояли недалеко от того деревянного домика, где мы встретились тогда после многих лет с отцом Александром. За оградой стояло много пожилых людей, я запомнила одну очень старую женщину, по ее прекрасному, скорбному лицу текли слезы, она опиралась на ограду и раскачивалась. Горе покинутого народа, как в символе, воплотилось в ней. «Восплачем и возрыдаем!»... Начался вынос, и потом митинг. Говорили много, часто мне казалось, что читают мои мысли. «В России опять поднялся топор и поверг святого человека», — запомнились слова одного из ораторов. Митрополит Ювеналий рассказал, что отец Александр отказался от общественной работы, от места депутата и предпочел проповедническую деятельность. На все предложения он отвечал: «Наконец-то можно нести слово Божье людям! Надо пользоваться этим, надо успеть».

Я подошла поближе к алтарю, и меня охватило какое-то странное чувство. Мне показалось, что отец Александр где-то здесь, рядом, в этой церкви.

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Елена **КАЦЮБА**

ДИАЛЕКТИКА ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО

Диалектика апельсина

Если очистить апельсин от буквы «п»,
остальное перемешать и сложить снова.
получится «насилье»
Кто бы мог подумать!

Впрочем, если стрелять из пушек апельсинами...

С буквами всегда так
Ведь никого не удивляет,
что в слове «любовь» — боль
В слове «счастье» есть честь,
но и в том, и в другом случае будут «сечь»,
а из «ликование» выскочат волки

Такова диалектика положительного

Зато ложь и зло абсолютны
Ничего хорошего из них не выжмешь

Ад ос. Ода
(хит с осой — осостих)

Себе нет осы в высоте небес,
не видок осы высоко дивен —
в осе были силы бесов.
Нет осам ума сотен,
у тел сил и взяв, язвили с лету.
Солистка — факт сил ос —
жуж-
ж-ж-ж-
ала,
жалила ж!
— Да где осоед гад?
— Леди, вон осоед. Где ос он — о! — видел,
согнал фланг ос.
Как ясли в аду делал еду, давился как:
«Я ел, аж жалея,
сор и жир ос».

ропоТ

Где Питер пасет подворотни
арки акают навстречу
эхом охают за спиной
мемориальные доски бормочут:
— здесь родился
— сюда приходил
— тут рос
Рос-рос и подрос-таки,
придумал преступление
и наказанный на всю жизнь,
видит сквозь рогожу мешка
солнце — усмешку Рогожина
Костры из денег по всему городу
мечется комиссар Ганя с наганом
да некому лезть в огонь
Дрожат от воя бомб
статуи в мешках и досках
Нет доступа
в каморку Раскольникова
она опечатана времени сургучом
Какого черта
какого беса
родила с того света
сестра Лизавета
какого Смердякова?
Не ходи по той стороне
она при обстреле опасна особенно
там по воскресеньям гуляет Соня
с ребеночком на руках
— Подайте денежек
на бедных деточек
прокатите на саночках
Алешеньку, Ванечку,
Грушеньку, Митеньку
Ихняя матушка Настасья Филипповна
среди каменных львов своего ищет —
который тут Мышкин?
Ан нету!
Его пока еще пишет
во Флоренции Достоевский
под доской мнимо реальной
— Эй, Рогожин, готовь сани
рванем через Альпы al Italia
снежной пылью накроем Европу!
...ропоТ — ропоТ — ропоТ...

Олеся БРУКС

МОЙ МУЖ — ТРУДОГОЛИК

Меня снова трясет, вчера вечером у него не нашлось ни минуты, чтоб хотя бы попить чаю со мной, о совместном ужине давно уже не мечтаю.
— Иди есть!
— Ага...
И на этом — все. Можно кричать, звать, приходить еще тысячу раз, результат будет тот же. Он не придет, он сейчас в другой реальности. На его планете живут экскаваторы, насосы и гидроизоляция. Хорошо, что только она там женского пола. Стоит ли ревновать к работе? Наверное, нет. Или, по крайней мере, это лучше и легче, чем настоящая ревность. Но эффект тот же. Объект постоянно находится где-то вовне. Он иногда даже отвечает на вопросы и делает вид, что ничего не случилось. Но на самом деле его давно уже нет. Он ушел. А если муж никуда не уходит, даже на работу, а его все равно нет? Было бы лучше, если бы он на нее уходил, а по вечерам возвращался. Прилетал со своей трудоголической планеты. Но у нас не так. Он давно там поселился, причем на ПМЖ, несмотря на то, что тело его еще здесь. На самом деле это не так. Здесь присутствует лишь бледная тень, не способная даже адекватно реагировать на элементарные вопросы. Нормальный человек всегда в состоянии решить — хочет он есть или нет. А он говорит — да, а выходит — НЕТ.
В 7 утра меня будят истерические звонки, на этой планете все всегда не слава богу, бетон опаздывает, экскаваторы застревают, гидроизоляция течет. Насос ломается, рабочие пьют или вообще исчезают, все работают круглосуточно, но все равно ничего не получается. То есть, если что-то все-таки в конце-концов срастается, — все равно денег за это не дают. Обещают, но не дают. И если гидроизоляция не течет, то это только потому, что нет дождей. По моему многолетнему опыту дожди и протечки связаны напрямую во веки веков. И сколько геля туда не вливай, это бесполезно. Смысл этой круглосуточной войны остается для меня загадкой.
Видимо, это просто коллективное заболевание, причем, заразное — трудоголизм.
Муж работает дома, поэтому я так хорошо во всем разбираюсь. Мои функции — тыловые, в войне я не участвую. Мое дело — чтобы было, что пожрать, он все-таки ест, но всегда в разное время и предугадать, когда он нарисуется на кухне и скажет, как всегда: Мне через 5 минут уходить, что можно сожрать? Это неизвестно. Поэтому все должно быть готово всегда. Причем, горячее.

Когда я прихожу домой, и там никого нет (а я это уже знаю, открывая замок — если закрыты оба — вот оно — настоящее женское счастье!!!!!).
Я просачиваюсь в квартиру. Навстречу мне выходит мой кот, и я кричу ему во все горло: Марфуки! Какое же это счастье — мы с тобой одни!!!!!
Потому что еще есть сын. Который может уйти учиться в 7 и вернуться в час, как первоклассник. И снова еда, и еще психотерапия, круглосуточная. Поэтому, чтобы выжить, я поселилась в Филевском парке. Здесь есть все, что нужно — пока тепло (но я уже знаю, что, как похолодает, перееду в Ленинскую библиотеку), никто с тобой не разговаривает, не просит еды, не канючит, что пол пора бы хотя бы пропылесосить. Это дома живут два здоровых мужика и я, слабая и уже немолодая хрупкая женщина, еще почти ребенок, должна пылесосить!
Они оба приходят домой, как в шикарную гостиницу, где можно бросать грязные носки там, где тебя настигло желание от них избавиться. Где грязная тарелка, тоже оставленная где угодно, но только не в посудомоечной машине, исчезнет, как в сказке, а завтра принесут новые, с яствами, как будто существует скатерть-самобранка. Продукты наполняют не минибар, а огромный холодильник. Как по волшебству, там всегда есть именно то, чего сейчас хочется. Блюда должны быть лучше, чем в Мишленовских ресторанах, появляться они должны в ту самую минуту, когда мальчики садятся за стол. Горячие, только что приготовленные. Если котлетки, какими бы они не были вкусными, убираются в холодильник, — есть их больше никто не будет. Мало того, что их надо теперь разогревать, так они еще прячутся в непонятных контейнерах под разноцветными крышками, найти их могу только я!
Еще несколько лет назад у меня был вечер. Мои кулинарные подвиги оценивались за общим столом, и мне даже удавалось всех нас троих собрать одновременно, да еще приурочить все это к выносу горячего блюда! Теперь я даже не представляю, как мне это удалось!
Теперь в нашем доме живет гробовая тишина, если муж сидит в Автокаде, прерываемая лишь частными звонками, напоминающими мне, что я давно живу одна. На той планете бурлит жизнь, а на нашей — царит застой и стагнация. Мы больше не разговариваем. Если даже он иногда пытается сделать вид, что ничего не случилось, — неудачно пошутить или вдруг спросить, как у меня дела — я больше ему не верю. Ему все это абсолютно неинтересно. Это все равно, что вернуться с войны и делать вид, что тебе хочется поиграть в шашки.
Короче. Я уже много лет живу одна. Внутренне. Хотелось бы еще, чтобы это как-то материализовалось в настоящей жизни, если ее все еще можно так называть. Порой кажется, что я еще не умерла и все, что окружает, это какой-то дикий кошмар нежности, который никак не кончится. Я жажду долгожданного пробуждения, а он все тянется и тянется изо дня в день, из серии в серию, практически не отличающиеся одна от другой, — в нем нет ни любви, ни тепла и заботы, ни нежности. Я только все время мешаюсь — когда он ведет сверхважные переговоры прямо в кухне, я замираю и стараюсь не зашуметь, потому что вся важность сказанного им рассыплется, если будет звучать под аккомпанемент звона тарелок. А делать что-либо на кухне бесшумно просто невозможно. Когда же я, тактично так, ему намекнула, что вообще-то, нормальные, даже малоинтеллигентные люди, если им позвонят, уходят в другую комнату, чтобы не беспокоить остальных да и самим спокойно поговорить, он жутко обиделся. А когда я напомнила, что вообще-то, обычно люди ходят в офис, и там решают все деловые вопросы, он был убит наповал: неужели меня не устраивает его общество?
Но, когда я начинаю пылесосить или просто смотрю телевизор или занята чем-то производящим звук, он всегда бесится, а я чувствую себя полным ничтожеством, ведь все, что я делаю, яйца выеденного не стоит, разве это можно сравнить с настоящими боевыми действиями, в которых участвует он? Моя роль вспомогательная, я должна быть невидимой феей, и по мановению волшебной палочки в доме должно быть чисто. Очень чисто, ведь только от одного нашего любимого кота столько грязи! В доме должна быть вкусная, полезная и горячая еда. Всегда. Посуда должна исчезать в чреслах посудомойки сама собой и возвращаться в шкаф — чистой и сухой. Причем, бесшумно. Недавно он признался, что терпеть не может разбирать посудомойку. Значит, еще одно домашнее удовольствие достается мне. Ему остается только одно — раскладывать диван, который я не могу разложить, хоть тресни.
А 9 месяцев назад я упала, и что-то повредила в плече, выбила или вывихнула, понятия не имею, мои знакомые врачи так и не приоткрыли завесу тайны, и теперь, благодаря платной и бесплатной советской медицине, я так и хожу контуженной.
— Рентген ничего не показал. Мажьтесь волшебной мазью ДИП-ХИТ и когда-нибудь, возможно, все пройдет. Но плечо — такая капризная вещь, что год, как минимум, будет восстанавливаться. Если не пройдет — подумаем, что ЕЩЕ можно сделать...
Но я сейчас не про плечо, бог с ним. Я потерплю, главное, что мне больше не надо убираться — это физически стало невозможно. И случилось чудо — у нас появилась уборщица. Она тоже должна быть волшебницей — ее не должно быть видно, а в доме должна царить идеальная чистота...
Мы с ней теперь состоим в заговоре. Я пытаюсь заранее выяснить его планы — это не так просто. По моим подсчетам он делает то, что говорит в 0,1 % случаев. Здесь нужны годы тренировки и недюжинные математические способности: Если он говорит, что придет в шесть — раньше девяти можно не

ждать. Когда он говорит, что выезжает — это совершенно ничего не значит. Когда мы только поженились, он как-то сказал, что выезжает, это было в три часа дня и мобильных тогда еще не было, а приехал в час ночи, когда я докуривала вторую пачку сигарет и думала, что мой сын останется сиротой. Он посмотрел на меня, как на ненормальную и изрек:
— Я, как обещал, кое-что доделал и приехал...
Опять оказалась полной идиоткой.
Мой папа, если обещал приехать в 6, и у него что-то менялось, звонил и говорил: Я буду не в 6. а в 6.15. И это нормально, потому что воспитанный человек не заставит другого ждать. Всем известно, что это довольно неприятное занятие. Господи! Предрекал же Апдайк: «Выбирай себе ровню!».
Стоит ли говорить, что сын пошел по папиной линии? И теперь — я жду их обоих, то одного — то другого.
Правда, у меня осталось спасение — ванная, где в детстве я пряталась от вечного недовольства матери, а теперь (как бы сказать без оглашения диагноза) укрываюсь от опоздавших экскаваторов, неприехавшего бетона и сломанного насоса — не желаю больше знать, как строятся дома и делают гидроизоляцию, почему текут крыши и сколько дают ментам, чтобы они не трогали стройку. Я и слова такого не хочу больше слышать — стройка. Включаю воду и, наконец-то, меня охватывает блаженство — звуковое, тактильное, осязаемое. Ароматические масла уносят в Прованс — к полям, в леса, где не слышно города и жизнь проста и нетороплива.
Вот достроит он дом — и я уеду в деревню...

Анна **ХАРИТОНОВА**

ЛЮЛЮШКА

* * *

В потёмках: по саду.
Губами смородину

амкала чёрную
лоткала красную

Вишнёвую мякоть
съелозала с косточки.

Потерялась немного в крыжовнике
И рывком руки достала.

А потом высокой мокрой травой
Зализывала царапины

* * *

Тихо танцевала мимо
мимо стульев
мимо кресла
мимо окон
Всё мимо и мимо:
ми-мо-ми/мо-ми-мо...
ми-мо-ми/мо-ми-мо...
ВАЛЬС
(Возможно, где-то в Венеции
Под музыку двигался мим.)

***

Глоткая сырость
В холоде пляшем —
пальто нараспашку

Пролегла между лужами суша

Теплеет бабья осень.

* * *

Плак-блак
ковшом воды
зачерпнул
налил
глотнул

Плим-плам
плеск
волны
через кружки край
летит

*Фиих-**шлёп**.*

...вли-
...влэ-
...вла-
...влу-
вот и лужа
на полу.

* * *

Лу-лу
люлюшка

шепа-шепа
мела — мил
На лу(у)угу тра(а)ва растёт
А в беседке самовар
ай фила нари зичок
купа грива мой вихор
прям и строг твой воротник
плечи врозь рубашка вспых.

* * *

Голая Лара
ампиром заплыла
залезла под
кусок шёлка
и верёвочкой
под грудью
обвязалась
А в глазах
сюжеты из романов
В ногах Наполеон
валяется и
шёлк пачкает
А Лара к нему
руку тянет,
экскаватором пальцев
крем зачёрпывает и
ест, ест,
ест, ест
ЕСТ

* * *

Шум тёплого шелеста
Мур Ах
Проливается закат на нашу листву
Хлопают золотистые простыни:
Птах
Плам
Флат

Иосиф РАБИНОВИЧ

ЧЕРНЫЙ КОФЕ

«Надо кофейку долбануть», — подумал Игорь Борисович Южинский, доставая любимую черную кружку, про которую жена говорила, что любимая она лишь потому, что грязь на ней не видна, на что однажды он резонно заметил: «Странное у тебя представление о любви. А тебя вот я за это же люблю?». И полез в кухонный шкафчик за банкой растворимого — варить в турке было просто лень. Но не успел он сыпануть пару ложек порошка, как жена, смотревшая по телевизору очередное «убийство», сделала о замечание:

— Что это ты, на ночь глядя, вздумал кофе заливаться, а как твой миокард на это посмотрит?

— А, никак, — ответил он и насыпал две ложки.

— Ты упрямый, как сто баранов, я буду прятать от тебя кофе! — пригрозила дражайшая половина.

И хотя было ясно, что ничего и никуда она не спрячет, он все-таки ответил:

— Ты же знаешь, что кофе мне спать не мешает, а с миокардом мы договоримся уж как-нибудь.

И вернулся в комнату к компьютеру с отвоеванной чашкой кофе. Но мысль, которую он оставил, уходя на кухню, не вернулась. Услужливая память кинулась в глубины сознания, подобно ищейке, преследующей зверя, она знала, что где-то там есть нужный закоулок, где хранится искомое.

Среди голубоватых, чем-то похожих на знак бесконечности завитушек сигаретного дыма — а курил Южинский по-черному — сама собой возникла забытая картина. Комната в институтской общаге. Практичный серо-рыжий цвет стен. Четыре кровати, застеленные свекольного цвета одеялами, ворсинки от которых попадали на простыни и наволочки, так что те после прачечной приобретали розовато-малиновый оттенок, дополняемый несмываемым клеймом института. Под потолком лампочка, достаточно яркая, чтобы не уставали глаза во время занятий, а заниматься приходилось много — точные науки требовали напряжения серого вещества, как любили выражаться студенты. Но были и такие науки, которые позволяли расслабиться и даже сачкануть, хотя в нашей альма-матери посещение лекций по ним только и было обязательным. Так называемые общественные науки — идеологическая накачка молодого поколения советских ученых.

В тот вечер, куда услужливая память привела нашего героя, в комнате сидели двое — он и его приятель Илья. Обсуждался вопрос о завтрашнем экзамене по одной из тех общественных наук — политэкономии социализма. Игорь был на нескольких лекциях и парочке семинаров, встреча с доцентом Пересунько тревожила его не без оснований. Но впереди была ночь, и надо было пролистать кирпич в 500 страниц. У него созрел план: главное — не заснуть ночью. Надежда была на черный кофе. Правда, опыта у Игоря на этот счет было маловато. Крепкие напитки он освоил давно и подробно, а вот кофе...

В доме Игоря гастрономическую моду диктовала бабушка — она была истиной в последней инстанции. И ее вердикт по кофейной теме был таков. Натуральный черный кофе вреден, его следует смешивать с желудевым, овсяным (водились тог-

да такие эрзацы) и сваренную бурду сдабривать немалым количеством молока. Бабушкин рецепт не привлекал Игоря, и он предпочитал чай без молока.

Институтские три семестра не пополнили Игоря знаниями о кофе, но он знал устоявшееся мнение, что крепкий кофе помогает не уснуть. А посему был приобретена пачка «Кофе натуральный молотый. Высший сорт». Время уже было позднее, и Илья, ходивший на лекции регулярно, завалился спать, а Игорь, прикрыв лампу старой обложкой, чтоб не мешала спать другу, отправился на кухню в другой конец коридора варить кофе. Он плеснул в алюминиевый ковш с пол-литра воды, высыпал для надежности половину пачки кофе и поставил на плиту ждать, как начнет кипеть, чтобы тут же снять, как гласила инструкция на пачке. Кофе получилась полная пол-литровая банка, и наш герой выпил ее всю, не забыв заесть печеньем, которое нашлось в шкафу. После чего сел за стол, закурил и уставился в книгу. Чтение, вернее, содержание не вызвало у него никаких положительных эмоций, и сразу же пришла в голову практичная мысль: если все равно уж не усну, то лучше бодрствовать и овладевать политэкономией из положения лежа. Мысль показалась ему настолько разумной, что Игорь немедленно снял ботинки, не раздеваясь, ведь сон отменен нынче, прилег на одеяло, поставил пепельницу на стул рядом с кроватью и продолжил овладевание политэкономией.

Введение он пропустил — там были совсем общие слова про партию и съезды — и начал первую главу. Выкурил еще одну сигарету, и глаза побежали по строчкам. Он понимал, что никакой логики не будет и надо только запоминать ключевые фразы. Дело пошло — мозг работал, как автомат, Игорь подумал, что к утру он точно успеет, и... проснулся, за окном светало. На часах было девять с четвертью, а экзамен начинался в десять. Время встречи с Пересунько изменить было нельзя.

«Вставай, страна огромная!» — заорал Игорь в ухо похрапывающему Илье, которого обещал разбудить.

Они встали, умылись, сварили остаток кофе, заев его хлебом и банкой килек в томате. И отправились на встречу с доцентом. О том, что он постыдно проспал, Игорь почему-то умолчал, хотя промеж них не было секретов ни тогда, ни позже, через много лет.

Пересунько, полноватый, рыжий, уже с сединой, был вальяжен и исполнен чувства ответственности и, наверное, законной гордости и за политэкономию, и за социализм. «Что у вас там, Южинский?» — спросил он, когда Игорь подсел к нему с билетом и листочками. И тут Игоря понесло — он говорил с пафосом, видно было, что тоже горд социализмом, и, черт возьми, на доцента это подействовало вроде гипноза, будто сработал какой-то условный рефлекс. Короче, «хорошо» было в зачетке уже через четверть часа. Аккуратный Илья без труда огреб законное «отлично», и друзья вышли из корпуса и направились в общагу. По дороге в магазине они прикупили колбаски, хлеба и плюшек. Дома глубоко в шкафу стояла припрятанная початая бутылка «Бренди Будафок» — очень дешевого венгерского коньяка сомнительного свойства. Но юность решительна и неразборчива — Игорь налил себе полстакана (Илья подобных напитков не употреблял) и выпил под колбасу и плюшки (тут Илья составил ему кампанию) за успешный финал — сессия закончилась. Опрокинув стакан и закусив, Игорь улыбнулся и сказал:

— Ты знаешь, старый, а ведь я продрых всю ночь и проснулся за пять минут до тебя на девятнадцатой странице, не помог черный кофе — сморило меня.

— Дела! — изумился друг. — Ну да ладно, Пересуньку ты проскочил, и порядок.

Он задумался на минуту и добавил:

— Конечно, черный кофе — сильная вещь, но, как видишь, супротив марксистко-ленинской науки он — дерьмо!

...На часах был второй час ночи — экран компьютера светился нежно голубым, остатки кофе остыли в кружке. Игорь Борисович щелкнул по клавиатуре, вызывая отсканированные старые фотографии. С экрана на него взглянул лысоватый нестарый человек с бородкой и хитрым прищуром — Илья, не доживший недели до своего сорокалетия. Южинский закурил, глянул в экран и, как живому, сказал:

— А все же ты был неправ, Илюха. Черный кофе — вот он, а марксистко-ленинская наука где?

Анна МИХАЙЛИНА

В РАСПУХШЕЙ МОСКВЕ, ГДЕ НАШ ДВОР РАСКУРОЧЕН...

ИЮЛЬ В МОСКВЕ

Ржавеют зеленые листьев кольчуги,
Их воздух зловонный уже побеждает,
А кони летят, голубые подпруги
В небесных полях, словно копья мелькают.

Дожди отступили, все жарче и суше
Июль задыхается в пешем угаре
Воняет с Арбата мочою и суши,
То жарко, то душно, то влажно и парит.

Июль городской в опустевших кварталах,
Где дом наш считает проценты износа,
Где ночью обходимся без одеяла,
А днем от жары не задашь и вопроса.

Пройдем и его, покрывалом бензинным
Накроет Московские «белые» ночи,
Еще ничего, что уже не горим мы,
В распухшей Москве, где наш двор раскурочен.

Наш старый, привычный, измученный город,
Распух в один миг, словно пес от водянки,
Уж сколько он травлен, уж сколько он порот
Весь в черных рубцах от Щипка до Таганки.

И все-таки наш он, исхожен ногами,
Овеян мечтами, слезами исколот.
И все-таки он не захвачен врагами,
Наш белый, наш красный, немыслимый город.

БУСЫ

Как бусины различного размера —
Прозрачные, седые аметисты,
Горящие желанием рубины,
И, солнцем захлебнувшийся, янтарь

Соединить в одни тугие бусы?
Нет. Невозможно это. Но возможно
Слова, зачерпнутые полной жменей
В мозг кинуть россыпью воспоминаний:

Прозрачные, седые песни деда.
И юности пылающие будни,
И, солнцем захлебнувшееся, детство
Я разложу на вянущей ладони.

Мурлыча, как жестокие котята,
Они коварно коготки вонзают
В мои, трудом изъеденные, пальцы.
В глаза мне брызжут кислотой страданий.

Обманывают сглаженностью формы,
Ведь острые углы волной забвенья
Стесались, округлились, залоснились,
Все стало бесконфликтым и беспечным,

И слезы превратились в лёгкий жемчуг,
А кровь застыла каплями граната,
В туманной мгле посверкивая тихо
Лежат мои беззвучные картины,

И время заметает все следы,
Что нас вели когда-то в эти сени.

ДЕКАБРЬ

Ледяной и опушённый,
Индевеющий и сонный
Тишиною оглушённый,
Месяц валенком скрипит.

И на тонком коромысле
В тяжких вёдрах тащит мысли,
Брызжет льдинками на кисти
И беззвучно говорит:

— Потерпи, мороз отступит,
Ёлка веточки насупит,
Снежной мелочью откупит
У мороза зимний бор.

- Ты скажи, лесной избра́нник,
Новогодний сладок пряник?
Году дед или племянник —
Разреши наш глупый спор.

И декабрь, смеясь, ответит:
— А зачем? Ведь солнце светит,
И сугробы строчкой метят
Воробьи и вороньё.

Снежно, сказочно, привычно
Год закончен на «отлично»,
Не кричите зло и зычно —
Каждый получил своё...

Ведь Земля зимой не ро́дит,
Серый меж сугробов ходит,
Силы зайцев на исходе
И Топтыгин в крепких снах.

Только тихою позёмкой
Всадники в просоньи тонком
Чуть укрыты снежной кромкой,
Привстают на стременах...

Николай КАЛИНИЧЕНКО

ТЕАТР

С детства не люблю театр. Отчего? Судите сами. Люди являются на спектакль в своем лучшем платье, проходят в зал и опускаются в неудобные узкие кресла, чтобы пребывать там, в темноте и неподвижности. Ничего не напоминает? Да это же настоящая аллегория кладбища! Партер — братская могила, бельэтаж — россыпь памятников, ложа — отдельный склеп. Говорить и шептаться в театре — моветон. Само собой. Представьте, если бы все мертвые мира вдруг разом заговорили. То-то была бы потеха! Но нет, брат, шалишь. Ты свое уже отболтал. Лежи тихонько и наблюдай.

Теперь посмотрим на сцену. Картонная трава, прямой свет софитов, нарочито яркие одежды актеров. Слово-то какое: «труппа». Словом, имитация жизни. И все знают, что подделка. И все знают, чем закончится. Кто не знает — для тех программка имеется. У мертвых, известно, на все вопросы ответы есть. Только пользы никакой. Игра-то закончилась.

И какое оживление, какая радость на лицах, когда объявят антракт. Тут уж стар и млад в едином порыве стремится к буфету — откушать бутерброд с буженинкой или семужкой, да хоть сыра распоследнего в нутро забросить. И понять, и почуять со слезами: «Жив, братцы! Жив еще. Не пришло мое время!»

* * *

Но это все театр классический. Зальный, чопорный. Бывает и по-другому. Вообразите себе: электропоезд идет через границу. Раньше была одна страна, а теперь — две. Распахали землю. Поставили таможню. Только поезд по-прежнему ходит. Родственные связи указом не отменишь. Ехать недалеко, но долго. Пока стража по вагонам пройдет. Пока документы проверит. Ждать скучно. От кроссвордов в глазах рябит, газету читать мочи нет. Курить нельзя. Погранцы вот-вот будут. Только это вот-вот может и час протянуться. Одним словом, тягомотина. И вдруг...

— Почтеннейшая публика!

Двери тамбура расходятся в стороны. Появляется шут в колпаке и нелепом костюме лимонного цвета. На рукавах нашиты маленькие бубенчики. Из нагрудного кармана торчит огромный бумажный цветок.

— Позвольте развлечь вас небольшим, но поучительным спектаклем! — верещит шут высоким девчоночьим голосом.

Люди поднимают головы от книг и газет. Смотрят на буффа. Кто с интересом, кто с раздражением.

— И ты ж, глянь! Кловуны! Как у театри! — восхищается сухонькая бабанька из середины вагона.

Скоморох замолкает и делает шаг назад, скрываясь за дверями-кулисами. Из тамбура появляется ярко одетая девушка в смешных полосатых чулках, плиссированной короткой юбке и оранжевой блузе. Ее лицо загримировано нарочито грубо и ярко. Щеки нарумянены, глаза подведены сверх меры. Подросток, да и только! Девушка делает зрителям реверанс достает из сумочки зеркальце и начинает поправлять прическу.

Вслед за «красоткой» появляются женихи. В одном из них легко узнать давешнего скомороха. Он играет отрицательного персонажа: неровно наклеенная борода, шляпа и покрытая фольгой деревянная сабля. Из-под долгополого черного плаща предательски выглядывает лимонный костюм. Второй герой одет в белую блузу и черные узкие брюки. Он хорош собой. На лице нет грима. Герой держит в руках шпагу.

Актеры играют без слов. Их движения странно резкие и нечеткие, словно перед зрителями выставили марионеток. Временами кажется, что можно различить тонкие серебристые нити, уходящие под крышу вагона.

Герой и злодей устраивают поединок за сердце прекрасной девицы. Между выходом в тамбур и первым рядом сидений достаточно места для потешного фехтования. Деревянная сабля глухо бьет в пластмассовую шпагу. Девушка в полосатых чулках хихикает и хлопает в ладоши. Наконец, герой одерживает верх, и враг оседает на пол вагона, крепко сжимая под мышкой шпагу своего победителя. Всем известно: именно под мышкой спрятано сердце театрального злодея. Герой с улыбкой делает шаг навстречу «красотке». Мгновение, и девушка чудесно преображается. Невидимые шпильки больше не держат ткань юбки, и та ниспадает к ногам прелестницы, скрывая полосатые чулки. Оранжевая блуза накинута на голову подобием фаты, а под ней белый балетный топ. Невеста берет за руку своего суженого. Вместе они идут по узкому проходу между сидениями, собирая аплодисменты растроганных зрителей. Оба тонкие, почти прозрачные, одухотворенные. Даже солнце вдруг выходит из-за туч, проникает сквозь грязные стекла вагона и подсвечивает идущих неиллюзорным живым софитом. Шут, он же злодей, перевоплощается в пажа-горбуна. Несет подол невесты и зрители кидают туда мелкую монету. Но спектакль не кончен. На середине вагона паж ловко ссыпает монеты в сумку и движением фокусника извлекает из-за спины кричащий сверток-горб. Куль тряпок (кажется, это скомканный плащ злодея) перевязан синей лентой. Если приглядеться, можно увидеть, что за ленту кто-то запихнул сотовый телефон. Он-то и производит плачущие звуки. Мгновение и сверток оказывается у девушки. Она успела распустить волосы, фата становится повязкой. Девица, а теперь женщина берет кричащее дитя, принимается качать его и тихонько поет колыбельную.

У ее суженого, неведомо как, вырастает окладистая черная борода, отдаленно походящая на бороду злодея. Поверх белой

блузы накинут видавший виды коричневый лапсердак. Откуда он взял его? Неужто из-под широкой юбки своей избранницы? Актеры работают стремительно, меняя образы и реквизит. Видно не один поезд уже познакомился с их спектаклем. Супружеская чета движется дальше по проходу, замедляется. Ребенок перестает вопить. В то же мгновение шут натягивает на голову яркую бейсболку козырьком назад, так что из прорези шаловливо выглядывает рыжий вихор парика. Он снова в своем нелепом лимонном костюмчике и здоровенных розовых кроссовках. Шут смеется и вдруг стремительно вскакивает на шею главы семейства. Теперь он играет ребенка. Мужчина несет шута, постепенно сгибаясь под тяжестью «дитяти». Его жена медленно идет рядом. Мажорный праздничный грим, ловко распределенный у глаз, рта и на лбу теперь напоминает морщины.

В конце вагона шут, смеясь и кривляясь, соскакивает с шеи мужчины. Делает родителям ручкой и, беззаботный, скрывается за раздвижными дверями тамбура. Муж и жена, согбенные и старые, медленно идут вдоль сидений. Он опирается на свою шпагу, как на клюку. Она, прихрамывая, держит его под локоток. Сотовый телефон издает резкую трель, а затем вдруг разражается тяжким гулом большого колокола.

Высокий человек поднимается с последнего сиденья. Когда он вошел? Когда занял место? Никто не помнит. Обычный парень лет тридцати, а может сорока. Простая одежда по сезону, круглое бородатое лицо уроженца пограничья. Спутанные черные волосы, пожалуй, длинноваты. Священник? Байкер без мотоцикла? «Раскрестившийся» неформал?

Человек подходит к актерам вплотную.

— Напилси, касатик. Сейчас кловунов разорять будет, — шепчет говорливая старушка своей соседке.

Однако человек не нападает. Он поднимает руки и резким движением срывает свое безразличное лицо. Открывается блестящий, зубастый череп. Пассажиры вскрикивают, кто-то резко неестественно смеется, кто-то тянется к валидолу. Есть, разумеется, и те, кому спектакль безразличен.

Человек с черепом вместо лица раскрывает за спинами мнимых стариков чернильный плащ злодея. Разводит длинные руки, так что отрез черной ткани скрывает фигуры актеров от досужих взглядов и только белый череп, точно дьявольская луна, остается парить над квадратом матерчатой ночи. Он смотрит на людей черными провалами глазниц. И все убеждают себя: «Там темные стекла или ткань». И все же где-то глубоко, детским первобытным ужасом скребется суеверное: «А вдруг — нет? Вдруг, все взаправду?». Череп скалится, не дает ответа, пятится, достигает дверей, которые вдруг сами собой открываются, пропуская процессию.

— Ушли, — констатирует говорливая старушка. — Ишь, кловуны! — и начинает быстро креститься. Зрители выдыхают, шумят, ворочаются, возвращаясь к рутине ожидания. В тамбуре и на перроне слышны голоса. Идут таможенники. Раздвижные двери в конце вагона расходятся в стороны. Сквозь них продирается давешний шут. Он с трудом тянет за собой здоровенный чемодан на колесиках. Шарниры скрипят, заедают. Шут с трудом волочит «баул» за собой, то и дело оглядываясь, не обращая внимания на деньги, которые ему протягивают пассажиры. Молния на чемодане застегнута не до конца. Из темной прорехи выглядывает локон светлых волос.

* * *

И я, как говорится, там был и спектакль смотрел. Аплодировал вместе со всеми. В самом деле, занятное представление! Простое, но со смыслом.

Правда, больше мне вагонный спектакль видеть не доводилось. Хоть по этому направлению езжу часто. Говорили, что труппу арестовали. Что они, мол, возили наркотики через границу. Да-да, прямо в том самом чемодане. А спектакль, знамо, для отвода глаз придумали. Ишь, кловуны!

И все правильно и, вроде, логично даже. Мало ли в наше время всяких мошенников?

Только вот странное дело. Мужик этот, что черепом работал, не делся никуда. Люди подтверждают, мол, ездит регулярно. Где садится, где сходит — никому не ведомо.

Намедни и я его видел. Сидит там же, где и в прошлый раз — на последнем у тамбура сиденье справа, возле прохода. Лицо круглое, бородатое, волосы черные до плеч. Глаза... тут я что-то не запомнил. Обычные вроде были, как у всех. Хотел я к нему подойти, про актеров спросить, да заробел что-то. Тут мою остановку объявили. Я сошел. После душной электрички простой деревенский антураж с запахом трав, синим небом и птичьим гомоном показался мне райскими кущами. Я бодро зашагал по платформе, а он остался сидеть в вагоне. Неподвижный, задумчивый, ожидающий...

Не люблю я театр.

Людмила **СЕРОВА**

КАК БУДТО ЖИЗНЬ — СПЛОШНОЙ ЭДЕМСКИЙ САД

* * *

Красив и спокоен сентябрь за окном
Сюда не торопится осень.
Не застит дождями она окоем,
И ветер листву не уносит.

Но долго ли будет гостить благодать?
Известно, что будет за нею.
А как бы хотелось, чтоб солнце опять
Смотрело тепло на аллею,

На грузный с плодами роскошными сад,
На сосны, березы и ели,
Чтоб мы, получив его светлый заряд,
От смутной тоски не старели.

Чтоб не появилась в душе пустота,
Лишая восторгов сердечных,
Да сбудется глупая наша мечта
О солнце и радости вечной.

* * *

Быть трудно понятым другим,
Еще трудней понять другого.
И молкнет искреннее слово
Над ухом немощным моим.

Но для чего дана душа
С ее молитвой и речами?
Она, лишь мне принадлежа,
Подобна ноше за плечами.

И остается уповать
На тот всесильный высший разум,
Что может каждого понять,
И слова не сказав ни разу.

* * *

Ухожу на рассвете
К листьям, травам, ручьям.
Щек касается ветер,
Словно мать по ночам.

Час, другой коротаю
В неземной тишине.
Но заказано, знаю,
Одиночество мне.

За просторами луга
От дорог в стороне,
Как приветствие друга,
Голос слышится мне.

* * *

Когда ромашка каждым лепестком
Вдыхает сладкий запах земляники,
Висит пчела над синим васильком,
Скользят по листьям солнечные блики,

Я чувствую давно забытый лад,
В гармонии мои душа и тело,
Как будто жизнь — сплошной Эдемский сад,
И нет иного для нее удела.

Забыв о кружке с ягодой на дне,
Запоминаю чудное виденье,
Как яркое желанное мгновенье
В изменчивом и уходящем сне.

* * *

И все же это — счастье,
Что ты на свете есть:
Светлее дни ненастья,
Добрее злая весть,

Приметней цвет полыни,
Сочнее мурава,
И не грозит отныне
Колючая молва.

Мне с каждым днем дороже
Одну услышать весть:
И ты забыть не можешь,
Что я на свете есть.

* * *

Было время: вылезал из почки лист,
Заезжал за мной лихой мотоциклист,
В лес спешили через ямы и бугры,
До полночной оставались там поры.

Было время: сливы, яблони цвели
Прямо к дому подъезжали «Жигули»,
С милым жарко целовались на ходу,
И лягушки звонко квакали в пруду.

Было время: сад тяжелый опадал,
На коне за мною сторож заезжал,
Мы гуляли с ним в саду до темноты,
Подбирая под деревьями плоды.

Час настал: никто не едет, не идет,
Лишь, мурлыча, лижет руку старый кот.

ОСЕНЬЮ

От колючек в малиновом цвете
Веселей на пустом берегу.
Возле сосен, как солнечным летом,
Розовее туман на лугу.

Все яснее горенье рябины
Под навесом туманного дня.
Ивы вновь серебристые спины
От ольхового греют огня.

Облака увеличились в весе,
Но не страшен за тучею гром.
И колодезным журавлем
Поднимается дух в поднебесье.

* * *

На серебристом фоне стекол
Свежи творения мороза:
В траве причудливой высокой
Застыли белые стрекозы,

И молодая орхидея
Растет в снегу неприхотливо.
Холодный светом сердце грея,
Живет со мной недолго диво.

Но вот опять на стеклах пусто —
Художник в поисках сюжета
С волшебной палочкой искусства
Среди сугробов бродит где-то.

Римма **ВЕЧЕРИНА**

ПОТАПОВ — АКТЁР ПЕРВОЙ КАТЕГОРИИ

Потапов отобрал у Шулейкина бутылку — не хватало еще под столом разливать... Деповская столовка вызывала брезгливость вечными запахами перестоявшегося борща и мокроты нечистого пола, Шулейкин — трусливой мельтешней в ожидании выпивки.

Оттого и налил сразу по полной, красиво налил, на раздачу не оглядывался, сказал — «поехали» и первым опрокинул граненый.

Шулейкин зазевался. Хотелось сказать что-нибудь значительное, вроде — «за родные Пенаты» или «за святое искусство», а так...

Выходила заурядная пьянка. Соответственно и выпил Шулейкин без ожидаемого удовольствия, косясь на угощавшего. Просыпалась казавшаяся похороненной зависть к удачливой потаповской внешности, характеру легкому, уверенности отставивших стакан крупных рук... Отказывал он Потапову лишь в таланте, как, впрочем, и многим.

Закусывать сдуру взятыми, подозрительными котлетками ни тому, ни другому не хотелось, жевали серые клеклые ломти с солью, опять выпивали.

Скоро Шулейкин, слабый на вино, расчувствовался, полез целоваться.

— Десять лет ведь! Господи, кусище жизни! — оправдывался он, соображая, пока, что Потапов от фамильярностей — не в восторге.

— Ведь предчувствовал с утра что-то такое... Как услышал звонок — говорю: «Татенок, это к нам»... И, знаешь, заспешил... В коридоре за стул зацепился... темнотища у нас... все свет экономят. А тебя сразу узнал. Шикарный... Кричу: «Татенок! Потапов объявился!». Давай-ка, еще, за встречу, за родные Пенаты!

Шулейкин мимолетно взгрустнул по убывающей «пшеничной», тут же взбодрился звоном сдвигаемых стаканов. Молчать силы не было.

— А Турбина помнишь? Ну? Он при тебе играл... До отъезда Татенка. В завклубы пошел, а Нина Аркадьевна...

Потапов отключился и ничего не узнал о Нине Аркадьевне. Забылась она. Мало ли кто подвизался на сцене в этом захолустьи. Помнилась Наташа... Была она тогда сухопарой, с постоянно смуглым цветом лица, странным в этих краях, нервно быстрая. Такой же была и их связь, без его вины не состоявшаяся любовь. Он был бесправен уже потому, что выбрали его... Но, главное, Наташа поздно начала, оттого и ее стремление к успеху подминало все... Потапову шел двадцать первый, был он на сцене неловок, в любви — застенчив... Смел ли он связывать себя с Наташей в будущем... Сперва улетела на поиски удачи она, спустя год — он. И не искал следов, просто тоска взяла... «Эх, Наташа, Наташа»...

— Да, Татенок больше не играет, просто — жена, — с самодовольством продолжал Шулейкин, — не роскошествуем, конечно, но... Не в деньгах — счастье!

Шулейкин не сумел не сопроводить подобную сентенцию соответствующим жестом, так что Потапов не удержался от улыбки.

— Ты, поди, не ожидал, что окрутят старого холостяка? — по-своему, истолковал ее ораторствующий.
Развеселый, уже косенький, глаз его подмигнул, дряблые щечки задрожали в смехе. В самом радужном настроении им было предложено: совершить «возлияние» в честь «радостей супружества», а также за приобщение к ним «упрямца» Потапова.
— А уют?! А понимание?! Закон природы! — напирал захмелевший, форсируя голос и, наконец, взревев. — Да прилепится муж к жене, а жена к мужу!
Ответом ему стал страшный грохот на кухне. Выскочившая из моечной бабенка в рыжем клеенчатом фартуке накинулась на странных посетителей:
— Кабак вам тут?! Сидят и сидят... Упились совсем!
Она глянула под стол и чуть не зашлась в истерике — на полу стояли две нигде не принимаемые, порожние посудины.
— Распивать! — вопила баба, — Тоже мне, интеллигенция, жмоты
проклятые! В столовку пришли — экономисты!
Шулейкин трезвел на глазах, только Потапов спас положение. Он встал и, схватив бабу за руку, хорошо поставленным голосом спросил:
— Как звать?
— Кого? — опешила баба.
— Тебя, не меня же.
— Настя, — почему-то робко ответила посудомойщица.
Потапов отодвинул третьим стул, чуть не силой усадил женщину.
— Кругом права Настена, — обратился он к приятелю, — сидим, балбесы, некультурно надираемся, а тут бабочка славная.
Пока Настена соображала, как быть, Потапов принес чистый стакан, разлил водку. Себе с приятелем плеснул для вида, Насте же налил полновесно, опростав бутылку.
— Твое здоровье, Настена, — со значением сказал он.
Настя от подобного внимания похорошела. Она скинула фартук и, вытирая ладони о когда-то белый халат, стесняясь прошептала:
— Что ж не вровень.
Как ни уговаривал ее Потапов, она отлила из своего стакана в приятельские. Громко чокнувшись, выпили.
— Сидите уж, смена не скоро, — вставая разрешила Настя.
Потапов проводил ее взглядом. Она, словно чуя этот взгляд, шла свободно, плавно — совсем другая женщина...
— Да, жизнь! — после непродолжительного молчания изрек Шулейкин, — Ты к нам работать?
Потапов перестал покачиваться со стулом, усмехнулся.
— Нет. Просто так заехал, — нарочито скучным голосом ответил он.
Шулейкин смотрел на собеседника туповато, медленно соображая, что в середине сезона приехать в такую дыру, как Б, большое чудачество. «Оригинальничает» с неудовольствием подумал Шулейкин.
— Вот и хорошо, что не работать — пустой номер, — сказал он, лишь бы что-то сказать.
— У меня, между прочим, первая категория, — поставил его на место Потапов.
Ему захотелось выйти, глотнуть свежего воздуха.
— Тем более. Платить больше надо. Первая да без имени... Для нашего главного первая — тьфу.
«Без имени» Шулейкин выговорил с особенным удовольствием, икнул и разжевал-таки котлетку. Пить дальше было нечего, оставалось идти на улицу, в промозглость.
На выходе Шулейкин замешкался, затоптался в неловкости, наконец, спросил с надеждой:
— Так ты, значит, не на мели?
— Нет, не на мели, — зло ответил Потапов.
— Послушай, будь другом, дай взаймы.
«Идиот, — подумал Потапов, — повел бы я тебя в забегаловку». Однако, спросил:
— Сколько?
— Ну... Не знаю...
Потапов помнил, что Шулейкин совсем бессовестным не был — брал без отдачи, но много не просил.
— Десятки хватит?
— Хотя бы.
Получив десятку, Шулейкин предложил остановиться у них.
— Тата будет рада, — бодренько заверил он.
«Только не это», чуть не сказал Потапов, вяло пожал, сунутую лодочкой, холодную ладонь и пошел прочь.
Теперь он был абсолютно пуст...

В Б. Потапов приехал в поисках работы. Сезон был в разгаре, а денег и уверенности в удаче поиска лучшего места у него не оставалось.
Только все оказалось много хуже, чем можно было предположить. Недоброе Потапов почувствовал уже у дощатого, некогда голубого заборчика против вокзального ресторана. Оборванная ноябрьским ветром афишка ничего ему не сказала, разве, что репертуар — дрянь. «Ладно, режиссер новый, но другие-то где?» — размышлял он, пересекая Вокзальную улицу. Весь путь до Садовой улицы, к памятному, приземистому, дореволюционной постройки, зданию, представлявшийся накануне с теплотой, был пройден буднично-торопливо. Перед служебным входом Потапов иззяб. Пришлось долго стучать и объясняться с кем-то глуховатым и немощным через запертую дверь.
— Выходной в тиятре, — говорили по ту сторону двери, — завтра приходи.
Дверь открылась, когда Потапов в деталях продумал способ ее взлома. Старушка, маленькая, домашняя, в детских валеноч-

ках, успокоилась солидным потаповским видом, пропустила внутрь, в теплый вахтерский закуток. Она выпростала из-под трех платков пергаментное ухо, готовясь выслушать.
— Нет такого, — живенько ответила вахтерша, когда Потапов назвал первое имя.
Потапов вздохнул, стал сыпать фамилиями. Старушка оказалась упорной.
— Слава богу, из ума пока не выжила, — без обиды втолковывала она странному посетителю, — всех, кто служит, помню. Да ты садить, в ногах-то правды нет.
Потапов и шапку снял, и пальто расстегнул.
— Борисова еще была... Вера... Да, Верочка, беленькая.
— И такой нет, — упорствовала старушка, руша последнюю надежду.
У Потапова мелькнула сумасшедшая мысль — справиться, в Б. ли он находится.
— Давненько ты сюда не заглядывал, а жисть-то идет, — наставительно приговаривала, наливая в единственную кружку кипятку, вахтерша, — им бы все скакать туда-сюда, где теплей, где хлеб легкий...
Тут Потапов вспомнил Шулейкина, актера незадачливого, зато из местных.
— Вася-то? Вася — служит, как же, — обрадовалась старушка, — ты обожди, адресок разыщу.
Попив кипяточка, Потапов потащился в не ближний конец по адресу, нацарапанному на четвертушке. Зачем? Он и сам не знал. Наверное, точку поставить и с вечерним — отбыть прочь из Б.
Шулейкин нежданному радовался шумно. Лысоватый и восторженный, он даже обнял Потапова, повторяя: «сколько лет, сколько зим», «ну ты, брат, даешь», и тому подобное.
В полутемной комнате, куда Потапова провели из совершенно не освещенного коридора, царило унынье сомнительного достатка и грустная запущенность. Высохшие на длинных стеблях головки ромашек, пыльное дерево отражались мутным зеркалом распахнутой створки шкафа. Скрипнуло.
— Татенок, — завопил Шулейкин, — это же Потапов!
— Не кричи, — услышал Потапов полузабытый голос, — я вижу.
Из-за створки, закрывая ее, вышла Наташа. Потапов отвел взгляд от худой, показавшейся совсем старой, шеи. Ее прикрыла воротником простенького халата рука, привыкшая к стирке, без украшений.
Потапов бормотал извинения, не желая раздеваться и присаживаться, а женское лицо покрывалось красными пятнами. «Выпить бы» подумал Потапов. Потому и оказался он через короткое неловкое время с Васей в дешевой столовке.

Несли ноги Потапова куда нужно — к почте.

Войдя, он порылся в карманах. В пальто — пусто, в пиджаке трешка. Посылать телеграмму имело смысл лишь в Саратов бывшему однокашнику Сергею Лелехову. Сергей близким другом не был — надежный парень и все. На бланке Потапов с разгону вывел: «Саратов, облдрамтеатр, Лелехову». Теперь надо было считать слова. «Значит так: до зарезу, пятьдесят, Б, главпочта, Потапову». Но тут вспомнились саратовские ставки и аппетит просившего умерился на десятку.
Служащая в окошечке поводила карандашом по бланку, потребовала мелочь.
— Нет мелочи, — вторично подсовывая трояк заявил Потапов, — и, между прочим, — он явно и весело решил намекнуть на аккуратность сдачи, — это вся моя наличность.
Женщина внимательно оглядела Потапова, шевеля бледными губами, прочла текст телеграммы.
— Лицо у вас знакомое, — произнесла она человеческим голосом.
Потапов приосанился:
— Да, узнают некоторые...
— В театре нашем не играли?
— И такое бывало, — тоном дважды убеленного и трижды заслуженного — томно ответил артист.
Успех был полный!
«А почему бы и нет» подумалось Потапову.
— Я сама бываю на мели, — порозовев, призналась любительница театра.
Встретиться договорились в шесть, у почты.
Увидевшись, они отметили друг в друге приятные перемены: она явно помолодела, он — совершенно протрезвел.
— Ольга Николаевна, — представилась она с важной торжественностью. Продела свою ручку под руку Потапова и предложила пройтись пешком, через центр.
— Непременно, через центр, — галантно согласился Потапов.
И он повел новую знакомую сквозь толчею вокзальной площади, мимо зябнущих, в ожидании сеанса, парочек у кинотеатра «Центральный», по чавкающей под ледяными ногами, провинциальной грязи. Шли — долго и молча. Скоро Потапов устал приноравливаться к мелкому шагу чужой женщины. Тощие тополки отбрасывали на заблестевший тротуар дрожащие тени. Все было безнадежно мокрым и скучным.
Потапов уже стал обдумывать план побега, как услышал долго ожидаемое:
— Почти пришли, я сейчас.
Женщина высвободила руку и нырнула в темноту.
Потапов поднял воротник, решил ждать не больше десяти минут, но вернулась она быстро, сказала: «Удачливый ты», и что-то звякнуло в ее большой сумке.
Дом, к которому они подошли, был из двух этажей: кирпичного и бревенчатого, слепой от наглухо закрытых ставней. Он по-

думал, что подниматься надо на второй этаж, по лестнице, пропахшей кислой капустой, и не ошибся. С верхней площадки прошли направо, в дверь, ведшую сразу на кухню, похожую на деревенскую, только маленькую и без русской печи.

Ее место занимала — круглая, чугунная. Ольга Николаевна предложила раздеться и обождать, ссылаясь на беспорядок. Потапов прислонился к теплому печному боку. Было тихо, только ходики, в виде головы кота, вращали глазами и говорили «так, так», навевая дремоту.

Сон Потапова был минутен и легок. Зажегся свет, процокали каблучки, он поднял голову. У дверного проема стояла Ольга Николаевна. В розовом, не шедшем ей платье, в прозрачных, на неожиданно стройных ногах, чулках, в туфельках. Сладкая жалость поднялась к горлу. Потапов удержался от слов, только смотрел, добрыми глазами. Торопливо разделся, прошел за Ольгой Николаевной в комнату и... растерялся.

Такое припомнилось... Из недолго длившегося детства...

Тот же темно окрашенный пол с тряпичными домодельными половиками. В углу — лимон, в его рост. Тугой крахмал занавесей и постели с подзором. Он вспомнил и названия. Стульев, ровно стоящих у стола и в простенках — «венские», цветка на высоком табурете — «фуксия». Потапов опустился на краешек дивана, боясь и ожидая, тягуче басовитого гула.

Так сидел, неловко и торжественно, пока не возникло на столе простое и любимое: грибки да капустка, да жареная с лучком картошечка, да графинчик простого стекла...

Хозяйка сказала:

— К столу, пожалуйте.

Потапов поднялся, забытыми жестами пригладил волосы, обдернул пиджак, занял указанное место.

Быстрым огнем прожгла гостя первая стопка, вторая — согрела, третья потянула к душевному разговору.

— Я, ведь, Оля, неудачник, — начал Потапов, — сегодня понял. Шел в гору, до государственного — дошел и... опять здесь.

Он помолчал, что-то в себе бередя, настраивая.

— Все она, проклятая, — он любовно щелкнул графинчик, — да бабье!

Ольга слушала, уперев подбородок в ладошку, готовая к сопереживанью, Потапова и прорвало.

— Выпил с соседом, сын у него родился... Сидели хорошо... А тут, из театра — играть некому. Ролишка — дрянь, проходная. Пьеска — сопли-вопли... «А, — думаю — как-нибудь». Поехал.

В уборной грим наложил — нормально, разделся, прости, до белья, по роли надо — нормально... Все — нормально. Лесков — приятель мой, говорит: «Обойдется. Ты только в темпе прокрути». Пошел на сцену, лег, одеялом укрылся и — все! Уснул! Потом рассказывали — поднимается занавес, партнерша подходит, реплику дает — лежу, как убитый. Она молодая, неопытная, чуть не ревет. За кулисами — паника, посовещались, Лескова выпустили. В халате, вроде врача. Растолкал меня. «Дочь это ваша, — говорит, — навестить пришла». В госпитале дело происходит. Я его, натурально, выматерил, да на другой бок... Публика, конечно, в восторге — свистят, хохочут. Партнершу в уборной валерьянкой отпаивают. Я — сплю. Сонного меня со сцены вынесли. Так и остался в театре... До утра...

Ольга готовилась повздыхать, копила сочувствие, а оно оказалось ненужным: Потапов возбужденно жестикулировал, стал похож на сына — Петьку.

— Утром как проснулся? — продолжал с удовольствием гость, — Ирочка — партнерша моя, трясет, в плечо кошкой вцепилась... Поносит! И «сволочь», и «дрянь», и, покрепче... Хрупкая такая, блондиночка. Согласен: «сволочь» и «дрянь», но что за манера — «Святое искусство, святое искусство». «Не роль, — говорю, — у тебя, а мочалка — жевать не прожевать — оставь искусство в покое». Она — «Ах» и по щеке меня. Стерпел, домой пошел побриться перед «баней».

— Выперли, — вставая подвела итог Ольга.

— Точно. Да с кем у нас такого не было. Но ... Ирочка расстаралась, в фаворе была, — покорно кончил рассказ Потапов.

— Устроишься, — недобро сказала хозяйка, — с вас, мужиков, как с гусей — вода. Чай будешь?

Потапов, не спросясь, налил себе, потянулся стопкой к хлопочущей над остатками закуски хозяйке:

— На черта мне чай, давай выпьем.

— Может, хватит, — резко произнесла она.

Потапов, только теперь уловивший хозяйкино отчуждение, демонстративно стукнул донышком стопки об стол.

— Как прикажете.

Он даже привскочил было, словно сам вид застолья стал ему неприятен, но под тяжелым ольгиным взглядом опустился назад, заскучал.

— Нет, ты скажи мне, что вас к водке этой тянет, — уже завелась Ольга, — с каких печалей ею утешаетесь?

«Мужик у нее пил, что ли? — подумалось Потапову, — эк, разошлась». Вопрос был риторическим и он приготовился к ответу за весь род мужской, за не сложившуюся, как говорится, женскую судьбу.

— Нет, что б посидеть, по-человечески. Ведро поставь — выпьют! Жизнь — тяжелая? Опять — нет... Покрутились бы, как бабы...

Чего она только не наговорила! Потапов вспомнил другое женское лицо, потом — третье. Много лиц, молодых и не очень, прошло перед ним. Одна — была умна и долго притворялась, обычное же — раскрывались сразу же, в неуемной жажде привязывать и учить жить. Но ни одной женское чутье не подсказало, что он из племени бродяг...

Расставались тяжко, и долго помнились осуждающие, под покрасневшими веками, недоуменные, когда-то любимые, глаза...

Погрустневший Потапов отъехал со стулом, глядел в разгоряченное лицо напротив. Ему было жаль напрасно надетого хозяйкой праздничного платья.
Поднялся, зацепил половичек, сказал:
— Уже поздно, пойду я.
Ольга опомнилась. Уголки сразу побледневших губ опустились, прорезав морщины. Как уже бывало, Потапов ужаснулся тоской поднятого к нему, молящего взгляда.
— Останься, — трудно и безнадежно произнесла женщина.
— Поздно, — повторил мужчина, и женщина прочла приговор этого «поздно».
В проулке, оканчивавшимся, скорее всего тупиком, он выкурил последнюю сбереженную сигарету. Куря, смотрел на узкий лучик из-под ставня, за которым разбередило его уютом давней поры. Оставалось идти прочь и он пошел, хрустя ледком подмерзших луж.

Михаил **НИКОЛАЕВ**

РОСИНКА УПАДЁТ — И РУХНЕТ ЧУДО

* * *

Отложена протяжная работа.
Нас утешал Великий океан.
Стояла бесконечная суббота,
И ветер дул из самых дальних стран.
Почти неуловимый, тонкий запах
В солёном влажном воздухе витал.
Зюйд-Вест, на ягуарьих лапах,
Тропические сказки нам шептал.
Легли тысячелетние размеры
Гекзаметром немыслимой длины.
Дыхание ровнялось в такт Гомеру
И метроному медленной волны.
Наивная былая одержимость
Ушла, с улыбкой тихой, в миражи.
Мы бредили. Мы неумело жили...
Закат на плаху голову сложил.
Он угасал, задумчиво качаясь,
В разъятых, как Вселенная, зрачках,
Того, кто есть. Того, кто был вначале.
Того, кто в нас глядит издалека...
Слабеют наши тени на причале,
Прибой залижет рукопись песка.

* * *

Мне светлый ангел молча пел,
В пустынном облаке купаясь.
Часов чеканная капель
Чугунно падала, скупая.
Слепая музыка без слов
В моей качалась колыбели —
Мучительное ремесло
В пути от кресла до постели...
Поверю — может, так верней —
В души свободное паденье,
Или в опасной тишине
Махнуть рукой на наважденье!
Зовет недобрая пора
Покинуть празднество историй...
Но для меня играет Брамс
Из недоступных территорий!

* * *

Жестяная гробница. Килька в томате.
Исподлобья свинцовый, замедленный взгляд.
Может хватит стаканом судьбу виноватить?!
А быть может и нет. Может это не яд,
А целебное противоядие
Против сумрачных сил, неподвластных уму.
Закуси философием. Будь без понятия.
Погрузись без труда в непомерную тьму.
Кто же порчу сведёт? Кто же снимет заклятие?
Где же ключ ко всему? В толк никак не возьму.
Так и тянет к столу обострить восприятие,
Я ведь должен, я должен еще.... Но кому?

* * *

Пустой, холодный зал в квадрате черно-белом,
Лишённом красок. Никого. Я здесь и нет меня.
Забвения пустынные пробелы.
Нет ничего: ни света, ни огня,
Ни музыки, ни голоса, ни света,
Ни призрачно танцующих теней.
Здесь всё угасло, стихло, даже эхо...
Здесь Вечность умерла. И я простился с ней...

* * *

Неуловимый шелест крыльев, —
Филина ночной полёт.
Глубинный взор всевидящий,
Два омута печали.
Над полем, лесом и рекой
Пока что петухи не прокричали
В зелёно-голубой покой.
Непостижимо невесома тишина —
Росинка упадет — и рухнет чудо,

И не узнаешь, чья вина.
Зачем, кому дано? Откуда?
Тень филина бесшумна... Полная луна...

* * *

Черный теленок у белой коровы.
Поздняя зелень некошеных трав.
Строчка тропы под багровым покровом,
Стылая, серая морось с утра.
Еду на юг. Сквозь испарину окон
С верхней полати — леса, да поля.
Четких колес отработанный рокот
Мерно колышет распластанный взгляд.
Пожил немало, не так уж и много.
Знал своё дело и был не у дел.
Может, была и другая дорога —
Вилами шито по темной воде.
Взрослый ребенок, в пути постаревший,
Одолевает последнюю треть.
Поезд уходит в закат догоревший.
Осень. Россия. Смотреть и смотреть...

Евгений НАДАЛИНСКИЙ

АРМИЯ. ХОЛОД И СЛЕЗЫ

Поздняя осень на окраине Волжского города Карбышева. Свинцово-серый плац дивизии отражает цвет неба, по плацу марширует рота солдат, недружно подвывая строевую песню. Ледяной порывистый ветер разносит слова по округе; находясь в отдалении от марширующих, можно услышать лишь отдельные слова или фразы: «...Родина!.. «...Бойцы Родине верны!..». Холодно! Очень холодно! Ветер, метущийся по омертвелым бескрайним степям, выстуживает шинель и хэбэшную форму до нательного белья, пытаясь добраться до плоти. Правда, холод по-своему сопутствует шагистике: бодрит, отгоняет болезненную утомленность, притупляет чувства, кроме двух: желания есть и спать.

Шеренги наголо бритых голов, серые лица, сотня бессмысленных взоров. Маленького роста, кривоногий, лупоглазый сержант идет не в ногу со строем и зычным голосом не то выпевает, не то выкрикивает свой однообразный диктат: «Ррясс, рряс-два, три!». Все так и делают: раз, раз-раз-два-три, сапогом на левой шлепают по асфальту чуть сильнее, чем на правой; в результате не только видно, но и отчетливо слышно — маршируют не школьники, а солдаты. Любой сторонний наблюдатель, окажись он поблизости, способен был бы оценить и выправку, и чеканный шаг, совсем не думая о том, что всем им, солдатикам, хочется совсем другого.

Накануне календарной зимы снег еще не запорошил бескрайний чернорытвинский танково-стрелковый полигон. Безветренное утро коченело в холодном тумане. Взвод молодых бойцов суетливо собирался в шеренгу, мгновенно, по команде офицера «застывал» и также мгновенно по команде рассыпался вправо-влево. Для курса молодого бойца упражнение «развертывание в цепи» одно из обязательных, умение выполнять его повзводно или поротно необходимо в условиях боевых действий. Мрачный полигон для подобной тренировки подходил вполне.

Ничего не получалось. Разбегались медленно, натыкаясь, друг на друга, спотыкаясь, изменяли заданное направление. Одинокий дюжий офицер опять и опять давал команду к построению и далее автоматически рявкал: «Взвод! Разойдись!» И дальше совсем уже не по уставу: «Пошел! Вперед! Быстрее!». Все напрасно. Эти вчерашние мальчишки, школьники, маменькины сынки, молодые мечтательные студенты «никак не хотели правильно воевать». По команде старшего лейтенанта Елустахова, проводившего занятие, взвод построился в две шеренги и офицер в очередной раз обратился к личному составу: «Правильное выполнение данного упражнения, возможно, кому-то из вас спасет жизнь. Не скрою, многим из вас придется воевать».

Молодой солдат по имени Сергей, стоя в строю в первой шеренге среди рослых, почувствовал, что где-то в груди образовалась оледенелая глыба. Очень хотелось п'исать. Был конец 1981 года.

В казарме у связистов батареи отопления еле теплые, чего совсем недостаточно для суровой волжской зимы. На заиндевелые оконные стекла смотреть не хочется, сквозь них ничего не видно. Ночами, когда мороз за тридцать, бойцам дополнительно разрешили накрываться шинелями. Сергей во время сна научился сворачиваться, накрываясь с головой, дыханием обогревая маленькое пространство под одеялом. Ему это даже нравилось, возникало подобие тепла и уюта.

Где-то в глубине огромного выстуженного пространства, среди десятков двухъярусных кроватей в темноте ночи беспокойно кашлял новобранец. Сергей, временами просыпаясь, слышал его надрывный кашель, скрип пружинных матрасов и недовольные реплики разбуженных. Многие простывали, ночной кашель для спящих стал таким же бичом, как и храп. Шли дни и ночи, уныло и монотонно по заданному распорядку дня. Сергей часто бывал в наряде дневальным, обязанности которого кое-как, но знал. Однажды утром после команды — «подъем» обнаружился боец, который не смог выполнить команду, а продолжал лежать, безучастно глядя на суету товарищей. Рот его был по-рыбьи широко открыт. После развода, когда личный состав роты ушел на занятия, в расположении остался лишь суточный наряд, да лежачий больной, тот самый бедолага с явными признаками пневмонии, ожидавший наконец-то

отправки в санчасть. Сергей после бессонной «мокрой» ночи — влажная уборка курительной комнаты и сортира уже с наступлением рассвета почувствовал непреодолимую сонливость и озноб, развеять которые не могли даже суетливые обязанности дневального. Бесконечное количество раз нужно было встретить и проводить ротных и штабных офицеров. Аппарат громкоговорящей связи изрыгал нетерпеливые просьбы начальства порой немыслимого содержания: «Немедленно передать пакет майору Злобину!» или «старшего лейтенанта Власова найти! Немедленно! Срочно!». Кто такой старший лейтенант Власов Сергей даже не догадывался, возможно, один из офицеров штаба дивизии, расположенного напротив его казармы. Бывали просьбы и поинтересней: «Воин! Курить! Время пошло!». У пары оборзевших «дедушек», болтавшихся в комнате дежурного по части, кончились сигареты, и тоже надо как-то отреагировать, найти хотя бы одну и отнести, так на всякий случай.
Мордастый фельдшер — прапорщик и двое с носилками вошли в расположение роты ближе к полудню. Их встретил сержант Парышев — дежурный по роте. Сергей видел, как эти двое с носилками вынесли недвижимого солдатика, накрытого шинелью, поверх которой лежали нехитрые туалетные принадлежности, завернутые в белое вафельное полотенце. Имени и фамилии заболевшего паренька Сергей не знал.
«Унесли в санчасть, хоть там отдохнет и отогреется», — мелькнуло в голове, вот только от появления безмолвных чужаков возникла тревога. Сергей продолжал нести суточный наряд, усталость и ожидание предстоящей смены понемногу выветривали тяжелые думы. Ноги подкашивались.
Наступил вечер, следующий наряд занял место прежнего. Вернув штык-нож в комнату хранения оружия, Сергей почувствовал себя свободней. Прошедшие сутки вспоминались дурным сном, а впереди были радость общения с товарищами, незамысловатый ужин в многоголосой суете, просмотр опостылевшей программы «Время», вечерняя поверка и, вероятно, долгожданная команда «отбой». Сергей наблюдал восход солнца сквозь зарешеченное окно ленинской комнаты. Рота ждала команду на построение для утреннего развода. Сергей смотрел в окно и видел, как огромный золотисто-рыжий диск медленно и тяжело поднимался над заснеженным горизонтом, еще в проеме окна была видна далекая шоссейная дорога, по которой ползли букашки-автомобили. Уже в перерыве после первого часа занятий, в курилке, все тот же мелкий кривоногий сержант, так промежду прочим, сообщил о внезапной смерти заболевшего товарища. Сержантскому составу роты об этом сказал командир у себя в кабинете еще перед разводом: «Одним уродом стало меньше».
«Уроды» выслушали сообщение, тихо сопя носами; по крайней мере теперь каждый узнал имя умершего и место, где он родился. Происшествие особенно не обсуждали, наверное, смерть от пневмонии зимой вполне возможна. К концу следующего дня список вечерней поверки стал короче на одну фамилию. О выбывшем не вспоминали.

Евгений СТЕПАНОВ

ДЕНЬГИ И СКРИПКА

САМОМУ СЕБЕ

в этой жизни — как шприц — одноразовой
все — немножко бомжи и бичи

никому ничего не доказывай
никого ничему не учи

помолчи — ведь все сказано — классика
это лучше чем собственный бред

погуляй эмигрант хоть полчасика
в старом парке которого нет

НАБРОСОК

в этом веке увы окаянном
я еще на плаву
по сравнению с дедом хасаном
я неплохо живу

СПАСИ И СОХРАНИ

выжить бы в этой стуже —
ужас — почти незряч

лучше не будет — хуже
будет — поплачь поплачь

хуже не будет — будет
все хорошо — не плачь

может быть Он осудит
но все же даст калач

пыл дуракам остудит
гладя по волосам

Он никого не осудит
только поплачет сам

РЕВОЛЮЦИОННАЯ СТРАНА

женщина — каюсь! — трахать
женщина — маюсь! — сеть
женщина — охать-ахать
женщина — жить и петь

родина — феи-звери
родина — волчья сыть
родина — жить и верить
родина — верить-жить

музыка — сон карузо
музыка — стон — жак брель
грешно-святая муза
кто ты зачем откель

смертушка — тиф-чахотка
смертушка — расстрелять
смертушка — миф красотка
смертушка — благодать

НЕВЕСТЫ

Маша библиотекарь
Она прочитала все книги
С ней так интересно поговорить

Света шеф-повар элитного ресторана
Знает пять тысяч рецептов
Она приезжает в гости — я становлюсь толстяком

Жанна в прошлом путана
Кама-сутра ее настольная книга
С Жанной тоже весьма интересно

Три женщины три моих фаворитки
Три замечательных женщины
Но я до сих пор не женат

НАРОД

деньги
и скрипка

деньги
и скрипка
и — Бабий яр
пожалуйста
не стреляйте

кто-то должен считать деньги
кто-то должен играть на скрипке

Сергей МАГОМЕТ

ВЫШЕЛ МЕСЯЦ ИЗ ТУМАНА

Не каждый молодой человек мечтает о службе в армии. Особенно если мечтает стать художником и у него есть любимая девушка, которую он еще не уговорил позировать обнаженной, и даже не сделал женщиной.
Я таким и не был. То есть был уверен, что после армии мне ни о чем мечтать, скорее всего, вообще уж не придется.
На чем основывалась эта уверенность?..
В семнадцать лет, сразу после школы я подал документы в художественное училище, но не поступил. Сказали: нужно набраться жизненного опыта, набить руку. В кармане у меня уже лежала повестка. Светило солнце, и жизнь была прекрасна. Я пересекал Пушкинскую площадь. Высоко вверх били хрустальные фонтаны. Девушка сидела нога на ногу. У нее за спиной шелестела слегка золотящаяся листва. Я шагнул на гранитные ступени по направлению к скамейке. Мир стоил того чтобы запечатлеть его на холсте.
Около памятника по обыкновению кучковалось несколько манифестантов. Я машинально скользнул взглядом по плакатику. На этот раз он гласил: «Армия убивает наших детей». Рядом две женщины держали развернутый лист ватмана, на котором были наклеены какие—то фотографии. На одной из фотографий с подписью «убийцы сержанты такие—то» я увидел тело юноши в полный рост. У него были выколоты глаза, а изо рта как бы торчал окурок. Взглянув пониже, на зияющий обрубок внизу живота, я понял, что во рту у юноши был вовсе не окурок. Не знаю, может быть, я был чересчур чувствительным. Мы с мамой жили вдвоем. Я рассказал ей про фотографию. Она сняла с пальца перстенек с бриллиантиком, вынула из ушей крошечные сережки и ушла. На следующий день я уже оформлялся на работу в закрытый НИИ на должность лаборанта. В гробу я видел эту армию; теперь у меня была «бронь». Как в песне поется: «А мне броню дает родной завод “Компрессор”...». Снова светило солнце и жизнь была прекрасна.
Вообще—то, художников у нас любят. Даже если они малахольные пропойцы. Вино я пить еще не выучился, но вид у меня действительно был нескладный. Эдакий гадкий утенок ростом метр восемьдесят пять, упитанный, но весьма прыщавый. Впрочем, некоторые — главным образом, родственники, — находили, что в моем облике уже сквозит нечто одухотворенное. Интеллигентный мальчик, короче говоря. Я довольно рано осознал, что вызываю у людей сочувствие и желание меня опекать, и, даже отчасти избаловался, пользуясь подобной благосклонностью окружающих. Я еще не знал, что возможны исключения.
В какую отрасль науки и техники я попал — бог ведает, до сих пор затрудняюсь сказать. С виду здесь занимались чем—то те-

оретическим, каким—то расчетами и тому подобным, но была и некая механическая часть, располагавшаяся в подвале с агрегатами, где мне и предстояло трудиться, пока я не поступлю в институт. Как бы там ни было, все это называлось лабораторией с десятком сотрудников, и руководил ею кандидат технических наук с простой русской фамилией Лебедев. По имени—отчеству, между прочим, Станислав Иванович. Он носил костюм, галстук. На лацкане серебряный вузовский ромбик. У него были блеклые глаза без ресниц и щеки в мелких кровоизлияниях. С первого взгляда могло показаться, что он с утра до вечера просиживает за своим рабочим столом и, не отрываясь, строчит докторскую диссертацию. Но в первый же день Станислав Иванович поманил меня к себе пальцем и с многозначительно усмешкой поинтересовался:

— У тебя какой размер ноги?

— А что? — пробормотал я.

— А то, что я могу тебя обуть в сапоги, мой милый. Мне стоит только набрать номер, — он взялся за телефонную трубку, — хочешь?

Я почувствовал, что моя спина покрылась холодным потом.

— Но почему?.. — прошептал я.

— А потому что ты для меня ничтожество, грязь из—под ногтей, — степенно объяснил Станислав Иванович, но его тусклые глаза побелели от ненависти. Теперь он не шутил. — Ты хочешь отсидеться здесь от армии? Ты думаешь, ты пуп земли, и я буду нянчиться с тобой, как твоя мамочка? Я раздавлю тебя, как таракана. Если ты не будешь у меня тут землю рыть, ползать на карачках так чтобы у тебя изо всех дыр пар шел, я позабочусь, чтобы прямо отсюда тебя отправили на сборный пункт!.. Понял?.. Ну так п—шел работать!

Наблюдавший за этой сценой с довольной усмешкой пожилой мастер, которого все называли просто Петрович, протяжно чмокнул губами, похлопал себя ладонью между ног, как бы воспроизводя произведенную надо мной экзекуцию, а затем кивнул, чтобы я следовал за ним в подвал.

С этого момента жизнь моя превратилась в сплошной кошмар. Самое забавное, что работы как таковой не было. Вся лаборатория била баклуши; даже не делала вид, что работает, поскольку от зарплаты в переходной к рынку период осталось одно название, и в воздухе висела удушающая тоска. Мне кажется, с моим появлением сотрудники вздохнули с некоторым облегчением: нашлась причина, почему дело стоит. Петрович уже с утра начинал нашептывать Станиславу Ивановичу на ухо и кивал на меня. Завлаб бросал на меня ненавидящий взгляд, и под причмокивания и прихлопывания Петровича я птичкой летел в подвал. Я сортировал какие—то железяки, переносил с места на место кипы бумаг, сверял номера каких—то приборов. В этом как будто не было ничего особенно изнурительного, но уже к обеду я выдыхался так, словно таскал мешки с углем. Все, что я делал, пропадало втуне, поскольку никому не было нужно. Но если я чего—то не доделывал, то кто-нибудь обязательно жаловался начальнику, что простаивает из—за меня. Иногда я ясно видел, что со стороны сотрудников это не более чем беззлобное подшучивание, но никогда не сомневался в том, что сам Станислав Иванович шутить не станет. После обеда я прятался в каморке под лестницей, чтобы лишний раз не попасться кому-нибудь на глаза, листал альбом с репродукциями и мечтал о том, что после работы уговорю, наконец мою возлюбленную позировать неглиже, а потом... Бывало, часами, а то и по два—три дня, обо мне все забывали. Иногда в каморку всовывала голову сорокалетняя замужняя бабища Сорокина и, распространяя ужасный запах гнилых листьев, заводила разговор о том, как она меня, такого робкого, жалеет. Я был действительно робок. Мне так хотелось женщину, что, пожалуй, я решился бы потрогать Сорокину за руку или даже за грудь, но содрогался от одной мысли, что вот-вот может раздастся ненавистный голос Станислава Ивановича:

— У тебя какой размер ноги? Сапоги для тебя уже приготовлены!

«Вы считаете себя культурным человеком, даже аристократом, Станислав Иванович, — мысленно отвечал я ему, — а не умеете по-русски высказаться и не знаете того, что размер бывает не у ноги, а у обуви!..».

С наступлением холодов я даже нарочно раздобыл по случаю настоящие армейские кирзачи и назло ему надевал их на работу. Все было напрасно: он продолжал изводить меня своим дурацким вопросом.

Ночами я кричал во сне, вечерами тупо сидел над репродукциями Босха, а по выходным прогуливался с подругой по одному и тому же маршруту и нудно разглагольствовал о пластике и графике. И все чаще мне приходили в голову дикие мысли: правда ли повешенный испытывает оргазм? Стало быть, уже начала кристаллизоваться определенная *идея*.

Однажды я все-таки решился взять Сорокину за руку. Она вперила в меня не мигающий взгляд, и, не понимая, что это значит, я потрогал ее за груди, которые на ощупь оказались как рельефные резиновые грелки. На Сорокину словно нашел столбняк; она так и застыла в полусогнутом положении, а я, почти въяве представляя, что могу с ней сделать, стал дрожащими руками приподнимать ее юбку и расстегивать свои джинсы.

— Так какой, говоришь, у тебя размер ноги? — раздался у меня над ухом вкрадчивый голос Станислава Ивановича.

В тот же день я уволился, потерял «бронь» и загремел в армию. С неожиданным хладнокровием я решил, что только бы заполучить в руки автомат, а уж там я никому не позволю над собой измываться. А если меня отправят в горячую точку, то и это неплохо: попрошусь в разведроту, узнаю жизнь и набью руку.

Но на горячую точку я не попал, и надо мной никто не издевался. Кажется, мои звезды снова сошлись в благоприятном сочетании. Люди снова стали меня опекать. Уже в военкомате, когда я заикнулся какому—то приземистому и заботливому майору насчет намерения податься в разведроту, он только облапил меня за талию и печально усмехнулся:

— Попадаются же такие дурачки! Ты бы хоть о матери подумал...

И записал меня в «ВВ», то есть во внутренние войска.

Два года я просидел на одном и том же месте. Мы охраняли на всем необъятном Архипелаге свой маленький архипелажек. Правда, наша исправительно—трудовая колония была редкостным образцово-показательным заведением. Во-первых, кругом была фантастически красивая природа. Таких закатов и восходов я потом нигде не видел. Прекрасные чистые озера, на дне каждого казалось скрыт свой град—китеж. Громадные елки доставали верхушками до Господа Бога... А во—вторых, нам сказочно повезло с хозяином, то есть начальником лагеря. Я понимаю, что это звучит двусмысленно и вызывающе, но я бы и здесь, на воле, желал иметь такого. Я уже говорил, что пресловутой дедовщиной у нас и не пахло. Никто не умирал от недоедания и не искал кайфа в чифире. Что касается зэков, то они называли эту зону санаторием ЦК; причем без тени иронии. Конечно, зэков и нас, служивых, разделял закон, но жили мы, в принципе, как одна семья, и хозяина называли батей. Батя говорил:

— Пока я с вами, никто вам яйца не открутит... — И мы, конечно, понимали, что он не договаривает: «кроме меня».

ЧП случилось, оно, конечно, случилось.

До дембеля мне оставалось всего ничего, как из зоны пустились в бега два зэка. Маразм ситуации заключался в том, что убежать-то им было совершенно невозможно. Просто некуда. Была зима, морозы стояли зверские. До Луны ближе, чем до ближайшего жилья, не говоря о трассе. Зачем они бежали, кроме как затем чтобы всех нас подставить, чтобы всех нас, и в первую очередь батю, вздрючили, непонятно.

Логично было бы немножко подождать: они бы погуляли и вернулись; мороз заставил бы их притопать обратно. Но мороз был такой, что обратно они могли и не притопать. А что значит для зоны исчезновение двух зэков, говорить нечего. Какая-нибудь сука обязательно бы донесла. Начальству до фени логика: раз нет в наличии, значит в бегах. Пока придет весна, растаяют снега, и жмуриков обнаружат, всей зоне придется нахлебаться жижи: батю шуганут на заслуженный отдых, над зэками поставят какого-нибудь кощея ужасного, а нас, дембелей, оставят париться еще на полгода. Не нужно кончать академий, чтобы понять: надо их ловить.

Раздосадованный и уязвленный в самых лучших чувствах, батя заперся у себя в избушке и, наверно, запил горькую, а ловцов назначал его заместитель. Всего он отрядил шесть групп охотников по три человека: двое с собаками, а третий стрелок. В числе прочих отобрал и меня.

— А что с ними надобно сделать, не вам, дедам, объяснять! — напутствовал он нас.

Между тем в горячке происходящего, я не сразу сообразил, что к чему. Только когда наша тройка углубилась в лес, и собаки неожиданно взяли след, до меня дошел смысл сказанного. Расклад был простой: если мы приводим беглецов домой, понаедет комиссий, начнутся разбирательства, опять-таки найдутся суки, которые захотят напакостить, и опять-таки придется всем нахлебаться. Если же они будут застрелены при попытки к бегству, значит, служба сработала как надо: нет человека, нет проблемы...

Мы бежали на лыжах по просторному еловому бору. Луна, как прожектор с главной вышки, просвечивала лес на сотни метров вокруг. Собаки, утопая в снегу по грудь, не лаяли; они чуяли, что цель близка. Я ловил ртом морозный воздух, а в моей памяти отчетливо нарисовались беглецы. За долгие месяцы безвылазного сидения на зоне, они примелькались вроде родственников. Один жилистый и злой, как черт, псих, носил с собой финку, но ни разу не был с ней пойман, а другой рыхлый туберкулезник, все кашлял. И, скорее всего, псих силком потащил за собой туберкулезника.

Не прошло полчаса, как мы их приметили. В лунном свете картина была как на ладони. Они как раз спустились в лощину. Псих и впрямь гнал туберкулезника впереди себя пинками. Они нас тоже сразу увидели.

Мы их быстро настигали. Я знал, что мои напарники стрелять не смогут: они держали собак, которые вдруг начали бешено лаять и рваться. Спускать собак они естественно тоже не станут. Они же не фашисты. Кавказцы разорвут зэков живыми. А о том чтобы гнать беглецов в лагерь, не могло быть и речи.

Теперь нас разделяло метров пятнадцать-двадцать. Туберкулезник кашлял так, что было слышно сквозь лай собак. Псих размахивал своей глупой финкой и орал на спутника. Туберкулезник падал на колени и снова поднимался. Потом он упал на колени и поднял руки вверх. Псих ударил его рукояткой финки в спину, а затем полоснул лезвием по лицу. Потом он бросил его и стал быстро карабкаться вверх по склону лощины.

Я встал на одно колено, передернул затвор, прицелился и нажал на спусковой крючок. Короткая очередь трассеров мгновенно пригвоздила психа к земле. Он даже не ахнул. Оставался туберкулезник. Он кое-как полз на четвереньках в нашу сторону. Кровь так и лила у него со щеки и оставляла на снегу черный, узкий, как нитка, след. Кавказцы хрипели в ошейниках, пытаясь дотянуться до него, брызгали пеной и клубами взбивали задними лапами снег. Ребята недоуменно смотрели то на меня, то на зэка. Они пытались оттащить собак, чтобы те не заслоняли мне сектор огня. Пот лил у меня со лба, щипал глаза, и я едва видел прицел. Я выстрелил, но неудачно. Ствол ушел

сильно вверх. Туберкулезнику лишь вспороло плечо, полетели клочки, и он с воем покатился по снегу. Я стал стрелять без перерыва. Трассеры отскакивали от деревьев и камней и ударяли в небо. Он все катался по снегу, от него во все стороны летели клочья, но он не затихал. Расстреляв магазин, я, не глядя, расстегнул подсумок и вставил новый. На этот раз все было кончено.
Через неделю, награжденный именными часами, я был с почетом отправлен на дембель.

Москва приняла меня с распростертыми объятиями. Изменился не только я, изменилась и она. Как-то сразу все пошло в жилу. Я привез с собой из армии папку лубочно—сюрных акварелей и тут же толкнул ее на Арбате шизанутым японцам. Денег с прибором хватило на то, чтобы одеться в черную кожу и снять шикарный подвал для студии. Про художественное училище, в коридорах которого, наверное, уже кустился бурьян, а студенты загибались от цинги, я и думать забыл. Все определилось само собой. После японцев, были южные корейцы, итальянцы и, конечно, наши братья американцы. Более того, всего за несколько месяцев я перетрахал весь женский бомонд, заручился высоким покровительством, был обласкан авангардистами и возглавил нонконформистскую молодежную тусовку. Теперь, словно молодой вошедший в силу волк, я шлялся по притонам, клубам и редакциям (что в сущности одно и то же), снимался в клипах и на обложки иллюстрированных журналов «сверху без» и «снизу без», слюнил сотенную зелень, участвовал во всевозможных «акциях», дрался с педерастами — анархистами, а главное дни и ночи напролет работал, писал...
Как-то раз под вечер, бросив работу и двух девчонок, мягко говоря, на полпути к катарсису, я выполз из своей берлоги, чтобы глотнуть свежего воздуха. От запахов краски, парфюма и водки меня слегка подташнивало, в глазах рябило, а ниже пояса словно все выгрыз хорек.
По переулку шел человек. Он улыбался и шел прямо на меня.
— Так какой, говоришь, у тебя размер ноги? — неожиданно спросил он.
Мой кулак словно сорвался с предохранителя, и я резко и очень сильно ударил его в лицо. Человек пролетел сквозь кусты, подстриженные в виде живой изгороди, и исчез. В переулке было тихо. Солнце садилось. Потом из—за кустов послышался тихий кашель.
— Станислав Иванович, — позвал я.
Кусты зашевелились, и он выбрался на тротуар. Вид его был жалок. Костюм сильно поношен, воротник синей линялой рубашки истерся на уголках до ниток. Галстук кургуз и в пятнах. Но на лацкане тот же инженерский ромбик. Глаза светились голодным блеском, а на одутловатых брылях порезы от тупой бритвы. Самое отвратительное человеческое качество — жалость. Гораздо хуже, чем ненависть.
— Простите, Станислав Иванович, — сказал я, беря его под руку.
Но он уже вполне оправился. Придерживал двумя пальцами кровоточащую губу, которую раздуло, как от флюса.
— Как жизнь, Станислав Иванович? — спросил я его.
Я зачем—то повел его к себе в студию и, конечно, хорошенько напоил и накормил. Он поглядывал на девчонок; наверно ждал, что я дам знак, чтобы его обслужили. Но мои девчонки не шлюхи; я отправил их домой.
— А Сорокиной-то обе сиськи отрезали, — сказал он, глядя им вслед, и, подумав, прибавил: — Рачок—с...
— Ну а вы-то как? — снова поинтересовался я.
Он понял, что я могу дать ему денег, но, как ни странно, больше чем есть прибедняться не стал. Напротив, принялся хвастать, что сам, даст бог, скоро разбогатеет, даже побольше, чем я. Нет, продавать военные секреты цэрэушникам не собирается, а вот с ихних фирмачей, которые через контракты с нашим НИИ конверсионные денежки прокачивают, он не сегодня, завтра поиметь собирается; он, как ни как посредник и свой процент выцарапает, не негр он бесплатно горбатить. Мол, хотели капитализьм — нате вам капитализьм.
К ночи мы оба сильно напились. Я не испытывал к нему никакой вражды, да и он был настроен добродушно. Я рассказывал об армии и о том случае с побегом. Он все кивал. Я и сам понимал, что веду себя глупо, но мне хотелось, чтобы он понял, что я прошел через все и добился своего. Даже, пожалуй, на данный момент времени всего добился. Женщин моих он уже видел. Я рассказывал о том, что задумал большой цикл о полузверях—полулюдях, о том, как они любят, ненавидят, и что получил заказы от трех западных галерей... Потом я потащил его смотреть мои работы. Он кивал головой и, высокомерно щурясь, ронял время от времени с видом знатока:
— До настоящего художника тебе, естественно, еще далеко, но кто знает, может и допишешься... — Он похлопал меня по плечу. — Значит, все—таки пошли тебе на пользу сапоги, а?
— Вам спасибо, Станислав Иванович, — усмехнулся я.
Под утро я, наконец, вытолкал его на улицу и, сунув в карман пачку денег, усадил в такси. Я думал, что он уже ничего не соображает, но он повел осоловелыми глазами, притянул меня к себе за рукав и проговорил:
— А лихо ты тогда в бору этих ничтожеств уделал, этих тараканов... Вот бы какой триптих изобразить! Я бы такое произведение и сам купил, честное слово!
Я схватил его за горло, но пальцы были, как ватные. Он хрипел, но продолжал ухмыляться и даже бросил оторопевшему водителю:
— И ведь задушит, задушит, он же у нас теперь крутой...
Я отпихнул его на сиденье и кивнул водителю, чтобы тот отъезжал. До рассвета оставалось всего ничего.
Слава тебе Господи, жизнь человека имеет начало и конец.

Александра МИРОНОВА

ИЗ ВЕРТИКАЛИ СНЕГ ИДЁТ В ДИАГОНАЛЬ

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

Читаю лекцию студентам,
Под окнами хрустит зима,
Вхожу как будто без билета
В покои сонного ума.

Версаль, Людовики, фарфоры,
Камеи, ряд пинакотек...
Вздыхают грустно монсеньоры:
Зачем нам тот парчовый век?!

Куда милее модный гаджет,
Где рой картинок тешит взор,
Душа упрямо смеха жаждет,
Культура Ваша – злой укор!

Писать рецензию тоскливо,
«В контакте» лучше отдохнем,
И плагиат, как Чиполлино,
Растет, умнея с каждым днем.

Пускай музей нутро щекочет,
Пусть там всё дышит и жует,
Там залы в виде глаз и почек,
А лестница – зубастый рот!

Что ни доклад, то клоунада,
Слова рождают винегрет.
Прошу: – Преамбулы бы надо.
– "Пре" что? – доносится в ответ.

В музее ходим вдохновенно
Среди восточной тишины,
Ведем экскурсии посменно,
Мы здесь серьезны и равны...

Зачет нагрянул в День студента.
Притихла стая молодцов.
Не бойтесь – я без арбалета,
Люблю всех вас, в конце концов!

* * *

Памяти бабушки

1.
Ныли фразы во мне все тревожней:
«Я люблю тебя!» – «Я тебя тоже!»

И не знала, с кем говорила,
И не знала, кому отвечала,
Каждый день начиналось сначала:
«Я люблю тебя!» – «Я тебя тоже!»

Провожала тебя в воскресенье
К берегам бесконечным и дивным,
А в душе обрывались ливни.
Мои слезы судьбу не изменят...

И затихли безмолвные фразы,
Будто наш разговор подытожив,
Будто было за нас уже сказано:
«Я люблю тебя!» – «Я тебя тоже!»

2.
В МУЗЕЕ ТРОПИНИНА

Бренчит задумчиво капель
По мостовым в январский полдень,
Тропининская акварель
В московском переулке бродит.

Знакомый востроглазый век
Шуршит в купеческом тулупе,
Плывет кустодиевский снег,
Подошвы по асфальту лупят.

И время обратилось вспять,
Надев шагреневую кожу,
До прошлого рукой подать,
Мы стали с ним вдруг так похожи!

Идем неспешно в поворот
Под рокот стайки голубиной,
Не доигравший Новый год
Добавил серебра в картины.

Крестьянка держит кадку роз,
Уютно вяжет кружевница,
Ямщик, оставив пыльный воз,
Заглядывает в наши лица.

По этажам кружится свет,
Влекущий в тайники Грааля,
Портреты тихо смотрят вслед,
В воспоминанья ускользая.

Молчит вальяжный клавесин,
Застыв навек в минорном ладе,
А в отражениях витрин
Гарцует музыка Вивальди!

3.
Из вертикали снег идет в диагональ,
Деревья землю утыкают спицами,
Твое лицо, забывшее печаль,
Под утро мне отчетливее снится.

Все тот же запах держит коридор,
Всезнайка-телевизор ждет на кухне,
Мы пьем за здравие малиновый кагор,
Не зная сроков, не тревожа слуха.

Пробег окончен, не кружит юла...
Нет, погоди! Но ты не слышишь,
Берешь портфель с призывом: «Я пошла!»
Стремишься на работу, словно в Китеж.

А помнишь, как лесной июньский дождь
Дивился ландышам, что мы нарвали,
Как мы под душем унимали дрожь,
Отдав букетик вазе и роялю?

Ты помнишь наш победный дачный марш
Под звуки юные военных песен,
Как будто дедушка нам выслал свой кураж:
Живи, трудись, всегда надейся?!

Когда-нибудь мы встретимся опять
Со всеми, с кем так больно разлучились,
Накроем стол, и будем вечерять,
И говорить о том, что сбылось.

Пока же встану к белым парусам,
И вдаль пущусь — туда, где пахнет вербой,
Доверюсь внутренним бессребреным весам,
Усилиям любви не полагая меры.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Наталья РУБИНСКАЯ

СЛУННЫЕ ПЕСЕНКИ

ПЕСЕНКА СЛОНА О ЛУНЕ

Под луной слонялся слон,
был большой и умный он,
он без дела не сидел:
песню для детишек пел.

Все заслушались слона,
и развесила луна
свои уши лунные,
слушать песню умную,
свои уши сонные,
слушать песню слонную.

* * *

Любопытный муравей
всех старательней зверей:
носит хворост и еду,
не допустит в дом беду,
в муравейнике своем
чистотой доволен он,
любит мурашей-детей,
дверь закроет от дождей...

Что же, если это так,
то зачем ему башмак —
новый кожаный башмак?
И зачем ему рюкзак?
Да и мамин саквояж?
Словом, летний наш багаж —
для чего он муравью?
Всюду рожицу свою
су —
нул!..

* * *

Если в травах встретил жабу —
нет, не жалость жилы сжала! —
В грудь твою впилась заноза
сострадания к стрекозам.
Если сырость и ненастье —

жаба светится от счастья.
От нее гони взашей
всех летучих малышей.
Вот большой зеленой жабки
растопыренные лапки
я заметил там, где спорыш
с нежною мокричкой спорит.
— Кто здесь? — дрожь во мне сказала.
Но зверюшка показала
не язык свой длинно-липкий,
а... прекрасную улыбку.

ЕСЛИ БЫ ВСЕ ДЕТИ ТАК МОГЛИ

Летучих люблю насекомых,
их мало осталось у нас,
нектаром и ветром влекомых,
с блестинками-бусками глаз.

Ловить ни за что их не буду,
забуду цветные сачки,
любуюсь и знаю, что чудо:
стрекозы, жуки, мотыльки...

ЛАСТОЧКИ

На блестящих проводах
детки ласточки сидят,
их рубашечки опрятны,
ровно семеро ребят.
Провод узенький,
глазки-бусинки
на проезжих да прохожих
ни за что не поглядят.
К маме-ласточке
жмутся-ластятся...
Над крылечком полетают
и под крышу поспешат.
Не трещат, не верещат,
рассудительно пищат:
«Хорошо, чердак высоко
да забор вокруг, дощат!».

* * *

Мне никто не поверит, но рыжий котенок
в желто-рыжем осеннем холодном лесу
догонял меня утром, мяукал спросонок,
видно, думал, с собою его унесу.

Косолапо ступая, он плакал по ласке,
но в больнице не держат чудесных котят!
Голубые, зеленые, добрые глазки
удивлялись, что слушать его не хотят.

Не хотят? — Я нагнулась и к сердцу прижала,
он залез мне по свитеру к самым плечам!
Только что нам с тобой эта бедная жалость,
если чьи-то котята спят в лесу по ночам?..

ПРОДЕЛКИ КОТА N

Чей же это кот красивый
прячет рыльце за крапивой?
Прыг на крышу, скок в трубу:
уж к красе не подойду!

Рыщет-свищет по заборам,
то на столб для кругозору,
то вдруг на петушью клеть —
всё о'кей ли — посмотреть.

Ушки пеги, пузик сивый,
скромный, тихий, не спесивый:
глядь — в золе и саже уж.
«Брысь из печки!» — рассержусь.

Эвона, теперь понятно,
хоть почти невероятно:
словно феникс, в пепле весь,
кот журчит: «Алё, я здесь!»

Вячеслав СЫСОЕВ

ЗАГАДКИ

* * *

Она не многословна, не криклива,
Не любит кривды, милости не ищет.
Необходима и царям, и нищим.
Всегда пряма,
строга,
но справедлива.

Никто не сможет сжить её со света.
Затопчут в грязь — она уже наруже.
Тому в ком нет её, кто ей не служит.
Дай срок, придется пожалеть об этом.

* * *

Кричат ей:
— Дверь-то отвори!
Гляди-ка, ты уже горишь!
Вставай! Беги! Чего лежишь?
Иль ты не чувствуешь жары?

— Жара, конечно, не к добру,
Но я такая: на зло злу
И пальцем не пошевелю,
Чтоб дверь открыть.
Не отворю!

— Измучила она меня.
Не потому ли я сонлив?
Ворчит дед:
— Не сонлив — ленив.
Ужо отведаешь ремня.

— Я знаю, коль расстался б с ней,
То ел бы мёд и калачи
И не лежал бы на печи.
Так с чем расстаться надо мне?

* * *

Вовек она не сломится,
Поскольку к слову молвится.
Дела не в лад, то спорщица,
А коли в лад — помощница.

Она как будто не укор.
Но отчего краснеет вор?
Всегда с ней складен разговор;
Сумбурен, если в нем лишь вздор.

Худого — не потворщица,
Хорошего — сторонница.
Вовек она не сломится
Поскольку к слову молвится.

* * *

Когда прийти,
Она у нас не спросит.
Она уже пришла
И холод привела.
В иные дни погод бывает восемь.
И сеет, веет, и метет, и крутит,
И мутит, и ревет,
И рвет, и сверху льет.
Ну, нет спасения от серой мути.
Крестьянам не страшна лиха-погода,
Коль закрома полны,
А сена — до весны.
Ответьте мне,
что на дворе сегодня?

ОТГАДКИ: Правда, Лень, Пословица, Осень

Нина ДАВЫДОВА

ПУТЕШЕСТВИЕ В МОСКВУ

У каждой знаменитой столицы есть свой признак, свой «эпитет»: «великий город» — это, безусловно, Рим; «город небоскребов» — конечно, Нью-Йорк; центр международной моды — Париж; город туманов — Лондон. А что Москва? Её принято называть первопрестольной и белокаменной, хотя это не совсем верно. Белокаменных зданий, например, в Москве почти не осталось.

Пожалуй, отличительный признак Москвы — непредсказуемость: неожиданные исторические, политические, архитектурные и тому подобные повороты. Имя городу дала река Москва. И точного перевода мы тоже не знаем: то ли «коровий брод», то ли «крутящаяся-вертящаяся», то ли ещё что-то.

Ни один ученый не возьмет на себя смелость назвать точный возраст города или ответить на вопрос, почему именно Москва стала в XV веке столицей Русского государства?

В 1147 году князь Юрий Долгорукий проводит военный совет на Боровицком холме со своим союзником князем Святославом Ольговичем, устраивая «обед силен» во владении боярина Стефана Кучки, убитого при обороне своих земель. За что был убит боярин? Проводил самостоятельную политическую линию, не устраивавшую Юрия Долгорукого? Или, как сообщает старинная раскольничья летопись, князь был влюблен в жену Кучки? Ответить на этот вопрос, по всей видимости, уже не удастся. Среди топей, болот, лесов не вдруг возник город. И возник не случайно. Проходили, перекрещиваясь в междуречье Москвы-реки, Неглинной и Яузы, важнейшие российские торговые и военные пути.

Из небольшой деревянной крепости Москва в конце XIII века превращается в столицу княжества. Начинает новую страницу московской истории князь Даниил, младший сын Александра Невского. В XIV веке начатое отцом продолжает Иван Калита. При нём Москва, не став еще государственной столицей, становится столицей духовной. Из стольного Владимира митрополит Петр переносит кафедру, делая Москву православной столицей Руси. В эти годы основывается около 20 монастырей, возводится много приходских храмов.

При Дмитрии Донском, внуке Ивана Калиты, Москва из почти сплошь деревянного города начинает превращаться в белокаменный град сорока сороков церквей. Возводятся из белого камня стены и башни Кремля. Из новой крепости отправляется Дмитрий Донской во главе объединенных войск на Куликово поле. После победы над ордынцами на Москву начинают смотреть как на освободительницу русских земель.

В конце XV века на Руси началась иная эпоха. На московский престол садится великий князь Иван III. Благодаря мудрым действиям князя и его окружения («команды», как говорят сегодня) приходит конец золотоордынскому игу. Меняется положение Москвы, с конца XV века она не только духовный центр Руси с кафедрой митрополита в Успенском соборе Кремля, но и столица русского государства, гербом которого становится древний герб Византии – двуглавый орел.

В Москву приглашаются известные архитекторы, скульпторы, живописцы из Италии; считавшиеся тогда лучшими европейскими мастерами. Ведь именно в конце XV века, в эпоху Возрождения, оно особенно ярко проявилось в Италии, Европа увидела на своих границах мощное Российское государство со столицей в Москве. Получив статус столицы, Москва меняет свой облик. Под руководством Ивана III итальянскими зодчими совместно с русскими мастерами создаются новые, теперь уже кирпичные, стены и башни Кремля, дошедшие до нашего времени. Однако как прозвали в старину, так и сохранилось до сих пор привычное словосочетание «Москва белокаменная».

XVI век отмечен двумя наиважнейшими событиями. В 1547 г. венчается на царство первый русский царь из династии Рюриковичей Иван IV, прозванный Грозным. А в 1589 г. совершается поставление Патриарха Московского и всея Руси Иова. Установление Патриаршества было связано с возрастанием духовного авторитета русского государства и церкви. Венчание на царство и поставление Патриарха происходит в Кремле, в Успенском соборе.

В этом же XVI веке в Москве сооружаются три пояса защиты. В 1535 – 1538 гг. по приказанию великой княгини Елены Глинской, матери Ивана Грозного, итальянский архитектор Петрок Малый строит мощное крепостное укрепление, защитившее городской посад у восточных стен Кремля, – Китай-город, хотя – никакого отношения к Китаю оно не имело. В 1586 – 1593 гг. по линии нынешнего кольца бульваров архитектор Федор Конь выстраивает стены и башни Царева города, несколько позднее получившего название Белый город. Это укрепление было возведено из кирпича, как и стены Кремля и Китай-города. В 1591 – 1592 гг. на насыпном валу ставят деревянные, из дуба, стены и башни Скородома, проходившие по трассе современного Садового кольца. После сооружения этих трех поясов защиты план Москвы становится похож на срез могучего дерева, пожалуй, как никакие другие документы доказывая органичность возникшего в XII веке города, его естественное развитие.

В смутные годы конца XVI – начала XVII веков сгорел Скородом, сильно пострадали Белый и Китай-город, досталось и Кремлю. В 1598 г. пресеклась династия Рюриковичей, правившая с XIII века, от Даниила Московского до Федора Иоанновича. В Кремле побывали Лжедмитрий I, поляки. Наконец ополчение, руководимое москвичом князем Дмитрием Пожарским и нижегородцем Кузьмой Мининым, освободило Москву от интервентов.

В 1613 г. династия Романовых восходит на московский престол. После Смуты город обновляется. В Кремле отстроили новый дворец, перестраиваются подмосковные царские резиденции Измайлово, Рубцово, Коломенское. Второй царь из династии Романовых – Алексей Михайлович – издает указ о переименовании некоторых московских улиц, башен Кремля. Например, улица Чертольская превращается в Пречистенку, Фроловская башня – в Спасскую. Петр I, в отличие от отца, не испытывал любви к патриархальной столице. Новый царь хотел перемен, в том числе и в облике Москвы. Сражение с древним городом Петр начинает со строительства в Кремле здания Арсенала, протянувшегося от Троицкой до Собакиной башни, пробует поменять привычный вид Красной площади, потом переносит строительный эксперимент в Лефортово. Но оказалось, что легче изменить летоисчисление и одежду граждан, чем сделать западноевропейским древнерусский облик Москвы. Вот и пришлось строить новую столицу на берегах Невы – Санкт-Петербург – город на воде, с прямыми улицами и перспективами.

Но Москва не утратила своего значения для России. Связь с древней столицей особенно остро почувствовалась в 1812 г., когда Москва была оставлена наполеоновской армии без боя. Сразу же, со 2 сентября, начались пожары, – москвичи подожгли город, – заполыхало с особой силой уже через пять дней после вступления в город французской армии. 11 октября наполеоновская армия бежала из Москвы. Город представлял собой печальное зрелище: в Пречистенской части уцелело 8 домов, в Городской – 11, в Пятницкой – лишь 5. Всего из 9158 жилых в городе после пожара осталось 2626 домов. После изгнания интервентов за пять лет Москва не только была восстановлена, но, как отметил знаменитый современник, «пожар способствовал ей много к украшенью». Всенародная российская любовь обратилась к Москве. В городе создаются музеи, общедоступные библиотеки, на пожертвования состоятельных горожан строятся бесплатные больницы, богадельни для бедных. Москва становится крупнейшим центром промышленности: железные дороги уходят во все концы России. Федор Иванович Шаляпин, объездив чуть ли не весь мир, написал, что такой мощной благотворительности, как в Москве, он больше

не встречал. Театры, литературно-музыкальные салоны, всевозможные общества, попечительства...

Но не только разнообразная и богатая культурная жизнь отличала Москву. Пришедший капитализм диктовал свои законы: земля в центре города стремительно подорожала, стали строить не просто доходные дома, а «небоскребы» в 9-11 этажей, уродующие зачастую дивные панорамы города. В дешевых домах окна смотрят в окна, солнечный свет зачастую вовсе не посещает эти квартиры. А рядом строятся роскошные особняки для буржуазии, врачей, юристов — новые хозяева жизни завоевывают московское пространство. Москва, сотрясаемая политическими заговорами, разгулом террора, не случайно попадает в месиво революции 1917 г.

А с 1918 г. Москва вновь становится столицей, но уже совсем другого, атеистического, государства: закрываются все монастыри, взрываются многие старинные достопримечательности, переименовываются улицы. Протопоповский переулок превращается в Безбожный, улица Пречистенка — в Кропоткинскую, Архангельский переулок — в Телеграфный, улица Никольская — в улицу Двадцать пятого Октября. В 30-е гг. в недрах Москвы тысячи рабочих заняты на грандиозной стройке — прокладывают линии метро. Первая очередь из Сокольников до Парка культуры открылась в 1935 г. В том же году принимается план переустройства: Москва должна стать городом коммунистического рая. Осуществлению этого плана помешала Великая Отечественная война. Как и в 1812 г., осенью 1941 г. над Москвой нависла опасность вторжения. 19 октября город был объявлен на осадном положении. Погибло почти все московское ополчение, но на этот раз Москва устояла. 24 июня 1945 г. на Красной площади прошел парад Победы. Потом начали восстанавливать разрушенное хозяйство. 7 сентября 1947 г. отмечали 800-летие со дня первого упоминания о Москве, поэтому решили построить 8 высотных зданий, силуэтами схожими с башнями Кремля. Семь из них возвели.

В середине 80-х меняется историческая ситуация в стране. В государстве начинаются процессы, получившие название Перестройка, и в первую очередь они находят отражение в Москве. Специальная комиссия из ученых мужей возвращает старые названия: улица Кропоткинская снова становится Пречистенкой, улица Воровского — Поварской, площадь Дзержинского — Лубянской... Церковные здания возвращаются церкви, восстанавливается прежняя российская и московская символика.

В первые годы Перестройки в облике столицы происходят изменения, сравнимые с восстановлением ее после наполеоновского нашествия. Из города, в котором господствовал серый цвет, Москва становится городом многоцветным, вводится специальная вечерняя подсветка фасадов. Начинается воссоздание утраченного: Казанский собор на Красной площади, у Пречистенских ворот — храм Христа Спасителя. Но, к сожалению, второе пришествие капитализма, как и первое, влечет за собой удорожание земли, особенно в центре, снос уникальной исторической застройки в разных районах Москвы, появление «безлепицы» в виде домов-монстров. Как, к примеру, дом в начале улицы Арбат, «убивший» своими размерами и старинную улицу, и Арбатскую площадь. А что говорить про изуродованное Остожье, да и другие районы центра.

Тем не менее, и на этот раз Москва устояла, сохранив многие свои панорамы и не потеряв статус культурной столицы и музея под открытым небом.

Летом 1999 г., перед началом нового тысячелетия, прошли большие торжества по случаю 200-летия Александра Сергеевича Пушкина, родившегося в Москве, как и Александр Грибоедов, Фёдор Достоевский, Марина Цветаева. Эти великие литераторы хорошо знали историю родного города и всю свою жизнь сохраняли «преданность её семи холмам».

Москва, «коренной России град», постоянно увеличивает свою территорию, теперь от столицы до границ с Калужской губернией рукой подать. И москвичей становится всё больше, столица притягивает своими возможностями, да и иностранцев привлекает особая московская архитектура — один деревянный московский ампир чего стоит! И ещё, несмотря ни на какие перевороты, сохраняется особый московский дух. Хотя климат у нас — не сахар. Зима долгая, по сравнению с западной Европой, а лето пролетает быстро. Эти особенности климата производили немалое впечатление на иностранных путешественников. Адам Олеарий в «Описании путешествия в Московию» (XVII в.) удивлялся: «У них не редкость, что отмерзают носы, уши, руки и ноги. Как ни силен холод зимою, летом столь же велика жара, которая так тягостна для путешественника не только днем из-за солнечных лучей, но и из-за многочисленных комаров, которых солнце производит на свет в болотах, да и повсеместно...».

Путешествие по городу — это всегда приключение и соприкосновение с новым, неизведанным. Вспомните строчки Осипа Мандельштама: «Я слушаю сонаты в переулках, / У всех лотков облизываю губы, / Листаю книги в глыбких подворотнях...».

Начнем знакомство с Москвой на ***Манежной площади.*** До нее удобно добираться: сюда стекаются несколько линий метро. К Манежной обращены здания Исторического музея, гостиниц «Москва», «Националь», стены Кремля; подходит Александровский сад; как бы искоса выглядывает здание Государственной Думы; классически простые и изящные здания старого Московского университета; здесь исток главной столичной улицы — Тверской; Большая Никитская устремляется к Консерватории; примыкают площади Красная и Революции; отсюда открывается величественная панорама Воскресенских

ворот с Иверской часовней и здание Манежа, которое, собственно, и дало название площади.

На Манежной много иностранных туристов с кинокамерами и фотоаппаратами. У молодежи здесь место «тусовок» в теплую погоду, когда бьют фонтаны, струится рядом искусственная река Неглинка, везде продают мороженое и можно свободно посидеть на парапетах, балюстрадах и скамейках, которых здесь много.

Еще недавно площадь шумела многотысячными митингами различных партий, на большой «асфальтовой» поверхности собиралась вся Россия эпохи Перестройки решать извечный российский вопрос: «как жить дальше?». И, как будто отвечая на этот вопрос, площадь обнесли забором, зашумели бульдозеры, и вскоре Москва «ахнула» — в недра Манежной вмонтировали торговый центр «Охотный ряд», названный в память о средневековом очень бойком торговом районе, «чреве Москвы», здесь когда-то бывшем.

На 60 лет постарше «Охотного ряда» ***гостиница «Москва»,*** выстроенная в 1935 году по проекту архитекторов А. Щусева, Л. Савельева, О. Стапрана и перестроенная недавно почти до неузнаваемости (ну, это специалистам бросается в глаза). К 850-летию столицы, рядом с гостиницей, открылся ***Археологический музей.*** Его уникальность в том, что, спускаясь по ступеням, вы совершаете путешествие в древнюю Москву: в стрелецкую слободу Стремянного полка, к изгибам бывших Обжорного и Лоскутного переулков. Раскопки здесь велись на площади около 70 тыс. кв. метров, а культурный слой составил от 4 до 9 метров, найдены колодцы, подклеты, основания храмов и зданий, некрополь Моисеевского монастыря. И, наконец, предстало перед археологами одно из чудес средневековой Москвы — основание белокаменного Воскресенского моста через Неглинную. По Тверской царской дороге въезжали на Воскресенский мост и через Воскресенские ворота попадали на Красную площадь.

Воскресенские ворота были полностью уничтожены в сталинское время и вновь воссозданы в 1995 г. вместе с Иверской часовней. Действительно вновь воскресшие, ворота соединяют бывшее здание Городской Думы и Исторический музей. Две арки ворот ведут на Красную площадь. Вот здесь, рядом с Иверской, перед въездом в Кремль по древнему обычаю останавливались и молились российские государи. Ворота в этом месте начали строить более 400 лет тому назад, в малолетство еще Ивана Грозного. Название свое они меняли: то Курятными их называли из-за близости к рынку, на котором продавали домашнюю и дикую птицу. То стали называть их Львиными, поскольку рядом во рву стояли для всеобщего обозрения клетки со львами. Думается, львам было нелегко ощущать аппетитные запахи «куриной продукции». Назывались ворота и Неглинскими: рядом был мост через Неглинку.

В XVII в. у Воскресенских ворот построили **Иверскую часовню,** в 1782 г. по проекту архитектора Матвея Казакова часовню перестроили, и перед уничтожением она выглядела именно так, как мы видим ее сейчас, после восстановления. Ворота, по часовне, назывались также Иверскими, а Икона Иверской Божьей Матери очень почиталась в Москве. Интересно, что икон было две: одна постоянно находилась в часовне, а у другой был специальный экипаж, ее возили в разные дома по всей Москве с самого раннего утра до позднего вечера. После революции, в конце 20-х гг., Иверские ворота стали «стеснять уличное движение», как утверждало городское начальство, участь их была предрешена, и в начале 30-х годов от них не осталось и следа, а у следующего поколения москвичей не осталось следа и в памяти. Иверскую икону перенесли в церковь Воскресения в Сокольниках.

В 1995 г. Воскресенские ворота вместе с часовней Иверской иконы Божьей Матери восстановили.

Не раз к Иверской часовне приходила Марина Цветаева:

А вон за тою дверцей,
Куда народ валит, —
Там Иверское сердце
Червонное горит.

Сюда, к Манежной площади, выходит самая мощная ***Угловая Арсенальная башня Кремля.*** Ее высота 60,2 метра, толщина стен 4 метра. В древности башня носила другое имя — Собакина, по имени бояр Собакиных, живших в Кремле рядом с башней. Строил башню «над Неглинною с тайником» в 1492 году итальянский архитектор Пьетро Антонио Солари. До сих пор сохранился родник в нижнем ярусе башни. Исследователи предполагают, что в древности из Неглинной под стену могли заплывать ладьи. Точно известно о выходе из башни к реке, и это имело большое стратегическое значение при обороне Кремля от врага. Арсенальной башню стали называть в XVIII веке, с началом строительства в Кремле Цейхгауза, или Арсенала, — это здание хорошо видно сразу за кремлевской стеной. От Собакиной-Арсенальной башни начинается Александровский сад, памятник военной победы, спроектирован знаменитым зодчим Осипом Бове. Назван в честь императора Александра I, под руководством которого от Наполеона были освобождены Россия, Франция, Европа.

Дмитрий **НЕКРАСОВ**

ВЕЧНЫЙ АВГУСТ ОЛЕГА БОГДАНОВА
(10.08.43.—21.08.02)

В августе 1943 родился и в августе 2002 умер поэт Олег Леонидович Богданов, едва перешагнув порог 59-летия. Свою книгу «Чужая жизнь», над которой работал последние семь лет, так и не издал. Не успел? Или считал, что интерес к стихам потерян, не то, что в 60-ые — из которых, как поэт, он вырос. Высокий, красивый, физик, поэт, преферансист, спортсмен, игравший за студенческую сборную «Буревестника» второй ракеткой (сразу после чемпиона СССР по настольному теннису Геннадия Аверина) с неизменной надменной улыбкой, сквозь которую проглядывало такое же неизменное детское удивления перед Божьим миром.
Многообещающий физик расстался с престижной по тем временам профессией в августе злополучного 1968 года, когда советские танки вошли в Чехословакию, и он подписал прямо в коридоре центрального корпуса МГУ одно из писем-протестов, за что в 24 часа был выдворен из стен родного физфака в Ташкент — выживай, со своим романтическим достоинством, как сможешь.
Тогда после Праги (помимо преследования «подписантов») власть закрутила и другие гайки, скажем, «безнадзорный» Профессиональный комитет литераторов при Литфонде СССР, предтечу Союза литераторов России, «прикрепили» к Профсоюзу работников культуры, неожиданно расшифровав аббревиатуру профком, как профсоюзный комитет, приравняв вольных литераторов-надомников к техничкам и машинисткам, работницам госиздательств, одним махом лишив почти 2000 человек юридического права на профессию...
Олег, вернувшись в Москву, работал таксистом, репетитором, освоил «профессию» квартирного маклера. После удачного обмена обычно накрывался стол, а с того самого 68-го года Олег стал периодически запивать, да так, что мало не покажется. К тому же, среди поэтов запой не редкость. Занялся лечебным голоданием (мог на одной воде продержаться 30 дней), что позволяло ему на время справиться с недугом, но, увы, только на время...
Многие годы Олег посещал семинар широко известного за пределами нашей страны поэта-переводчика Элизбара Ананиашвили и впоследствии сам мастерски перевел ряд стихотворений Шекспира, Байрона, двух современных литовских поэтов Альбинаса Бярнотоса и Альдону Пуйшите, но это уже не ради денег, как маклерство. Поэзия, как и физика, была его призванием. Но имя Олега Богданова было известно только в узком кругу ценителей. Неуживчивый характер часто заставлял поступать всем и всему вопреки, такие, неуживчивые, неугодны, неудобны и редко завоевывают популярность и широкую известность.
За прошедшие годы в альманахе «Истоки» (вдовой, Татьяной, тоже бывшей физфаковкой, и издателем «Истоков» Галиной Рой) была издана, в разделе «Памяти поэта», подборка стихов Олега с названием «Чужая жизнь»,
Мы продолжаем публиковать стихи Олега Богданова в изданиях Союза литераторов России: в газете «МОЛ» (№ 3, 2002) и в альманахах. И, конечно, в альманахе «Словесность 2013», в год простого числа, когда Олегу Леонидовичу Богданову могло бы исполнится 70.

Олег **БОГДАНОВ**

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

* * *

Я жизнь свою как-нибудь смог бы наладить,
ещё далеко до Суда...
но бродит по свету Летучий Голландец,
снимая с побега суда.

Я в море один. Небо вздыблено тучей...
Волна поглотила весло.
Вот-вот из тумана нагрянет Летучий!
Так нет, запропал, как назло.

О, как им везло, соплякам, голодранцам,
суметь же попасться, смотреть:
как грозно восходит тот самый Голландец,
бесстрастный и властный, как смерть!

И — кровь из артерий, вода — из пробоин —
Все вдоволь тому кораблю!
Летучий Голландец! Ей-ей, я не воин.
Я плачу. Молю. Я терплю.

Мой дочерна флаг непогодой измызган,
истлели мои паруса.
Вокруг ни души. Только брызги. Да визги.
Живых мертвецов голоса.

Но вот и ко мне потянулось губами
созвездие чёрных сердец!

И я на огни костылем выгребаю,
как самый заправский мертвец.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЗВЕЗДА

Год проходит под солнцем звезды.
Не просох на губах млечный путь.
Есть звериное чувство воды:
если вынырнешь — снова нырнуть!
Есть звериное чувство толпы:
Грудь трещит, напирая на грудь.
Но в толпе обращаешь стопы
И торопишься прах отряхнуть.

Год проходит. Идёт карантин.
И уходит земля из-под ног.
Почему же единый един?
Потому, что и он одинок.
Почему же и я одинок,
если столько на свете детей?
Не уходит земля из-под ног,
а дорог на земле, что людей.

Год проходит, листвой шелестя.
Нас заносит к деревьям в кювет.
Но должно появиться дитя,
Чтобы вымолвить: смерть это свет.
Но должно появиться дитя,
чтобы вымолвить: смерть это миф.
Год приходит в негодность, хотя
всё звучит стародавний мотив.

Год проходит. Канун Рождества.
Весь с иголочки, город не спит.
Но уже облетела листва
и дороги уперлись в зенит,
но уже затвердела вода,
и толпа не толпится у плит,
но уже закатилась звезда...
и звезда в изголовье стоит.

P.S. *Ещё одно стихотворение Олега Богданова «Брод», посвященное его любимому поэту-современнику Иосифу Бродскому, напечатано в «Антологии одного стихотворения» этого альманаха.*

НЕШУТОЧНЫЕ СТРАНИЦЫ

Глеб ПУЗЫРЕВСКИЙ

«СТАРЫЕ КАРАСИКИ»

Свершилось чудо: главный редактор толстого литературного журнала «Старые карасики» Жорж Обнаглевский дожил до преклонных лет и благополучно покинул годами удерживаемый вожделенный пост. Поскольку человек он был по природе деятельный, энергичный, не мог совсем сидеть без дела, то решил остаться в редакции и устроился в ней курьером — курьером, собственно, он и начинал свой славный трудовой путь. На место Обнаглевского назначили его заклятую врагиню поэтессу Серафиму Задорожную, которая раньше неоднократно публично критиковала Жоржа за то, что он в журнале, издающемся за деньги Федерального агентства по лжи и массовым инсинуациям (ФАЛМИ), печатает преимущественно себя, свою жену и узкий круг своих друзей и подруг, а также членов редколлегии. Да, это так и было. Фактически журнал выходил за деньги налогоплательщиков, а печатался там Жорж и его свита.

Но не долго музыка играла... Не все коту масленица. Жорж Обнаглевский опять стал курьером, кем был много лет назад. Смиренно развозил почту и в дела новой редколлегии старался не вникать.

Серафима Задорожная оказалась, как водится, ничуть не лучше предшественника — стала печать в каждом номере себя и своих молодых любовников. А всех авторов Обнаглевского перестала замечать. Будто бы их и не было.

А ФАЛМИ по-прежнему финансировало вечно молодых «Старых карасиков».

Постоянный автор журнала, популярный русский поэт, имеющий монгольские корни и живущий в США Батмунх Кинжалов срочно прилетел из Нью-Йорка, где он страдал без России последние тридцать лет, и начал рассказывать Задорожной, насколько он, Батмунх, велик, что он видел Бродского, что он знамя «Старых карасиков», что нельзя ущемлять в правах национальные меньшинства и т. д.

— Ты вот что, — сказала Задорожная. — Брось ерунду болтать-то, лапшу мне на уши вешать. Женись на мне, тогда и погорим. Иначе — не напечатаю. Ни строчки. И слава твоя увянет, как фиалка моей страсти. И премии «Пиит» тебе тогда не видать, как Путину — рая.

Сообразительный Батмунх (в прошлом боксер!) не раздумывал ни секунды:
— А я согласен! Я давно в Вас влюблен. С женой разведусь. Вы знаете, я всегда Вас любил как прекрасную молодую женщину и талантливого поэта. Поехали со мной в Нью-Йорк, я Вам покажу наш милый городишко. Только печатайте меня, только печатайте!
...Другой бывший постоянный автор «Старых карасиков», великий русский поэт Самуил Скушнер хотел было написать оду новому главному редактору, но потом вспомнил, что лучше все-таки писать оды первым лицам в государстве (на худой конец в городе) и написал пасквиль на Задорожную, какая, мол, она мерзавка и графоманка.
В общем, все шло, как обычно. Задорожная печатала себя и любовников, Обнаглевский работал курьером, с ним перестали общаться его былые апологеты и как-то презрительно смотрели на него. Между тем, Жорж стал много писать. И даже иногда совсем неплохо. Он собрал маленькую книжицу стихов и принес их к своему давнему издателю Александру Разверзину.
— Вот, Саш, написалось что-то новое, посмотри... Может быть, это тоже стихи? Мне, конечно, все равно, но вдруг они тебе понравятся?
— Стихи не удались, — быстро пролистав рукопись, резко сказал Разверзин. — Можно сказать, они полное говно. Так писать нельзя. Мы же в XXI веке, а не в XIX.
— Но ведь раньше-то ты меня печатал. Хвалил...
Разверзин рассмеялся.
— А Вы что, совсем чудак? Или притворяетесь?
Жорж вытер рукавом скупую мужскую слезу.
...Правление Разверзиной (ЗАДОРОЖНОЙ?) длилось долго. Почти 35 лет. А потом «Старые карасики» окончательно обанкротились, их перестали покупать, тираж сократился сначала до ста экземпляров, а потом и вовсе до 16 — для обязательной рассылки в официальные инстанции.
...Все это было очень давно. А, может быть, и не было вовсе.

Катя РУБИНА

— *АААААА!*
(Рассказики)

В БРЮСОВОМ ПЕРЕУЛКЕ

С утра старухи — нищенки заняли свои места на церковной паперти. Чёрный зонт раскрыли, уселись на стульях. Не дай бог, в церковь зайдёшь и милостыню им всем не дашь. Так обругают, мало не покажется.
Тихо. Небо в облаках. Пух летает.
Не пойду в церковь. Старух боюсь. Дома помолюсь.
Господи, спаси и сохрани.

ВАСЯ

С Васей мы прожили более пятнадцати лет. Жили очень хорошо. Без всяких там сантиментов. Никогда не выясняли никаких отношений. Ничего такого. Он, как настоящий мужик, работал, делал своё дело. Большой, простой, неприхотливый, спокойный, можно даже сказать, красивый (но это дело вкуса). Пятнадцать лет прожили, а мне никогда не казалось, что в нём есть что-то особенное. Вася и Вася. Есть и есть. Живём и живём. Он работает, я работаю.
Это случилось вчера. Классическая история. Когда женщина расслабляется и не очень ценит, и не очень блюдёт. Всегда находятся добрые люди...
Теперь он живёт с моим сыном. Вот какую отметку возрастной категории тут нужно поставить? У сына моего есть, между прочим, жена. Зачем ему Вася? Спрашивала сына со слезами на глазах:
— Зачем тебе он?
— Нужен.
— Мне тоже, очень! Я весь вечер плакала, смотрела в пустоту. Я не знала, что это любовь.
— Мама, прекрати кривляться! Купи себе новый будильник!
— Не хочу новый!!! Верни Васю!

РАССКАЗ НАТУРАЛИСТА
(В Литве на побережье)

Такой дикий шиповник растёт в дюнах, такой дикий-предикий, с такими большими ягодами, крупными.
Красота.
Такие травы сухие лежат в дюнах. Сухие-пресухие, с ветками сосновыми перемешаны.
Ну, надо же?
Такие мелкие-премелкие, просто малюсенькие цветочки, жёлтенькие такие растут в дюнах. И такой песочек там лежит фрагментами, мелкими плашечками.
Да.
И под каждым, ну не совсем под каждым кустиком, а так через два на третий сидит кто-нибудь с книжицей.
Умные.
А море такое злюще-презлющее, такое преледяное-прехолодное. А на море буруны, а на бурунах такие бараны. И все оно такое темно-бежевое с голубым кантиком по краю. А песок на берегу, как тёрка — тиль, тиль, тиль. Идёшь по нему, как по гофрированному картону — тюк, тюк, тюк. Палец сунешь в море — АААААА! Мороз по телу и мурашки — пум, пум, пум.

Отползёшь и ляжешь на песок, и ветер свистит — УУУУ и сдувает с песка, и уши закладывает.
Хорошо.

Юрий ШАПКА

ИЗОБРЕТЕНИЕ ТРАМВАЯ

Из Любоховских сказок

Это гениальное изобретение было делом рук инженера-артиллериста Фёдора Пироцкого. Однажды Пироцкий и ученый Яблочков шли по Крещатику. Они искали трактир. Кругом сновали современные технические средства и не давали перейти улицу.
— Сейчас бы стопочку, Павел Николаевич, — сказал инженер-артиллерист. — Тридцать пять граммов.
— Осторожно, Фёдор Аполлонович, гужевой транспорт, зараза. А вон уже и трактир на углу. И не одна сволочь не пропустит.
— Надо изобрести такую машину, чтобы ни она не мешалась на дороге, ни ей не мешали.
— И обязательно экологически чистую, — добавил ученый Яблочков, — на электричестве.
Друзья удачно, без потерь, перешли улицу и в трактире пришли к консенсусу. На салфетке инженер-артиллерист набросал план боевых действий, а ученый Яблочков подсоединил его идею к электричеству.
— А если третьим позвать Николу Тесла, то вообще провода не понадобятся. Может, стукнуть ему телеграмму? Человек, еще графинчик! — Но после графинчика телеграмму стукнуть забыли.
И уже в скором времени друзья ездили в трактир и обратно на первом в мире электрическом трамвае. И с тех пор с самого Киева-града электрический трамвай распространился по всему белу свету. Правда, братья Сименсы приписывают изобретение себе, но вы не верьте этому! *

* *Трамвай — от английских слов tram — «вагон» и way — «путь». Но изобретение это российское. Имя изобретателя трамвая — Фёдор Аполлонович Пироцкий, военный инженер. Демонстрация «движения вагона электрическим способом» состоялась в августе 1880 года на углу Дегтярного переулка и Болотной улицы в Петербурге. Успех был ошеломляющим... Но продолжения для столицы России не последовало. А немцы быстро открыли трамвайное сообщение по системе Пироцкого под Берлином. Потом трамваем обзавелись другие европейские города. Первый российский трамвай был пущен в 1892 году в Киеве, потом в Нижнем Новгороде, в Курске, Севастополе, Орле, в Москве.*

Фёдор ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ

НЕ ВЕРЬ ВРЕМЕНИ

(Две истории с прологом и эпилогом в авторской обработке)

ПРОЛОГ
Всем памятно, что в эпоху «сухого закона» Чикаго фактически принадлежал Ал Капоне. Этот жестокий гангстер опутал город прочной паутиной бизнеса на человеческих пороках — бутлегерства, проституции и заказных убийств.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ
Своими успехом и неуязвимостью Биг Эл, как его прозвали за его влияние, в немалой степени был обязан тому, что его дела с правосудием, когда у того возникали к нему вопросы, вёл чертовски талантливый и изворотливый адвокат по кличке «Славный Эдди».
Именно благодаря ему Капоне удавалось так долго избегать тюрьмы. Труды «Славного Эдди» щедро оплачивались — как деньгами, так и доступом к специальным возможностям. Адвокат и его семья жили в огромном закрытом поместье, размером с целый городской квартал, которое обеспечивало его хозяев всеми возможными на тот момент удобствами, за чем следили многочисленные слуги. Фактически, Эдди вёл жизнь крупного чикагского гангстера, не придавая — до поры до времени — значения тому, как и за что ему всё это достаётся.
Единственной слабостью адвоката был обожаемый им сын, которому, обеспечив его всем, о чём только можно было мечтать, включая великолепное образование, он желал лучшего, чем у самого себя, будущего. Ради этого он старался, чтобы его потомок отличал истину ото лжи, а зло от добра. Короче, Эдди хотел, чтобы сын был лучше него. Но не мог передать ему главного — доброго имени. Не мог быть ему положительным примером.
И вот однажды, чтобы очистить свое запятнанное имя, «Славный Эдди» решил сдаться властям и рассказать им правду о Человеке со Шрамом — Ал Капоне. Зная, что дорого заплатит за свой поступок, он дал в суде показания против мафии.
Через год на уединенной улочке Чикаго пулеметная очередь оборвала его жизнь. Полиция нашла в его карманах чётки, медальон с распятием и вырезанные из газеты пророческие стихи: Когда-нибудь часы жизни остановятся, / И никто не в силах предсказать, / Когда опустятся руки — в ранний или в поздний час. / Сейчас — единственное время, принадлежащее тебе. / Живи, люби, трудись — с желанием. / Не верь времени. / Потому что часы могут остановиться так скоро.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ
Вторая мировая война дала Америке многих героев. Одним из них был капитан-лейтенант Бутч О'Хара. Он был лётчиком и

служил на авианосце «Лексингтон», который участвовал в операциях в Южной части Тихого океана.
20 февраля 1942 года эскадрилья Бутча вылетела на боевое задание. После взлёта стало ясно, что его самолёт забыли полностью заправить топливом. Имеющегося в баке горючего не хватило бы для того, чтобы, выполнив задание, вернуться на авианосец. Командир эскадрильи приказал ему возвращаться на корабль. Скрепя сердце, Бутч направился восвояси.
Во время полета он увидел, что японская эскадрилья идёт в атаку на американский флот. А американские лётчики были уже далеко, и корабли были совершенно беззащитны.
Бутч уже не успевал предупредить ни своих товарищей, чтобы они срочно вернулись на защиту своих судов, ни командование флота о нависшей над ними опасности. Поэтому он принял решение, рискуя жизнью, смешать строй японских самолётов и заставить их изменить курс.
Он вклинился в порядки японцев, для которых атака одинокого американца оказалась полным сюрпризом. Поливая противника из 50-тикалиберных пушек своей машины, Бутч разрушил строй японцев и продолжал вести огонь, пока у него не иссяк боезапас. Но и после этого он продолжал атаковать, заходя с разных сторон на таран. Всего ему удалось уничтожить 5 боевых машин противника.
В итоге вконец измотанные и потерявшие боевой дух японцы развернулись и отказались от своего плана. О'Хара же и его истрёпанный самолет с трудом дотянули до палубы родного авианосца.
Видеокамера, закреплённая на передней пушке, зафиксировала безумную храбрость, с которой сражался Бутч, полностью подтвердив его рапорт о ходе воздушного боя. Он стал первым американским военно-морским асом Второй мировой войны и первым морским лётчиком, получившим высшую военную награду США — орден «За Боевые заслуги».
Годом позже Бутч О'Хара погиб в воздушном бою. Ему было 29 лет. Его родной город увековечил память героя войны: международный аэропорт Чикаго носит имя О'Хара.

ЭПИЛОГ

Что связывает эти две истории? О, это просто: Бутч О'Хара был сыном «Славного Эдди».

Валентин МАЗУР

Я СОХРАНЯЛ БЫ СТАТУС-КВО

НЕСБЫВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ

Увы! Всё поросло быльём...
О чем мечтали? Что же стало?
Как вещи старые, на слом
Идут мечты и идеалы.

Хотели мы любовных уз —
Глядь, на ногах уже оковы!
Желали дружбы, пенья муз,
Но жизнь бездушна и сурова.

Всегда спешим, всегда бегом
По краю пропасти беспечно.
Нет времени смотреть кругом —
Транжирим жизнь, как будто вечны!

БАЛАГАН

Мне говорят: «Живи ты без затей,
Без клоунад, смотри на вещи проще!
Уж скоро будут дети у детей,
А ты щебечешь о какой-то роще».

А я учителю отвечу моему:
— В злом и бездушном мире чистогана
Я, может быть, и выжил потому,
Что превращал всё в игры балагана!

ИСПОВЕДЬ ГРАФОМАНА

Друзья по страсти — графоманы,
Слов сочетаний мастера,
Судов бумажных капитаны,
Лихие рыцари пера!

Мрут динозавры, гибнут страны,
Кричат солдатики: «Ура!»,
Горланят в Африке Тарзаны —
Весь мир — на кончике пера!

Вот василёк, а рядом — клевер,
Туман клубится от реки,
А компас указует север —
Всё основанье для строки!

Да, что нам критиков угроза!
Их не страшась, рифмуем вновь:
«Завяли розы от мороза»,
И те же: «кровь, любовь, морковь».

А я, бессонницей измучен,
Не раз давал себе зарок,
Не трогать больше авторучек
«И лучше выдумать не мог».

ИЮЛЬСКИЙ ЛИВЕНЬ

Пресс тёмной тучи многотонный
Кустарник плачущий пригнул,
Деревья стали бить поклоны,
По окнам ливень хлестанул.
Так налетевшим ураганом
Моя сгибается душа —
Веселье кажется мне странным,
Судьба туманной и обманной,
А жизнь не стоит ни гроша.
Вдруг ты вошла в прилипшем платье,
Отметив лужами следы,
И сразу бросилась в объятья,
Обдав потоками воды.
Гроза в окошко заглянула,
Решила — ей не место здесь,
Дождём от зависти всплакнула,
Сутулясь к северу свернула,
Утратив буйный нрав и спесь.

СТОЛЕТНЯЯ ЗИМА

Сто лет весна не наступала,
Сто лет в окне — метель, метель.
Когда ж тепла инициалы
Напишет бойкая капель?

Когда ж мороженное слижет
С полей пирующий Эол,
Листва деревьев вид бесстыжий
Прикроет, запоёт щегол?

И ты сто лет не приходила!
Стирает память привкус губ.
Ничто не тешит — всё постыло,
Как рёв иерихонских труб.

Когда ж войдёшь и скажешь прямо,
Блеснув слезинкою одной:
— Ты был неправ, а я упряма.
Давай помиримся, родной!

СТАТУС-КВО

Я сохранял бы статус-кво,
Когда бы я имел его.
Но, Боже мой — в теченье дня
Меня имеет статус-кня!
С тобой мечтал о статус-кве,
А ты стучишь по голове:
— Чудак! Все девушки Москвы
Застойной жаждут статус-квы!
С размаху плюхнувшись в траву,
Я отдавил там статус-кву,
Но наплевать планете всей
На боль российских статус-квей!
Хожу угрюмо, сам не свой
С распухшей бедной статус-квой,
Но свято верю в естество —
Опять воспрянет статус-кво!!!

Сергей ШЕЛОВ

ЧИСТ СЛАВЯНСКИМ ТЕЛОМ или PUBLIC LIFE

Увы, я не был в сумасшедшем доме,
И на Гаваях тоже не бывал,
В еврейском не участвовал погроме,
И не тащил девиц на сеновал.
Д. Цесельчук, Private life

Увы, я не бывал в садах Эдема,
Меня иной сюжет интриговал
И потому, другую выбрав тему,
В Союз писателей я тоже не попал.

Но искренно в сердцах людских надежду грея,
Созвучьем рифм я контур божьей правды рисовал.
Тут из толпы один, в очках, похожий на еврея
Вдруг возопил: «А ты девиц тащил на сеновал?».

И что ж? Душою русской не спесив
И, как травинка, чист славянским телом,
Я мирно собеседника спросил:
«Мой друг, а что там с ними делать?».

И вопрошавший в обморок упал...

Марина МИХЕЕВА

РЕМОНТ

Ремонт, ремонт!
Ступаю нежно
на пригнанные половицы,
но невозможно оступиться
там, где случалось это прежде.
Нет больше выбоин, и странно,
как мы тут жили постоянно,
за годом год не ощущая,
что под ногами не прямая,
что перекошенные доски
прошли под нами путь не плоский —
подавленные обстановкой,
передвигаемой неловко,
просевшие из чувства долга,
гвоздем случайным сбиты с толку,
то попираемы, то шатки,
то твердой поступью, то падкой
на мелочь, въевшуюся в щели...
Как странно, что мы уцелели.

Потап МОГУТОВ

...С ИМЕНЕМ ТВОИМ...

Я открыл глаза,
я не прятал взгляд —
Всё равно нельзя
повернуть назад!
Если ты пошёл
по кривой вперёд,
То уже ничто
жизни не спасёт!

Но спасения надо искать!
Верить, помнить, надеяться, ждать!

Я со смертью выл
голосом одним,
Но хотя бы был
я тобой любим!
Нынче я — один
загнан, словно волк...
Давят стены льдин,
небо — потолок...
Навсегда мой украден простор...
И ликует не найденный вор!

Защищая жизнь
пламенем свечи
Огонёк дрожит —
мечутся лучи...
Мотыльком вспорхнуть,
да на крыльях — в даль!
В предзакатный путь
улететь не жаль...

Жаль, друзья, зачеркнуть строчки грёз...
Жаль нельзя умереть не всерьёз....

Заиграй, запой,
да уйди в запой!
Раз такой дурной —
нет судьбы другой,
Нет в башке — царя,
в сердце нет любви
Пропадаю зря
с именем твоим!

Пропадаю, и тает мой след...
Изчезаю, не зная ответ...
Да или нет????

Фёдор ФИЛИППОВ

НЕТ, Я СКРОМНЕЙ В ЖЕЛАНИЯХ НЕ СТАЛ...

* * *

Цензуры больше нет, и классно! —
Пиши, что хочешь, брат-поэт.
Но кажется порой: напрасно
У нас цензуры больше нет.
Я не питаю к ней почтенья,
Оковы слову не нужны,
Но сколько, будь она, при чтенье
Я сэкономил бы слюны!

* * *

Что я могу сказать про вас?
Когда, прищурив левый глаз,
Вперяю в вас открытый правый,
А вы глядите на меня,
Как солнце на закате дня,

С улыбкой светлой, но лукавой, —
Всё, чтоб я ни хотел сказать —
Неважно. Все слова излишни,
И лишь восторг и благодать
В душе цветут розаном пышным.
О, если б мог, сорвав его,
Я вам преподнести прекрасный
Цветок, как кровь поэта, красный —
Знак восхищенья моего!

* * *

Не став скромней в желаниях своих,
Я понял, что желания — химера,
И, хоть из всех возможных, чувство меры
Скучнейшее, я начал мерять их
Возможностью осуществленья. Годы
Берут свое, и опыт прежних лет
Твердит уныло: супротив природы,
Взлетая мыслью, не иди, поэт!
Что можно, что доступно, что логично —
За тем гонись, того и вожделей,
А что вне компетенции твоей —
О том и думать даже неприлично:
Не лезь на недоступный пьедестал,
Не для тебя заря успеха брезжит...
Нет, я скромней в желаниях не стал:
Я просто их озвучиваю реже.

* * *

Я не знаю, хорошо ли это
И достойно ль памяти веков,
Если биография поэта
Интереснее его стихов?
Пуля, оборвавшая стремленья,
Возраст, недошедший до седин...
Набегают слезы умиленья:
Эх, а мог бы... Жаль поэта, блин!
Но — не знаю. Тут такое дело:
Если статистически считать —
Сколько жертв аборта не сумело
В этой жизни гениями стать!
К ним судьба была еще суровей,
Но в поэтах мы не числим их.
Ах!.. На этом честном русском слове
Обрываю я свой горький стих.

* * *

Я в жизни многое видал,
И верным шел путем, и ложным.
Я был бы гением, возможно,
Когда бы быт не заедал.
Мне говорят друзья: усилья
Лишь приложи — и сможешь ты
Взлететь, расправив гордо крылья,
Достичь достойной высоты.
Я ж отвечаю: пусть летают
Пернатые, а мне и здесь
Неплохо: как ни заедает,
Но в быте всё же что-то есть.
Порою даже — очень что-то,
Притом, приятное весьма.
А гений — трудная работа,
И не для всякого ума.

Иосиф РАБИНОВИЧ

НАСТЕННЫЙ СТИХ

...И всех сегодня тянет, понятно, в Вифлеем,
Но там — заминка с бедными туристами:
Сын Божий ненавидим террористами
У коих на уме один Касем!*
И.Р.

Израиль не уснет, хоть на дворе уж полночь,
И снова прилетит арабская Касем.
Знать террорист озлобился совсем,
Прознал, что в Вифлееме — Рабинович.
Встречаю Рождество я в жаркой части света.
Напрасно так волнуется Хамас,
Они б с полгодика пожили бы у нас,
Не стали б нападать на русского поэта.
Не буду обращать внимание на сволочь.
От злобы и тревог в России я устал.
Свой стих на стенке храма написал:
«Здесь был поэт московский Рабинович».

* — *Касем — название ракеты, употребляемой боевиками Хамас.*

Александр **ОЛЕЙНИКОВ**

ЕСЛИ ТЫ НЕ ХУДОСОЧЕН...

* * *

Конечно, в этом мире бренном
Жить нелегко олигофреном.

Но, видно, такова эпоха —
Быть вундеркиндом тоже плохо.

Предписано мне, видно, веком —
Жить неприметным человеком.

* * *

Известный зодчий Иофан
Любил с утра принять стакан.
Как, впрочем, и все прочие
Известные нам зодчие.

И все гельфрейхи и щуко,
Всех называть не стану,
Всегда могли с утра легко
Хлопнуть по стакану.

А если зодчий, вдруг, не пьёт,
Преодолев натуру,
Уже не знаю я, что ждёт
Тогда архитектуру.

И потому позволю
Спеть славу алкоголю.

* * *

Если ты не худосочен
И характером ты крут,
То тебя, конечно, в Сочи
Обязательно пошлют.

Может, это всё наветы
Наших недругов, как знать?! —
Говорят, что три бюджета
Там успели закопать.

Там под небом с голубями
Будет праздничный парад.

И тебе доверят знамя
Пронести. Я буду рад.

И по многим видам спорта
Урожайным будет год.
Наша славная когорта
Много золота возьмёт.

Их на выигрыш направил
Кое-кто. Поскольку он
Знаем все — в боях без правил
Абсолютный чемпион.

Поезжай на Олимпиаду!
Я б противиться не стал!
Вдруг получишь ты награду
И взойдёшь на пьедестал.

Тренируйся, что есть мочи!
За усердие хвалю!
Надо! Надо ехать в Сочи!
...Ну, а я пока посплю.

Дмитрий **КУРИЛОВ**

ТЁМНЫЕ КРИВЫЕ ЗЕРКАЛА...

* * *

Наступил обыкновенный вечер.
Всхлипывая дверью тяжело,
в дом вошёл кургузый человечек,
грустный, как осеннее стекло.

Плакал он о пьяных трактористах,
выпил он зелёного вина,
и в глазах его, пустых и чистых,
отражалась жалкая Луна.

И ушёл он в темноту, как в вечность.
Я ж с тех пор под вечер суечусь:
полон мир кургузых человечков —
как это я с ними уживусь?

* * *

С опаской я гляжусь в чужие лица,
как в темные кривые зеркала,

в которых отражение троится
и смутная улыбка тяжела.

И все же с одержимостью смешною
я всматриваюсь в каждую черту —
а вдруг за непросветной пеленою
знакомую увижу теплоту?

КРЕДО

За грубость лошадиных танцев,
за путь их от нуля к нулю
я не люблю американцев —
но я и турок не люблю.

За холод и растленье нравов,
за крах мистических начал
как не люблю я скандинавов,
а также немцев и датчан!

Ни голубых, ни чернокожих,
ни диссидентов, ни жулье —
я не могу любить прохожих,
одетых в разное белье!

Но все ж не спьяну и не сдуру
я всеми фибрами пою:
люблю друзей, литературу,
свободу, равенство, семью.

Константин НИКИТЕНКО

Я ВЫПУЩУ РУССКУЮ ТРЕЛЬ...

ЗАЧЕМ ВЗЯТ ГОРОД ИЗМАИЛ?

У нас теперь другие нравы;
И кто бы что ни говорил,
Мы помним День российской славы,
Мы помним гордый Измаил.
Привел Суворов веский довод,
И вняла русская душа:
Мол, Измаил — всего лишь повод,
Чтоб подписал контракт паша.
«Да, братцы, крепость не из детских,
Но все ж падет, как Древний Рим,
Потомкам на морях турецких
курорт российский создадим!»
Сегодня, греясь близ Антальи,
Потея из последних сил,
Мы постепенно осознали,
Зачем был нужен Измаил.

ПАРОДИИ

ДИАЛОГ

А я, неверующий в Бога,
Увидел ангела в окне.
Смотрел печально он и строго
И сразу страшно стало мне...
Николай Иодловский «Ангел»

В окне увидев лик бесовский,
Сумел я фразу уловить;
Прошу на выход, Иодловский,
Нам есть, о чём поговорить.
По мне мурашки атеизма
Сбежали в пятки в тот же миг.
Сейчас мне бес поставит клизму,
Чтоб я религию постиг.
Взмолился я — кому — не помню,
Кажись, молился всем подряд.
А он обнял меня, как ровню,
Сказал, что встрече нашей рад.
Души, бумаги ли маранье,
Не важно, бес ты иль поэт.
В самом устройстве мирозданья
Меж нами разницы ведь нет.
Ты не пахал, не строил, сволочь,
Лишь рвал бумагу о перо.
Я на метле летаю в полночь,
В рулетку ставлю на зеро.
Ты до сих пор на склоне века
Со мной в одном сидишь ряду.
Всё. Ухожу, прощай коллега,
До встречи. Встретимся в аду.
Ушёл. Довёл меня до грусти.
«В одном ряду». Но почему?
Я буду жариться, допустим,
А кочегарить-то ему.

P.S. Очнулся. Отошёл немножко.
Возможно, на ночь что-то съел.
Ведь беса не было в окошке.
Я просто в зеркало глядел.

ПОЧЕСАЛКИ

Вагон бросало, как челнок —
Не успеваешь злиться.
И всю дорогу сиськой бок
Чесала мне девица.
Сергей Мордвинов «В метро»

Когда не ходишь в баню в срок —
С нелепостью столкнёшься.
Начнёт в метро чесаться бок,
А там — не развернёшься.
Час пик. Вагон. Народа впрок.
Чесотка вдруг напала.
Девица твёрдой грудью бок
Мне яростно чесала.
Блаженство. Кайф. Закрыл глаза.
Приятная интрига.
Пусть дальше чешет, я же — за,
И боком в такт ей двигал.
В чём женской твёрдости секрет?
Сам чёрт не разберётся.
Глаза открыл — девицы нет,
А рядом парень трётся.

ПУТЬ К СЛАВЕ

...Я мог бы здесь жить на природе;
Рассвет итальянский встречать,
Фонтан провести в огороде,
Забор крепостной починять.
И хоть не великий я вроде,
Но тоже мог кем-нибудь стать.
Игорь Бурдонов «Под небом Италии».

Не стану с толпой ротозеев
По Риму слоняться пешком.
К развалинам стен Колизея
По утру спешу с мастерком;
Его починю и подправлю,
Подлажу, подмажу бока.
Весь Рим восхититься заставлю
Собой неизвестным пока.
Обед проведу на природе,
За город в свой дом полечу;
Картошку полоть в огороде
Спагеттников я научу.
Гармошка мне вечер заполнит,
Я выпущу русскую трель...
Слезинку на небе уронит
От счастья по мне Рафаэль.
Вокруг умилённые лица,
В стихах я для них начертал:
Россия — вам, братцы, не пицца.
И кое-кем сразу же стал.

ТАТУ

...Мне нравится татуировка
Икар — от кисти до локтя.
На нем картуз сидит неловко —
Большое Божие Дитя...
Дмитрий Цесельчук «Икар».

Зачем мне залы Третьяковки?
Зачем Икар мне на лету?
Я полюбил татуировки
Иль, как по-новому — тату.
Помоюсь в бане до испарин,
И разгляжу на мужиках
Нагрудный символ Ленин, Сталин,
Церковный купол в облаках.
О пляжах нету даже речи —
Здесь нахожу все, что искал:
Тут носят люди на предплечье
Тигриный яростный оскал.
Зачем мне Шишкина пейзажи,
Не нужен Пушкинский мне дуб:
Здесь есть такие персонажи,
Как из запасников спецслужб.
Стремясь к вершинам постепенно
Искусства нового в судьбе,
Я поэтично, вдохновенно
Татушку сделаю себе.

Александр ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ

ПРОИЗОЙДЁТ АРМАГЕДДОНЧИК...

* * *

Поэзия — вторая мать —
не бросит бедного поэта:
он будет так же рифмовать
когда конец наступит света.

Что делать и куда бежать, когда конец наступит света:
Забиться ль сразу под кровать, не дотерпев до туалета?

Иль, в кой-то веки раз с женой любви предаться напоследок?
Иль тяпнуть водочки родной для поддержанья
нервных клеток?
А может, выйти на балкон для усиленья впечатленья,
И любоваться без препон на шоу светопреставленья?
Конец... — он никому не даст поблажки.
Сгинет, между прочим,
Тот гад за стенкой, гитар**а**ст, что гитарасит среди ночи;
В стихии праведной огня сгорит паршивая газетка
Что не печатает меня (такая, право, профурсетка!)
И мы не будем помирать, как говорится, в одиночку, —
Умрём все вместе! — благодать!
В один момент, а не в рассрочку!
Товарищ, верь, — придёт Конец,
а не какой-нибудь там «кончик»!
Промчится бледный жеребец, произойдёт Армагеддончик,
С косой старушка, наконец, придёт, надвинув капюшончик;
Прямым путём в Череповец тихонько тронется вагончик...
Заело рифму, мой Творец, заело, будто патефончик,
Стишок вам надоел вконец? — примите, люди, мой пардончик!
А у жены уж был пипец, когда украли телефончик;
А кто дослушал — молодец, и заслужил — горячий пончик!

* * *

Вы, майя, сами из сюжета,
Отмаясь, выпали давно,
А нам концом грозите света
И тащите к себе на дно.
Вы, майя, окончаньем света
Нас не возьмёте на испуг,
Земля — надёжная планета, —
Всё будет хорошо!
А вдруг?
Вдруг — сбудется?! Ведь, на табличке
В календаре указан срок...
Нет, надо сахар, соль и спички,
Тушёнки заготовить впрок.
Одни за деньги лезут в гору,
Другие прячутся в подвал,
А я совсем не верю вздору!
Но кто ж гарантию давал?
Любила жертвоприношенья
Народность майя не зазря,
И оттого мои сомненья
Растут, по правде говоря.
Не то, чтоб «страх», «мороз по коже» —
Плевать на карканье ворон!
Но как-то неприятно всё же,
И мысли нарушают сон.
И лишь вчера, придя с балета,
Жена сказала: — Не боись,
У нас конца не будет света,
А будет апокалипс**и**сь.

Максим ЖУКОВСКИЙ

РОДОВСПОМОЖЕНЬЕ

* * *

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величавым...
А. Пушкин

Служенье муз не терпит суеты...
Не терпит суеты и музам услуженье,
как крупных рыб неспешное уженье,
в прозрачных водах величавое движенье
свершающих; их плавное броженье,
к поверхности подъем и погруженье,
что лески вызывая натяженье,
волнует гладь, и голого круженье
голавля влечет и головокруженье,
в нейронах возбужденье-торможенье,
расширенность сознанья и суженье,
иллюзий зренья — слепоты обнаруженье,
и вкусов, запахов и звуков наложенье,
меняя Времени-Пространства положенье,
и положенье, что всеобще отраженье
как категория сложна, и постиженье
её так призрачно, что встарь сооруженье
башни, где конструкций сопряженье
причудливо, но строго, напряженье
изменчиво, как силы приложенье
тяжести. И жести кружевное растяженье,
осенних лип напоминая обнаженье,
резных листов усталое сниженье —
каштанов-кленов самоотверженье,
бессребренность и злата низверженье
из меди лишь монет — поэту в одолженье.
Последнее Поэта сбереженье
есть Душа — не тЕлО-, а стИхОсложенье,
не вычитанье, не деленье — умноженье
слогОв на суммы смыслов, слОвоВороженье
столь сложно, искаженья словно выраженье,
и впасть в погрешность предостереженье.
Антропогенностью пространства зараженье
есть мира человеком заряженье —

вновь в этот сложный мир самовложенье
в изнеможении — вселенной освеженье,
но краткое стремительно скольженье,
столь страстно и мучительно сколь жженье,
а этим эго-ублаженья достиженье,
Творца, своего рода, продолженье
и продолженье рода своего и родовспоможенье,
которое не терпит суеты...

ШУМ

Камышом украшу крышу —
Не спеша пишу.
Шара шорох-шелест слышу
И шуршанья шум.
Скучных слов сгущая кашу,
Искушая уши,
Речь родную разукрашу —
Тошно станет слушать.
С шумом кушать уши ваши,
Душу шелуша
В шелестящие чешуйки
От карандаша...

Алексей ЛЕСОВОЙ

КНИГИ НА ПОЛКАХ

В конце концов, что толку
От этих книг на полках?
Вот это все подряд читать —
Мозги без толку засорять.
Чужих писаний горы —
Найдешь ли в них опору?
Сегодняшнее чтиво,
Как буйная крапива.
Из кипы книг нужна одна.
В ней — ясность, сила, глубина,
Полет мечты, сердечность,
Простая человечность.
Когда не можешь выбирать,
То вовсе лучше не читать.
Художников от Бога
Не так-то уж и много.

Тамара КЛЕЙМАН

НИЧТО НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ НАМ НЕ ЧУЖДО

Родиться просто, трудно всю жизнь выбираться из пеленок.
Любители жизни редко становятся профессионалами.
Если бы человек не был создан для счастья,
он бы так не мучился.
Исключения из правил — повод для новых ошибок.
Обучение на собственных ошибках — платное.
Одной чертой характера можно перечеркнуть всю жизнь.
Старость — это когда ты еще любишь жизнь,
а она тебя — уже нет.
Слепая вера не нуждается в поводырях.
Можно начать жизнь и с чистого листа, но куда девать
черновики?
Если бог послал, значит, есть за что.
Когда историю вымарывают, остаются белые пятна.
Незнание законов жизни не освобождает от нее самой.
Самый обширный гардероб — у голой правды.
Всё или ничего — вечная российская альтернатива.
Жизнь — не исправительная колония, а трудовая.
Мелкие невзгоды — это и есть маленькие радости жизни.
Поставил на себе крест и стал человеком со знаком плюс.
Свобода слова долго жила на кухнях, отсюда и любовь
к жареному.
Моисей 40 лет водил евреев по пустыне, потому что потерял
карту.
Жизнь, как и женщину, понять невозможно, можно только
любить.
Вышедшие в люди плохо приживаются среди народа
Чтобы поднять Россию с колен, надо самим встать на ноги.
В мелодию гимна вплетался скрип экономических рычагов.
«Пронесло!» — воскликнул народ после очередной
экономической клизмы.
Решение идти верной дорогой оказалось ошибочным.
Видимость демократии наблюдается лишь при ясной
политической погоде.
Страна мучилась по женской части: у нее болели
сырьевые придатки.
Забили стрелку — теперь не знают направления.
В армии, как в борделе: думать не учат, только отдавать честь.
Свобода, Равенство, Братство — узники совести.
Мы не счастливы с властью, потому что счастье — когда тебя
понимают.
Когда народ безмолвствует, легче придти к власти.
И кухарка может управлять государством, если государство —
это мы.
Народу принадлежит все, что никому не нужно.

За власть держатся мертвой хваткой, поэтому не думают о живых.
История повторяется, чтобы показать ошибки, на которых надо учиться.
Какие нужны были овации, чтоб поднялся железный занавес!
Пока Свобода, Равенство и Братство соображали на троих, народ безмолвствовал.
Правительству дали срок и тут же условно освободили от народа.
Эпоху перемен сменило время подмены ценностей.
Цвет нации разучился даже краснеть.
У слепо верящих ограниченный кругозор.
Если враг не сдается, значит, у него есть спонсоры.
Все схвачено... Неужели больше нечего украсть?
Когда все упирается только в деньги, мало кто упирается.
Если деньги развращают, то народ к разврату готов!
Галочка в избирательном бюллетене означает, что ваш голос уже пролетел.
Самое дорогое у человека — это жизнь, которая ему не по карману.
Очевидцы эпохи склонны утверждать, что ничего не видели.
Распятые на кресте дольше живут после смерти.
Если история повторяется, значит, это старческий маразм.
Советская власть так долго приплюсовывала электрификацию, что забыла осветить глубинку.
В царстве свободы своя монархия.
То, что пылится в кладовых истории, — лишь для служебного пользования.
Искусство принадлежит народу, но не на правах собственности
Интеллигент в первом и последнем поколении.
Слово — не воробей, нагадит — не отмоешься.
Искусство не терпит неудачников, и они идут в менеджеры.
Трудно поверить, что флейта и милицейский свисток — родственники.
Камерное искусство помогает не замыкаться в себе.
Церковь — это театр священнодействия.
На разогреве у балетных выступала стриптизерша.
Когда ломают комедию, больно смотреть.
С последней буквы алфавита все только начинается.
Русский мат непереводим, поэтому весь мир пользуется первоисточником.
Безголосые живут припеваючи благодаря «фанере».
Народ у нас потому и дикий, что слишком домашний.
Правду жизни создают те, кто все время врет.
Наивное искусство не взрослеет.
В грубой форме словесности — душа народа.
Стоило поэту только взяться за перо, как за его спиной раздавался цокот копыт убегающего Пегаса.
Искусство принадлежит режиссерам, и они делают с ним, что хотят.
Лишь у позорного столба почувствовал свою популярность.
Памятник афоризму — это должно быть нечто монументальное.
Распятые на кресте дольше живут после смерти.
Незапятнанных метят словом.
Пегаса частенько седлает не поэт, а Муза.
Неподражаемый плагиат...
В квалификации Харона можно не сомневаться: еще никто не возвращался обратно.
Деньги живут своей жизнью, им с нами неинтересно.
И у высоких технологий есть свой потолок.
Пьют на рабочем месте, когда не могут покинуть свой пост.
Удары судьбы — всегда против правил.
Нет ничего нового под солнцем, потому что все новое создается в тени.
Когда у сдерживающего начала нет тормозов — это конец.
Когда верхи не могут, а низы не хотят, необходим средний класс.
Труд создал из обезьяны человека, превратив мартышкин труд в сизифов.
Мало кто умеет так гранить философский камень, чтобы получались алмазы.
Ошибки — это каждодневный труд многих.
Когда каждый дурак на своем месте, у умных — безработица.
Постоянно наступая на одни и те же грабли, не успеваешь собрать урожай.
Все на защиту Родины от дыма Отечества!
Люди такие разные потому, что человек — ошибка Природы.
Велика Россия, а среда обитания ограничена.
Выборы между добром и злом считать безальтернативными.
Каждый стремится занять свою экологическую нишу, оттого и дышать нечем.
Выпадая в осадок, не загрязняй окружающую среду.
Почему Красная книга? — От стыда за человечество.
Что посеешь, то и будет портить экологию.
Нет больше белых пятен на карте! Одни черные...
Утомленные солнцем тоже не желают оставаться в тени.
Лучше гор могут быть только горы денег.
Если уж и прожигать жизнь, то с огненной блондинкой.
Голуби мира, а воюют из-за крошек.
С высоты птичьего полета удобнее гадить.
От дыма Отечества остались одни лишь слезы.
У России столько климатических поясов — и ни одного ремня безопасности.

КОНТРАПУНКТЫ ИСТОРИИ

Андрей **СИГУТИН** *и протоиерей Александр* **ТОРИК**

ЗДАНИЯ ВИДНЫ КАЖДОМУ — ДУШИ ТОЛЬКО БОГУ!

Недавно от одной из кинокомпаний Голливуда отцу Александру Торику поступило предложение экранизировать его третью книгу. Как и две предыдущие, она рассказывает о священнике Флавиане, его именем и названа. А. Сигутин предлагает нам познакомиться с беседой, которая у него произошла с писателем и священником отцом Александром.

— ***Отец Александр, как Вы стали писателем?***

— В 1996 году, когда я был настоятелем двух храмов, много людей стало приходить в Церковь. Большинство из них практически ничего не знало о православии. Постоянно приходилось отвечать на одни и те же вопросы: что значит быть христианином, что такое «спасение» и от чего надо спасаться, и вообще — что хорошего для себя я могу у вас получить?

Каждый раз я подолгу объяснял: в какого Бога мы веруем, что такое грех и для чего нужна церковная жизнь. Буквально с секундомером в руках я высчитал: для того, чтобы вновь пришедшему религиозно необразованному человеку дать базовые представления о Боге, о Церкви, о началах духовной жизни, требуется примерно три с половиной часа индивидуальной беседы. Возможно, у кого-то первичная катехизация занимает меньше времени, у меня же быстрей не получалось.

А поскольку священнику на каждого новообращённого три с половиной часа найти физически невозможно, пришла мысль написать брошюру об основах православного вероучения и церковной жизни. Тогда каждому желающему побеседовать о вере можно было бы давать эту книгу: «Прочитайте, а потом придете, и мы продолжим разговор уже на другом уровне».

Так появилась брошюра «Воцерковление». Издал я её за свои средства и начал раздавать. Со временем книга стала популярной, и сейчас ее и на английский, и даже на китайский язык уже перевели...

— ***Так Вы подошли к литературному творчеству...***

— В 2000-х годах по состоянию здоровья мне пришлось оставить регулярное приходское служение. Тогда появилась мысль: самое интересное из двадцатилетнего опыта своей церковной жизни перенести на бумагу. Общаясь со многими людьми, за два десятилетия я узнал немало душеполезных непридуманных историй, свидетельств благодатной помощи Божией, которые показались мне заслуживающими того, чтобы поделиться ими с читателями.

Писать цикл небольших рассказиков по типу серии «Православные чудеса в XX веке» не хотелось: эта форма на тот момент была уже достаточно избита. И я решил написать художественную повесть, которая была бы не только духовно полезной для читателей, но и интересной, ведь когда полезно, но неинтересно — мало кто читает.

Тогда и родились главные герои «Флавиана». История их взаимоотношений стала как бы стержнем детской пирамидки, на который, как колечки, нанизывались разные маленькие истории. Сам этот стержень был, конечно, литературно сконструирован, но все эти маленькие истории, в той или иной степени художественно обработанные, на самом деле происходили в реальной жизни. Вплоть до истории про покойника, который пришел из морга к батюшке исповедоваться.

— ***Неужели и это не вымысел?***

— Это абсолютно реальная история. Кстати, когда готовилось первое издание «Флавиана» в издательстве «Лепта», то цензор Издательского Совета Московской Патриархии написал рецензию, что книга в целом неплохая, но эпизод с покойником, пришедшим исповедоваться, уж больно фантастичен — стоит ли вообще включать его в книгу?..

Однако это абсолютно реальный факт, только он случился не на сельском приходе, а в Николо-Угрешском монастыре. Правда, сейчас точно не помню имя батюшки — свидетеля этой необычной исповеди.

В то время один мой прихожанин, сейчас он священник в Рязанской области, учился в Николо-Угрешской семинарии. Как-то он приехал ко мне и рассказал: «У нас на прошлой неделе был такой необычный случай — ночью в келью к монаху пришел умерший человек, сказав, что не прошел одно из мытарств, но по молитвам Божией Матери Господь дал ему время для исповеди, и попросил его поисповедовать...».

Кельи там были размещены в хрущевских пятиэтажках, построенных на территории закрытого в советское время монастыря. Там в то время и ворот-то не было, только пролом в стене — кто угодно мог зайти и постучать в келью к монаху. И вот постучал такой ночной гость... Дальше все в книжке описано. В общем, практически все эти истории в книге «Флавиан» абсолютно реальные.

— ***А почему в книге встречается так много чудес?***

— Я читал рецензию на свою книгу в журнале «Фома», там сотрудник журнала *Виталий Каплан* написал, что некоторых читателей смущает в моих книгах большая концентрация чудес.

Мол, если бы их рассредоточить: два — в одну книгу, три — в другую, то будет более правдоподобно...

Дело в том, что я не предполагал писать много книг. Изначально мне хотелось рассказать как можно больше из того, что довелось услышать от людей и увидеть самому, ибо всякое чудесное проявление, сверхъестественное действие Бога, в каждом конкретном случае имеет как бы свою особую грань в духовной жизни того или иного человека.

Однако в первую книжку «Флавиан» вместить все примечательные чудесные случаи не получилось, да и возникло множество различных мыслей и идей, которыми захотелось поделиться с читателями, поэтому появилась вторая книга, третья... В третью книгу о Флавиане я постарался втиснуть, наверное, все, что мне хотелось сказать о приходской жизни.

— ***Можно ли сказать, что у Вас с отцом Флавианом есть что-то общее?***

— Очевидно, что-то общее у меня есть и с Флавианом, и с литературным персонажем Алексеем, и вообще с каждым из героев, которых я описываю в книге. Невозможно, чтобы автор своей личностью как-то не соприкасался со своими героями. Если же вопрос поставить так: с себя ли я писал образ отца Флавиана, то ответ — конечно, нет.

Основной прототип отца Флавиана — замечательный батюшка — покойный протоиерей Василий Владышевский. Он был моим первым настоятелем, у которого я в 1984 году начал своё церковное служение в качестве алтарника, затем чтеца и певца, потом несколько лет был регентом. А затем от него уже ушел рукополагаться в 1989 году в диаконы.

Это был настоящий добрый пастырь: истинный русский сельский батюшка, каким он и должен быть. Отец Василий служил в селе Алексино, недалеко за Дороховым, станция Партизанская по Белорусской железной дороге, теперь его сын служит на том приходе. Многие качества отца Василия: любовь к людям, общительность — легли в основу образа отца Флавиана.

Конечно, на этот образ наложились и другие черты многих известных мне уважаемых пастырей, которые и для меня самого — пример для подражания. Сам для себя я примером не являюсь.

— ***Отец Александр, Вы сказали, что у Вас что-то общее есть с каждым из ваших литературных героев-мирян. А разве можно священника сравнивать с мирянином?***

— А что отличает священника от мирянина? У иерея две основных обязанности: учить народ слову Божьему и совершать священнодействия. Для этого ему и даётся благодатная сила при рукоположении. И, собственно, только этим священник и отличается от мирянина. Во всем остальном мы равны. Нельзя воспринимать священника как какого-то сверхчеловека, небожителя — «не такого как все»...

Разумеется, священник должен еще учить прихожан практическому общению с Богом — молитве! Господь сказал в Евангелии: «*Если двое или трое соберутся вместе просить во имя Мое, дастся им*» или «*там, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них*», — поэтому христиане с того момента, как Церковь зародилась, стали собираться вместе для общения с Богом. Ведь когда они вместе, их совместные молитвы становятся сильнее, а чем сильнее молитвы, тем явственнее чувствуется Присутствие Бога среди молящихся и тем ощутимее благодатная помощь от Него.

— ***Некоторые главы Ваших книг, посвященные молитве, перед публикацией проверяли афонские монахи... А что для Вас молитва?***

— Молитва — это живое общение с Живым Богом. Молитва невозможна без обратной связи, если ее нет — это не молитва. Если человек попросту кричит: «Господи!», — а в ответ только эхо: «О-о-о...» — и дальше тишина, то это не молитва.

Только если человек внутри себя сердцем обратится к Богу, искренне и горячо начнет говорить Ему о своём сокровенном, сердечном, тогда обязательно почувствует заботливое Отеческое присутствие рядом, почувствует душой Его ответ. Каждый христианин, живущий практической духовной жизнью, неоднократно имел такой опыт.

Очень важно для научения молитве посещать храмовые богослужения, особенно Божественную Литургию.

Бывает, дома молишься, молишься — и ничего как будто не происходит, а в храм пришел — такая благодать! И вдруг сразу душа раскрывается, молится, чувствует эту благодать, и умиление, и слезы... да вы сами все знаете.

Когда приходишь в храм помолиться, а в сердце — окаменённое нечувствие, то стоящие вокруг люди своими молитвами тебя поддерживают, подхватывают, и ты вместе со всеми начинаешь как бы в этой молитвенной реке плыть.

— ***Святоотеческая традиция учит с большой осторожностью относиться к духовным переживаниям: нельзя желать ощутимых проявлений благодати. Как безопасно для спасения души можно почувствовать присутствие Божие?***

— Если Господь Сам даст ощутить Своё присутствие каким-либо образом, то это как раз и будет безопасно! Главное — не искать самому никаких «возвышенных» состояний, бояться эйфорического восторга, сильных эмоциональных переживаний, душевных движений.

Присутствие Господа рядом ощущается в тишине и мире сердца, в умилительном покаянном чувстве, соединённом с тёплым упованием на Любовь и Милость Божью — такие ощущения свойственны благодати Божьей, по учению святых Отцов.

— ***А эпизод изгнания беса из девушки (в «Флавиане») тоже основан на реальных событиях?***

— Конечно. Есть абсолютно реальный прообраз этой девушки, только на самом деле ее звали не Екатерина. И то, как там описан момент чтения над нею молитвы *Василия Великого* «Бог богов, Господь господей...», с помощью которой отец Флавиан отогнал от нее нечистого духа, — тоже правда. К тому же это происходило практически у меня на руках.

Я был тогда еще регентом у покойного ныне отца Василия на приходе. Одна наша девушка-прихожанка впервые привезла в храм свою подругу на вечернюю службу. Храм был полупустой, обычно на всенощную народ почти не приходил — пять километров было до ближайшего населенного пункта. Поэтому местные в основном с утра приходили на службу.

Вечером обычно только мы, москвичи, приезжали, пели, читали на клиросе. Отец Василий благословлял — мы там всенощные по пять часов служили, строго по Уставу, как в монастырях. Иногда батюшка служил молебен на изгнание нечистых духов по «Большому Требнику». Приходили на него двое-трое болящих, страдающих алкоголизмом или еще какими-то страстями. Когда иной человек сам со своей страстью справиться не мог и хотел от Бога получить помощь, то отец Василий по милосердию иногда служил этот молебен, и некоторое облегчение это страждущим приносило. А кто-то и полностью от своей страсти избавлялся.

И вот как раз была всенощная, я пошел с клироса за свечками к «свечному ящику», смотрю: какая-то девушка стоит незнакомая. Я на клирос вернулся, спрашиваю: ребята, чья знакомая там стоит?

Одна из наших девушек певчих говорит: «Это моя подруга, она болящая. Мы вместе были в туристическом лагере, жили в одной палатке. Я когда вечером начинала перед сном молиться, она сразу теряла сознание. Только я за молитвослов: «Отче наш...», — а она в обморок. Вот привезла ее к отцу Василию».

Служба закончилась, девушки пошли вдвоем гулять вокруг храма, а мы с ребятами стояли около колокольни, разговаривали. Вдруг девушка-певчая бежит: «Идите сюда, помогите! Моей подруге плохо!» Так вышло, что я первый подбежал, поднял лежащую девушку на руки, а та, как веревка, расслабленно повисла у меня на руках. И вот пока я её нес, ребята начали дружно молиться. Её как начало судорогами колотить у меня на руках, рот оскалился, я аж испугался — честно признаюсь. Позвали отца Василия, он выбежал, увидел происходящее и сказал: «Все понятно, несите ее в храм».

Пока я в храм ее заносил, по ступенькам к двери поднимался, народ поуспокоился, молитва ослабла, и девушка снова провисла на моих руках. В храме я посадил ее на сундук, придерживал только, чтобы не упала. Подошел отец Василий с мощевичком в парчовом мешочке. А дальше все происходило так, как описывается в книге про отца Флавиана. Кладет батюшка ей на голову мощевичок — ее как швырнет метров на пять, по полу полетела. Отец Василий мне: «Удерживай мешочек на голове у неё, пока я достану требник», — я за ней с мощевичком по всему полу гоняюсь, ее швыряет от мощей по полу — я за ней. Тут как раз отец Василий молитву «Бог богов» начал читать — ее било, било, а потом она все тише, тише и совсем затихла. Я попытался её с пола поднять, а она без чувств, совершенно расслаблена, как верёвка на руках провисает.

Батюшка меня остановил и говорит ей: «Встань!» Она, тут же на пятках поднялась, как на шарнире шлагбаум, и встала столбом. Глаза открылись: «Батюшка, а что со мной было?..»

Это тот случай, из которого вырос эпизод, описанный в первой книге повести «Флавиан». Можно сравнить, как это было в жизни и как этот момент в книге художественно обработан. Все остальные эпизоды примерно так же, в той или иной степени литературно обработаны, но все имели место быть в реальной жизни.

— ***Вы много раз были на Святой Горе, что больше всего Вас впечатлило?***

— Когда впервые я собрался на Афон, то должен был ехать вместе со своим знакомым священником, но так вышло, что в тот раз поехать ему пришлось одному. Когда он вернулся, я его спросил: «Какое у тебя самое яркое, сильное впечатление от Афона?» — «Понимаешь, у нас в России, чтобы почувствовать ответ Бога на молитву, благодать, приходящую во время молитвы, нужно изрядно потрудиться. Здесь мы ее как будто из-под земли выкапываем — столько надо потратить сил. А там она просто в воздухе разлита, там ей дышишь: открой сердце и молись — обращайся к Богу. И благодать будешь чувствовать необыкновенно сильно везде».

Когда после этих слов я впервые приехал на Афон, меня очень интересовал именно этот опыт: почувствовать, насколько там ощутимо присутствует благодать. Здесь молишься-молишься, а сам, как деревяшка. Почему — понятно: страсти коркой всё сердце покрывают, лишают его чувствительности. Но каждому христианину хочется хоть чуть-чуть попробовать прикосновения божественной благодати.

И когда я туда приехал, начал молиться в разных монастырях, святых местах, то Господь по милости Своей дал мне это почувствовать. Бог дает это почувствовать каждому, кто туда приходит не просто поглазеть, пофотографировать, «пошопинговать»... А вот когда обращаются всем сердцем: «Господи, Ты где?» — то приходит ответ: «Здесь, рядом с тобою»...

— ***В Ваших книгах описываются очень интересные встречи на Афоне, насколько они реальны?***

— Как-то перед очередной поездкой на Святую Гору я был на Крите. Там у меня возникла одна проблема и, чтобы её срочно решить, понадобилось позвонить одному монаху из Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Я ему звоню: «Батюшка, так и так...» А он мне и говорит: «Мы твоего третьего

«Флавиана» читали, так что приезжай, будем разбираться...». Я спрашиваю: «Камнями будете побивать?» — «Камнями, — отвечает, — не будем, скорее консервными банками с твоими любимыми октопусами».

В то время третья книга повести «Флавиан» еще версталась в издательстве, но в электронном виде я ее некоторым уже рассылал, и в монастыре святого Пантелеимона ее уже прочитали. Я приехал туда и говорю: «Вот, голову повинную принес. Что я написал не так? Что, — говорю, — чудес там слишком много?» — «Нет, чудеса — это обычная наша жизнь, бытовое. Матерь Божия нередко является, Она здесь ходит везде — недаром Игумения Горы Афонской! Можно за угол собора зайти и по дороге в келью столкнуться с Матерью Божией — и такое здесь бывает... Или Господь может Сам явиться в образе монаха — почитайте жития, кому и в каком образе Господь только ни являлся — ничего тут удивительного нет. Эта наша жизнь, тут ты написал всю правду».

Думаю: «Слава тебе Господи, с чудесами я не переборщил». Спрашиваю: «В чем проблема-то тогда?» — «Мы все переживали, когда прочитали твоё описание, какой ужас на Афоне будет в последние времена. Триллер твой, как вся бесовщина ворвётся сюда, когда женщин на Афон пустят! Мы это прочитали, обсуждали с отцами, собирались...».

Я говорю: «Для того я это и написал, чтобы, в том числе, и вы пособирались и пообщались, цель была немного вас расшевелить. Я хоть и в гости, со стороны к вам приезжаю периодически, но какие-то вещи вижу. По-братски хочется сказать: Ребята, вот этого лучше не надо, потому что оно бедой может обернуться. Вот и написал, что может быть, если процесс обмирщения афонской братии не остановится. Это не только к нашим монахам относится, но и к остальным: грекам, болгарам, румынам и прочим — тоже».

Отцы-афониты мне сказали: «Мы подумали и решили: наверное, так все-таки не будет». Отвечаю: «Если вы действительно будете активнее в молитве подвизаться, поменьше пользоваться ноутбуками, видеоплеерами, телефонами с игрушками и прочими атрибутами мирской цивилизации и побольше внимания направлять внутрь себя, то может, так и не будет».

Это я дерзновенно так говорил не для того, чтобы афонских монахов учить, как надо спасаться: мол, кто их ещё спасению поучит, как не подмосковный заштатный протоиерей? Просто порой какие-то вещи со стороны и впрямь виднее.

События, описанные в третьей книге «Флавиана» и потрясшие отцов со Святой горы, — это был крик боли моего сердца. Я Афон очень люблю, в десятый раз недавно оттуда вернулся и остро чувствую святость этого места. Оно уникально в духовном отношении, это как промежуток между нашим земным миром и миром Вечности. Если прийти туда с открытым сердцем, с желанием соприкоснуться душой с афонской молитвой, то обязательно почувствуешь благодать этого места, намоленного многими поколениями подвижников.

— ***В принципе, от обмирщения никто не застрахован...***

— Уже на обратном пути плыву на пароме вместе с одним монахом, говорю ему: «Наверное, в третьем «Флавиане» слишком много наворотил я всяких «ужастиков». Отцы, небось, поседели, читая такое ...» А он мне отвечает: «Мой друг, тоже монах, работает над диссертацией в Милане. Одно время он жил вместе с немцем, тоже каким-то ученым. Причем оба они английский знали плохо, а итальянский вообще никак, и общались, в основном, жестами и с помощью десятка английских слов. Зато когда ходили гулять по городу, не было ненужной болтовни, они могли вместе ходить, и каждый сам про себя молиться. Друг мне рассказывал: «Вот, как-то раз немец меня подводит к древнему католическому храму, показывает и говорит: «Это театр». Спрашиваю: «Какой театр, это же храм?» — А он: «Театр». Дверь отрываю, смотрю, а там — действительно: зрительные ряды, сцена, декорации... В храме — театр. Идем с ним дальше. Опять храм. Показывает: это бар. Дверь открываем — барная стойка, ряды бутылок... в общем, настоящий бар. Идем дальше, опять показывает: дискотека в бывшем храме...». Так что ты, отец Александр, ничего в своей книге не «наворотил» такого, что в реальной жизни нет. Правда, ещё пока не на Афоне...».

Выходит, я ничего особенного в книге не придумал. Всё это уже есть. Пока в Милане и в других местах Европы. Но это может прийти в любое место: на Афон, в Россию — давно ли у нас большевики туалеты в алтарях устраивали? Если мы будем жить, я уже не говорю — не духовно, хотя бы — не элементарно нравственно, то этой беды и нам не избежать. А мы сейчас как живем: посмотри вокруг себя, а еще лучше — внутрь себя.

— ***Священник-миссионер Тигрий Хачатрян сказал, что он: «...обнаружил неотразимую силу воздействия книг протоиерея Александра Торика... Люди разной социальной принадлежности... неожиданно через мир художественной доброкачественной литературы мгновенно быстро и легко погрузились в мир православной духовности. Сочувствуя героям, разделяя взгляды автора, они получили первый опыт веры». Считаете ли Вы себя миссионером?***

— На каждом христианине лежит апостольская миссия проповеди Евангельской Заповеди Любви. Из Евангелия мы знаем, что 2000 лет назад богоносный еврейский народ раскололся на две части: одни пошли за Христом и стали Его учениками, а другие посчитали, что Он им не нужен, и распяли Его.

Эта свобода выбора — идти за Христом или против Него — до сегодняшнего дня не отнята ни у одного человека, в том числе и у тех людей, к которым Церковь ныне обращается через все

средства и возможности, которые сейчас есть: радио, телевидение, газеты, журналы, проповеди священников.

Многие священники в настоящее время занимаются миссионерской деятельностью, кто как может: выступают на телевидении, проповедуют в клубах, залах, на предприятиях, кто-то книжки пишет или фильмы снимает, передачи телевизионные делает — у кого какие возможности, таланты, поддержка и так далее.

Однако со времён Святого равноапостольного князя Владимира в Русской Православной Церкви сложившейся организованной миссионерской школы нет. Тогда Русь христианской верой просветили и крестили. А потом вся Россия стала православной и потребность в миссии отпала, кроме окраин Российской Империи.

Были отдельные миссионеры, которые ездили в другие страны: в Китай, в Корею, в Японию. *Святитель Николай Японский*, например, фактически Японскую Православную Церковь с нуля создал. Но это были единичные случаи, исключения. А на территории самой Российской империи в миссионерах и потребности-то не было.

— ***А святитель Стефан Пермский?***

— Он нёс миссионерское служение в тот период, когда многие не русские по происхождению народы, населявшие Россию, такими выдающимися личностями, как святитель Стефан, просвещались, крестились, после чего устанавливался некий баланс. Одни народы крестились, стали православными, другие предпочли ислам, буддизм или язычество. Однако святитель Стефан не оставил после себя такой школы миссионерства, как, например, у протестантов — с правильно выстроенной религиозной системой обучения, основанной на проповеди и миссии.

Собственно, такой системы у нас не было даже до революции. А после революции — какая уж там миссия! Тогда если батюшка просто добросовестно молился у престола, его уже отстреливали в голову, чтобы он этого не делал. А вот попробуй там кто-то миссионерствовать...

Тот же самый покойный протоиерей Василий Владышевский, который стал прообразом отца Флавиана, в полной мере ощутил на себе давление безбожной власти Советов. Как я уже говорил, приход, где мы с ним познакомились, находится в селе Алексино. Это было, если не ошибаюсь, 15-е место его службы. Его гоняли по всей Московской области. Кто гонял? Естественно, не Епархиальное начальство, а уполномоченные по делам религии, КГБ-шники. За что? Потому, что он свое служение исполнял искренне, от всего сердца. Его на новое место назначат — через год вокруг него уже община молодежи: стоят на службах, слушают его проповеди, молятся, исповедуются, советуются. Его на другой конец Московской области посылают служить. Через год там опять община, да еще и со старых общин отовсюду приезжают к нему.

Сейчас власти за это пастырей не гоняют. Увы, в наше время сами священники отдают больше сил на строительство и украшательство церковных зданий, чем на пастырское попечение о душах прихожан. Здания видны каждому — души только Богу! Грустно это.

А теперь как только с развалинами более-менее разобрались, Святейший Патриарх Кирилл говорит, мол, давайте, отцы-братия, учитесь заниматься миссионерской деятельностью! Как этим заниматься? Церковь сейчас ищет методики, пути решения проблем миссионерского просвещения людей. Вот и мы, попы, пробуем, кто как может... Я, например, книги пишу.

К 400-летию дома Романовых

Ольга СОКОЛОВСКАЯ

КОРОЛЕВА ЭЛЛИНОВ, ОНА ЖЕ — АДМИРАЛ РОССИЙСКОГО ФЛОТА

Великая княжна Ольга Константиновна[1], внучка Николая I, очень рано была выдана за короля Греции Георга I[2] — ей едва исполнилось 16 лет. Конечно, и король был молод — принцу датской крови было всего 23 года, но из них он уже четыре года находился на греческом троне — по предложению Великобритании, с согласия всех великих держав и греческого народа.

Брак был заключен в Санкт-Петербурге и оказался весьма счастливым и продлился почти полстолетия. Въезд юной королевы, одетой в тунику цвета греческого флага, произвел неизгладимое впечатление на афинскую публику, а красота, прекрасное воспитание и ровный характер Ольги сделали ее любимой и уважаемой в народе. Ольга, как и ее муж, очень быстро овладели греческим[3] языком, а потом и его народными наречиями, что позволяло общаться со всеми слоями общества. Однако Ольга покинула Россию столь рано, что часто ею овладевала тоска по родине и по отчему дому. Она не раз писа-

[1] Королева греческая Ольга — урожденная великая княжна Ольга Константиновна (1851-1926), внучка императора Николая I (1796-1855), старшая дочь великого князя Константина Николаевича, (1827-1892), генерал-адмирал русского флота, жена греческого короля Георга I (1845-1913).

[2] Георг I (Вили) (1845-1913), греческий король (1863-1913), урожденный принц датский Вильгельм.

[3] Правильно «новогреческим языком», который в то время имел две разновидности: «демотики», на котором разговаривал народ, и «кафаревуса» — язык высших слоев общества, официальных документов и большинства газет.

ла отцу, великому князю Константину Николаевичу[1]: «Мой милейший, добрый папа! Обнимаю и благодарю тебя от всей души за твое письмо... Когда Вы мне рассказываете о милом Питере и том, что Вы поделываете, я каждый раз ужасно бываю рада, но вместе с тем это как-то разрывает старую рану, которая не может зажить и конечно не заживает, т. е. меня каждый раз так сильно потянет к Вам, что просто мучение. У меня, прежде всего, «сердце русское», и не хочу, чтоб оно сделалось другое... Завтра будет, как всегда, елка для всего двора. Сожалею, что здесь совсем не заметно, что приближается Рождество — здесь так тепло. Когда я думаю о русских праздниках, то как-то невольно представляются мне снег, сани, лед, да коньки. А здесь лето, не лето, зима, не зима!»[2]. И в другом письме: «Милая, родная, матушка зима! Поклонись ей от меня!».

И даже через семь лет, когда родились первые дети — кронпринц Константин (1868), принцы Георг (1869) и Николай (1872) и принцесса Александра (1870) — в письмах к отцу все та же тема: «Хоть я и с каждым годом все более и более привязываюсь к новому моему отечеству, но те старые и детские чувства остаются святыней в глубине души. Ведь иногда меня так страшно тянет к тебе, милый папа, домой, на свиданье, после такой долгой разлуки, что просто хоть бы сейчас ехать...».

Выдавая юную дочь за короля Греции (Греция была создана в 1830 г. при огромной поддержке великих держав Англии, Франции и России), отец Ольги, видный политический деятель, морской министр, не мог не думать о возможности усиления русского влияния на Ближнем Востоке. Ему принадлежит заслуга постепенного возрождения униженного и разбитого в годы Крымской войны 1853-1856 гг. российского флота. Визиты русских военных кораблей Средиземноморской эскадры в Грецию были не только гарантами существования греческой династии, но и большим утешением для юной королевы, унаследовавшей любовь к флоту и морякам от отца. Эти визиты стали, по ее выражению, той невидимой нитью, которая связывала ее с родиной. Нередко корабли оставались в порте Пирей на зимовку, и Ольга воспринимала это как подарок отца.

Незабываемыми были первые визиты ее младшего брата Кости в Грецию в качестве гардемарина на фрегате «Светлана». Постепенно греческая королева познакомилась с выдающимися русскими флотоводцами — И.И. Бутаковым, Ф.К. Авеланом, С.О. Макаровым, Н.И. Скрыдловым и многими другими; на всю жизнь она подружилась с семьей Бутаковых. Ольга писала: «Вообрази себе, милый папа, что русские, как? например Бутаков, называют его (ее первенца — О.С.) великим князем, что меня ужасно радует.». Для греческой королевской семьи на кораблях постоянно устраивались приемы, обеды, или просто чай и всегда Ольга описывала эти посещения, как встречу с родиной. Особенно она любила русские песни и танцы, которые исполняли моряки, задушевные разговоры. Она писала отцу: «Сюда пришли два корвета с гардемаринами — «Память Меркурия» и «Львица». Я каждый день встречаю множество русских офицеров и гардемаринов и это меня ужас, как радует». В январе греческая королева была на «Яхонте» — «Палуба была удивительно мило убрана, флагами и разноцветными фонарями. Матросы пели и танцевали». По просьбе Ольги отец оставил «Яхонта» на второй год в Пирее. Она наслаждалась неповторимой языковой стихией русского языка, носителями которого для нее были офицеры и моряки с русских кораблей. Ольга умилялась простонародным выражениям, которые тщательно записывала, а потом часто употребляла в письмах к брату Константину. В апреле 1879 г. она писала отцу: «Вчера я в первый раз после нашего горя (смерти ее родного брата Вячеслава — О.С.) была на фрегате; мы завтракали у Адмирала, разговаривали на палубе и посетили клипер «Всадник» и, наконец, катались на парусах! Мне было так хорошо на русской почве! Тепло как-то!».

Ее постоянный интерес к делам флота был оценен императором Александром II (родным братом отца) и она стала единственной женщиной-адмиралом российского флота. Получая тысячи просьб, Ольга постоянно хлопотала за русских моряков, за что в результате в Морском министерстве ее прозвали в шутку «августейшая нищая». Зато русские моряки называли ее ласково «королева-мать русского флота». Ее личный секретарь М.Ю. Гаршин напишет, находясь в эмиграции, в очерках о королеве эллинов, что «ее друзья были моряки, а к матросам она относилась как мать, и всю жизнь заботилась о них, горячо принимая их радости и горести». В своем афинском дворце она создала Морской музей, куда с наслаждением водила сотни моряков со всех русских кораблей к неудовольствию короля и ее семьи, которая все более отдалялась от нее из-за ее нескрываемой любви к России. Дочь Ольги Константиновны — принцесса Мария не раз сообщала матери, что особым покровительством русскому флоту она вызывала ревность греческих моряков, но это Ольгу не смущало. Позже греческая королева построит в Пирее «Русский госпиталь» и купит участок на Пирейском кладбище для русских моряков. Большим утешением для королевы были многочисленные визиты родных в Афины.

О разладе в семье на почве ее русофильских взглядов и поступков хорошо знал ее младший брат великий князь Константин Константинович. Ему она писала: «Я усиленно стараюсь, и не без успеха, как можно меньше говорить о моряках, не высказывать ни моих радостных впечатлений, ни восторгов после посещения судов. Я буду стараться ездить не слишком часто, прелесть моя, но отказаться от этого я не в силах, поверь мне,

[1] Константин Николаевич (1827-1892), великий князь, второй сын императора Николая I, генерал-адмирал, долгие годы управлял флотом и Морским ведомством.

[2] ГАРФ. Ф.722. Д. 808. Афины. 20 января (1 февраля) 1868.

ведь моряки привозят мне мою родину с собою — у них я дышу русским воздухом, там моя душа распускается, как цветок на солнце; я в полном смысле слова живу, только в русской обстановке, ведь, в сущности, я всю мою жизнь во внутреннем разладе со всем окружающим меня».

С великим князем Константином Константиновичем она переписывалась более полувека. Еще в 1879 г. она написала ему: «Какое бы ты поприще не выбрал, чтобы быть полезным нашей матушке России, я всегда буду с тобой». Ольга чутко уловила поэтический талант брата и всю жизнь горячо поддерживала (единственная из семьи) веру брата в его литературное призвание. Она стала первой наставницей и вдохновительницей поэта-романтика К.Р. Ольга лучше других знала все тонкости души и подмечала все пристрастия К.Р. Один пример: Ольга Константиновна писала: «У меня на столе стоит первая сирень, которая мне о тебе напоминает, потому что ты ее очень любишь». Позже в 1885 г., находясь на лечении за границей, К.Р. написал одно из своих лучших стихотворений, где образы сирени и соловья нераздельно связаны с родиной: «Распахнул я окно — стало душно невмочь, —/ Опустился пред ним на колени,/ И в лицо мне пахнула весенняя ночь/ Благотворным дыханьем сирени»/ А вдали где-то чудно так пел соловей;/ Я внимал ему с грустью глубокой,/ И с тоскою о родине вспомнил своей;/ Об отчизне я вспомнил далекой,/ Где родной соловей песнь родную поет/ И, не зная земных огорчений,/ Заливается целую ночь напролет/ Над душистою веткой сирени».

П.И. Чайковский обессмертил это и другие чудные стихи Константина Романова, положив их на музыку, это шедевры вокальной классики.

Несмотря на то, что Ольга любила своего мужа и детей, любила простой греческий народ, его чистую народную душу, тоска по родине была родом болезни, от которой ей не удавалось излечиться.

Об этой «тоске по родине» брат Константин написал однажды, сразу после своей поездки в Грецию в 1883 г., в стихотворении «Из «Писем про алые цветы» Королеве эллинов Ольге Константиновне»: «Тебе не будет, как в стране родной,/ Так близко, дорого и мило!».

Тоска по родине часто прорывалась даже через ее бодрые письма о начале благотворительной деятельности. Ольга построила лучшую больницу в Афинах «Эвангелизмос», церкви, приюты для сирот и многое другое. Она создала в Греции школу сестер милосердия, участвовала в делах Красного Креста, сама получила звание сестры милосердия, что в будущем спасло ей жизнь. То, что она увлеклась медициной и много времени проводила в госпиталях, также вызывало недовольство семьи. Она могла по звонку из «Русского госпиталя» ехать ночью четыре часа в карете в Пирей, чтобы по просьбе умирающего матроса попрощаться с ним. Мать Ольги также не одобряла ее отношения с больными, особенно ее трогательные описания больных солдат или матросов. Брату она писала в ответ на критические замечания со всех сторон: «— Нет, больные офицеры не спорт, а громадное наслаждение — нет ни малейшей заслуги, что я к ним езжу... Я это отлично знаю и ни минуты себе это в заслугу не ставлю, и не только это, а вообще все мои посещения госпиталя, пот[ому] я это страшно люблю и вообще не вышла-бы из госпиталя если б следовала своим вкусам. ...Я мама так редко пишу о моих больных, а о матросах почти что никогда с тех пор, что Палиголик предупредил меня, что это мама не нравится; я ужасно редко получаю теперь письма от мама. ... Но в результате-то я все больше и больше молчу и веду как-бы двойную жизнь, а это совершенно против моей натуры, кот[орая] открытая и любит делиться впечатлениями; меня почти что никогда не спрашивают, где я была, куда я еду — отчего, не знаю, и я тоже молчу и выходит какая-то глупая, неестественная жизнь — это грустно, хотя я сама отлично знаю, что сама в этом виновата. ...Вероятно, это естественно, что ласковые, радостные лица, с которыми встречают меня мои больные, согревают мою душу».

Очень характерно для ее переживаний письмо к брату, написанное в январе 1898 г.: «Я опять переживаю период моих «русских страданий»... я чувствую себя совсем отрезанной от всего русского, как будто меня окружает стена, кот[орая] все растет и растет; ...и мужу и детям все русское, все мне близкое, родное, святое, все для них чуждо и недоступно... Иногда у меня бывают наплывы тоски; вот как сегодня н[а]пр[имер]. И как часто накипает на сердце негодование при мысли, что мои дети учились и учатся всяким языкам, а по-русски нет и что я бессильна переменить порядок вещей». И через год в письмах к брату встречаются подобные жалобы: «Ах, как трудно жить и сознавать все больше из года в год, что иногда с самыми близкими нас разделяет нравственная пропасть: ничем поделиться нельзя, совета получить, сочувствие найти.».

Неожиданно судьба подарила королеве эллинов целых пять лет жизни в России, куда она приехала через год после убийства ее мужа короля Георга I и за несколько дней до начала первой мировой войны. Вдовствующая королева приняла решение остаться на родине и посвятить себя хорошо знакомому ей делу — устройству лазаретов. Однако встреча с родной землёй оказалась весьма трагична: на фронте был убит ее племянник, князь Олег Константинович, ему прочили большое будущее в поэзии. Затем, спустя полгода, не выдержав горя, умер и ее любимый брат Константин. А после отречения от престола императора Николая II, племянника Ольги, несчастья посыпались на всех членов огромной романовской семьи: были расстреляны, сброшены в шахту в Алапаевске ее самые близкие родственники.

Ольге Константиновне с трудом в 1918 г. удалось уехать из большевистской России с датским поездом Красного Креста, который увозил раненых военнопленных в Швейцарию.
Вдовствующая королева теперь ощущала себя осколком старого мира. Больше она никогда не была в России, но еще успела много сделать для русских эмигрантов.
Затем было изгнание из Греции, второй ее родины, жизнь у родственников в Европе.
В 1926 г. Ольга Константиновна скончалась в Риме на вилле своего младшего сына Христофора. Прах ее в середине XX в. был перенесен внуком, греческим королем Георгом II, в Грецию.

Анатолий **ДЕМИДОВ**

Я ПОМНЮ, КАК ГРАБИЛИ НАС ГОЛОДРАНЦЫ...

...Сколько ни стараюсь, не могу себя вспомнить ребёнком ранее трёхлетнего возраста. Никаких признаков сознательной жизни. Ничего. Пустота. А вот когда мне исполнилось полные три года, мать, уходя на колхозные работы, приводила в дом соседнюю девочку Лиду. Девочка была совсем маленькой, и я должен был присматривать за нею до прихода её родителей с поля, то есть до самого вечера. Для еды нам с нею оставляли небольшую домашнюю ржаную лепёшку. Квас, огурцы и яблоки стояли в известных нам местах, и мы могли сами пользоваться ими в любое время. Что осталось в сердце? Мы с Лидой, оставшись наедине, внимательно изучали друг друга прикосновениями пальчиков рук, примечали всё интересное и отличительное у каждого из нас. Главной и забавной игрой нашей было ползание на полу под деревянными лавками и большим обеденным столом. Нам редко случалось дождаться прихода родителей, потому что раньше возвращались наши братья и сёстры из школы; и тогда мы сами становились для них живыми игрушками...
Взрослея, мы с Лидой отдалились друг от друга. Помню только то, что после смерти её матери, Фёклы, от желтухи, возвратившийся с фронта отец, Фёдор Дронов, женился на другой, Полине из деревни Матово; бросил четверых детей, оставив их на попечение бывших тестя с тёщей, а чуть позже по злобе и зависти сжёг их дом. После пожара она с бабушкой и дедом уехала к родственникам в город Орехово-Зуево... Только один раз она с родной сестрой Тасей приезжала в родную Калуженку погостить у своих подруг...
В четырёхлетнем возрасте меня стали водить в детский сад, под который на летнее время приспосабливали деревенский клуб, там же была и контора для председателя колхоза и счетовода. Я поздно родился, был предпоследним ребёнком в семье, поздно научился разговаривать, и поэтому меня в деревне прозвали немым. Немой и немой, какая разница в деревенском прозвище: хоть горшком назови, только в печь не станови! Ничего вслух не говорил, и поэтому редко кто догадывался, что я научился читать и писать раньше, чем выговаривать слова. То не было какой-то необъяснимой, заложенной от рождения, способностью, а следствием того, что мой старший брат уже учился в школе. Он каждый день вслух читал учебники по разным предметам, меня от себя куда подальше не прогонял, и я незамутнённым умом и сердцем запоминал всё лучше и быстрее даже, чем он сам. Так я запомнил все буквы и научился складывать их в слоги и в слова. Иногда встревал не в свои дела, пытался помогать ему быстрее решать простые арифметические задачки, за что получал заслуженные щелчки в лоб и воспитывающие подзатыльники, которые в детстве назывались у нас «подзатрещинами». Слава Богу, старшие не обижались на меня, «неуча». Да ещё «немого». Не лезь, когда не просят! Я быстро научился понимать их, и не очень часто донимал своими подсказками. Мать всегда была на стороне старшего брата, поэтому я не жаловался ей за подаренные мне братом щелчки и подзатыльники. Мир не покидал нашего дома...
Но вот с недавних пор люди в моей деревне стали поговаривать о войне. Взрослые стали намного больше работать на колхозных полях, коровниках и конюшнях, а детей своих малых стали приводить в детский сад и оставлять там до наступления темноты... Страшное слово «война» задело меня в том детском садике, временно размещённом в деревенском клубе, соединённом с конторой колхоза «Буревестник»... Уже на следующей неделе нашей воспитательнице, Маше, прямо в детский сад принесли треугольный самодельный конверт с письмом от её родного дяди, Ивана Милёхина, который родился в Орловской области, а сейчас служит в сапёрных войсках — в Прибалтике, устанавливает пограничные сооружения; он пишет, что над ним уже летают германские самолёты-разведчики и что скоро начнётся война. Никто не поверил письму, а солдат написал правду: через неделю заговорила война — бомбы долетели до нашей Калуженки. При первой бомбёжке немецкий лётчик погнался за грузовиком, сбросил на него двенадцать бомб, но не попал, и те бомбы пролетели вблизи от деревни, упали на полевую стерню... Припоминаю то, что я попросил тогда у Маши разрешения дотронуться до того письма, а она отдала его прямо в мои руки. Я, молча, дочитал письмо только до слова «война», а потом заговорил вслух, и чётко и грамотно прочитал для всех: «Ихние самолёты летят так низко, что скоро начнётся война»...
Как сказали бы теперь: «стресс помог ему обрести дар речи»... Всех взрослых мужиков и парней из деревни забрали в армию, а Маша просила меня после того случая с письмом её дяди каждый день читать для всех военные сводки из районной га-

зеты «Коммунар». Я читал про успехи наших доблестных воинов, а взрослые тёти почему-то плакали и кончиками головных платков утирали слёзы. Таким вот образом, пятилетним мальчишкой я углубился в войну... И не только в войну... Я стал ходить по своей деревне и её окрестностям, смотреть вокруг, запоминать и осмысливать увиденное. Даже прочитанные в газетах статьи, а после и слова из школьных учебников и других книг я осмысливал по-своему. Странно, но — «ходить и мыслить», — эти два слова пришли ко мне случайно, а поселились во мне прочно и остались навсегда. С натуры я не напишу правильную, увиденную мною картинку природы, моя картина намного умозрительней.

Но война войною, а обед по расписанию... Будучи «немым», мне выгодно было ничего не говорить, а только слушать то, что говорят взрослые, и запоминать их слова о случайностях жизни... Наша воспитательница, Маша Грибкова, после окончания Утёшевской семилетки не поехала в город, а осталась в своей деревне. Работала она на разных работах в колхозном поле, а на летнее время её направляли, как самую грамотную девушку, для присмотра за детьми в открывшемся перед войною детском саду. С нами, «непослушными», трудно ей было управляться ещё и потому, что у неё было неприличное прозвище: «низкосракая». Откуда и за что оно привязалось к ней? Никто того не знает. Может быть, ноги у неё были заметными, коротковатыми? Видимо, так и было на самом деле. Даже нами, детсадовцами, это было замечено. Мы видели также её горькую обиду на каждое произнесённое вслух унижающее её достоинство прозвище. Тут ничего нельзя было исправить. Деревня, она и есть деревня, хотя и город мало от неё отличается: если что-то прилипло — и самое грязное прозвище не смоешь до могилы. Мы жалели Машу, но чуть что не так, всеми детскими глотками дразнили её, повторяя гадкое слово... А когда Маша, заплакав, закрывалась от нас в своей комнатке, «клетушке для переодевания», мы вместе с моим другом выбегали через окно из садика на свои огороды, чтобы полакомиться там крыжовником, кислыми яблоками, свежими огурцами и морковными хвостиками. Маша быстро находила нас, хватала беглецов, по одной из наших рук накрепко зажимала в свои сильные ладони и притаскивала снова в клубно-ясельные стены, не забывая при этом надрать жгучей крапивой наши попы. Тут не помогала даже обидная дразнилка. Дразнись или не дразнись, но получи своё заслуженное наказание за провинность. На нашу дразнилку она научилась отвечать своей, придуманной на ходу: «А вы-то кто? Леонтий — Пилат Понтий, и Толик, который насрал говна на столик!». Тут уж мы замолкали надолго, молча перенося боль крапивных ожогов и поганые, придуманные ею на ходу, такие же обидные прозвища... Я на свою воспитательницу совсем не обижался и с удовольствием продолжал по её заданию читать вслух заметки из районной газеты на военные темы...

Прямо здесь хочу сказать, опять же это связано с разговорами о войне, о моём родном деде по отцовской линии жизни. Звали его Андреем Дмитриевичем Савосиным. Знаменитым он был в нашей деревне потому, что оказался единственным смельчаком во всей округе, кто не отказался от получения громадного участка непахотной земли на берегу речки Большого Березуя — царского надела согласно земельной реформе премьер-министра России Петра Столыпина. Почти в одиночку и только при участии своей большой семьи, мой дед «на хуторе» построил просторный дом, возделал тридцать десятин дерновой пустоши, вырастил сад во сто корней, развёл уйму плодово-ягодных кустарников, заложил сортовой цветник и большое семенное поле для пшеницы, ржи, гречихи и просо. Для нужд собственной семьи он засевал небольшое поле льна. Ради перекрёстного опыления цветущих растений ему нужна была пчелиная пасека, и дед научился самостоятельно управляться с тринадцатью ульями. И ещё он ежегодно с прибрежной четверти десятины земли снимал полновесные урожаи белокочанной капусты. Ею он кормил свою семью и помогал кормиться бедным людям в деревне. Деревенские девочки и мальчики любили моего деда, Андрея Дмитриевича, со всей сердечностью. Заранее они узнавали день, когда дед выкачивал мёд из восковых рамок, малышня гурьбою подбегала к окнам его дома и кричала хором: «Андрей Митрев, дай медку... Андрей Митрев, дай медку!». Как всегда, мой дед не выдерживал настойчивых пискливых детских голосов, выносил навстречу им ведёрко мёда и намазывал его щедрыми слоями на принесённые ими лепёшки, ломти или ржаные горбушки домашнего хлеба. Те праздники запомнились навсегда. Так, без всяких поучительных назиданий дед воспитывал доброту в детских сердцах, которая непроизвольно входила в наши души и оставалась там надолго. Не исчезла эта доброта и любовь к деду даже после объявления его кулаком, отобрания земли и включения её в придуманный большевиками колхоз... ...А откуда появились колхозные земли? То были земли отнятые у крестьян последователями «великой октябрьской социалистической революции с их главным лозунгом: «Землю — крестьянам!»... — вслух повторял мне родной дедушка. Как ни странно, но его не подвергли репрессиям и вместе с четырьмя взрослыми нашими мужиками не отправили за четыре года до начала войны на десятилетний срок в придуманные большевиками деревянные чёрные барачные лагеря, которым не было числа от Сибири и Крайнего Севера до Дальнего Востока. Ещё до нападения немцев, во время зимних вечеров не раз повторял нам дед эту, одну и ту же историю.

После великого революционного переворота в моей стране прошло всего два десятка лет. Взрослые люди научились жить без царя в голове. Жизнь, по словам моего деда, стала мутной,

а в мутной воде хорошо ловится рыба. «Раньше даже у моих старших детей были свои отдельные дома из толстых осиновых брёвен, лошадиные упряжки, телеги, плуги, самопрялки, деревянные ткацкие станы для выработки изо льна полотняной одежды для себя и для своих детей. На дворах у всех стояли лошади, коровы, овцы, поросята и свиньи, утки и куры, а в домах вместе с детьми резвились кошки с котятами, на дворах лаяли собаки. Мои предки сами вели крестьянское хозяйство, сами вырабатывали кирпичи из глины в шатровых ямах в трёхстах метрах от деревни. Работали так, что за каждую неделю от пота на людских спинах спревало до дыр нательное бельё. Моя большая семья не знала голода. Только неизлечимые в то время болезни подкашивали детей. Та революция вошла в нашу деревню лишь через двенадцать лет после тысяча девятьсот семнадцатого года. А до этого времени все жили почти так же, как и при царе. Уцелевшая и «перевоспитанная» большевиками бывшая деревенская голытьба теперь вовсю распоясалась, пуще прежнего запьянствовала: по-пьянке проигрывала в карты своё имущество, наделы земли, стала подворовывать, а на амбарах у людей стали появляться кованые в кузне замки. Я с бабушкой твоею построили этот наш дом из кирпича, а другие, построили кирпичные амбары для хранения зерна и разной домашней утвари, а потом пожалели об этом. Надо было сначала построить хороший кирпичный дом для своей семьи, а потом уже приниматься за амбары. Но разве могли они подумать, что новая, чужая власть в России доберётся из двух столиц своих до малых деревень и отнимет у них и амбар, и лошадь, и корову, и плуги, а ткацкие станы заставит сельчан прятать на чердаках жилищ, хотя они никогда уже и никому не пригодятся»... Уже став взрослым, я запомнил, как одна из моих старших тёток, вспоминая о революции, сказала: «Я помню, как грабили нас голодранцы»...

Её слова и теперь живут во мне, как будто запомнившиеся навсегда строки из стихов прекрасных русских поэтов. Мой дед никогда не обманывал нас. Так всё и было, но говорить об этом вслух никому не дозволялось; а в семилетней нашей школе мои брат Геннадий и сестра Люся были научены говорить о том, что «колхозы — дело самих крестьян: дело добровольное»...

Вышло так, что первыми, кого обучили и обязали обманывать народ, стали школьные учителя. Они учили подчиняться новшествам новых правителей, но многие из них оставались патриотами России и спасали от надругательств детей репрессированных родителей. В «правое дело» большевиков-террористов заставили поверить не только учителей, но и всех наших деревенских крестьян. Христову веру люди попрятали в души свои. Только отчаянные, и те полушёпотом, проговаривали правду, а я, «немой», улавливал то, что колхоз наш «Буревестник» — это так называемое коллективное хозяйство — лучшее место для работы бывших крестьян-единоличников. На самом деле кто-то из вождей, а Джугашвили (Сталин) к тому времени оставался сам единоличным вождём-правителем, в одночасье порушил все семейные хозяйства, сделав одно, колхозное, полностью управляемое сверху. Сталина народ не только слушал, но и подчинялся ему безоговорочно. Люди и роптали, безмолвствуя, боясь доносов, и страшась быть услышанными властями. Для начала местному начальству была дана директива: направить местную голытьбу на закрытие и разрушение Гришовской православной церкви Николая Чудотворца, построенной из кирпича в далёком от нас 1769 году барином из соседнего Волхонска. А ещё раньше на её месте стояла деревянная церковь. Я не мог уразуметь тогда, как могут совсем новые люди так легко и просто рассказывать о своём прошлом, помнить о каком-то не позабытом в их душах добром волхонском барине, проживавшем в наших местах триста лет тому назад. А, может, и предоставлялась им лишь эта устная возможность хранить своё доброе прошлое. Самостоятельных действий или поступков теперь не разрешалось делать никому. Что прикажут сверху вниз по начальству, то и делай, выполняй приказы и помалкивай. Всюду ручной труд! Сельскохозяйственной механизированной техники тогда было мало, а стенобитные орудия исчезли вместе с ушедшим из нашего района, с Угры, ордынским ханом Ахматом. Так что пришлось нашим, как говорил дед, «голодранцам, собранным незнамо откуда, рушить божий храм камнями да тележными оглоблями, голыми руками сдирать иконы, царапать росписи, палить из ружей в лики святых угодников, молитвенников за землю русскую»...

Лилия **ВОЛОХОНСКАЯ**

ИСКУССТВО ДЕЛАТЬ ДЕНЬГИ

Мой отец Виктор Иосифович Мудрик был одним из самых крупных специалистов страны, занимавшихся изготовлением государственных денег. Его нелегкая, но интересная и творческая жизнь проходила на фоне событий, потрясших всю страну, — 1937-й год, Великая Отечественная война, послевоенная денежная реформа. Жизнь его нередко зависела от самых невероятных обстоятельств, в том числе и от таких зловещих фигур, как Берия, Абакумов и др. Работать Виктор Иосифович начал с 12 лет в Житомире. Таскал в пекарне мешки с мукой и одновременно учился в химической профшколе. Блестяще окончив в 1931 году Ленинградский химико-технологический институт им. Ленсовета, он был зачислен на должность старшего лаборанта Ленинградской бумажной фабрики Гознак. Управление Гознака находилось в Москве, во главе его стоял Трифон Таймуразович Енукидзе, двоюродный брат известного

государственного деятеля Авеля Енукидзе. Первые же изобретения Виктора Мудрика избавили Советский Союз от импорта нескольких видов бумаг. С самого начала работы на Гознаке моему отцу сопутствовал успех — все его изобретения внедрялись в практику. Он стал часто бывать в Москве на совещаниях у Енукидзе. В один из таких приездов Енукидзе объявил, что оформляется командировка группы специалистов Гознака во главе с ним самим. В состав группы он включил и моего отца. Основная цель командировки — ознакомление в США, Англии и Франции с производством денежных знаков. Не секрет, что в то время поездки специалистов за границу были крайне редки. Вскоре после возвращения на родину моего отца перевели на работу в Москву на должность начальника отдела исследований и изысканий Гознака. Его назначение совпало с особо ответственным поручением — полным ходом шла работа по изготовлению денежных знаков образца 1937 года. Возникали трудности в технологии, шел большой брак. И вдруг случилось невероятное — арестовали двух специалистов, вместе с отцом побывавших за границей. За что? Кто следующий?.. Отец мой был кругом «грешен»: брат жены — «враг народа», ездил за границу да еще (о, ужас!) встретился в Чикаго с американскими родственниками. А потом... Арестовали самого Енукидзе! Из группы, выезжавшей за рубеж, на воле оставались только двое. И в этой атмосфере страха и кошмара все продолжали интенсивно работать. Начало Великой Отечественной войны застало моего отца в нескольких километрах от новой границы с Финляндией. Его послали на Карельский перешеек, чтобы ознакомиться с перешедшими к нам после финской войны целлюлозно-бумажными комбинатами, с их оборудованием и технологией, находившимися на уровне лучших мировых стандартов. Началась усиленная работа — надо было перебазировать оборудование печатной фабрики на Краснокамскую бумажную фабрику и организовать там печатное производство. Перед отъездом отец взял из лаборатории пробирку с цианистым калием, чтобы иметь его при себе, если их захватят немцы. Как самоотверженно, не щадя себя, трудились усталые полуголодные люди во время войны, давно известно. Мой отец был среди этих людей. Жизнь его проходила между Москвой и Краснокамском. Работа, работа непрерывная, порой круглосуточная. Война была еще в полном разгаре, когда Мудрик был назначен на должность главного инженера Управления Гознака, оставаясь одновременно главным экспертом Советского Союза. Наши войска освобождали от фашистов восточноевропейские страны: Румынию, Польшу, Болгарию, Югославию. И Гознаку была поставлена оперативная задача: надо было по мере продвижения наших войск снабжать командование денежными знаками всех освобожденных стран. Венгерские форинты, югославские динары, албанские леки, немецкие марки. Все они отличались по бумаге, по графическому и художественному оформлению, по государственной символике: различные гербы, тексты, а то и портретные изображения. Такого сложного и ответственного задания Гознак еще, пожалуй, не знал. Но в результате справились и с этим. В.И. Мудрика наградили орденом Трудового Красного Знамени. И вот, наконец, война окончилась. Теперь, казалось бы, можно и передохнуть. И вдруг — денежная реформа! Необходимо было создать новые денежные знаки, резко отличающиеся от находившихся в обращении. Бумага обязана была быть не менее прочной, чем та, на которой печатаются американские доллары. На краю купюр достоинством в 50 и 100 рублей должно быть высокохудожественное водяное изображение — портрет Ленина. Те, кто ставил задачу, не учли, что сверхпрочная бумага и портретный водяной знак при принятой технологии — вещи несовместимые. Наркомат объявил закрытый (секретный) конкурс на создание нового типа бумаги. Конкурс, изыскания — это одно, а ведь еще предстояло совсем уж невероятное: в очень короткий срок на всей территории Советского Союза произвести обмен огромной массы курсирующих денег на новые деньги. Такая операция в истории еще не встречалась. Над созданием новых образцов работали по 10 — 12 часов в сутки. Но впереди, оказывается, ждало самое тяжелое: вдруг... пошёл большой брак! А время поджимало, времени вообще не было. Обстановка сделалась чрезвычайно напряженной. Её к тому же, как могли, усиливали ничего не понимающие в производстве гознаковские комиссары, по-своему, по-чекистски докладывая в НКВД состояние дел, к тому же еще сильно преувеличивая неудачи. В то время возможность срыва специального задания правительства, имеющего общегосударственное значение, угрожала самой тяжелейшей расплатой. 6 апреля 1947 г. министр финансов уведомил, что их с Мудриком вызывает в Кремль Лаврентий Павлович Берия. «Домой мы не вернемся», — подумал отец, входя в Кремль через ворота Спасской башни. В кабинете Берии оказалось много народа. Министр госбезопасности Абакумов, министр внутренних дел Круглов и еще многие высшие чины. Здесь же был и начальник НКВД, который командовал гознаковскими комиссарами, да и сами комиссары тоже. Берия такой, каким его все знали по портретам, в старомодном пенсне. Докладывал мой отец. Он постарался как можно убедительнее обрисовать то, что происходит на Гознаке. Он понимал — либо сейчас, на этом совещании, удастся добиться решения об оказании Гознаку правительственной эффективной помощи, либо дело будет загублено, и они, руководители фабрики, просто погибнут. Когда отец закончил, Берия злобно бросил: «Копаются, как жуки в навозе, и никто им не помогает». И грубо выругался. «И знайте, товарищ Мудрик, если вы сорвете дело, ответите головой!». Затем Берия распорядился вызвать министра целлюлозно-бумажной промышленности и министра кинематографии и фотохимической промышленно-

сти. В 10 часов вечера Берия объявил, что уходит, но вернется в 3 часа ночи, и к этому времени проект постановления должен быть готов. К приходу Берии работу удалось вчерне завершить. Усевшись в свое кресло, Берия придирчиво читал проект, делал замечания, что-то исправлял. К пяти часам утра работа была закончена, и Берия велел всех отпустить. Домой из Кремля отец вернулся.

А к назначенному сроку задание по выпуску новых денег было полностью выполнено. Но новые испытания стояли уже на пороге. Среди курсирующих в стране денег начали появляться бракованные купюры. В то время министром государственного контроля был Мехлис, по его инициативе была образована правительственная комиссия для расследования вопроса о бракованных деньгах и установления виновных. Вскоре комиссия сделала свое заключение, и был назначен новый министр финансов — Косыгин, остававшийся при этом заместителем председателя Совета министров. А мой отец «осмелился» не поладить с ним по какому-то производственному вопросу и вынужден был уйти из Гознака. До середины 1989 года Виктор Иосифович Мудрик работал главным инженером Мосгипробума, строил бумкомбинаты в нашей стране, в Гане, на Кубе.

ЦЕНТР ЕВРОПЫ. РАЗГАР XXI ВЕКА

(Документальный рассказ)

На голом холодном полу, закутавшись во что попало, лежат люди. Ни капли кипяченой воды, ни проблеска света. Голые грязные стены, пустой потолок без ламп, даже без намека на них. В щели оконных рам дует холод. Где мы?.. В центре Европы. В разгаре XXI века. Нет войны, нет бомбежек, не летят осколки, не стреляют... А мы ночью лежим на голом холодном полу, а у нас темнота, а у нас нет электричества, а у нас нет ни капли кипяченой воды, а у нас нет ничего.

«Все будет, все будет, — утешают покорные соседи, — Мы тоже через это прошли. Все сделали сами. И вы сделаете! Потерпите!».

И мы терпим, терпим. (Позвольте, милые, какое у нас тысячелетие на дворе?..).

Утром, поднявшись с пола, бегут (кто может!) в магазины покупать лампочки и хоть какой-нибудь прибор для разогрева пищи. А как все это установить и подвесить лампы на пустой потолок? Если ты всего-навсего (недавно еще!) известный профессор или высокообразованный ученый-гуманитарий. Если ты наизусть знаешь чуть ли не всего Гейне, но вот незадача — голый потолок без лампочек почему-то не входил в рамки твоего высшего образования. Нанять рабочих? Но чиновники могут поинтересоваться: а где же вы взяли деньги на оплату?

Нет войны, нет бомбежек, не палят зенитки, не воет сирена воздушной тревоги. Холод, пустота, темнота...». Ничего, потерпите немножко!». А я не хочу терпеть! Я все это уже терпела, когда ваши старшие родственники бомбили Москву! А вы, современники, не выдаете голландцам гитлеровского бандита, эсэсовца, на счету которого более полутора десятка собственноручно убитых евреев. Вы нарушаете мировой закон: Нет срока давности для военных преступников (см. русскоязычную газету «Форум». 2011 г., лето, Кельн). И живет эта сволочь в тепле, со светом и на полу не спит ни одной ночи. А недавно подохшего известного военного преступника Ивана Демьянюка вы поместили «на отдых» в дом престарелых под Франкфуртом-на-Майне в комфортабельные условия с полным обслуживанием. Зато ваш соотечественник адвокат фон Ренессе преследовался властями (и, кажется, даже был уволен с работы) за то, что защищал работавших детьми в гетто евреев. Им отказывались давать прибавку к пенсии, потому что не нашлось справок об этой работе. (Pardon, а кто должен выдавать такие справки — Гитлер?..).

«Потерпите немного, ну всего недели три, ну, может, четыре... Потом все как-то ведь налаживается» — утешают сердобольные законопослушные эмигранты с пониженным градусом чувства собственного достоинства. А я не желаю терпеть! *Я* из столицы великого государства. *Я* — дочь народа победителя! На пятый день квартирной блокады хватаю билет на самолет...

Вообще в этой свободной стране нередко можно наблюдать странное смещение понятий — слово «безобразие» почему-то иногда заменяется словом «демократия». К примеру, громкое, до крика, до звона в ушах общение молодых людей в трамвае — это, видите ли, всего-навсего демократия. И попробуйте такому вседозволенному хамству сделать замечание! В Москве, в Петербурге — мы к такому не привыкли. *Я* живу в цивилизованной стране.

Но, пожалуй, самый гнойный нарыв этой так называемой демократии — гомосексуализм. И даже не сам по себе. Да черт с ними, с этими геями, пусть совокупляются как хотят. Да пусть хоть головой, хоть чем угодно об стену бьются, но давать в такие узаконенные «семьи» детей на воспитание... Уродовать ребенка!.. Да что вырастет из него в подобной с позволения сказать, «семейке»?..

Демонстрации обнаглевших геев у нас в Москве забрасывают мусором, грязью, тухлыми яйцами. Это, конечно, совершенно недопустимо, хулиганство это... Но давать им детей на воспитание — нет, это хуже, пострашнее, чем тухлые яйца. И куда же, куда смотрит католическая церковь?..

И вот, наконец, я в Москве. Вокруг все свои! И я люблю их. И они меня тоже любят. Только они не знают об этом.

Борис ЯКУБОВИЧ

ПОТОМКИ КАРАИМА

* * *

С утра 22 января 1671 года неумолчный и торжественный колокольный звон, разносившийся по зимней Москве, призывал всех жителей Первопрестольной и дорогих заморских гостей разделить великую радость самодержца Всея Руси, государя Алексея Михайловича, идущего тем днем под венец с 20-летней красавицей Натальей Кирилловной Нарышкиной.

После кончины предыдущей супруги монарха, плодовитой Марии Ильиничны Милославской, подарившей Алексею Михайловичу, аж 13 детей, прошло, почитай, два года — время вполне достаточное для соблюдения траурного помина. Правда, пышущая здоровьем и молодостью, новая избранница рода была не столь знатного, как усопшая, прямо скажем, захудалого рода, зато имела родню многочисленную, крепкую, до царских милостей и наград охочую, в дворцовых склоках не участвовавшую, будет царю на кого опереться в многотрудных делах его.

Но где же государь сподобился найти свою суженую?

Согласно официальной версии, знакомство царя с юной красавицей произошло в доме боярина Артамона Сергеевича Матвеева — талантливого дипломата, военачальника, да и человека широко образованного. Согласно той же версии, будущая царица воспитывалась в доме Матвеева вместе с его детьми и, видимо, там же обучалась грамоте и иным полезным вещам. Боярин Матвеев имел большое влияние на государя, поскольку Алексей Михайлович во всем следовал его советам, а в письмах просил находившегося в частых отлучках сановника «поскорее возвращаться, так как царь и дети без него осиротели».

Таким образом, юная протеже государева любимца легко преодолела конкуренцию со стороны прочих претенденток на царскую опочивальню.

30 мая 1672 года утреннюю тишину столицы вновь всколыхнул веселый перезвон колоколов, возвестивший о рождении первенца в новом браке государя Алексея Михайловича — на белый свет появился будущий великий император и преобразователь России Петр Алексеевич. Чадолюбивый самодержец так привязался к сыну Натальи Кирилловны, что повелел изготовить для него крохотную золотую карету, в которую впрягались самые маленькие пони, а сопровождал карету почетный эскорт из пышно разодетых карликов.

Увы, эта идиллия продолжалась недолго, ибо в январе 1676 года «тишайший» царь скончался. Освободившийся престол унаследовал его старший сын от Марии Милославской — Федор, который очень быстро отстранил от двора батюшкиного любимца боярина Матвеева и всех Нарышкиных. Пройдут долгие 13 лет, прежде чем вдовствующая царица и один из ее уцелевших в гонениях братьев Лев Кириллович займут подобающие места у трона Петра I-го.

НА СЛУЖБЕ РОССИИ

Разброс мнений относительно этнического происхождения караимов очень значителен. Одни ученые переводят самоназвание этой секты с еврейского языка, как «читающие», другие усматривают в нем тюркское понятие «чернокнижники», третьи — такие, как известный археолог и коллекционер Фиркович, полагают, что корни караимов следует искать в исчезнувших десяти коленах Израиля. Так или иначе, но едва ли можно отрицать исторический факт, что основателем секты караимов в конце VIII века был некий еврей Анан бен Давид — личность чрезвычайно яркая, харизматичная и властолюбивая, которому удалось объединить остатки всех прежних, многочисленных иудейских сект на основе полного отрицания раввинистическо-талмудических традиций.

Не подлежит сомнению, что в чисто этническом плане сообщество караимов первоначально являлось исключительно еврейским и, лишь впоследствии, к нему примкнуло большое количество хазар из разгромленного Каганата и другого тюркского элемента. Первые скудные сведения о караимах на территории южно-русских областей имеют место с конца XII века, о чем сохранились записки некоего Петахии -— путешественника из немецкого Регенсбурга. Настоящая же иммиграция караимов, наряду с татарскими евреями «крымчаками», случилась после завоевания монголо-татарами Таврического полуострова в середине XIII века. В течение двух последующих столетий караимские общины Крыма, вошедшие в тесный контакт с исконно иудейским населением, значительно продвинулись в интеллектуальном и техническом освоении окружающего мира, став весьма заметным этносом Причерноморья.

Именно таким, пассионарным и достаточно образованным, во всяком случае, по меркам своей общины, в Москву из Крыма, на службу к великому князю Ивану III в 1465 году прибыл молодой караим Мордехай по прозвищу Курбат, что в переводе с арабского звучит возвышенно «близкий к Богу», а на тюркском языке весьма обыденно «невысокий, низкорослый». На службе великому князю толковый, энергичный караим настолько преуспел, что через несколько лет был пожалован им высоким чином окольничего, т.е. придворного из близкого окружения, ведавшего поездками своего властителя, а также организацией переговоров с иностранными послами. Возможно, с легкой руки самого Ивана Васильевича Мордехай и получил новое прозвище «Нарыш» (уменьшительное — Нарышко), что

означало «мужественный». Надо полагать, что для подобной характеристики своего слуги у великого князя имелись веские основания. Это прозвище так и закрепилось за высокопоставленным караимом, постепенно трансформировавшись в фамилию Нарышкин.

Внук Мордехая — Исаак, несмотря на юность, успел послужить Ивану III в последние годы его правления, за что и был пожалован поместьем в переяславльской волости. У этого Исаака был сын Григорий и три внука Семен, Федор и Иоаким. Сын первого из них — Иван Семенович в 1528 году был пожалован грамотой от великого князя московского Василия III и пребывал в чести, а спустя годы, в памятном 1552 году при взятии Казани ратью, ведомой молодым Иваном Грозным, геройски погиб под стенами последней цитадели Орды.

Немало отличий имели и ближайшие потомки первых Нарышкиных: один владел крупными вотчинами под Рязанью, другой возглавлял стрелецкий полк, третий был отмечен благодарственной грамотой царя Василия Шуйского.

Родоначальником родовой ветви, которой, Божьим соизволением, суждено было открыть новую, яркую страницу отечественной истории, стал тарусский помещик Полиевкт Иванович Нарышкин, владевший крупным земельным наделом аж в 414 четвертей. Во время войны России с Речью Посполитой, начавшейся после вхождения Левобережной Украины в состав русского государства в 1654 году, Полиевкт Иванович был убит в сражении под Смоленском. Павшему за родину тарусскому помещику наследовал его старший сын Кирилл. Начав службу скромным стряпчим, он вскоре сделался ротмистром полка тяжелой кавалерии (рейтаров), в ту пору еще довольно экзотического рода войск для России, а к 1666 году дослужился до чина стрелецкого полковника. В этой весьма гладкой и стремительной карьере ему немало поспособствовал Артамон Сергеевич Матвеев, в те годы возглавлявший Стрелецкий Приказ. Женившись на скромной мелкопоместной дворянке Анне Леонтьевой, Кирилл Полиевктович произвел от сей многоплодной особы семерых детей и, среди прочих, будущую царицу Наталью Кирилловну.

Как только государь Алексей Михайлович отпраздновал свадьбу с юной Нарышкиной, он немедленно возвел счастливого тестя в боярское достоинство, которое благородный отец сумел благополучно сохранить до конца своих дней.

ФАНТАЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Прежде чем вернуться на прямую дорогу повествования, хочется задаться вопросом, а был ли глава семейства Нарышкиных, как, впрочем, и его отпрыски, осведомлен о корнях своего рода, о его, с позволения сказать, истоках? Скорее всего, надо думать, что эти сведения тщательно замалчивались, поскольку их огласка явно не могла принести им никакой славы. Практически ничего не добавляет к этим рассуждениям и изучение родового герба Нарышкиных, в котором присутствуют черный, одноглавый орел, три страусовых пера и золотая решетка. Разве что, поддерживающих щит гордых львов, при наличии богатого воображения, можно рассматривать, как некую реминисценцию, как древний символ колена иудеев, который изображался на штандарте этого племени во время Исхода из Египта.

Для того, чтобы попытаться нащупать путеводную нить в дальнейшем развитии этой темы, попытаемся представить совокупность некоторых доводов, полупроверенных утверждений в виде гипотетического диалога двух лиц, условно обозначенных, как Скептик и Оптимист.

ОПТИМИСТ: Государь Алексей Михайлович не мог не знать о корнях рода своей избранницы, поскольку все кандидатки в царские невесты проходили строжайший отбор, где непременно выяснялась вся их подноготная. Кроме того, после завершения русско-польской войны правительством «Тишайшего» были осуществлены некоторые послабления для еврейского населения, оказавшегося в России после присоединения Левобережной Украины.

СКЕПТИК: Послабления, в основном, касались еврейских торговцев, но они были крайне незначительны и имели место еще до знакомства царя с юной Нарышкиной. Что же касается нарышкинских корней, то в царских архивах того времени вряд ли могли находиться какие-либо сведения по этим вопросам. Несомненно одно — Алексею Михайловичу было невдомек, какие такие родословные корни у его будущей жены.

ОПТИМИСТ: Пусть будет так, но ведь хорошо известно, как «Тишайший» благоволил своему придворному лекарю еврею Стефану фон Гадену, а это о чем-то говорит.

СКЕПТИК: В первую очередь фон Гаден являлся личным врачом все того же всесильного Артамона Матвеева. За кого Матвеев царю ручался, тот ему и люб был. Кстати, насчет юной Нарышкиной. Князь Куракин вспоминал о ней, как о «деве доброго темпераменту, токмо не прилежной и не искусной в делах, и ума легкого».

ОПТИМИСТ: Хочу обратить Ваше внимание на следующее обстоятельство. Представляется возможным, что какие-то генеалогические флюиды Мордехая Нарышки могли присутствовать у его великого потомка Петра I. Иначе чем можно объяснить его безоговорочное доверие к Шафирову, которого он возвел в высочайший сан вице-канцлера, присвоив своему любимцу титул барона.

СКЕПТИК (прерывая)... А в конце жизни едва не казнил барона Шафирова — своего «любимца», отправив его со всей семьей в новгородскую ссылку.

ОПТИМИСТ: Но Вы забываете, что через несколько дней после кончины государя Петра Великого, несмотря на яростное противодействие своего фаворита, фактического правителя России князя Меншикова, императрица Екатерина I не только возвратила Шафирова из ссылки, но и назначила его президентом коммерц-коллегии!

СКЕПТИК (подозрительно) А это Вы к чему?

ОПТИМИСТ: Вы когда-нибудь видели прижизненные портреты Екатерины, выполненные кистью, скажем, Наттье или Моора? Нет? Жаль! Жаль! Дело в том, что в чертах лица этой царской супруги, право, есть что-то весьма специфическое. Да, впрочем, это совсем не удивительно для девицы Марты — дочери литовского крестьянина Самуила Скавронского. Как не удивительно и то, что именно она так приглянулась царственному сыну Нарышкиной...

...Здесь представляется уместным прервать этот несколько затянувшийся диалог, ибо некоторые рассуждения участников полемики могут завести нас слишком далеко.

Пожалуй, стоит закончить предлагаемую статью еще несколькими фактами из жизни рода Нарышкиных. Любимый брат Натальи Кирилловны — Лев, вплоть до своей смерти, последовавшей в 1705 году, являлся одним из самых почитаемых сановников России и возглавлял престижнейший Посольский приказ. Его внук — Лев Александрович бы камергером и шталмейстером (ведал царскими конюшнями) сначала у Петра III, затем при дворе Екатерины Великой. Внучка Льва Кирилловича — Екатерина Ивановна сделалась супругой родного брата фаворита императрицы Елизаветы Алексея Разумовского — Кирилла, который, как известно, был гетманом Украины. Сын Льва Александровича — Александр Львович являлся обер-гофмаршалом (главным снабженцем двора) при Павле I и обер-камергером Александра I. Среди его племянников присутствует некий Эммануил, пребывавший в чине гофмейстера (ведавшего придворным церемониалом).

Продолжая установившуюся традицию, его сыну Кириллу Александровичу был пожалован титул обер-гофмаршала при дворе Николая I. Но не только трепетным служением помазанникам российского престола отмечен славный род Нарышкиных. Широко известен и оппозиционер монархическому режиму, полковник Тарутинского полка, видный декабрист Михаил Михайлович Нарышкин, принимавший активное участие в создании Московского отделения Северного общества и приговоренный к 8 годам каторжных работ.

Младшая ветвь фамилии Нарышкиных не угасла и до нашего времени.

Марина ЛЕВИНА

НЕ БЫЛО БЫ ВООБЩЕ ПОНЯТИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ, ЕСЛИ БЫ НЕ ЦЕРКОВЬ...

Летом 2012 года в Москве прошёл «Съезд потомков российских героев Отечественной войны 1812 года». Приехали более трёхсот делегатов из России, США, Канады, Сербии, Чехии, Украины и, конечно же, Франции: потомки Кутузова, Барклая-де-Толли, Милорадовича, Тучкова и многих известных и малоизвестных героев 1812 года.

Предлагаем вниманию читателей два интервью Марины Левиной, на её вопросы отвечают: князь Александр Долгорукий и протоиерей Николай Солдатёнков.

I. *Князь Александр Долгорукий, потомок основателя Москвы, французский кинодокументалист, почетный член жюри кинофестиваля «Русское Зарубежье», автор около двух десятков фильмов. Последние десять лет он снимает кино о России, открывая для себя все новые грани российской истории.*

— Что движет Вами? Память о родителях или какая-то другая причина?

— Сначала это было, безусловно, связано с моей семьей, моими родителями и трагедией русской революции. Теперь же просто любопытство: что это за страна такая? Я как-то ехал в Омск на поезде. Было ужасно скучно, кругом пустота, пустота, поля, леса невыразительные, и это продолжалось очень долго, и вдруг... какой-то человек вдалеке. Кругом нет населенных пунктов — ничего вообще. И он идет неведомо откуда — неведомо куда. Вот эта картинка врезалась мне в память.

— Вы снимали документальный фильм о православии. У вас какое-то особое отношение к этому?

— Нет, просто все мое детство, вся жизнь эмигрантов — это русская Церковь, мы жили раньше полностью в этой атмосфере. Не было бы вообще понятия русской эмиграции, если бы не Церковь, не православие. Для меня это даже не вопрос веры или религиозности — это был вопрос жизни. Поэтому мне хотелось войти заново в этот мир.

— Я понимаю, что для русской эмиграции Церковь являлась объединяющей силой. Но здесь, в России, такой атмосферы не было, она уничтожалась. А как сейчас, на ваш взгляд, Церковь объединяет людей?

— Мне приходилось снимать Святейшего Патриарха и праздничные помпезные богослужения с присутствием первых лиц России, и мне показалось, что православная Церковь сейчас — как новая администрация.

— Ну, а, может, лучше было бы снимать где-то в глубинке?

— Да, когда я снимал в глубинке, всегда из этого получалось что-то интересное, а вот в Москве — чаще всего лишь красивые картинки... Нужно показывать историю через народ, через конкретных людей, их рассказы. Меня больше всего интересует человек в истории.

— Когда вы заинтересовались историей своего знаменитого рода?

— Мои родители умерли в 1998 году. Они ушли, оставив меня с множеством вопросов, на которые надо было найти ответ. И тогда я начал снимать кино о Долгоруких, путешествовать, общаться с историками. Мне не интересно просто приезжать в Россию, родину моих предков — мне важно понимать, зачем я здесь. Я не люблю бесцельно гулять по улицам, смотреть на фасады — я не турист. Мне интересны кулисы и «черный вход». А это огромная разница.

— В вашем фильме «Анкета. Фамилия Долгорукий», который был создан при поддержке московской мэрии, вы путешествуете в Крым, на родину Вашего отца. Расскажите об этом.

— Мой отец, Александр Долгорукий, родился в Кореизе, недалеко от Ялты. Кстати, во Франции есть созвучный департамент Коррез, откуда родом президенты — Жак Ширак и Франсуа Олланд. Так вот, Крым мне очень понравился, за исключением моря. Люди понравились — очень чуткие, внимательные. Директор исторического музея была удивлена моим появлением. Она считала, что род Долгоруких прервался. Мне показывали документы, фотографии из архива, вещи моей семьи и многое другое. Я объездил все от Севастополя до Ялты, был в Киеве, в Киево-Печерской Лавре, где находятся останки князя Юрия Долгорукого. Вообще, поиски Долгоруких — это очень непростая история: один дядя умер в Швейцарии, не оставив наследников, другой уехал в Аргентину и пропал. Больше никого нет.

— А что за романтическая история с княжной Екатериной Долгорукой?

— Снимая фильм о Долгоруких, я почти ничего не знал о своих предках, и все было для меня открытием. Историки Санкт-Петербурга провели для меня целый экскурс в историю рода. Екатерина Долгорукая была любимой женщиной императора Александра II. Эта история любви трагична и фатальна. Они встречались в течение пятнадцати лет, и после смерти своей супруги император женился на Екатерине Долгорукой. К сожалению, его жизнь оборвалась через девять месяцев после свадьбы. На Александра II было совершено семь покушений.

— Сейчас много говорят о возрождении России, ее особой роли — что это значит для Вас?

— Что это значит? Да простые вещи: работа, профессионализм, семья, дети, свой дом. Мне каждый раз задают вопрос о русских традициях, духовности — Боже мой! Мне нравится русская литература. Правда, со временем вкусы меняются, и если в юности это был Достоевский, то сейчас — Бунин, Чехов. Они рассказывают потрясающие истории. Но все эти разговоры про особую роль России...

— О чем будет ваш следующий фильм?

— Следующей темой будут «Евреи в России». Это довольно непростой вопрос, и до сих пор с некоторыми людьми сложно говорить об этом.

— Почему?

— Не знаю, хочу понять. Это ведь тоже история русской культуры — художники, поэты, писатели, музыканты.

Также я планирую снять фильм о Марии, о Богоматери, показать жизнь и быт того времени, ведь она была простой еврейской девушкой. И закончить фильм 24 декабря — перед рождением Христа.

— Вы будете беседовать с потомками?

— Вы шутите? Да, действительно, в России — если не шутить, то умирать. У евреев, вот, тоже большое чувство юмора. Видимо, это свойство всех народов с трудной историей и судьбой. Весь XX век — это трагедия для России, не было времени за этот период, когда можно было бы жить спокойно, безопасно, это хочется забыть, потому что очень тяжело об этом думать.

— Вы сами пишете сценарии для своих фильмов или вам кто-то помогает?

— Сам, конечно. Чаще всего я просто пишу синопсис и составляю приблизительный план. В жанре документального кино писать сценарий — это нонсенс, всегда есть элемент спонтанности. Может быть, в России обычно принято разделять должности режиссера и сценариста. Я же их совмещаю.

— А как вы подбираете операторов? Есть какие-то постоянные соавторы?

— У меня обычно целая группа операторов: из Франции, России, Швейцарии и так далее. Каждый раз могут быть разные люди — главное, чтобы они хорошо работали и были профессионалами в своем деле. Фильмы снимаются в различные периоды времени, в разных странах — поэтому задействовано немало людей. Например, на фильме «Мир по Газпрому», работали семь операторов. Идея фильма была моя, а заказчиком выступил европейский канал «ARTE».

— В России всегда был интерес к культуре Франции: к кино, шансону, к искусству Франции в целом. Русскому человеку, возможно, не хватает французской легкости и умению радоваться жизни?

— Согласен. Русское кино — это почти всегда драма. Некоторые пристрастия русских мне кажутся странными... Например, Мирей Матье во Франции не имела такой бешеной популярности, как здесь. Русские зрители любят французские мелодрамы, а мне это скучно, неинтересно. Одни из моих любимых режиссеров — это Джон Кассаветис и Орсон Уэллс.

— ***А что доставляет вам удовольствие, что вам нравится?***
— Удовольствие? В четыре часа утра птицы начинают петь... Люди встречаются интересные. Вообще, удовольствие — делать что-то, а не бездействовать. Возраст помогает найти баланс, выделить главное — то, что действительно важно. Удовольствие в моем лексиконе — второстепенное слово. Оно связано с гедонистским отношением к жизни. Я получаю удовольствие, например, когда ребенок смеется.
— ***У вас есть дети?***
— Трое: две дочери и сын. Но они уже не дети, внуков пока нет, и мне катастрофически не хватает детского смеха.
— ***Вы так любите смешное?***
— Ну, конечно! Я вообще на все смотрю с иронией и провоцирую других на ломку стереотипов и условностей, мешающих людям жить. Как сказал Оскар Уайльд: «Жизнь — чересчур сложна, чтобы воспринимать ее всерьез». Но меня удивляют русские: с одной стороны — Пушкин, духовность, культура, а с другой — ужасная грубость на улицах. «Который час?» — и побежали. Ни «спасибо», ни «пожалуйста». Это не смешно.
— ***Как вам в Москве?***
— Этот город меня очень утомляет: в восемь вечера я уже чувствую себя полностью уставшим, хотя, бывает, что я ничего особенного не делал. Сама атмосфера — достаточно напряженная, перманентное состояние решения каких-то проблем — тут у всех проблемы. Поэтому мне очень жалко русский народ. Ведь не видно конца и края этим проблемам, как в государственном, так и в личном масштабе. Я бывал в разных городах России, и почти везде одно и то же. Пожалуй, за исключением Ростова-на Дону, где я снимал фильм о донских казаках «Саша — страна казаков». Вот они очень веселые — правда, много пьют.
— ***Вы были членом жюри кинофестиваля «Русское Зарубежье». Вы каждый год принимаете в нем участие?***
— Если бы я каждый год был членом жюри, я, наверное, не снял бы и половины своих фильмов. Это совершенно невозможно. Я неоднократно посещал фонд «Русское Зарубежье», и как-то раз мой приезд в Россию совпал с проведением фестиваля. Но мне гораздо интереснее работать самому. Я не сразу стал режиссером. Сначала я прошел почти все ступеньки, ведущие к этой профессии, начиная от журналиста и автора радиопередач, и заканчивая работой с документами, архивами, поиском тем для съемок документального кино. В какой-то момент мне надоело выполнять все эти роли, и я начал свою игру.
— ***А что для вас значат женщины, любовь?***
— Невозможно ответить так прямо. Это должно быть обязательным фактом в жизни — непременным условием — таким же, как интересная работа. Любовь и женщины — это так весело, как можно себя этого лишить! Это все равно, что жизнь без чувства юмора — ведь вы не задаетесь вопросом, нужен юмор или нет? Вообще, женщины мне кажутся гораздо жизнерадостнее мужчин. Для девочки засмеяться — как вдох-выдох, а для мальчика обязательно нужен повод.
Очень часто бывает так, что любовь сама по себе, а наша жизнь — сама по себе. Так вот, самое интересное — их соединить. Связать в единое целое эмоциональные переживания с тем, как существовать вместе. Пожалуй, не существует рецепта, как сохранить чувства, но есть один сакраментальный вопрос: что я делаю с этим человеком? И если на него нет ответа — отношения обречены. Самый неприятный момент, когда ты вдруг обнаруживаешь: все кончено, ничего больше между вами нет. Это секунды! Буквально, как поворот головы. Но я убежден, что кроме двоих, никто не знает, что между ними происходит — это тайна.

II.

Солдатёнковы — известный купеческий род. Из подмосковных крестьян-старообрядцев, миллионщики, выдающиеся благотворители и меценаты.

— ***Представьтесь, пожалуйста. Откуда вы приехали?***
— Я — Протоиерей Николай Солдатёнков. приехал из Франции. Мои предки были купцами I Московской гильдии. После ухода Наполеона из Москвы, все жители — дворянство, купечество и даже простые люди много жертвовали на перестройку и восстановление города. Мои предки не были исключением, чему я очень рад.
— ***Где у вас приход?***
— Я родился в Париже, а живу на юго-востоке Франции, в Бургундии. Сейчас разъезжаю по всей Франции, служу в храмах, где болен священник или совсем нет настоятеля. Это моя должность. И к моей большой радости десять лет назад я получил российское гражданство, теперь у меня двойное гражданство.
— ***Вы говорите абсолютно без акцента! Мне известна такая проблема эмиграции, как потеря родного языка даже в первом поколении.***
— Да, это больной вопрос. Но вы знаете, у меня трое детей, и я всегда старался говорить с ними по-русски...
— ***У меня тоже трое детей.***
— О, вы — молодчина. Но у меня еще одиннадцать внучат! У моих детей, конечно, смешанные браки, и внуки уже теряют многое от русской культуры, хотя мы и стараемся ее поддерживать — в первую очередь, русский язык. Но это, тем не менее, уже несколько другая культура.
— ***Как же вам удается это сохранять?***

— Мне повезло. Я успел застать эмигрантов первого поколения, мне много рассказывали о России, мои родители жили русской культурой.

— ***То есть это был достаточно большой круг людей — община эмигрантов?***

— Да, именно.

— ***Вы рады, что приглашены сюда?***

— Да, конечно. Я всегда старался спасать и передавать архивы из Франции обратно в Россию — все-таки это не только страницы истории русской эмиграции, но и вообще — история России. Чтобы о нас не забывали и не думали как о русских, покинувших свою Родину с набитыми золотом чемоданами. Хотя в реальности — русские дворяне уезжали зачастую с парой сменных рубашек...

— ***Этот миф уже развеян и известно, что по большей части, русские эмигранты бедствовали, ведь все имущество было оставлено в России.***

— Но, слава Богу, мы остались русскими...

Нина ДАВЫДОВА, *Дмитрий* ЦЕСЕЛЬЧУК

НОЯБРЬСКИЕ ДНИ 2012: САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — КРОНШТАДТ. АЛЕКСАНДР БЛОК И НИКОЛАЙ ГУМИЛЁВ

Петербург своим величием потрясает в любое время года. Город 3-х революций, как его принято называть и, на наш взгляд, неправильно: это город 5-ти революций (если понимать революцию как качественное изменение, скачкообразный переход от одного состояния к другому).

Первая революция связана с Петром, когда, собственно, и возник город на месте болот и деревень, объявленный столицей революционно изменённой, поднятой на дыбы, России. Указующий перст царя упёрся в это географическое пространство: здесь быть столице, жить и строить как в Европе, не по-московски. Санкт-Петербург — это воплощённая революция в камне! И в помыслах горожан?

Пятая революция должна была видоизменить Петербург, как и всю Россию, в 90-е годы прошлого века: бросок из социализма в капитализм. По неведомому стечению обстоятельств Питер архитектурно не пострадал от пятой революции в такой степени, как Москва. Новомодные из стали, пластика и стекла дома, как ножом вспарывающие архитектурный ландшафт Первопрестольной, в центральных районах второй столицы практически отсутствуют. Во всяком случае, нам на глаза старались не попадаться.

По-прежнему, тремя лучами расходятся от Адмиралтейства три центральных улицы, главная из которых, конечно же, Невский проспект. У Гостиного двора на Невском кипит экскурсионная жизнь, и мы решили, так вот «с улицы», без рекомендаций, узнать, о чём рассказывают питерские гиды, что же могут услышать жители и гости Санкт-Петербурга о Царском Селе, Кронштадте, Стрельне и т.д., ездить и ездить!..

Наш Союз литераторов ведёт начало своё от Союза поэтов, созданного в 20-е гг. 20-го века, председателями его были Александр Блок, потом Николай Гумилёв. Их творчество и жизнь пронизаны, вскормлены этой землёй. Гид показывает нам здание Дворца искусств, ДИСК, как здесь принято говорить. После октябрьского переворота 17-го года в огромном доме, ранее принадлежавшем купцам Елисеевым, создали центр помощи: литераторы спасались от голода и холода, работала поэтическая студия под руководством Гумилёва, в ДИСК часто приходил Блок. Как выживали, писали, создавали новые проекты — об этом можно прочитать в романе Ольги Форш «Сумасшедший корабль». Именно в ДИСКе был арестован по «Кронштадтскому делу» Гумилёв, об этом можно прочитать, например, в воспоминаниях Ходасевича. Но мемориальных досок нет.

Гумилёв родился, как известно, в Кронштадте. Ну, уж там-то есть мемориальная доска. Садимся в экскурсионный автобус, но гид ни слова не говорит о Гумилёве. В середине экскурсии изумляемся: «А как же без Гумилёва, а Кронштадтский мятеж?». Оказывается, этот экскурсовод никогда не рассказывает ни о поэте Гумилёве, ни о восстании. Ах, Кронштадт, Кронштадт, Коронный город, город-защитник, отмеченный своим яростным антибольшевистским восстанием, потопленным в крови ещё на заре советской власти.

Кронштадт известен и небывалым мужеством и не менее яростным сопротивление фашистам в годы осады окруженного со всех сторон Ленинграда. Его снятые с кораблей дальнобойные орудия не давали спокойно уснуть врагу, а воюющие на передовой матросы были пострашнее чертей для фашистов.

Нам повезло, что мы увидели возрождающийся Свято-Никольский Морской собор на Якорной площади, храм-памятник героям русского флота, построенный в 1913 г. по проекту архитектора Василия Антоновича Косякова. Зодчий взял за основу знаменитый храм Софии в Константинополе. Морской собор многое претерпел за годы советской власти, а автор храма умер в С-.Петербурге от голода.

Удивлённые отсутствием значимых мемориальных досок, мы решили обратиться со страниц «Литературных известий» в одну из старейших газет России «Кронштадтский вестник» («КРОНШТАДТСКІЙ ВЕСТНИКЪ»). В июле 2011 г. газете исполнилось 150 лет.

Главному редактору А.П. Макаровой

Уважаемая Анна Петровна!

Нам посчастливилось этой осенью побывать в Кронштадте, полюбоваться Финским заливом, подышать целебным кронштадтским воздухом. Но мы удивились, что нет памятных досок уроженцу города Николаю Степановичу Гумилёву, нет улицы его имени. А нынешние имена некоторых улиц в дрожь приводят!.. А есть ли улица В.А. Косякова? Пытается ли «Кронштадтский вестник» восстановить справедливость, важно ли это для жителей Кронштадта?

С уважением, члены Союза литераторов России.

Анна МАКАРОВА

ЧТО ДЕЛАТЬ НАМ С БЕССМЕРТНЫМИ СТИХАМИ?

* * *

Один из авторов материала «Ноябрьские дни 2012: Санкт-Петербург – Кронштадт. Александр Блок и Николай Гумилёв», опубликованного недавно в газете «Литературные известия», московский публицист Нина Васильевна Давыдова позвонила в редакцию «Кронштадтского вестника» и поделилась своими впечатлениями от поездки в наш город.

Впечатления у нее, как и у других членов Союза литераторов России, бывших вместе с ней в этой поездке, – противоречивы. С одной стороны, Кронштадт московских литераторов порадовал, с другой... Нет, пересказывать наш разговор на страницах «КВ» не буду – читайте сами, мы публикуем сегодня материал из «Литературных известий» полностью.

Надеемся, нашим читателям, как и нам, будет интересен этот неравнодушный взгляд на наш город со стороны...

Пройдем ли по Николаевскому?..

А через несколько дней после того разговора на электронную почту «КВ» – kronvest@mail.ru – пришло письмо: «Нам, членам Союза литераторов России, понравилась Ваша газета, темы, которые в ней поднимаются. Особенно все, что касается нашей истории. История Москвы, Кронштадта – это же наша общая история. И в газете «Литературные известия» № 10 (90), 2012 мы поместили небольшой материал, в конце которого есть обращение к Вам...».

Найти в интернете сайт «Литературных известий» труда не составило – действительно, в конце материала о поездке в Петербург и в Кронштадт, о Блоке и Гумилёве, о кронштадтских улицах и Морском соборе – обращение к редактору«КВ».

И впечатления о Кронштадте московских литераторов, и их материал о поездке, и обращение в газету оказались созвучны многим и многим нашим публикациям.

О возвращении улицам исторических имен «Кронштадтский вестник» писал на протяжении многих лет. И не только писал – проводил общественные опросы, круглые столы, дискуссии, собирал подписи под коллективными письмами. Вместе с православными россиянами мы требовали вернуть имя Николаевскому проспекту, убрать из Кронштадта имена палачей. Что-то сделано. Владимирской улице в начале перестройки, когда еще Владимирский собор стоял в руинах, вернули имя кронштадтские власти, площадь Революции вновь стала Якорной; перед юбилейными торжествами в честь 170-летия со дня рождения святого праведного Иоанна Кронштадтского с помощью православной общественности Санкт-Петербурга в топонимику Кронштадта удалось возвратить имена Посадской и Андреевской улиц. Но дальше все застопорилось. Проспект Ленина стоит насмерть (его защитники, разумеется, имеются).

«Пройду по Николаевской, сверну на Исторический и на Соборной улице я постою в тени...» – материал под таким заголовком был опубликован в «КВ» № 37 за 2003 год. Тогда Топонимическая комиссия Петербурга, в связи с грядущим 300-летием нашего города, сама(!) предложила вернуть кронштадтским улицам исторические названия. «Как относятся кронштадтцы к этому предложению?» – именно с таким вопросом мы обратились к нашим читателям в 2003 году. Дискуссия на страницах городской газеты, помнится, развернулась жаркая. На нас обрушился буквально шквал телефонных звонков и писем. Люди не только писали и звонили, но даже приходили в редакцию со своими аргументами, письмами, старинными конвертами и открытками, фотографиями. Тема оказалась близка каждому. Мнения разделились. Одни – категорически «ЗА». Другие – не менее категорически «ПРОТИВ». Причем основной спор разгорелся вокруг главной улицы города – Николаевского проспекта. К сожалению, уникальный исторический шанс кронштадтцы в 2003 году упустили.

Новый всплеск эмоций вокруг наболевшей темы произошел в конце 2008 года, в канун 180-летия со дня рождения святого праведного Иоанна Кронштадтского. Тогда к кронштадтцам через газету «Кронштадтский вестник» обратилась православная общественность Санкт-Петербурга (Общество защиты отечественной истории и культуры, Александро-Невская лавра, Славянский Международный Союз, Православный центр духовного возрождения Санкт-Петербурга, Андреевский Союз, Александро-Невский Союз молодежи, Общество «Православные ученые Санкт-Петербурга», Межвузовская Ассоциация «Покров»): «...Этот вопрос, начиная с 1999-го года, поднимался российской, петербургской и кронштадтской общественностью неоднократно. На страницах городской газе-

ты “Кронштадтский вестник”, периодической печати Санкт-Петербурга, России проходили дискуссии на эту злободневную тему. За годы, прошедшие с 1999-го года, собраны подписи видных российских деятелей науки, искусства, культуры; общественных деятелей. Собраны тысячи подписей кронштадтцев, петербуржцев, москвичей и жителей других городов нашей Родины.

...Инициативу возвращения исторических наименований улицам Кронштадта горячо поддержал в свое время академик Д. С. Лихачёв...». «...Уважаемые кронштадтцы, Вы живете в уникальном святом городе. У вас есть Небесный покровитель и заступник перед Богом святой праведный Иоанн Кронштадтский. Сейчас в вашем городе возрождаются великие святыни, беречь которые мы обязаны все вместе. Давайте вернем улицам Кронштадта их исторические наименования!..». Заканчивалось это обращение словами: «Нужно отчетливо понимать, что имена, которые носят улицы города, продолжают влиять на его судьбу. А у Кронштадта должна быть судьба, достойная его великого и славного прошлого».

К сожалению, и эти усилия пропали втуне. Единственный их результат — это то, что сегодня, наряду с нынешним именем улицы, на табличке можно прочесть ее бывшее название, от чего тема стала еще острее, еще больнее. Больнее от присутствия этого слова — «бывший»: «Проспект Ленина. Бывший Николаевский проспект». Ныне, чтобы попасть к Николаевскому (так его называли в народе до революции) Морскому собору, полная реставрация которого завершится в 2013 году, нужно пройти или проехать по проспекту Ленина и улице Советской. Можно еще подойти со стороны Коммунистической улицы. Кронштадт — город исторических парадоксов...

«Умру я не на постели...»

Действительно, возразить московским литераторам нам, кронштадтцам, нечем. В Кронштадте — городе-порте кругосветных путешествий, где так органично звучат гумилёвские «Капитаны»:

«На полярных морях
и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал
и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.
Быстрокрылых ведут
капитаны,
Открыватели
новых земель...», —

нет ни памятника, ни мемориальной доски, ни улицы, посвященных Николаю Гумилёву.

Судьба поэта с нашим городом пересекалась дважды — в самом начале и в самом конце жизненного пути. Он появился на свет в Кронштадте, в доме Григорьевой на Екатерининской улице, в семье корабельного врача, 15 апреля (по новому стилю) 1886 года. По ложному обвинению в причастности к Кронштадтскому мятежу был расстрелян в 1921-м...

В «Кронштадтском вестнике» № 20 от 18 мая 2004 года опубликовано Распоряжение Администрации Санкт-Петербурга от 23.10.2001 года: «В связи с предстоящим празднованием 120-летия со дня рождения поэта и путешественника Николая Степановича Гумилёва, учитывая его выдающиеся заслуги перед российской словесностью, принимая во внимание ходатайство ленинградской областной общественной организации “Мемориал поэта Н.С. Гумилёва”, поддержанное Территориальным управлением Кронштадтского административного района СПб, установить в 2006 году памятник-бюст Николаю Степановичу Гумилёву по адресу: город Кронштадт, Якорная площадь, дом 2 а...».

Как видите, и адрес уже был определен, и привязка к местности совершена, но этот памятник так и остался лишь на бумаге.

P. S. *Улицы имени создателя Морского собора В. А. Косякова в Кронштадте тоже нет.*

Нина ДАВЫДОВА

КАК НАЗОВЁШЬ КОРАБЛЬ, ТАК ОН И ПОПЛЫВЁТ

А если город? Волгоград — это, всем ясно, город на Волге. А если переименовать в Сталинград? Как писал поэт, тогда «покой нам только снится», а уж про «вечный бой»... — не устали ли, люди? Вихри переименований неслись вперехлест по всей нашей Родине с 1917 г. Детей стали называть нечеловеческими именами: Слачена (слава челюскинцам), Агитпроп, Дрепанальд (дрейф папанинцев на льдине), Лестабер (Ленин, Сталин, Берия), Непрерывка (непрерывная пятидневная неделя), Эркома (эра коммунизма), подобный перечень-ужас, к сожалению, можно продолжать. А вспомните, как в Питере переименовали Невский проспект. Потом одумались. А сколько в последние годы Москве вернули старых названий, хотя и не сразу, даже выросло поколение, сросшееся с улицами Горького, Воровского, с Пионерскими прудами. А сейчас-то можно повторять вместе с Пушкиным да Толстым: Тверская, Поварская, Патриаршие пруды.

В ЛИ № 10 (2012 г.) мы начали разговор о переименованиях, даже обратились в газету «Кронштадтский вестник»: как там у них с названиями улиц? Ответ главного редактора Анны Макаровой «Солнце останавливали словом, словом разрушали города...» был напечатан в ЛИ № 12 (2012 г.).

Интересно, что не только в Кронштадте, но и во многих других городах, часто перпендикулярно пересекая друг друга, до сих пор сохранились улицы Розы Люксембург и Карла Либкнехта. В Тарусе, к примеру, даже Дом-музей семьи Цветаевых стоит на ул. Розы Люксембург. А неподалеку — центральная улица до сих пор носит имя Ленина. Как и в очень, ну просто очень многих других старинных русских городах.

А вот Кашин, кроме перечисленного набора, сохраняет и своеобразие, там есть улицы: Смычка, Красных Идей, Профинтерна. Такие «кашинские» названия даже интересны для истории, мы понимаем, что образованный человек так назвать улицу не смог бы, этот подарок нам — от шариковых.

К нашему обсуждению присоединяется Василий Манулов с рассказом о переименовавшим улицу в своем городе Владимире Коркунове-старшем.

Василий МАНУЛОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИМЕНИ УЛИЦЕ ТРОИЦКАЯ

Улица Троицкая появилась в Кимрах в середине XIX века и была названа в честь Троицкого соборного храма, объединенного с Покровским собором (они были разрушены в середине 1930-х годов). На месте взорванного в 1936 году Покровского собора вырос драмтеатр (ныне Кимрский государственный театр драмы и комедии). Так сложилось, что основная часть Кимр (располагавшихся тогда на левобережье Волги) называлась в народе Троицкой, а зареченская, отделенная речкой Кимркой, — Вознесенской, в честь Вознесенского храма. Исконное название улица Троицкая хранила вплоть до драматических событий 1917 года. После революции она была переименована, и получила имя Розы Люксембург (немецкой революционерки).

Во время горбачёвской перестройки и потом, в первые годы правления Б.Н. Ельцина, страну охватили новые веяния. Народ вздохнул свободнее (правда, надежды людей на счастливое и справедливое демократическое будущее, в основном, не оправдались). Но в это время можно было, наконец, задуматься о возвращении улице первоначального имени.

С 1985 года в Кимрах существовал Клуб краеведов, бессменным председателем которого в течение 22 лет (вплоть до ухода с должности по состоянию здоровья) был Владимир Иванович Коркунов. Он же задумал в 1992 году вернуть улице историческое название. Прежде чем обращаться ко власть имущим, В.И. Коркунов сообщил о назревающем решении на собрании Клуба краеведов. Члены Клуба поддержали инициативу. Было составлено письмо в администрацию города, председателю кимрского Совета народных депутатов Анатолию Костарнову. Костарнов и глава города Вячеслав Ушаков были не против переименования. Но кто знает, сколько бы воды утекло, прежде чем слова подтвердились бы делами? Коркунов решил не медлить. После отмашки администрации он — для изготовления новых табличек — достал в цехе металлоизделий листы железа. (Они, правда, были не вполне подходящими — слишком толстыми, что осложняло работу.) Банку краски выделил настоятель Преображенского собора протоиерей Иоанн Басюк.

Вначале Владимир Иванович очищал листы заржавелого железа, сверлил на каждом отверстия для крепления (листы, к счастью, были подходящей формы). Затем красил белой краской и по трафарету выводил черной краской название — Троицкая. Всего Коркуновым было изготовлено порядка 80 табличек — на всю улицу. И в начале 1993 года он, прихватив небольшую лестницу (помогал товарищ, поддерживая лесенку и перенося часть груза), отправился их прибивать — в первую очередь, на перекрестках. Таким образом было установлено около 10 табличек. Большую же их часть В. И. Коркунов привез зимой на санках в администрацию города — в кабинет А.П. Костарнова, чтобы коммунальщики завершили начатое дело. Так одна из кимрских улиц вернула историческое имя.

Инна ВАСИЛЬЕВА

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ В КОМНАТЕ-ЛОДОЧКЕ НА ЛУБЯНКЕ

«Я
Возвёл
Величайшее достижение культуры,
Чтобы
Могли заняться
Фокстротом».[1]

Прошлый, 2012 год, стал юбилейным для двух известных женщин — Ирины Александровны Антоновой, директора Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина на Волхонке и Светланы Ефимовны Стрижнёвой, директора Государственного музея В.В. Маяковского на Лубянке.

[1] Владимир Маяковский «РАДИО-ОКТЯБРЬ», революционный гротеск в трёх картинах. (Написано совместно с О.М. Бриком), 1926

В музее на Волхонке И.А. Антонова работает с 1961 г., а С.Е. Стрижнёва в музее Маяковского работала с 1981 по декабрь 2012 г.

По-разному складываются их жизненные пути, но есть и то, что объединяет: это, прежде всего, бескомпромиссное служение русской культуре, от Бога данный талант создавать новое, умение рисковать и добиваться результата.

Именно на таких людях и держится наша культура. Академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв назвал музейщиков и библиотекарей «последними святыми на Руси».

Музей на Волхонке больше на слуху, но музей Маяковского считается четвёртым в Москве по тому интересу, который проявляют к его экспозиции иностранные туристы. И эта уникальная экспозиция — её изучают, она вошла в учебники — была создана усилиями С.Е. Стрижнёвой.

Можно сказать, что музейный путь Светланы Ефимовны складывался удачно: в Хамовниках Стрижнёва создала уникальный передвижной музей Льва Толстого. За 30 лет работы в музее Маяковского — Театр Поэтов в одном из самых оригинальных залов Москвы, революционную, как и сам Маяковский, экспозицию.

И наградами Светлана Ефимовна не очень обделена:

заслуженный работник культуры (1977),
медаль ордена «За заслуги перед Отечеством
II степени» (1997),
золотая медаль Московской академии художеств.

Но и с бесчеловечностью встречаться приходилось. Несколько лет назад на страницах «Литературной газеты»[1] Светлана Ефимовна поведала историю из своего «военного детства», было ей четыре года, когда чуть не погибла от одних людей, и была спасена другими: «Отец руководил военным госпиталем, и нас эвакуировали в Казахстан. В дороге мы столкнулись с чудовищной человеческой жестокостью, ничего подобного в своей жизни я больше, пожалуй, не встречала. На одной из остановок мама вышла из вагона купить молоко, — мы с сестрой болели. Соседи по купе, боясь заразиться, выбросили нас на открытую платформу состава. Вернувшись и не обнаружив нас в купе, мама схватила одеяло и побежала искать. Так, в одеяле, больные дети ехали под открытым небом до следующей станции. Результатом этой поездки стала смерть сестры. Я же болела целый год и выжила, благодаря чуду. А чудом этим стала наша встреча со ссыльной монахиней Марьей Васильевной, которая помогла маме вытащить меня из болезни. Всю жизнь я храню в сердце образ этой удивительной женщины, воплотившей в себе безграничную человеческую доброту»...

В конце прошлого года Светлана Ефимовна Стрижнёва написала, под давлением обстоятельств, заявление об увольнении по состоянию здоровья. Да, со здоровьем не очень, но были планы и были силы подготовиться к юбилею Маяковского в этих стенах, ставших родными за 30 лет. Тяжело, когда выбрасывают детей на платформу, тяжело, когда высшее руководство избавляется от неординарных, истинно интеллигентных музейщиков. Без сантиментов, не обращая внимания на мнение коллектива.

Что ж, 120-летие поэта Владимира Маяковского не отменяется. Новое руководство успокаивает недоумевающую общественность тем, что музей Маяковского «в потенциале — шикарный музей. Просто не то слово. Им можно гордиться. <..>

Мы сделаем роскошные фондовые выставки, где покажем шедевры, многие из которых будут выставляться впервые. "Манеж" предоставляет нам совершенно дивный домик Чехова, это блестящее выставочное пространство, там мы и будем праздновать 120-летие. В день рождения Маяковского мы проведем расчудесную велоночь».

Вероятно, это будет продолжением ежегодной ночи музеев, но проведенной в велосипедном седле. Продолжая образ седла, можно представить и ковбоя с лассо в руке, набрасывающего петлю на экспозицию музея, не имеющую себе равной в мире. Но будем надеяться, что над нами не просвистит лассо «ковбоев от культуры». Будем надеяться на счастливый, как в сказке, конец.

Так что — всё хорошо. Это некоторым просто показалось, что в Лубянском проезде дом 3/6 произошло солнечное затмение (полный eclipse, так сказать), а особенно впечатлительным даже — упаси, Господи — послышалось чуть ли не эхо выстрела, но это просто такая гениальная в музее экспозиция: на все, как говорится, времена.

А закончить хочется словами академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва, «совести нации»: «Без нравственности не действуют никакие экономические законы, вообще всё идёт напропалую».

[1] Ирина Тишина, интервью «Мы можем говорить друг с другом без перевода», ЛГ, 2010, № 16 (6271)

РЕЦЕНЗИИ

ДВЕ ПЕРВЫЕ КНИГИ В СЕРИИ «ПОЭТОГРАД», совместного издания Союза литераторов и СП XXI века:

ПЯТИКНИЖИЕ, раздел ПОЭЗИЯ (ЛГ № 51).
О книге Дмитрия ЦЕСЕЛЬЧУКА «В рай как прежде открыта калитка...» — М.: Вест-Консалтинг, 2012, 148 стр.

В новую книгу Дмитрия Цесельчука вошли стихи, эссе, диалоги, поэмы и даже воспоминания. Его творчество хорошо знакомо читателям «Литературной газеты». Лирика Цесельчука — негромкая, но пронзительная, он пишет о самых обыденных вещах, которые порой ускользают от взгляда, однако под его пером превращаются в поэзию:

снег лежит покрытый коркой
будто сладкое безе
кошка спряталась за шторкой
на высоком этаже

Об этом же пишет в предисловии Евгений В. ХаритоновЪ: «Его поэзия тиха и философична... Иногда легкомысленна и простовата, ничуть не стыдясь этой своей простоты. И всё-таки чаще задумчива, неспешна, медитативна... Ему уже нет необходимости потрясать основы. Он ведёт с читателем тихий разговор о Главном...». Настоящий сборник составили тексты, написанные с 1969 по 2012 год, но не вошедшие в предыдущие книги автора. Тем не менее здесь они смотрятся вполне гармонично, дополняя друг друга.

ЛЕВ ЭРЛИХ, *математик, философ*

ПРИЧАСТНОСТЬ ИНОМУ ПРОСТРАНСТВУ
О книге Людмилы КОЛОДЯЖНОЙ «Позови...» — Избранные стихотворения. Серия «Поэтоград». Книга вторая. — М.: Вест-Консалтинг, 2012, 130 стр.

«Позови...» — одна из лучших книг Людмилы Колодяжной.
Характерная для поэта пронзительная нота звучит здесь,
В разных своих оттенках, почти в каждом стихотворении.
И не случайно само слово з в у к вновь и вновь появляется в строках —
Как первый и далекий, как «звук-молитва, звук-плач, звук-отрада...».
Л.Л. Шестакова, д. филолол. наук

Читая поэта, пытаешься уяснить себе причины того тайного очарования, которым отмечены стихи именно этого поэта, их сокровенную мелодию смыслов и стоящую за ней картину мира. Перефразируя Рильке, можно сказать, что хочется найти, где страна поэта граничит с небом. Говоря о стихах Людмилы Колодяжной, хочется сразу же выделить их причастность иному пространству, синтезирующему пространство обычного зрения и пространство речи. И это не просто метафоры, в которых фигурируют бумага и строчки, (ведь такие метафоры можно найти и у многих других поэтов), речь идёт о какой-то новой органике соединения обыденного и умозрительного, органике, в которой слово и поэтическая строка становятся такой же частью реальности, как вода и хлеб:

И лист сырой бумажный / плывёт издалека,
и вырастает влажно / из-под пера строка...

Слово-лист вырастает затем,
чтобы с милою жизнью расстаться...
Зарастают словами поля, / не услышать тебе журавля...

Такой подход предполагает особую чуткость к слову предшественников, не потому ли стихи Людмилы Колодяжной наполнены аллюзиями на известные строчки больших поэтов:

Разреши мне снова прислониться
к твоему дверному косяку...

«время вспахано плугом, и звёздами небо разрыто...

«к неизвестному изданью / жизни, в новый переплёт...

Этим же определяется особенная чуткость поэта к мифологемам и архетипам:

Я продолжаю то, что до меня
возникло в пожелтевших чуть страницах,
я просто часть упавшего огня,
я лишь звено в протяжной верениде...

весь этот мир — как на ладони
лежащий вечно у Творца..

Но одной этой причастности другим измерениям, измерениям символической реальности слова и культурно-исторических архетипов, было бы мало, если б в стихах не прорывался родник живого человеческого чувства:

в тот час, когда — закат, закат, закат
горит в листах — тоской строки карминной...
«Мы с тобою будем ронять слова,
как янтарь роняет пустынный сад...»

«Мой взгляд пока никто не гонит
от линий твоего лица,
когда вокруг него ладони
летят, как крылья у Гонца...»

«погубить тишиной так легко
голос хрупких вещей, чуть протяжный?..»

«Я как молитву буду повторять
слова не тех, кто в стане отлюбивших,
а тех, кого так страшно потерять —
поэтов, жизнь мою сложивших...»

Борис ЯКУБОВИЧ

РЕПОРТАЖ ИЗ «БОРДЕЛЯ»

О книге Суламифи Канарской «Бордель (Бабочки не летают)». — М.: «ИРИС ГРУП», 2012, 210 стр.

Ну, не знаю! Как говаривал Антон Павлович Чехов: «Чтобы передать сие, у меня не хватит ни воображения, ни подобающего темперамента». А, впрочем, чего тут скромничать, ведь волны нашего слабого разума способны уносить нас так далеко, как мы сами этого пожелаем, особенно, когда любопытство жадно подстегивает наше закосневшее и неповоротливое сознание.
Ведь, что мы имеем на день сегодняшний? Да, собираемся, внимательно слушаем друг друга, обмениваемся своими произведениями, подчас, даже не надеясь быть прочитанными и оцененными, но всякий раз вновь и вновь с энтузиазмом продолжаем эту наивную, привычную и приятную игру. Но иногда, к сожалению, очень редко, удача вдруг поворачивается к нам своим загадочным и лукавым ликом, позволяя под скромной обложкой обнаружить, почти алмазы, почти что, первой величины и тогда, мы ощущаем себя реставраторами, которым предстоит не только оценить, но и оживить для других подлинное произведение искусства.
Суламифь Канарская, скромной серой мышкой проводившая презентацию своего «Борделя», постеснявшейся отнять у нас, столь «занятых» людей лишнюю минуту драгоценного времени, как раз и предстает таким алмазом или, если желаете, курицей, снесшей золотое яичко.
Паутина Забвения, Недосказанности и Умолчания, оплетающая нашу добропорядочную модель поведения, соткана из правил и регламентаций, вкусовых и моральных «табу», поведенческих и иных стереотипов. Даже в период отдохновения от занимающих нас высоких тем истории, любви, духовного совершенствования или вечного поиска поэтического «философского камня», иногда нет, нет, да позволишь себе любимому нырнуть в какую-нибудь «клубничку», а затем, просветленным и готовым к новым свершениям вернуться к своим творческим приоритетам, подобно добропорядочному мужу, ненароком нечаянно согрешившему, очищенному от соблазнов торжественно вернуться в лоно законного супружества.
Ну, пусть не «клубничка», пусть, к примеру, это повесть известного психиатра и сексолога Бенджамена Морза, с его «Сексуальным безумием», не говоря уже о классической, зачитанной в юности до дыр «Яме» Куприна, заставлявшей с бешено колотящимся сердцем подглядывать в запотевшие окна Сандуновских бань. Нет, здесь все принципиально иное, и эта скромная мышка, «сухопутная самка пингвина», сумела заглянуть в такие глубины древнейшей профессии, что, по моему разумению, навсегда лишила куска хлеба всю пишущую на эту «вечную» тему литературную братию. Зазеркальное бытие этих безумно манящих и столь же отталкивающих призраков Суламифь Канарская изобразила с такой пронзительной, исчерпывающей выразительностью, которое достигается полным проникновением в исследуемый предмет и абсолютным слиянием с ним, причем, все это на блестящем фактологическом, философском и литературном уровне.
Она не стала изображать «Клару Целкин», она просто была каждой из тех, кто страшится и ненавидит свою профессию, но уже не может с ней расстаться. «...У Вас вырастут жабры, и жить Вы сможете только здесь» — с безысходной справедливостью утверждает ее героиня.
И вся эта, сугубо прозаическая, переданная совершенно открытым текстом фантасмагория человеческой порочности, время от времени полыхает красивым и безнадежным поэтическим надрывом!

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК, *поэт, поэт-переводчик*

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Заметки о книге Дэвида Вонсбро «В пещере снов моих... Сны Восторги Страхи Отрывки», литературно-художественном издании в переводах Т. Виноградовой, И. Кирштайн, И. Репиной и др. — М.: Вест-Консалтинг, 2012. — 86 стр.

В советские годы существовало блистательное созвездие поэтов-переводчиков: Э. Ананиашвили, А. Штейнберг и др., которые не публиковали собственных стихов.
Практикующие поэты, как правило, брались за переводы для подработки, и время постепенно и неумолимо развенчивает даже лучших из них. Переводы даже таких признанных величин, как С. Маршак, Б. Пастернак необходимо читать, постоянно заглядывая в оригинал.

Скажем, в последних двух строках знаменитого 66-го сонета Уильяма Шекспира речь идет не о друге и не о возлюбленной, а о любви, как таковой, спасающей от самоуничтожения:

Всем изболев, не прожил бы и дня,
И лишь любовь одна хранит меня.

Но пока не возмужало новое поколение поэтов-переводчиков, говорить о грядущей революции в переводе преждевременно. Хотя, в отличие от советских времен, поэты сейчас берутся за переводы не ради денег, а, скорее, из-за интереса к личности иноязычного поэта.
Вышеупомянутая книга переводов с английского издана, как билингва, т.е. с приведением текста оригинала, что безмерно облегчает анализ русского эквивалента, но не упрощает его вовсе. Сразу отметим, что построчное «совпадение» строк оригинала и перевода в нашей книге практически отсутствует и это отражено в её подзаголовке: *литературно-художественное издание.* Ярчайшим представителем такой школы перевода был Аркадий Акимович Штейнберг. Его перевод «Потерянного рая» Мильтона отличается от оригинала даже длиной строки, что вполне объяснимо большей информативностью английского языка, но Главное передано наиточнейшим образом.
К успеху в сохранении Главного хотелось бы отнести, прежде всего, переводы из Д. Вонсбро Т. Виноградовой (инициатора самой идеи перевода этой книги и автора предисловия к сборнику), собравшей вокруг себя команду соратников. Возьмем первые две строки стихотворения, открывающего сборник:

Дай мне лечь, протянуться
струнами скрипки твоей.

Построчный перевод звучит так: Дай мне лечь вдоль длины / моста твоей скрипки. Жертвуя «мостом» Татьяна передает главное — натяжение струн — завораживающие «потягуши» в преддверии стаккато:

мощь его миры смещает,

приводящие к неумолимому финалу:

Приди!

Не отстает от нее по манере перевода и Ингрид Кирштайн. Возьмем те же две первые строки во втором стихотворении сборника:

В мерцающей глуши музыки
Я иду к своей сути и теряюсь навеки

Если первая строка полностью совпадает с оригиналом, то вторую автор, казалось бы, написал «от себя». Но это не так. Маловразумительное для русского уха:

Я нахожу себя и затем (и лишь тогда) теряю себя

Никак не стыкуется с русской философской традицией. Ну, нашел себя и потерял — что тут такого, еще раз найдешь. «Навеки» необходимо тут для передачи безвозвратности происходящего. Критерием того, что ты обратился именно к самому себе, а не к какой-то иной субстанции и является безвозвратное исчезновение себя самого.
Читаешь книгу, и убеждаешься, что не случайно новозеландские поэты в антологии 1000 лучших англоязычных поэтов мира по числу вошедших в нее авторов стоят на первом месте (если разделить число вошедших в неё поэтов-новозеландцев на численность населения страны).
А наш ныне проживающий в Австралии Дэвид Вонсбро родом как раз оттуда — из Новой Зеландии — страны, где аборигены (в отличии от Австралии) не загнаны в резервации! Где коренной житель поэт Хоне Туфаре причислен к национальным гениям.
Но Поэзию цифрами, конечно, не измеришь.
Необходим особый дозиметр, существенной частью которого является мастерство переводчика, во многом связанное с личностью поэта-переводчика, с его практикой на русском языке и, порой, в умении от неё отказаться, чтобы передать порывы другой, не такой, как твоя, творческой души.

(Опубликовано в ЛГ за 30 января — 5 февраля, 2013 г.)

270 лет со дня рождения Г.Р. Державина

***Вячеслав* СЫСОЕВ**

«Гавриил Романович Державин, действующий тайный советник и многих орденов кавалер», гласила надпись на могиле первого в России министра юстиции. И ни слова, что был Гавриил Державин поэтом: такие были предпочтения, и это нашему современнику должно быть небезынтересно. А также небезынтересно узнать, что боролся Державин с коррупцией. А почему недолго возглавлял министерство, об этом можно узнать из статьи В.Д. Сысоева, действительного государственного советника юстиции II класса, почетного работника юстиции России, почетного адвоката Российской Федерации, сопредседателя Союза литераторов России, преподавателя МГИМО, лауреата научных и литературных премий.

СЛИШКОМ РЕВНОСТНО СЛУЖИШЬ!

Род Державиных не был знатен, и службу он начинал простым солдатом. Первый офицерский чин получил лишь к 30 годам, когда его более удачливые сверстники числились в гвардии и больших чинах. Зато уже вскоре (в 1776-м) Гаврила Романович выпустил первый поэтический сборник «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае 1774 года». Примечательна история создания этой книги. Артиллерийский отряд, которым командовал поручик Державин, должен был отражать возможные атаки пугачевцев на Саратов. Стояли на горе Читалагай, напротив немецкой колонии Шафгаузен. Коротая часы отдыха, поручик и перевел четыре оды в прозе, сочиненные королем Пруссии Фридрихом II. Затем присовокупил к ним четыре собственных – «На великость», «На знатность», «На смерть генерал-аншефа Бибикова», «На день рождения Ее Величества». Словно предвидя собственное восшествие на юридический Олимп, поэт писал, что право давать другим законы нужно выстрадать; нельзя стать великим, «коль бед не претерпели». Оды привлекли внимание читателей, которые увидели в этих ранних, во многом подражательных стихах «замашки врожденного таланта и главное свойство его: благородную смелость, строгие правила и резкость в выражениях». С получением чина капитан-поручика Державина перевели в статскую службу, в ведомство генерал-прокурора Сената князя А. А. Вяземского. Здесь он обрел новый круг знакомых, в том числе вхожих в императорские покои, на этой службе проявился его аналитический ум. В частности, он немало сделал для того, чтобы укрепить государственную казну. Например, добился, чтобы отчеты о поступавших суммах сверялись не раз в год, а помесячно, что заметно уменьшило число злоупотреблений и увеличило доходную часть. Имя чиновника, радеющего о государственной казне, не раз упоминалось в докладах императрице, ему был пожалован генеральский чин – действительного статского советника. В 1784 году Державина назначили губернатором в недавно образованную Олонецкую губернию, потом повысили до тамбовского губернатора. Здесь он опять-таки проявил себя борцом с хищениями казенных денег – тех, что отпускались на приобретение провианта для воевавшей армии. Естественно, у него появилась масса врагов. Дело дошло до того, что
губернатора... отдали под суд за «злоупотребления по службе». И лишь благодаря заступничеству «светлейшего князя Таврического», фаворита и ближайшего помощника императрицы Григория Потемкина добросовестный служака был оправдан. Вскоре его назначили сенатором с получением чина тайного советника.

Новый император России Павел I приблизил Державина ко двору, назначив 53-летнего генерала управителем своей канцелярии. В 1799 году Державина направили в белорусский край, чтобы вернуть в казну возможно большее число ранее розданных казенных крестьян. Эмиссар справился с задачей блестяще, и ему пожаловали почетный
командорский крест святого Иоанна Иерусалимского и чин действительного тайного советника. И почти тут же назначили государственным казначеем. В 1802 году, в правление Александра I, вместо петровских коллегий в России появились министерства.

8 сентября 1802 года первым министром юстиции был назначен известный поэт и государственный деятель Гаврила Романович Державин. В то время ему было без малого 60. Быстро наладил Гаврила Романович работу вверенного ему министерства: уже через две недели он предложил Сенату доклады: «О порядке слушания дел в Сенате», «О правилах судопроизводства в Правительствующем Сенате», «О составлении записок из дел», «О сокращении Канцелярского отряда». Кроме того, он представил проект закона о третейском суде, а затем высказался за принятие закона о взяточничестве. Дабы «различить зловредного лихоимца от принимателя из крайней нужды какой-либо безделки». Министром также были разработаны положения об экспедиции государственных доходов и об учреждении Патриотического банка. А как генерал-прокурор Державин старался не допускать «утеснения сильной стороной людей бессильных», боролся против «неправды и притеснения вдов и сирот»! При этом, что характерно, романтик побеждал в нем прагматика, поэт побеждал чиновника.

Слог его докладов всегда был высокопарен и торжествен, а предлагаемые меры часто опережали общественное сознание. В итоге появлялись завистники и открытые враги. Потому не удивительно, что министру не раз доводилось выслушивать от государя гневное: «Как это вы, Гаврила Романович идете в Сенате против моих указов и критикуете их, тогда как ваша обязанность их поддерживать и настаивать на непременном их исполнении». Или: «Ты всегда хочешь меня учить. Я Самодержавный государь, и так хочу». А когда, выхлопотав у государя месячный отпуск, министр из-за болезни не сумел вернуться на службу в срок, доброхоты передали ему слова Александра: «Хотя бы и вовсе не приезжал». По возвращении, явившись к императору с докладом, министр-поэт и вовсе не был принят. Ему сообщили высочайшее пожелание — «очистить пост».

— За что? — спросил он чуть позже при личной встрече у государя. И услышал:

— Слишком ревностно служишь!

Таким образом, на посту министра юстиции Державин пробыл чуть более года.

Одновременно с министерской (в октябре 1803 года), его освободили и от всех других должностей. Умер Державин в 1816 году в своем имении в деревне Званка.

Похоронили его в местном Хутынском монастыре.

Гавриил ДЕРЖАВИН

ПРИЗНАНИЕ

Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид:
Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им,
Ум и сердце человечье
Были гением моим.
Если я блистал восторгом,
С струн моих огонь летел.
Не собой блистал я — богом;
Вне себя я бога пел.
Если звуки посвящались
Лиры моея царям, —
Добродетельми казались
Мне они равны богам.
Если за победы громки
Я венцы сплетал вождям, —
Думал перелить в потомки
Души их и их детям.
Если где вельможам властным
Смел я правду брякнуть в слух, —
Мнил быть сердцем беспристрастным
Им, царю, отчизне друг.
Если ж я и суетою
Сам был света обольщен, —
Признаюся, красотою
Быв плененным, пел и жен.
Словом, жег любви коль пламень,
Падал я, вставал в мой век.
Брось, мудрец! на гроб мой камень,
Если ты не человек.

Исполнилось 225 лет со дня рождения Константина Батюшкова

Анатолий ГОЛУБЕВ

Константин Николаевич Батюшков (1787 — 1855) занимает особое место среди поэтов допушкинской эпохи. Именно Батюшков проложил в русской поэзии ту тропинку, которая была превращена в столбовую дорогу гением Пушкина. А вот жизнь Батюшкова волей неподвластных человеку сил была рассечена на две части, равные по протяженности, но несопоставимые по содержанию...

«НЕТ, НЕТ! СЕБЯ НЕ УЗНАЮ ПОД НОВЫМ БРЕМЕНЕМ ПЕЧАЛИ!»

...Первое десятилетие XIX века. Еще не взошла поэтическая звезда Пушкина. В русской поэзии на слуху другие имена — от уже постаревшего классика Г. Державина до молодого романтика В. Жуковского. В петербургских салонах знакомятся и общаются друг с другом молодые художники, музыканты, литераторы. Организуется «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств». Н. Карамзин издает литературный журнал «Вестник Европы», возникает кружок А.Н. Оленина...

Вскоре на литературном горизонте появляется новое имя — Константин Батюшков. Он еще совсем молод, моложе Жуковского на четыре года. В 1803 году 16-летний юноша сочиняет свои первые стихотворения. Он мечтает стать настоящим поэтом. Но для этого, кроме таланта, крайне желательна поддержка кого-то из влиятельных литераторов. И ему повезло: он близко знакомится с поэтом и переводчиком Николаем Гнедичем, который в ту пору обдумывал главный труд своей жизни — полный перевод «Илиады». При поддержке Гнедича Батюшков печатает в журналах свои стихи. Все складывается удачно, и молодой поэт даже представить себе не может,

какую участь готовит ему судьба. Участь самой трагической фигуры в русской поэзии допушкинской эпохи...

Но это будет потом. А пока что Батюшков полон замыслов. Его привлекает античная поэзия с ее возвышенной гармонией, певучесть итальянской речи в творениях мастеров эпохи Возрождения. Гомер, Гораций, Вергилий, Данте, Петрарка... Молодой русский поэт в восторге от Италии. Он принимается за перевод рыцарской поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим», пишет стихи, привнося в русскую поэзию, проникнутую славянским величием державинских од, музыкальность и гибкость итальянского языка. Державин и Батюшков удивительным образом оправдывают свои фамилии: поэзия первого действительно державна, а Батюшков становится поистине отцом нового поэтического направления. «Звуки италианские! Что за чудотворец этот Батюшков!» — писал Пушкин на полях его книги. Получив образование в частных французских пансионах в Петербурге, Батюшков прекрасно владел итальянским, французским и немецким языками. Была у него еще одна особенность: романтическое преклонение перед воинством, ратными подвигами. И в 1807 году он добровольцем уходит на войну с Наполеоном. Прусский поход завершился для молодого офицера тяжелым ранением под Гейльсбергом. Но это не охладило его упоения воинской жизнью. Позднее он напишет — Гнедичу: «Какой предмет для кисти живописца: ратный стан, расположенный на сих скалах, когда лучи месяца проливаются на утружденных ратников и скользят по блестящему металлу ружей, сложенных в пирамиды!»

...Раненого поэта отвезли в Ригу и поместили в доме немецкого купца, мясоторговца Мюгеля. Батюшков окружен вниманием и заботой: жена и дочь хозяина дома ухаживают за ним, как за близким человеком. По вечерам они развлекают его музицированием. Он еще не может вставать с постели. Лежа в своей комнате, он слушает через стенку, как дочь поет для него песни Гайдна, а мать аккомпанирует ей на клавикордах. Фрау Мюгель относится к Батюшкову с чисто материнской нежностью. А вот дочь...

Семнадцатилетняя Эмилия Мюгель стала его первым любовным увлечением. Когда Батюшков встал на костыли, Эмилия выводила его на прогулки. Их чувство было взаимным, но разлука была неизбежна. Ни отец Батюшкова, ни отец Эмилии не дали бы согласия на брак...

Эти два месяца в Риге окажутся едва ли не самыми счастливыми в жизни поэта. Никогда больше он не встретит такой теплоты и сердечности, никто так не откликнется на его чувства. Батюшков уезжал с болью в сердце. Потом он еще не раз пожалеет, что не попытался изменить судьбу. И поведает свои переживания в грустной элегии.

...Снова в армию. Финляндский поход. Участие в войне со Швецией. Батюшкову тяжело: в душе тоска, раненная нога нестерпимо ноет. Из письма другу Гнедичу: «Я подал просьбу в отставку... за ранами, через князя Багратиона, и надеюсь, что скоро выйдет решение. Так нездоров, что к службе вовсе не гожусь...». Отставка вышла в конце мая 1809 года, и Батюшков, заехав на короткое время в Петербург, отправляется в Хантоново — унаследованное от матери имение. Российская глушь, до ближайшего губернского города — Вологды, где Батюшков родился, — более ста верст по едва проезжей дороге через леса и болота. В Хантонове — полуразрушенный барский дом, заросший парк с прудами; в доме живут две незамужних сестры поэта, Александра и Варенька. Здесь Батюшков много пишет, сочиняет «Видение на брегах Леты» — большую сатиру на современную русскую литературу. Посылает ее Гнедичу, тот читает ее в салоне Олениных, вызывая всеобщий восторг. Оленин сделал несколько копий, и вскоре сатира распространилась по всему Петербургу, а затем и по Москве. С этого времени имя Батюшкова у всех на устах. Почти неизвестный дотоле поэт обрел популярность. С 1810 года Батюшков поселяется в Москве, сближается с князем П.А. Вяземским, И.М. Муравьевым-Апостолом, В.Л. Пушкиным, В.А. Жуковским. Но Гнедич настойчиво зовет друга в Петербург, и тот поддается уговорам. В Петербурге в начале 1812 года Батюшков получает должность в Императорской Публичной библиотеке, директором которой был назначен Оленин. Там уже работали Гнедич и И.А.Крылов — знаменитый баснописец и комедиограф. Но петербургский период продолжался недолго. 12 июня 1812 года Наполеон перешел границу России, и в жизнь Батюшкова снова вторглась война. Поэт опять в действующей армии. Он становится адъютантом легендарного генерала Н.Н. Раевского. Участвует в заграничном походе против Наполеона. Он повидал: Германияю, Францию, Англию, Швецию... И его отношение к войне меняется — уже в самом начале, когда он увидел сожженную Москву. Теперь война для него — не цепь доблестных побед и благородных смертей, а средоточие жестокостей и неизбывного горя. Он уже не восхваляет воинскую жизнь и ратные подвиги, а скорбит и оплакивает погибших и их семьи. Тоска и апатия овладевают им. В январе 1816 года офицер лейб-гвардии Измайловского полка Константин Николаевич Батюшков уходит в отставку.

Он приезжает в Петербург. Завязывается роман с Анной Фурман, воспитанницей Оленина. Но Батюшков пассивен и нерешителен. Он страшится продолжения, и роман обрывается. В душе поэта поселяются смятение и пустота...

Незадолго до этого он был принят в литературное общество «Арзамас». Любопытное это было общество. Серьезные литературные обсуждения сочетались там с шутливыми розыгрышами и дружескими пародиями. Каждому из 20 членов общества были присвоены прозвища, взятые из баллад Жуковского. Сам Жуковский получил прозвище «Светлана», Вяземский —

«Асмодей», А.И. Тургенев — «Эолова арфа». Принятому позже молодому А.С. Пушкину досталась кличка «Сверчок». Батюшков стал там «Ахиллом». Почему «Ахилл»? Биографы усматривают три возможных причины: может быть, в насмешку за небольшой рост, совсем не соответствующий облику древнегреческого героя; может, была в этом насмешливая игра слов: Ахилл — Ах, хил! А возможно, потому, что Батюшкову очень нравилась одноименная баллада Жуковского.

Летом Батюшков на год уезжает в Хантоново, подготавливая к изданию книгу «Опыты в стихах и прозе». Она была издана в 1817 году на средства лучшего друга Гнедича. И эта первая книга оказалась единственной — уже близок был роковой удар судьбы...

Батюшкова, по-прежнему, привлекает Италия, и благодаря хлопотам друзей он в 1818 году получает назначение на службу в русской дипломатической миссии в Неаполе. И тут начинается период его жизни, приведший к трагедии.

Его одолевают приступы депрессии. Меланхолия и тоска с ним неразлучны. Наступает то, чего в глубине души он боялся всю жизнь — проявления дурной семейной наследственности. Умопомешательство деда, затем матери, умершей, когда Константину было семь лет, затем сестры Александры. Семейный недуг не пощадил и его.

Катастрофа разразилась в 1821 году. Батюшков сошел с ума в возрасте 34 лет. Ровно на половине отпущенного ему жизненного срока.

...Ему становилось все хуже. Несколько раз он пытался покончить с собой. Никакое лечение не помогало. Последней надеждой была психиатрическая клиника в Зонненштейне (Германия). В 1824 году Батюшкова отвез туда Жуковский. Четыре года, проведенные в Зонненштейне, не дали результата. Бред и галлюцинации чередовались с периодами ремиссии, когда больному становилось лучше; в такие дни он занимался рисованием, лепил фигурки из воска. Но затем — вновь обострение, и в больном воображении возникали картины пыток, которым его якобы подвергали в клинике. «Хочу домой, в Россию!» — постоянно твердил он. В 1827 году консилиум немецких врачей признал болезнь неизлечимой.

Летом 1828 года немецкий врач Антон Дитрих привез Батюшкова в Москву. Это многодневное путешествие в карете описано в дневнике Дитриха.

...В начале путешествия больной сидел тихо, но вскоре стал проявлять беспокойство и попросил остановить карету. Он сделал несколько шагов, затем лег на траву, стал метаться и кричать, называя себя святым и братом императора Франца, вскочил и попытался убежать. Принесли смирительную рубашку. Сначала больной сопротивлялся, но потом позволил поднять себя в карету...

...Не проходило дня, чтобы Батюшков не уверял Дитриха в своей любви; он обнимал его и целовал. Но вдруг в больном просыпалась страшная ненависть ко всем окружающим. Однажды без всякой видимой причины он с яростью взглянул на врача и плюнул ему в лицо...

«Как-то вечером, — пишет Дитрих, — мой подопечный разразился пронзительным хохотом и стал посылать проклятья отцу, матери и сестрам...».

По приезде в Москву Батюшкова поместили в специально снятом для него доме. Там он прожил два года вместе с врачом и немногочисленной прислугой. Состояние его не изменилось. Доминантой стал религиозный бред. «Несчастный живет в согласии лишь с небесами, — писал Дитрих. — Объявил, что он сын Божий и называет себя «Константин Бог».

Печальная одиссея безумного поэта доставляет невыносимые страдания близким. Весной 1830 года Батюшков заболевает воспалением легких. Казалось, что он умрет. У постели больного собрались друзья, была отслужена всенощная. Среди присутствующих был Пушкин, но Батюшков не узнал его — он уже никого не узнавал. Под впечатлением этого визита Пушкин написал свои знаменитые строки: «Не дай мне Бог сойти с ума. // Нет, легче посох и сума...».

Но Батюшков не умер. Кризис миновал, больной начал есть и понемногу поправляться. Через месяц он окреп физически, но в психическом отношении улучшений не наблюдалось. Провидению было угодно сохранить ему жизнь, но не вернуть душевное здоровье. Дитрих, убедившись в невозможности излечения, уехал из России, а Батюшкова в том же 1830 году отправили в Вологду на попечение родных. Там болезнь как-то смягчилась, приняв вялотекущую форму. Он много читает; любимым его занятием становится рисование, в котором он достиг немалых успехов. Сейчас некоторые рисунки Батюшкова хранятся в Государственной публичной библиотеке в Санкт-Петербурге и в Пушкинском Доме.

Батюшков прожил в Вологде до самой смерти. Он умер от тифа в 1855 году в возрасте 68 лет, пережив многих своих современников — и Гнедича, и Жуковского, и Пушкина, и других.

Поразительно, как не повезло человеку, которого по праву считают самым выдающимся поэтом допушкинской эпохи, своего рода «предтечей» Пушкина. Пожалуй, лучше всего о своей трагедии сказал сам Батюшков на рубеже «двух жизней»: «Что писать мне и что говорить о стихах моих!.. Я похож на человека, который не дошел до цели своей, а нес он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди узнай теперь, что в нем было!».

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Александр ЛОЗОВОЙ

Александр Николаевич Лозовой – художник, искусствовед, кандидат педагогических наук, автор книг и статей об изобразительном искусстве, родился в Абхазии в городе Сухуме в 1949 году. Работал в Государственной Третьяковской галерее, учёным секретарём совета по художественному образованию Академии художеств. О творчестве Александра Лозового вышла книга «Белый пароход художника Александра Лозового», (ALEXANDER LOZOVOY: VESSEL SO WHITE), выпущенная издательством GROM Publishing Home. Участник многих российских и международных выставок. Его работы хранятся в Русском музее, в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, в Музее современного искусства. Сын художника Николая Лозового. Его биографию написала Ирина Анатольевна Вакар, старший научный сотрудник отдела живописи первой половины XX века Государственной Третьяковской галереи:

Лозовой Николай Григорьевич (1901 – 1992), график и живописец. Детство провёл на Украине, где на него (как и на Малевича) большое впечатление произвели крестьянские декоративные росписи. С 1913 года жил в Новороссийске, где в 1920 году познакомился с В. Э. Мейерхольдом. С 1920 года учился в Екатеринодаре в театрально-драматической студии у Черубины де Габриак и С. Я. Маршака и в педагогическом институте. С 1922 года жил в Петрограде. Был членом ВОЛЬФИЛЫ (1922 – 1923). В 1924 году Лозовой знакомится с художником В. Замирайло, который рекомендует ему обратиться за советами по рисунку к профессору А.И. Савинову. И в этом же году Лозовой стал посещать его частную студию. Начиная с этого времени, Лозовой пишет около сорока плакатов для Общества Пролетарского Туризма и Экскурсий, Общества «Друг Детей», с 1927 года делает модели сельскохозяйственных машин для Государственного Сельскохозяйственного Музея. В 1926 Лозовой поступает на графический факультет бывшей Академии художеств (ВХУТЕИНЕ; с 1826). К этому времени относится его знакомство с Малевичем. В 1927 году в течение нескольких месяцев Лозовой работает в его лаборатории при ГИфИИ, в том же году вступает в коллектив Мастеров аналитического искусства П.Н. Филонова, что явилось причиной его исключения из Академии художеств.

Осенью 1928 года уходит от Филонова к Малевичу. Пишет Филонову прощальное письмо, в котором говорит, что встречу с ним считает самым замечательным событием в своей жизни. Филонов прочитал ученикам вслух это письмо и произнёс: «Ушёл. Но этот, по крайне мере, не нахамил».

В 1930 году Лозовой был лишён избирательных прав, а затем как «член двора кулацкого хозяйства» сослан в Калмыкию. Многократно подвергался тюремному заключению. В ссылке исполнял заказные работы как живописец и оформитель, в 1942 году был отправлен на фронт.

После войны поселился в Сухуме, преподавал русский язык. С начала 1960 – х годов Лозовой поддерживал дружеские отношения с В. Д. Бубновой (1886 – 1983), исполнившей шесть его портретов.

Из изданных воспоминаний Лозового это: «Воспоминания о Черубине де Габриак», М., 1989 год; «Воспоминания о Филонове», фрагменты опубликованы в журнале «EXPERIMENT» Лос-Анжелес, в 1995 и 2005 годах; «Воспоминания о Малевиче» в кн. «Малевич о себе. Современники о Малевиче» том П., М., 2004 год; «Николай Иванович Вавилов – воспоминания», М., 2004; «Воспоминания о Филонове» в сб. Павел Филонов, Сбп, 2008.

Александр Лозовой предлагает вниманию читателей две неопубликованные работы своего отца.

Николай ЛОЗОВОЙ

ВОЛЬФИЛА

Данные воспоминания инициированы академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым. В 1988 году, узнав, что Н.Г. Лозовой являлся членом Вольфилы, он посоветовал ему обязательно написать всё, что он о ней помнит. В 1988 году Н.Г. Лозовой, оставшийся единственным из живых членов Вольфилы, обратился к своим друзьям и знакомым: «Объявляю Вольно-философскую ассоциацию вновь созванной!»

Осенью 1922 года я приехал в Петроград и учился в вузе[1].

В это время в Петрограде существовало общество Вольно-философская ассоциация. Больше было распространено название «ВОЛЬФИЛА» Не могу точно сказать, когда оно было основано, но осенью 1923 года общество Вольфила было закрыто[2]. Я помню, секретарь Вольфилы сказал мне: «Наша Вольфила не зарегистрирована». На заседания Вольфилы охотно приглашались все желающие, по городу вывешивались афиши с объявлениями о дне очередного заседания, которые были приблизительно раз в неделю.

[1] Высшие педологические курсы нормального и дефективного ребёнка при Психоневрологической академии, затем учился в Петроградской академии художеств.

[2] В1919 году в Петрограде была создана «Вольная философская ассоциация», её целью было «исследование и разработка в духе философии и социализма вопросов культурного творчества», перестала существовать в 1924 г.

В 1922 году занятия проходили в большом зале Географического общества, а в 1923 году были перенесены в более скромное помещение на Фонтанке.
В члены Вольфилы принимались все без исключения, без всякого ограничения. Плата была очень небольшой. Через много лет в литературе я встречал упоминание, что Вольфила была организацией идеалистического направления. Это неправда. В Вольно-философской ассоциации были люди разных мировоззрений и убеждений: материалисты, идеалисты, приверженцы религии, атеисты, марксисты и др. Интересно, что молодёжи было мало, почти не было студентов. Большинство, пожалуй, составляли люди более или менее солидного возраста. Члены её были самые разнообразные по профессии и специальности: и профессор, и счетовод, и красноармеец, и поэт и т. п.
Обычно на занятиях мы слушали чей-нибудь доклад на заранее известную тему, а потом следовало очень живое, энергичное обсуждение этого доклада. При этом были самые разнообразные и спорные высказывания. Помню, один из членов Вольфилы, Венслер в 1923 году делал доклад на тему «Павел Флоренский. Мнимости в геометрии»[1].
Весной 1923 года я, Лозовой Н.Г., делал доклад о книге Андрея Белого «Кризис мысли». Тогда же весной 1923 года в Вольфиле проводился интересный вечер, посвящённый памяти Иннокентия Фёдоровича Анненского. На вечере выступал поэт Валентин Кривич[2], побочный сын Иннокентия Фёдоровича. Кривич читал свои стихи. Мне запомнился конец одного стихотворения: «*...прости, отец, если плохо я пою*».
Здесь же, на вечере, присутствовал и брат Иннокентия Фёдоровича. Я знал о старшем брате И.Ф. Анненского, Николае Фёдоровиче[3], известном публицисте, но не предполагал, что у поэта есть ещё другой брат, живший в Царском селе, куда он спешил к поезду с этого вечера. Брат Иннокентия Анненского читал много стихов поэта. Мне запомнилось стихотворение «Колополы – бабаболы». Оно было прочитано так, как его прочитал бы сам поэт. Присутствующие даже попросили прочесть это стихотворение ещё раз. Вечер прошёл запоминающе, ярко. Выступления сына и брата поэта произвели особенное впечатление.
В заключение хочу вспомнить некоторые имена вольфиловцев. К сожалению, многих я забыл. Председателем Вольфилы, помню, был Разумник Васильевич Иванов. Разумник[4] – это довольно известный писатель-публицист. До революции было напечатано несколько его книг. Умер он, кажется, в 1946 году. Я слышал, что у него хранилась рукопись поэмы А. Блока «Двенадцать».
Секретарём Вольфилы был Пинес[5]. Он, помню, работал в магазине «Международная книга» на Литейном проспекте. Это был очень интеллигентный человек, состоял в дружеских отношениях с семьёй Блока, в частности с его тёткой Бекетовой.
Членом Вольфилы был поэт Андрей Белый, но в 1922 – 23 годах он был за границей в Германии. Помню такой случай. Как-то на заседании зашла речь об Андрее Белом, Один из профессоров, Гизетти[6] сказал: «Помните его выступления? Не он владел речью, а речь владела им». Затем Гизетти цитировал кого-то: «Хорошо о нём сказал, что Белый всегда на авансцене. Хорошо он припечатал его». Кстати сказать, на эти слова было много возмущённых возражений.
Зашла также речь о религиозности, и Гизетти заметил, что, дескать, говорят, что если верить в прогресс, то это и есть религиозность, т.е. вера. Подобное утверждение встречается и у философа Л.М. Лопатина[7] в его книге «Критика положительных начал западноевропейской философии».
Ещё упомяну о некоторых членах Вольфилы. Я уже говорил об Андрее Белом. Очень активным участником бесед в Вольфиле был профессор Гизетти, дантолог. Я слыхал, что он был репрессирован. Насколько помню, членом Вольфилы была и тётка А. Блока, Бекетова, известная переводчица.
Очень живое участие принимал в заседаниях ассоциации поэт Иванов Е.П. также близкий друг А. Блока. Это был человек уже солидного возраста, седой, но моложавый, румяный. Борода была у него совершенно белая. Человек чрезвычайно симпатичный. Его выступления были очень интересны. Входя в помещение, он каждому пожимал руку. И это как-то получалось у него особенно трогательно. Из мужчин Иванов был самый пожилой.

ВИКТОР ДМИТРИЕВИЧ ЗАМИРАЙЛО
(написано в конце 1970-х годов)

С Виктором Дмитриевичем Замирайло[8] я познакомился осенью 1924 года в Петрограде. Будучи начинающим художником, я пошёл к нему на Васильевский остров и понёс свои рисунки. Никогда не забуду, как радушно и благожелательно отнёсся он ко мне. «Сказать откровенно, мне нравится», – произнёс он после просмотра моих работ. Меня тогда окрылили его слова. И на всю жизнь я остался глубоко благодарен Виктору Дмитриевичу за его чуткое отношение.

---

[1] Флоренский Павел Александрович (1882-1943) – выдающийся математик и физик, священник, религиозный философ.
[2] Кривич Валентин Иннокентиевич (1980 – 1936) – поэт и критик.
[3] Анненский Николай Фёдорович (1843 – 1912), экономист, публицист, общественный деятель.
[4] Иванов-Разумник Разумник Васильевич (1878 – 1946) – писатель, литературовед.
[5] Пинес Дмитрий Михайлович (1891–1937) – литературовед.
[6] Гизетти Александр Алексеевич (1888–1938) – литературный критик, публицист.
[7] Лопатин Лев Михайлович (1855–1920) – философ.
[8] Замирайло Виктор Дмитриевич (1868–1939) – график, книжный иллюстратор.

Виктор Дмитриевич дал мне тогда ряд полезных указаний и, между прочим, посоветовал поступить в художественную студию профессора Александра Ивановича Савинова[1], замечательного художника и человека, необыкновенно вдумчивого и чуткого педагога. Впоследствии я иногда заходил к Виктору Дмитриевичу, и он всегда встречал меня очень радушно.

Вспоминается мне один эпизод из жизни Виктора Дмитриевича, рассказанный им самим, который характеризует его, показывает его сердечность. У Виктора Дмитриевича была небольшая картина какого-то известного французского художника. В 1923 или в 1924 году к Виктору Дмитриевичу зашёл какой-то коллекционер, любитель живописи. Увидев эту картину, он пришёл в необыкновенный восторг. Тогда Виктор Дмитриевич подарил ему картину. Коллекционер горячо благодарил Виктора Дмитриевича. «Так был рад, так благодарил меня, растрогал чуть не до слёз. Чудак такой!» — говорил Виктор Дмитриевич.

Из европейских художников близки были Виктору Дмитриевичу Гранвиль[2], Густав Доре. Очень он любил немецкого художника Швинда[3]. У Швинда есть картина «Водопой». Две лошади, белая и вороная, пьют из ручья. Из-за спины лошади видна только голова человека. Вокруг поднимаются стеною скалы. Виктор Дмитриевич считал эту картину гениальной. «А вот живописи у Швинда не было, говорил Виктор Дмитриевич. — Он просто раскрашивал свои вещи».

Как-то Виктор Дмитриевич рассказывал, что когда-то расписывал купол церкви по эскизам В. Васнецова. Кисть руки у одной фигуры показалась ему неестественно согнутой. Он исправил рисунок. Васнецов спросил его, почему он это сделал. Виктор Дмитриевич ответил: «Было неанатомично». Васнецов возразил: «Но зато душевнее». Видимо, Васнецов имел в виду сохранение иконописного стиля.

Очень интересны были обложки книг по рисункам В.Д. Замирайло. В двадцатые годы искусство художественной книжной обложки достигло в нашей стране очень большой высоты. Совершенно непонятно, почему это замечательное искусство в наши дни заглохло.

Помню, кажется, в 1928 году мне пришлось присутствовать в Москве на собрании типографских работников, где был заслушан доклад о работах одного наборщика, который чисто типографскими средствами стремился создать художественную обложку. По рукам присутствующих ходили образцы его работ. А. Сидоров[4], который был на этом собрании, так характеризовал положение с книжной обложкой в то время: «*Обложка звенит*!». Да и тема доклада говорила о возросшем интересе к этому вопросу.

Вероятно, были серьёзные причины расцвета художественного оформления книги в двадцатые годы. В эти годы был создан ряд шедевров книжной иллюстрации, например, иллюстрации Александра Бенуа к «Медному всаднику» А. Пушкина (второе дополненное издание, первое было дореволюционное). Это, безусловно, лучшее, что создавали когда-либо художник по творчеству Пушкина. Также иллюстрации М. Добужинского к «Белым ночам» Ф. Достоевского; Д. Митрохина[5] к «Золотому жуку» Э. По; Е. Лансере к «Хажджи- Мурату» Л. Толстого и др. Совершенно непонятно, как могло случиться, что эти шедевры мировой книжной иллюстрации не переиздавались в течение полувека, а помещённые в собрании сочинений Достоевского иллюстрации Добужинского к «Белым ночам» в уменьшённом формате очень теряют свою художественность.

Двадцатые годы были бурным и ярким периодом в истории русского искусства. Борьба различных направлений, горячие споры, диспуты, манифесты и т. п. Были случаи, когда с трибуны летел, например, графин в направлении аудитории при яростном свисте последней. П. Н. Филонов, этот замечательный художник и пророк в средневековом духе, порывается драться с Петровым-Водкиным. Петров-Водкин во время своего доклада заявляет: «Извините меня, но такой глупый живописец, как Репин...». И ещё: «Неудивительно, что этот парень бросился с ножом на картину...» (имеется в виду повреждение картины Репина). Впрочем, и Репин не был в долгу. Когда-то, до революции, в одной из своих статей он писал о Петрове-Водкине: «Раб! Рабья душа!»

И на этом пёстром и беспокойном фоне как-то по-особому видится спокойная фигура Виктора Дмитриевича Замирайло, человека скромного, тихого, доброжелательного.

Расцвет искусства книжной обложки в двадцатых годах, возможно, объясняется и следующим. В двадцатые годы в Москве и Петрограде открылось много мелких книжных издательств. Они вели между собой конкурентную борьбу, иногда доходившую до комизма. Так, например, одно издательство, кажется «Мысль», выпустило книгу «Анатоль Франс в халате» — воспоминания личного секретаря Анатоля Франса (книга не лишена пикантностей). Сейчас же другое издательство выпускает такую же книгу под заголовком «Анатоль Франс в халате и туфлях». В связи с такой конкуренцией между издательствами внешнему оформлению книги уделялось большое внимание.

Помню, что нас, молодых художников, особенно восхищали обложки Замирайло. Я жил тогда вместе с одним молодым художником М. Гольденцвейгом, в Ленинграде, тоже поклонником Замирайло. Нередко один из нас, вернувшись поздно вечером домой, радостно сообщал товарищу: «Есть новая обложка Замирайло!». Дело в том, что в витринах книжных магазинов делали новую выставку книг, обычно вечером, а мы сра-

---

[1] Савинов Александр Иванович (1881 — 1942) — живописец, педагог.

[2] Гранвиль Изидор Жерар (1803 — 1847) — французский график иллюстратор.

[3] Мориц фон Швинд (1804 — 1871) — австрийский художник.

[4] Сидоров Алексей Алексеевич (1891 — 1978) — искусствовед, коллекционер.

[5] Митрохин Дмитрий Исидорович (1883 — 1973) — график, книжный иллюстратор.

зу же узнавали по стилю работы В.Д. Замирайло, не читая даже его любимых нами инициалов латинским шрифтом VZ — Виктор Замирайло. Мы узнавали руку Замирайло по его замечательной композиции.

Действительно, композиция у Виктора Дмитриевича была изумительная. Помню одну обложку. Средняя часть листа — большое пустое пространство. Вверху заголовок, а внизу, совсем внизу, целое море поднятых рук голосующих людей. Только рук.

Примеры композиций иллюстраций к сказкам: из пещеры высовывается огромная рука великана, которая хватает быка, приведённого в дань людоеду. Или ещё: по полю мимо холма едет витязь — небольшая фигура, а из-за холма чуть ли не над головой всадника высунулись огромнейшие ступни великана, который спит за холмом. Но видны только ступни. (Я умышленно взял несколько родственные примеры композиций Замирайло, которые у него очень разнообразны).

Помню, мы с товарищем пошли в издательство, в типографию, и попросили оригиналы обложек Замирайло. Нам охотно дали несколько штук. Среди них были обложки к «Дон Кихиту», к роману Джозефа Конрада «Победа», к книгам Анатоля Франса и др. Доставали мы и типографские оттиски обложек. К сожалению, всё это погибло во время войны.

Как то я увидел у Замирайло несколько чёрных деревянных шариков и поинтересовался, для чего они ему. «А жонглировать, — отвечал он, — не знаю только, куда девать четвёртый шарик». «Вы, как японские художники», — сказал я. Виктор Дмитриевич засмеялся.

Виктор Дмитриевич был удивительно скромным и тихим человеком. Нельзя представить себе его грубым, шумным, скандальным. Он рассказывал, что ему пришлось когда-то в молодости отбывать воинскую повинность. Начальство, видимо, хотело произвести его в унтер-офицеры. Виктор Дмитриевич говорил, что, сколько с ним ни бились, он никак не мог произнести слова команды «Смирно! Шагом марш!» — «Ну как я могу это сказать», — говорил он, смущённо улыбаясь.

Чувствовалось, что у Виктора Дмитриевича вызывали органическое отвращение пошлость, распущенность, цинизм, непристойное поведение. Виктор Дмитриевич жил скромно, даже, видимо, очень скромно. Он совершенно не был человеком, которого можно назвать «пробивным». Будучи замечательным иллюстратором, он далеко не был завален заказами, которые попадали в руки различных ловкачей. Виктор Дмитриевич рассказывал мне, что ему пришлось пойти в какое-то издательство, чтобы предложить свои услуги. Он понёс свои работы, которые, по словам Виктора Дмитриевича, произвели «целый фурор». Художник получил заказ, но, будучи, человеком необычайно добросовестным в работе, выполнял его долго. «После этого, — говорил Виктор Дмитриевич, — в издательстве меня разлюбили немного».

В 1926 году я поступил в Ленинградскую Академию художеств. В этом же году в Академии, на графическом факультете, стал работать преподавателем и Виктор Дмитриевич. Деканом графического факультета тогда был Д. Митрохин, который относился к Виктору Дмитриевичу с большим уважением, считая его «замечательным рисовальщиком и художником необыкновенно талантливой композиции». Студенты относились к Виктору Дмитриевичу с большой любовью. Хотя мы не могли пожаловаться и на других преподавателей, среди которых были тогда крупные художники, но в Викторе Дмитриевиче нас поражала его необыкновенная скромность, деликатность и какое-то глубоко человеческое отношение к молодёжи.

И всегда вместе с тем во всём, можно сказать, во всех его поступках, чувствовался большой художник определённых твёрдых убеждений, глубокого художественного чутья. Так, например, весной 1927 года в Ленинградском Доме Печати была открыта выставка работ учеников Павла Николаевича Филонова, или «мастеров аналитического искусства» (дело в том, что П.Н. Филонов не признавал понятий «ученик», «ученичество». «Нужно работать с первых же шагов, как мастер»). Помню, что Виктор Дмитриевич отнёсся очень одобрительно к работам учеников Филонова. И это примечательно, потому что в Академии относились к Филонову очень враждебно, не любили и боялись Филонова из-за его беспощадной критики академического преподавания.

Как-то с товарищем (по академии) В. Сюмкиным[1], очень талантливым юношей, были мы в Русском Музее и встретили там Виктора Дмитриевича. Он очень охотно и долго ходил с нами по залам. Запомнилось мне, как мы стояли перед огромной картиной К. Савицкого «Проводы новобранцев на войну», в своё время недооценённой Третьяковым. Замирайло дал ей высокую оценку. Многое из того, что говорил Виктор Дмитриевич, было для нас откровением.

Долго стояли мы перед картиной Врубеля «Богатырь», и Виктор Дмитриевич рассказывал нам интересные вещи. Как известно, Врубель считал, что «Богатыри» у В. Васнецова недостаточно былинные. И вот Виктор Дмитриевич, очень хорошо знавший Врубеля, друживший с ним, вспоминает, как Врубель сказал: «Я ему (Васнецову) покажу, как нужно писать богатырей!» И написал своего «Богатыря». «После этого, - продолжал Виктор Дмитриевич, — богатыри Васнецова *сели*». И Виктор Дмитриевич сделал рукой жест, ладонью вниз к полу. И добавил: «Всё-таки они (богатыри Васнецова) немного господа».

Кажется, в 1928 —1929 годах у Виктора Дмитриевича усилилось заболевание глаз. Он оставил работу в Академии Художеств. В это время мне пришлось навсегда покинуть Ленинград, и я больше никогда не встречался с Виктором Дмитриевичем.

[1] Сюмкин Виталий Назарович (1906-1941) — художник-график, кинорежиссёр.

ПУБЛИЦИСТИКА

Фёдор ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ

СТЕРЕОТИПЫ И МИРОВОЕ РАЗВИТИЕ

Анализ стереотипов в контексте сценариев мирового развития кажется неожиданностью только на первый взгляд. Современное естествознание уже давно пришло к выводу, что не бытие определяет сознание, а прямо наоборот — сознание определяет бытие. Ведь всё с нами происходящее мы пропускаем через своё восприятие. А поэтому то, что мы самоуверенно называем объективной (то есть, по смыслу определения, независящей от нас) реальностью, есть не более (пусть и не менее), чем результат интерпретации события нашим сознанием. Достаточно сказать, что одно и то же происшествие может вызвать у разных людей совершенно различные реакции — от юмористической до трагической и от взвинченной до абсолютно нейтральной и т.д. И каждый из них будет выстраивать своё поведение в соответствии с нею.

Получается, что как мы воспринимаем то, что с нами происходит, так мы и мыслим (позитивно или негативно, продуктивно или деструктивно, оптимистически или пессимистически...). А как мыслим, так и живём. Следовательно, для разработки сценариев будущего мирового устройства в принципиально необычных для нас глобальных условиях необходимо сначала расчистить сознание их заказчиков и исполнителей от наслоений архаичных, то есть не соответствующих текущему моменту, стереотипов.

Начать с того, что сам сценарный подход предполагает многовариантность. Управленцы же, совсем напротив, требуют от экспертов сокращения вариантов решений — в идеале (как они думают) до единственно, в каждом конкретном случае, верного. Достаточно вспомнить последнюю по времени редакцию «конца истории», вышедшую из-под пера Фрэнсиса Фукуямы, наивно уверовавшего в безальтернативность, после падения мировой социалистической системы, либерального будущего человечества в его американской версии. Скоро (по историческим меркам практически сразу) и ему, и всем нам пришлось убедиться в бесперспективности подобных рискованных построений.

Другой пример. История показывает, что системное переосмысление ситуации требуется в мировом пространстве каждые 30-40 лет. Поскольку накопление микроизменений в социальном пространстве (аналог флуктуаций в физике) создаёт со временем качественно новую обстановку, в которой старые рецепты не работают (аналог эмерджентных свойств), игнорирование этого обстоятельства приводит к тому, что выход в новое состояние происходит через острый, чаще всего силовой, конфликт (аналог взрыва энтропии).

Последний раз такое системное переосмысление было проделано мировыми лидерами после масштабного социального (конца 1960-х гг.) и энергетического (начала 1970-х гг.) кризиса. Теперь, когда все мы столкнулись с кризисом, возникшим и развивающимся по совсем иным лекалам, чем прежде, политики надеются обойтись косметическим ремонтом.

Это заблуждение крайне опасно. Ибо известно, что сложная саморазвивающаяся система (а общество, нация, человечество в целом, безусловно, являются таковой) не может иметь одного варианта будущего. А мы его ищем, то есть, занимаемся заведомой ерундой.

Между тем, даже в мировых религиях авраамической традиции нет жёсткого предопределения (Адам же смог ослушаться Бога, совершив Грехопадение: то есть, у него был выбор — он изначально был наделён волей, и ему была дарована свобода). А мы именно, что искусственно конструируем детерминизм — в виде то социального дарвинизма, то экономикоцентризма ... Забывая, в последнем случае, предупреждение более, чем столетней давности, великого социолога Вильфредо Парето о том, что экономика сама по себе не решает ни одной человеческой проблемы.

Наши ментальные карты радикально путают политику, культуру и географию, когда мы и на Западе, и у нас слышим сомнения в том, что Россия является Европой, и утверждения, что наша культура — отдельная цивилизация. Хотя любому непредвзятому и образованному человеку ясно, что культура русская принадлежит к восточному варианту единой христианской цивилизации, в каковом качестве русских, кстати, и воспринимает нехристианский мир. Эта вроде бы сугубо далёкая от практики гуманитарная неразбериха выливается в весьма конкретные и опасные неадекватные восприятия мира, в непонимание содержания «мягкой силы» (Soft Power), в одномерную глобалистику с её неолеволиберальным догматизмом и проч.

Европейская (евроатлантическая) секуляризированная ментальность продолжает противопоставлять религиозное и научное мировоззрение. Притом, что теория Большого Взрыва, в результате которого произошли все объекты нашей Вселенной, вполне сочетается с религиозным сознанием. Ведь тогда, если верить современной физической теории, произошёл взрыв энтропии (связанной энергии) в вакууме (особом напряжённом состоянии энергии). Так вот, человек религиозный полагает, что материя есть состояние энергии. А неверующий считает, что, наоборот, энергия — состояние материи. И тот, и другой вряд ли когда смогут привести окончательные аргументы в пользу своей точки зрения (во всяком случае, природа науки такова, что в ней вообще нет ничего раз и навсег-

да установленного). Получается, что в основе науки так же, как и религии, лежит простая вера. А значит,– наука и религия – два вида веры, и всё. И атеист тоже *верит*, что Бога нет, как человек религиозный *верит*, что Бог есть. Именно поэтому те и другие в обоих случаях столь бескомпромиссны друг к другу.

Здесь уместно вспомнить, как Блэз Паскаль пытался привлечь своих современников к религии. Разумный человек – говорил он – должен делать ставку на то, что Бог есть: ибо если он окажется прав, то выиграет всё, если же ошибётся, то не потеряет ничего (сравните с тем, что как-то сказал Наполеон: если Бог на моей стороне, то я уже в большинстве).

Увы, мы не заметили, как подменили ироничную и продуктивную рациональность Паскаля бесплодной рассудочностью *веры* (снова она!) в безграничные возможности ничем и никем не ограниченного человеческого разума. И вот уже мир сходит с ума в ожидании конца света. Пропуская мимо себя очевидное: в определённом смысле кризис секулярного сознания показывает, что мы уже переживаем этот конец. Ведь само это сознание есть продукт деятельности просветителей XVIII века. Но это только по-русски то столетие именуется Веком Просвещения. Французское название куда определённее – Siècle de Lumière – Век Света. Вот конец этого света, то есть эпохи господства идей Просвещения, и подошёл – только и всего!

Заодно бездумной и безумной борьбой с религией мы выбили несущую опору ответственности человека за будущее – своё и мира. Напомню, что авраамизм постулирует, что человек был создан как соработник Бога. А значит, дела наши должны быть направлены исключительно во благо, т.к. Он Благ. Именно поэтому Уинстон Черчилль (в отличие от тех, кто ищет оправдания собственной нечистоплотности в лукавой формуле «политика – грязное дело») утверждал, что тот, кто разделяет политику и этику, ничего не понимает ни в одной, ни в другой. Утрата понимания такой нравственной связки человека с Божественным уже привела к многочисленным катастрофам XX века. Что-то нас ждёт ещё?

Стереотипы опасны тем, что они не рефлексируются. Принятые под их давлением решения ведут в никуда именно потому, что принимаются они, по существу, вслепую.

Одним из таких клише есть расхожая постмодернистская ошибка о мифе, как бессмыслице. Между тем, миф есть не заблуждение, а живая непосредственно и комплексно переживаемая реальность. Миф есть символ. А человек мыслит символами. Таким образом, человек не может мыслить без мифа. Вне мифа не может быть воодушевляющего образа будущего. И, значит, некуда будет стремиться.

Другой химерой является демонизация культурных различий. Проще всего мой тезис можно проиллюстрировать на примере отношения Запада к конфуцианской цивилизации. В западных работах 1960-1970 гг., посвящённых Китаю, общим местом было рассуждение: у этой страны нет будущего, ибо она населена конфуцианцами, а они не признают ценность индивидуализма, они заражены патернализмом и коллективизмом, частная инициатива подавляется авторитетом старшего и т.д. Когда Китай вышел на нынешнюю траекторию своего развитию те же авторы стали оправдывать его успехи следующим образом: конечно, у него всё получается – ведь там сильна культура конфуцианства, посмотрите, как они кооперативны и солидарны, какая у них замечательная трудовая этика ...

Ещё один опасный штамп, как на Востоке, так и на Западе, представлен убеждением в том, что всё и дальше будет идти примерно так, как идёт сейчас. То есть, или Америка останется мировым лидером, или её сменит Китай (тут уместно вспомнить, что если мы действительно считаем, что западная цивилизация находится сейчас на своём пике, то путь с него только один – вниз, и, чтобы избежать этого, нужны нетривиальные подходы, которые откроют нам новые вершины, к которым можно будет идти).

Как будто, не может произойти ничего тем более драматического, чем более неожиданного. Такая самоуспокоенность в прошлом всегда заканчивалась катастрофой. Рим был раздавлен варварами, чьи вожди ведь тоже (посмотрим на европейски образованных и европеизированных в быту лидеров беднейших стран Азии и Африки) знали латынь и охотно пользовались достижениями античной цивилизации. А безмятежность элит, поделивших мир, взорвалась в начале XX столетия страшной мировой войной, плавно переросшей в свою вторую стадию 1939-1945 гг.

Убеждённость в универсальности той или иной модели демократии также является вредным стереотипом. Дело не только в том, что при переносе институтов из одной почвы в другую необходимо учитывать специфику последней, с чем, наконец, согласны уже почти все серьёзные теоретики и практики. Гораздо важнее то, что до сих пор слабо учитывается такая банальная для антропологии истина: заимствования ведут в новой для себя среде совсем иначе, чем в родной для себя атмосфере потому, что не только новация адаптирует под себя среду, но и она сама адаптируется к последней.

Наконец, с моей точки зрения нет (и не может быть) никаких специальных законов истории, социологии, экономики и т.п. Всё, что считается таковыми, является частным случаем универсальных законов, действующих одинаково как в микромире, так и в социальной, например, среде. Так, физический закон наименьшего сопротивления (минимум затрат на максимум результата) в экономике называется законом оптимизации прибыли.

Мировой кризис поубавил фанфар по поводу, которым ещё недавно развитый мир гордился как одним из главных своих достижений, полагая, что добился нового качества эффективно-

сти на путях цивилизации скорости. При этом было упущено из виду, что быстрота смены поколений технических новинок не только делает бессмысленным производство качественного продукта, т.к. качество тормозит стимулирование новых приобретений, но и, в конечном итоге, может привести к полному обессмыливанию всяких новаций, поскольку уже сейчас хорошо представима ситуация, в которой для внедрения технологических новшеств будут требоваться считанные дни, т.е. любой продукт будет морально устаревать ранее, чем от него будет сполна получен искомый результат. В конце концов, развал расписания движения поездов не где-нибудь, а Германии, и не когда-нибудь, а в мирное и не отмеченное острыми социальными потрясениями время, в последние 10-15 лет есть яркая иллюстрация рискованности увлечения сверхвысокими скоростями (о неприспособленности наших железных дорог к скоростным экспрессам я просто не говорю).

Стереотипные подходы в нашей энергетике грозят тем, что страшно дорогие Северный и Южный поток окажутся не то что незаполненными (уже и Голубой поток работает на треть мощности), но попросту ненужными. Огромные деньги будут выброшены, а страна влетит в катастрофу не меньшую, чем та, что похоронила СССР. Ведь в условиях, когда США переходят на сланцевый газ, все поставки более дешёвого сжиженного природного газа из Катара перебрасываются на Европу, и наша труба может стать вовсе нерентабельной.

Если вернуться к последствиям культа разума, то нельзя не видеть, что порождённые им сухая рассудочность и технологические способы обращения с индивидами и социумом привели к атомизации современного общества и нанесли тяжёлые увечья человеческим взаимоотношениям, что самым печальным образом сказалось на демографической картине «золотого миллиарда». Теперь стало модно ругать экономику потребления. Что в корне неверно. Любая экономика есть экономика потребления: нет потребления — нет спроса, нет и экономики, как таковой. Проблема не в этом, а в обществе потребления. Если люди всего лишь потребляют друг друга, то о каком, например, демографическом благополучии можно говорить: дети появляются ведь от любви, а не от секса.

Это не касаясь того, что, как мы всё более убеждаемся, безудержное потребление ведёт к экологическим, экономическим, социальным катаклизмам. А также к экспоненциальному возрастанию давления на развитый мир со стороны его периферии, что грозит масштабным цивилизационным срывом, о котором уже было сказано выше.

Тут снова встаёт вопрос о выходе за просвещенческий стереотип отношения к религии. Ибо религии, в том числе авраамические, не отрицают (за исключением явной девиации ряда раннехристианских сект) богатства, как такового. Они выступают против неправедного (обманом, насилием) обогащения и стяжательства, как безудержной, сверх необходимого, погони за материальными благами. Похоже, что сдержанность в потреблении вновь становится актуальной.

Вообще, есть большие сомнения в том, что отношение к жизни, как удовольствию (гедонизм), может быть продуктивным. Так, Гегель определял развитие, как тяжёлую, кропотливую, напряжённую работу, направленную на преодоление человеком самого себя. А современная рефлексивная философия считает развитием создание новой реальности. Само же её формирование невозможно без того, чтобы на какое-то время (подобно тому, как то случается с ремонтом жилища) не поступиться привычным уровнем комфорта. Готовности к последнему в гедонистической модели бытия места как раз и нет. А это ставит под вопрос саму вероятность развития, без которого не будет успешного будущего, у общества, которое исповедует гедонизм.

Сергей **АЛИМАРИН**

ИЗ ДНЕВНИКА ЧИТАТЕЛЯ

* * *

Не следует путать общественный идеал и прогноз на будущее. Первый — это наше представление о гармоничном сочетании тех ценностей в обществе, которые мы считаем наиболее важными. Это — компас, которым мы руководствуемся при принятии решений, заключении соглашений, компромиссов между различными социальными группами.

Второй — это наше сегодняшнее представление о будущем, о котором мы считаем возможным говорить. Оно определяется нашей картиной мира, нашим представлением о направлении развития реального общества. Конечно, между ними есть и общее, но мы знаем что, как и наша картина мира в целом, общественный идеал также будет меняться.

Карл Поппер: «Ценности имеют социальное значение только тогда, когда существует поддерживающая их социальная традиция. С уничтожением традиций исчезает сама цивилизация».

Именно поэтому надо внимательно относиться к стремлению некоторых культур (арабской, китайской) сопротивляться резкому и быстрому внедрению европейских ценностей, социальных процедур. Даже в том случае, когда такие ценности, очевидно, придется принимать (толерантность), их нельзя ввести силой и очень быстро.

Альтернатива здесь такая: или мы хотим полностью заменить существующую культуру западной, что почти невозможно, ибо такая культура будет просто разрушена, либо старая культура

в какой-то форме примет нормы, необходимые для ее мирного сосуществования с другими культурами, а это и есть одна из ценностей либерализма.

* * *

Сегодняшняя ситуация дает как минимум один пример полной несовместимости культур. Это исламский фундаментализм и демократические сообщества. Оставляя в стороне проблемы типа, запрещать или нет носить хиджаб (скорее никаб, потому что хиджаб — это просто платок), можно сказать, что позиция непризнания палестинскими фундаменталистами другого общества — Израиля, не может быть основой никакого нормального существования. Таким образом, палестинские фундаменталисты, не признавая право Израиля на существование как государства, вынуждены на практике считаться с ним и вести переговоры. А Израиль, строя поселения на территории, на которой по международным договорам должно образоваться палестинское государство, все-таки признает право палестинцев на создание государства, и, в частности, снабжает их водой и электроэнергией.

Мирное сосуществование различных обществ есть первая основа всякого диалога между ними. И это — одна из универсальных ценностей. Таким образом, можно утверждать, что существует хотя бы одна такая ценность. Возможно, есть и другие, но без этой — вообще ничего не будет. Здесь даже компромисс невозможен.

* * *

Критика либерализма и консерватизма с либеральной позиции. (Д. Грей. «Поминки по Просвещению»). Все термины перепутались.

Старый консерватизм — это опора на традиционное общество. А для того времени (Просвещение, XIX век) — это дореволюционное устройство общества. Точнее трудно сказать. Во всяком случае, это не ценности рынка.

Старый либерализм. Максимальная свобода рынка, индивидуума, отмена всех сословных различий, рационализм (с сегодняшней точки зрения), исчезновение всех локальных и национальных различий. Новый консерватизм. Ценности свободного рынка (взяты у старых либералов), национальный изоляционизм. Новый либерализм. Рынок и в то же время, «государство всеобщего благоденствия», «социальное государство».

Социализм. Коллективизм, корпоративизм. Примат коллективных ценностей, против рынка. «Атавстические антилиберальные течения» — именно против них борется Грей. Их расцвету способствует политика «фундаментального либерализма как новых консерваторов, так и либералов». Отсюда возникает псевдотрадиционный религиозный и культурный (читай этнический) фундаментализм.

Рыночные ценности отодвинулись на волне послевоенного желания обеспечить экономический рост. В 70-е годы экономический либерализм боролся с застойным корпоративизмом, наследием военной экономики. В 90-е годы задача изменилась: необходимо было защищать человеческие общности от рыночного экстремизма. Постоянный рост смягчает тяготы разрушения традиционных общественных связей. Рынок приветствуется только в эпоху роста экономики. Как только рост прерывается, обращаются против рынка, хотя причиной могло стать именно его ограничение корпоративизмом.

Корпоративизм — это различные договоренности между государством, бизнесом и профсоюзами. Крайние формы корпоративизма — авторитарное управление профсоюзами и бизнесом со стороны государства (фашизм Муссолини, «новое государство» Салазара).

Новый консерватизм (Тэтчер) — неизменность правил игры, а не прямое воздействие правительства на экономику. Но ведь это же либерализм (Хайек)!

Правительство оценивается уже не по темпам экономического роста, а по качеству жизни. Даже при низком темпе роста может идти перестройка экономической структуры, вызывающая структурную безработицу. Главная проблема сегодня — незащищенность наемных рабочих, управленцев и малого бизнеса. Политическую выгоду от этого имеют неофашисты и неокоммунисты.

Парадокс в том, что быстрые перемены, вызываемые рынком, разрушают его основы, традиционные либеральные ценности.

* * *

Д. Грей: необходимо направлять экономическое развитие в интересах людей. Но как это сделать? Кто будет определять, каковы цели и как найти средства? Понятно, что цели в условиях противоречивых ценностей должны определяться каждый раз как компромисс между социальными группами. Средства же может дать только экономическая наука (и более широко, наука вообще). Более того, разделение на средства и цели всегда не однозначно. Таким образом, соотношение сфер, где решения принимаются политиками, а где экспертами не вполне ясно. Такое решение может быть найдено только циклически и для данной культурной ситуации. Рост экономики и технический прогресс необходимы, это признает и сам автор, а поэтому необходим и рынок, который их обеспечивает. Другого эффективного инструмента мы не имеем. Поэтому все-таки прав Хайек, прав в том, что рынок необходимо сохранить везде, где это возможно. Даже если будет необходимо временно ограничить свободный рынок, его надо восстановить как только ис-

чезнут причины его ограничения (война, стихийное бедствие, крупные ошибки управления с тяжелыми последствиями).
Грей постоянно настаивает на необходимости сохранить культурную среду, традиционный образ жизни людей окружение и сообщества. В конечном счете, сохранить среду обитания людей, их защищенность. Это верно. Это — проблема, которую просто рынок не решает. Как вообще можно подойти к ее решению?
Ответ на этот вопрос может дать эволюционная теория. Сам по себе рынок — это конкуренция и борьба. Человек с его способностью к труду есть один из элементов этого рынка, и все люди, как трудящиеся являются конкурентами. Отсюда и безработица и незащищенность. Однако, эволюционный процесс идет не только в экономике и поэтому его надо рассматривать шире, на разных уровнях. Мы не можем создать идеально хорошее общество. Мы не можем навязать людям умозрительные системы ценностей. Для того, чтобы оценивать, нужно посмотреть, а что выбирают люди реально. Западные общества не идеальны, но люди стремятся переселиться из традиционных обществ в западные. Почему? Чего они ждут от этого переселения. Они ведь могут и ошибиться, действовать на основе фантастических представлений о том, куда они попадут. Они бегут от бедности и незащищенности традиционных обществ, которые распадаются. Но попадают они в систему, которая их тоже не защищает и часто не способна принять в себя. Не может она этого сделать и потому, что сами эти люди привыкли к другой системе ценностей. Через некоторое время они начинают требовать, чтобы западное общество приняло их систему ценностей, их культуру, хотя бы частично. Тем самым они переносят проблему сосуществования культур из сферы межгосударственной в сферу внутригосударственную. Поэтому и решение ее становится все более настоятельным. Грей справедливо говорит, что для укоренения рыночных институтов нужно использовать особенности сообществ, а не ждать, что свободный рынок сам сформирует общество. Если не учитывать особенности культуры сообщества, рынок просто не сможет работать, что часто и наблюдается.

* * *

Каждый народ вправе решать, какой будет статус его территории. Однако, это право может столкнуться с желанием населения более мелких территориальных образований в составе более крупного. Решение не может быть принято просто большинством населения, поскольку сталкивается с правом на самоопределение народа более мелкой территории.

* * *

Поппер: «Не существует закона эволюции, есть лишь исторический факт, что растения и животные изменяются, точнее изменяемы». Невозможность предсказания приводит некоторых к разочарованию и иррационализму. Это характерно для историцистов.
Замечу, что, аналогично этому, разочарованный верующий приходит к отрицанию морали и моральному релятивизму.

Сергей **МОСКАЛЕВ**

ИНФОРМАЦИЯ НА КОНЧИКАХ ПАЛЬЦЕВ

Четыре источника пиратства

(Продолжение. Начало в «Словесности 2012)

Инстинкт делиться

Человек пригласил в гости хорошую компанию, угостил всех пиццей — он поделился, всем хорошо. Решили посмотреть видео, законно купленное в магазине, но что-то не так с голограммой. И вот уже хозяин на скользком пути уголовщины — он организатор неавторизованного показа, о чём нас так строго предупреждает ФБР перед началом фильма... Мы как-то говорили с Ваней Засурским об авторских правах, и среди прочих движущих сил в информационной экономике он упомянул sharing. В английском языке и культуре это многомерное понятие. У нас пока нет эквивалента этому термину: «дележка» звучит ужасающе, «совместное использование» — слишком казенно. Sharing — это совместное использование ресурсов, это дядя, приехавший из Туапсе и спящий у вас на кухне, это поедание конфет с друзьями в пионерском лагере, это общий почтовый сервер, это кормление голубей.
Стремление поделиться — одно из базовых импульсов в отношениях между людьми. Даже котята играют с фантиком на веревочке строго по очереди. Это не что-то осознанное, это инстинктивное... Мать делится с сыном, муж с женой, ближний с ближним.
В природе есть интересная особенность — растения стараются максимально широко распространить свои семена, то есть свои будущие копии. Что удивительно, нарушая при этом копирайт. Если рассматривать произведение искусства как мем, а его создателя как проводника, то понятно, почему хит тиражирует себя сам всеми доступными способами. Идеи хотят жить и циркулировать. К сожалению, у лучшего фильма про войну не получился самосев, потому что это был второй, принудительный способ делиться: когда у нас взяли новый велосипед в виде налогов, а вернули запчасти в мешке. Да, скачивай

сколько хочешь, в этом случае уже давно заплатили. Так ведь никому и не надо...

Однажды в лондонском парфюмерном магазине Penhaligon произошел случай. Симпатичный седовласый человек в очках, как выяснилось позже — профессор Стэнфордского университета, рассказал пятерым присутствующим историю о том, как его прадед ещё до Первой мировой войны покупал в Лондоне у «Пенхалигона» мужской одеколон Hammam Bouquet. Потом уже его отец раз в два года приезжал из Америки в Лондон, чтобы пополнить запасы. В шестидесятые годы маленькая семейная фирма «Penhaligon» закрылась, одеколон закончился, и пополнять его запас стало невозможно. Прошло какое-то время, и вдруг магазин открылся вновь. Отец профессора метнулся на самолете в Лондон, зашёл в лавку, открыл пузырек, понюхал и заплакал. Теперь уже сам профессор раз в два года прилетает из Америки, чтобы купить три пузырька Hammam Bouquet, несмотря на то, что их можно заказать по интернету... Потом один из присутствующих в лавке достал из кармана редкий арабский парфюм и предложил всем присутствующим оценить тонкость оного. Восхищались, обнимались, потом прощались — с надеждой когда-нибудь встретиться. И наконец, при расставании профессор сказал: «Спасибо вам, что поделились». И все присутствующие в свою очередь поблагодарили его за то, что он поделился с ними своей семейной историей. Никто никому ничего не вдувал, не планировал получать доход. Это просто был sharing.

Страница, на которой находится эта статья, снабжена кнопками социальных сетей: Facebook, Twitter, Livejournal, при помощи которых вы можете поделиться ссылкой со своими друзьями и знакомыми. Такова Сеть. Делиться ссылками — главный принцип.

Гиперссылка — лекарство против авторского эгоизма. Нормальный автор делится информацией, пониманием, и он не может противостоять этому внутреннему стремлению делиться. Располагая в начале текста ссылку, автор рискует, что его статью не дочитают до конца. Забавно видеть в крупных газетах лицемерные ссылки, когда указан адрес, но *линка* под ним нет. Гиперссылки — это развитие идей цитирования, принятого в академическом мире, когда мысль или концепт подкрепляется указанием источника. В свою очередь, это глубоко уходит корнями в теологию, когда библейская цитата должна была в себе нести отсылку к библейской книге, конкретной главе и номеру строки. Мы видим, что идея делиться источником информации была и остается правилом для любого добропорядочного автора.

Конечно, все мы знаем два распространённых способа делиться, хороший — добровольный, когда вы в поезде угощаете соседа бутербродом, и второй — принудительный, когда приходит соседка и просит у вас дрель и мужа на пару часов, а возвращает их обоих через полгода в убитом состоянии. Сейчас большинство правообладателей оказались в состоянии принудительного «поделись с ближним». Умные, видя тенденцию делиться, воспользовались ею, например, Radiohead или Паоло Коэльо. Законы экономики сильны, но если деньги потрачены умно и весело, они отобьются.

Стремление делиться всё равно побеждает — оно как гидра! Прихлопнули Napster — получили пять новых сетей, более продвинутых и более децентрализованных. На смену погибшему всегда приходит более совершенное.

В сценарном планировании приходится учитывать пять движущих сил развития общества: общественные отношения, политику, экономику, технологию и природу. Стремление людей делиться относится, на мой взгляд, к природе. Эту силу нельзя переломить, но можно использовать: так вирусный маркетинг использует её для продвижения продуктов и идей, так поднялись и Google, и Яндекс, никому ничего не навязывая...

Такое ощущение, что олдскульные рокеры и производители ковбойских боевиков не умеют и не хотят использовать естественные движущие силы, они хотят насаждать свои правила из семидесятых. Вспоминается пословица: «Если плюнешь на общество, оно утрется, если общество плюнет, то утонешь». Люди знали об этом ещё до появления цифрового контента.

В мировом бизнесе в последнее время сформулировалось понятие NJFP (Not Just For Profit). Любой проект — технический или гуманитарный — должен нести в себе эту компоненту, чтобы успешно развиваться. Давно замечено: самый эффективный проект, ориентированный на быстрое получение прибыли, — это гоп-стоп в подворотне. Чем полезнее и для большего числа людей предназначено начинание — тем выше вероятность устойчивого развития.

Все помнят ютьюбовский клип Орена Лави с девушкой на кровати, едущей в поезде, в море играющей с рыбками. За год до появления видеоклипа он выпустил диск на хорошем английском лейбле. Сколько было продано? Сорок дисков! Купили: племянник, бабушка, родители, музыканты, автор обложки и сам исполнитель на подарки друзьям. После того как Орен поделился со всем миром и выложил клип для бесплатного просмотра, он получил мировую популярность и миллионы прослушиваний. Он поделился креативностью, с ним поделились вниманием. Молодой артист страдает не от пиратства, он страдает от безвестности.

Пока люди будут делиться друг с другом, они смогут выносить жесткое и корыстное давление окружающего мира.

Движущей силой в обществе является технология — создание инструментов и приспособлений. Вот пульт для телевизора. Он позволяет серфить по информационному пространству, моментально уходить с рекламы в тихую заводь телеканала «Культура». Телевидение стало интернетом для тех, у кого нет

компьютера. Появились и специальные люди, которые сами продвинуто посерфят и потом всё рассказывают телезрителям. В новой информационной экономике есть выражение «информация на кончиках пальцев» (information at your fingertips). Этот концепт ввёл Билл Гейтс, выступая в 1990 году на выставке Comdex в Сиэттле. Тогда он сказал, что все данные, необходимые для бизнеса, обучения или для всего, что вы пожелаете, должны быть моментально доступны с персонального компьютера. В появившейся вскоре версии Windows появилась кнопка на экране, нажав на которую, можно было произвести поиск по компьютеру или на других компьютерах, которые доступны через Сеть. Уильям Гейтс, вы – гений! Вы сделали это, и концепт развился до масштабов планеты. Интернет пришёл к нам в карман и лежит там в виде смартфона.

Чтобы информация оказалась на кончиках пальцев, всё должно происходить как можно быстрее, моментально. Ещё лучше, когда обогрев включается до, а не после. Концепцию instant мы видим везде: моментальные денежные переводы, видео по запросу, растворимый кофе. Сейчас восстановили фотоаппарат Polaroid для моментальной фотографии, поскольку конечный продукт – фотоснимок – бывает необходим прямо сейчас.

Есть культовые айтишные продукты. Каковы их признаки? Культовый продукт поляризует эмоциональное восприятие и эксплуатирует его. В культовой вещи должны присутствовать волшебство, моментальность и слой непредсказуемости. Есть добротные программы или сервисы, в них всё понятно, пока пинаешь их мышкой, они работают, никаких чудес. В них «нет Африки», как говорит Брайан Ино. Такие сервисы скучны. В идеале вещь должна удивлять даже её создателя. Удивление связано с моментальностью, как при исполнении фокуса.

Тот, кто не может реализовать моментальность, проигрывает. Вот вышла книга Олега Тинькова «Я такой, как все». Он продаёт её на сайте tinkov.com, можно даже купить в электронном формате. Сижу на даче, решил купить, почитать в ридере. Упс... Требуется кредитка для оплаты, но она дома, номера её не помню. Электронными деньгами бы оплатил, но такого варианта нет. Принцип моментальности не соблюдён. Вторая опция: оплатить книгу через SMS. Но посылка сообщения стоит дороже самой книги. Не соблюдён принцип справедливой цены. Извините, Олег, пойду почитаю переписку Ивана Тургенева с Афанасием Фетом.

Одним из важных мотивов, толкающих людей к моментальности, состоит в том, что люди не хотят получать информацию в линейной парадигме, подобно тому как это происходит на телевидении или на радио. Линейность даёт возможность засорять ненужной рекламой сознание человека. Но находятся добрые люди, которые делают «обчеству» приятно, вырезая рекламу. Линейность и поступательность конфликтуют с концептом моментальности, как микроволновка с пловом, приготовленным на старой дымной бочке. Правда, как раз в случае плова все предпочитают slow sex.

Появление компьютеров и их связанности привело к появлению обмена файлами, совместного доступа к дисковому пространству и т.п. Многие годы люди, работающие с компьютерами, пользовались обменом файлами, который был законным и привычным. Новые технологии закапывают старые. Если в квартиру провели электричество, то даже верный адепт керосиновой лампы и посетитель керосиновой лавки недолго продержится на этой архаике... Хорош был в Москве начала XX века керосиновый бизнес, но где они, эти керогазы?..

Если есть каналы, хранилища, то они будут использоваться. Едва ли не у каждого человека дома теперь есть свой волшебный «рог информационного изобилия», архитипическая мечта человечества. Древние считали, что волшебный рог извергает не только продукты питания, но всё необходимое для живущих на земле. Причём моментально. Извините, в этом потоке теперь всегда будут медиафайлы.

Хочу поблагодарить всех прочитавших все четыре рубрики, посвящённые пиратству и свободной циркуляции информации. Всех сотрудников редакции «Частного корреспондента», помогавших мне разбираться не с частными случаями, личными и корпоративными обидами, но понять и прикоснуться к скрытым силам, которые успешно развивают мир вокруг нас.

Ирина АРТАМОНОВА

КТО ОН — ИСКУСНЫЙ ЛИДЕР?

Причины всех своих успехов и неудач нам следует искать во внутреннем мире. Внешний мир только реагирует на те импульсы, которые мы ему посылаем.

Лууле Виильма

Слово «лидерство» становится популярным, а необходимость осуществления жёсткого руководства, обезличенных процедур и административных методов воздействия сменяется новой концепцией. Первые исследования в области феномена лидерства, проведенные западными социологами в 1930-х гг. установили, что лидерство – это особый тип поведения, которому эффективнее всех обучается молодежь (впрочем, как и иностранным языкам!). Лидерство, как социальное явление, сопутствовало появлению на земле человека и сопровождает человечество на протяжении всего его существования. В группе, состоящей более чем из двух человек, почти неизбежно возникает лидер. Изучение лидерских качеств великих людей, привело к появлению книг-рекомендаций таких, как «Искусство войны» Сунь-цзы, «Государь» Макиавелли и др. Но

лишь в начале XX века, с появлением таких наук, как психология, социология и развитием психодиагностики, возникла возможность научного исследования лидерства. Но исследователи пока не пришли к единой точке зрения на природу и сущность явления. В «Справочнике по лидерству», изданном в 1974 году, Р. Строгдилл систематизировал основные представления о лидерстве в соответствии с одиннадцатью ключевыми идеями XX века:

1. Лидерство как центр групповых интересов и процессов. Лидер – духовно-эмоциональный центр группы, определяющий её структуру, атмосферу, идеологию и т.д.

2. Лидерство как проявление личностных черт лидера, обладающего определёнными качествами, отличающими его от других, позволяющими ему успешно добиваться лидерских позиций и удерживать их.

3. Лидерство как искусство достижения согласия, стимулирующего эффективное межличностное сотрудничество, т. е. умение эффективного лидера улаживать конфликты.

4. Лидерство как действия и поведение лидера в процессе управления группой и координации её работы.

5. Лидерство как инструмент достижения цели и результата в процессе сплочения группы и согласования совокупных действий для получения искомого результата.

6. Лидерство как результат группового взаимодействия, когда люди сами объединяются вокруг более успешного человека, чувствуя в нём личную заинтересованность. Признавая его главным носителем целей, программ, методов действия, а также ценностей и норм группы, они становятся его последователями – успех такого лидера определяется готовностью последователей идти за ним. Не может быть лидера без последователей.

7. Лидерство как умение убеждать, а не манипулировать, умение управлять людьми с помощью силы убеждения и побуждения, а не с помощью принуждения.

8. Лидерство как осуществление влияния ради общей цели. В этом подходе не учитывается взаимовлияние. Но лидер, в силу зависимости от своих последователей, каждый раз меняется и сам.

9. Лидерство как властные отношения. Лидер, обладая властью, устанавливает над последователями контроль, изменяя их первоначальные намерения. Такого рода определение применимо в значительной степени к политическому и организационному лидерству.

10. Лидерство как результат ролевой дифференциации. Лидерство – особая роль, закрепившаяся за одним из членов группы, определяется взаимными ожиданиями лидера и последователей. К лидеру предъявляются б*о*льшие требования, чем к другим единомышленникам.

11. Лидерство как инициация и конструирование структуры еще не устойчивого коллектива, Лидерство здесь – это процесс, порождающий и поддерживающий ролевую структуру группы.

В XX веке в зарубежной психологии и социологии теория лидерства развивалась по разным направлениям, и накопился богатый теоретический и эмпирический материал. Большинство исследований проводилось в рамках организационного и политического лидерства. Можно выделить следующие подходы к изучению лидерства: *персоналистический* («Теория черт»); *ситуационный и поведенческий* (в том числе, «Общая теория взаимодействия»); *трансактивный* (включая атрибутивный анализ); *мотивационно-ценностный* («ценностные теории») и другие подходы.

«Теория черт» возникла из концепции «Великого человека». Основатель этой концепции, английский психолог и антрополог Ф. Гальтон, в работе «Наследственность таланта, её законы и последствия» (1869 г.) объяснял лидерство наследственностью. Его последователи пытались доказать, что все эффективные лидеры обладают *общим набором качеств*, позволяющих ими стать.

Интересна модификация «теории черт» в концепции А. Менегетти, считающего, что каждый, пусть в разной степени, обладает чертами лидера, но не всем удаётся их развить. Сторонники ситуационного подхода отмечают важность обстоятельств (в которых проявляется лидерство) и набора качеств, необходимых в конкретных обстоятельствах. Качества, необходимые в одних ситуациях, могу оказаться нейтральными (или мешающими) в других.

В более поздних исследованиях внимание уделяется не столько стилю поведения лидера, сколько характеру взаимодействия лидера и его последователей. Сторонники этого подхода считают лидерство феноменом межличностным.

В 1955 году Р. Стогдилл и С. Шартл предложили рассматривать лидерство, как результат взаимодействия личностей, входящих в состав данной группы. Позднее К. Джиб сформулировал четыре основных положения общей теории взаимодействия:

1. Внутригрупповое взаимодействие членов группы направлено на достижение общих целей, в то же время для каждого индивида достижение общих целей группы является опосредованным достижением личных.

2. Ролевая дифференциация в группе, включающая лидерство отдельных её членов, является неотъемлемой частью продвижения группы к осуществлению общих и, следовательно, индивидуальных целей.

3. Понятие «лидерство» включает в себя взаимодействие и взаимную оценку членами группы друг друга, результатом которой становится возвышение одного индивида над другими.

4. Единство физических и эмоциональных восприятий является одной из важных сторон межличностных отношений в группе. Каждый оценивается другим по совокупности его личных качеств и, главное, в соответствии с его способностями удовлетворить потребности группы.

Сторонники трансактного подхода, основанного на атрибутивном анализе, концентрируют внимание на восприятии последователями поведения и действий лидера, мотивов, которыми лидер руководствуется и на ожиданиях определённых результатов от этих действий. Наиболее ранним исследователем, использовавшим атрибутивный анализ, стал Ф. Хейдер. Он утверждал, что лидер, способный достичь ожидаемого результата, но не делающий этого, имеет больше шансов потерять последователей по сравнению с тем, кто не способен достичь желаемого, но прилагает явные усилия к этому. Эта точка зрения созвучна модели «кредита доверия» Е. Холландера. Способность лидера влиять на членов группы определяется и тем, насколько последователи осознают его компетентность. Величина кредита доверия пропорциональна ожиданиям последователей относительно результативности действий лидера. Феномен лидерства во многом строится на оценочных взаимоотношениях, состоящих из восприятия деловых качеств лидера и его привлекательности для последователей. Лидер должен иметь чёткое представление о том, как его воспринимают последователи, каковы их ожидания. Согласно атрибутивной теории лидерства – лидер доминирует, притягивая последователей, но его поведение определяется ожиданиями последователей, подталкивающих его к определённым действиям.

Мотивационно-ценностный подход к исследованию феномена лидерства ориентирован на изучение мировоззрения, ценностей, мотивов лидера и его последователей, а также, на анализ моделей и принципов взаимодействия между ними. Представители мотивационных теорий, в том числе и Абрахам Маслоу (1908 – 1970), заметил, что эффективность лидера во многом зависит от его способности влиять на мотивацию последователей. Ценностные теории лидерства, в отличии от мотивационных, получили своё развитие лишь в самом конце XX века. Являясь продолжением мотивационных теорий, ценностные теории, в то же время противопоставлены им. Изучение лидерства с точки зрения проблем ценностей, этики и морали стали предметом в большей степени философского, а не психологического анализа.

Особого внимания заслуживает ценностная теория лидерства, предложенная Съюзан и Томасом Кучмарски, основу которой составляют два базовых положения:

– лидер значительно влияет на развитие ценностей и норм;

– ценностно ориентированный лидер может и должен обучаться в процессе функционирования.

С. и Т. Кучмарски выделили десять показателей (признаков) ценностного лидерства:

1. Создание межличностных взаимоотношений.

2. Знание личных целей каждого из последователей.

3. Единение и социализация членов группы.

4. Разрешение межсубъектных конфликтов.

5. Обучение лидерскому поведению других индивидов.

6. Создание возможностей для реализации способностей последователей.

7. Формирование команды (единомышленников).

8. Диалогичность, взаимодействие с обратной связью.

9. Соединение внутренней культуры с внешним обликом.

10. Демонстрация увлечённости и поддержка разнообразия.

В отечественной социальной науке тема лидерства стала актуальной почти одновременно с началом изучения ее за рубежом. В 20–30-е годы прошлого века феномен лидерства исследовали в основном психологи и, чаще, на материале детских групп («вожачество»). В этих работах обсуждалась роль вожаков в детском коллективе (Е. А. Аркин, П. П. Блонский, Н. Н. Корганов и др.). К исследованиям лидерства отечественная социальная наука вернулась лишь в 60-х годах XX века. Появилось много работ, посвященных проблеме соотношения лидерства и руководства, предпринимались попытки уточнить и противопоставить эти понятия. В первом случае выделялось естественное, свободное, неформальное начало, во втором всё это противопоставлялось официозу.

Каждый живет во внутреннем мире своих представлений и интерпретаций. Различные факты и события, как и весь человеческий опыт, существуют прежде всего в сознании. Единственная «реальность», известная любому – личная, субъективная. Объективная реальность шире и богаче любого нашего представления о ней. Сознание каждого подобно *кривому зеркалу наших предпочтений*. Мы, игнорируя то, что нам не по нраву, живем в неадекватном мире собственных иллюзий. И причины всех своих успехов и неудач каждому из нас следует искать в своем внутреннем мире. Внешний мир только реагирует на импульсы, которые мы ему посылаем.

Тщательней выбирайте свои предпочтения. Искусный полководец побеждает врага, когда угроза лишь назревает. Искушенный лидер преодолевает трудности еще до их возникновения.

Дискуссия:

Артём КАВЕРИН

НА СМЕРТЬ ПИСАТЕЛЯ

Исторически сложилось, что писатели — это передовой класс мировой интеллигенции. Они отвечают за то, чтобы человек думал, развивался, они вводят понятия моральных ценностей и критерии оценки поступков. И на протяжении многих тысячелетий так и было. Начиная от жреческих кодексов, лёгших в основу Ветхого завета (более раннюю легенду о Гильгамеше мы не учитываем, так как это не плод писательской фантазии, а записанный эпос), до ныне здравствующего Умберто Эко. Тяжкий писательский труд подвиг человечество ко многому, и, в первую очередь, — к свободе личности и чувству собственного достоинства. Однако не всё гладко стало в наше время для писателя. И это не результат отупения народа, как следствие потребления «жвачки для глаз», взрастившей целые поколения на «личностных стандартах» продюсеров телеканалов. Раньше писатели были монополистами. Иного носителя, кроме написанного текста, не существовало. Что по сравнению с книгой — легенды? Сказитель умер, и легенда умерла вместе с ним. Если кто-то подхватил и передал дальше, то это уже другая легенда, и тогда срабатывает система упрощения. В результате легенды и мифы сохранялись, лишь в записях писателей. Но монополия — страшная штука. Возьмём, к примеру, Евангелия и апокрифы. Те, что не стали каноническими. В Риме решали, каким из них жить, а каким исчезнуть, какие более, а какие менее божественны. И, возможно, в результате этого мир стал таким, как он есть: с крестовыми походами, войнами, религиозными распрями.

Всё в нём временно. Всё рождается, живёт и умирает. Так и монополия писателей, поверховодив, пришла к концу. Больше нет у неё единоличного права на души людей. Писатели оказались не у дел. Дохлое, вымирающее племя, не могущее конкурировать с молодыми хищниками — кинематографом, телевидением, интернетом, а, главное, *компьютерными играми*, которые исподволь подгребают под себя ту роль, которую веками исполняли писатели. И если раньше, читая книгу, мы представляли её героев, примеряя на себя их шкурку, вживались в них, то теперь то же делают игроки, но с невиданным для читателей книг «погружением». Как можно конкурировать слову с драматургическим воздействием на игрока компьютерных игр! И не надо заблуждаться, современные компьютерные игры — это не пулялка злыми птичками по свиньям. Это огромная индустрия, по бюджету уже переплюнувшая книгоиздание. Над созданием игр работает тьма высококлассных специалистов, просчитывающих каждый шаг игрока, они руководят им и, в зависимости от его индивидуальности, подстраивают игру под него. Игра позволяет игроку, «прожив несколько жизней», приобрести навыки поведения в кризисных ситуациях, и в реальной жизни стать успешнее прочих. Его «продвинутые» потомки постепенно захватят наш мир. В своё время ту же роль сыграли книги, ибо их читатели имели больше возможностей произвести успешное потомство, чем неучи. Это было давно. Теперь у писателей нет монополии верховодить во внешнем мире, как нет и внутренней силы перебороть молодых да ранних. Им остаётся или мирно почить втуне, или пристроиться в «тёплое местечко» к победителю, надеясь поиметь «объедки с барского стола». Как ни печально это осознавать, сейчас у писателей есть только один путь — стать литераторами и начать активно сотрудничать с победителями. Если, конечно, вы, писатели, сможете доказать им свою нужность...

Да будет им прах на книжных полках пухом! Вечная память.

Денис ПОЗДНЯКОВ, *Сергей* ЧЕКМАЕВ

ВЫЖИВАНИЕ СИЛЬНЕЙШИХ

Что бы там не утверждали Спенсер и Дарвин, теперь мы знаем, что выживают не сильнейшие, а самые приспособляемые. Но что это меняет в смысле жизни современных писателей? Только, пожалуйста, не надо о судьбах Книги и Литературы в целом — они еще всех нас переживут.

Что же касается намечающейся трансформации «человека пишущего» в «человека пишущего для играющих», как считает коллега Каверин... Скажем страшное: люди не любят читать. И никогда не любили, а сто лет назад — еще и, в большинстве своем, не умели. Причины резкого увеличения спроса на литературу в двадцатом веке кроются не в самой литературе, а в росте населения; повальном насильственном образовании; механизации производства; разрастании среднего класса; удешевлении печатных устройств. И не в последнюю очередь в том, что писать наконец-то стали не только взращенные в роскоши высокообразованные гедонисты.

Но люди не любят читать, если могут слушать, а еще лучше — смотреть. Да, научные дисциплины, например, математику, проще и удобнее воспринимать со страниц учебников, чем в комедийных сериалах. Но «пиу-пиу», «крибле-крабле» и «охах» лучше смотрятся на экранах. И если раньше литература боролась с радио, кино, ТВ, то теперь ей противостоят еще и компьютерные игры.

Однако вы удивитесь, в них тоже есть место литературе — это внутри- и околоигровые тексты, сюжет, легенда, истории персонажей, диалоги. Конечно, люди и в играх остаются собой: они все так же не любят читать, хотя иногда и вынуждены это

делать. Согласно весьма приблизительной статистике не более 3% пользователей читают с экрана текст, если в нем больше одного-двух коротких предложений. Все остальные пробегают глазами ТТХ игровых объектов, полностью игнорируя художественные описания. Они бы и вовсе ничего не читали, удовлетворяясь цифрами и пиктограммами.

И что же теперь делать несчастному писателю? Ничего нового, все также писать и писать для огромной аудитории, ведь 3% от среднего по успешности современного игрового проекта — это 33 тысячи человек. 3% от аудитории World of Warcraft в период его расцвета — 400 тысяч человек. Где сейчас найдешь подобные тиражи? Современные игры содержат сотни страниц художественного текста, у которого всегда находится читатель. Более того, многие проекты формируют свою литературу, описывающую исторические события и приключения героев вымышленного мира.

Но это еще не все. Как говорится, не можешь победить — возглавь! Именно писатели открыли портал в кросс-медийность и внезапно оказались крайне востребованы во всей индустрии развлечений. Потому что только писатель умеет создавать и поддерживать Миры, лишь у него получается увязывать в единую непротиворечивую палитру разноцветные мазки сюжета, интриги, диалогов и описаний, создавать единую Вселенную (как сейчас модно говорить — «сеттинг»), способную в дальнейшем отразиться во множестве медийных продуктов: сериалах, экранизациях, комиксах. Не говоря уже о компьютерных играх, большинство из которых строятся вокруг хорошо продуманных и успешно раскрученных сеттингов.

Миру нужны писатели, но писатели должны меняться вместе с миром. Миру нужны разработчики сеттингов, создатели персонажей, мастера истории и диалога. Современный писатель должен уметь выражать мысль максимально емко; работать в команде и принимать критику; прекрасно управлять событийным битом — формат подачи таков, что отсутствие сюжета и конфликта не скрыть за цветастым слогом и описанием действий ради действий.

Писатель по-прежнему востребован. Смахнем со лба трудовой пот... и продолжим работать.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЛИТЕРАТОРА

***Татьяна* ВИНОГРАДОВА**

МУЗЕЙ КАФКИ В ПРАГЕ

Пролог

Музей Кафки на Малой Стр*а*не. Приземистый длинный дом (кажется, бывший кирпичный заводик) стоит на низком берегу незамерзшей, лебедями осененной широкой и сумрачной Влтавы — практически под Карловым мостом.

Ну, Кафка — это Кафка. В конце концов, «мы рождены, чтоб Кафку сделать былью». Я, конечно, его люблю, но без фанатизма. Не перечитывала, правда, давно. И, скорее всего, не узнала бы об этом музее никогда, если б он не стал конечной точкой нашей обзорной экскурсии по городу. Причем в сам музей гид нас не повела, бросив сквозь очаровательные зубки что-то вроде: «Ну, это мало кому интересно...».

...Оказывается, это «малокомуинтересное» придумал человек по имени Жоан Инсуа (Juan Insua) из барселонского Центра современной культуры (Centre de Cultura Contemporania de Barcelona). У него однажды возникла идея цикла выставок «Города и их Писатели». Начал с Дублина и Джойса. А экспозиция «Город К. Франц Кафка и Прага» была открыта в 1999-м в Барселоне, в 2002-м переехала в Нью-Йорк, а с 2005-го, наконец, осела там, где ей и долженствовало быть — в Праге.

*

Музей ошеломил сразу. Но не тем, что перед ним, во дворике, стояла в снегах огромная, темная, тяжкая, подавляющая, на книгу похожая литера «К», — вполне в духе «Процесса». Это бы еще полбеды, причем, беды прекрасной, как (забегая вперед, признаюсь) прекрасен был и сам музей. Нет, ошеломлял фонтан — работы местного скульптора-провокатора Давида Черного (David Černý) — пред музейным фасадом расположившийся и состоявший из скульптурного дуэта нагих и писающих (вполне половозрелых) мальчиков. А поскольку скульптура была выполнена из позеленевшей бронзы, то и части тела, из коих изливались струйки, более всего напоминали огурцы. Гид сказала, что летом фонтан бьет с куда большей интенсивностью (оборони Боже!) и что желающие могут на специальный номер прислать свои эсэмэски, и текст их, точнее, буквы слов, будут аккуратно *выписаны* подвижными зе-

леными огурцами грамотных мальчуковых статуев на глади бассейнчика — выполненного, кстати, в форме карты Чехии. По-моему, инвариант у всех этих «посланий» один: на... чхать нам на Кафку.
Н-да. Но сам Музей!.. Дело в том, что он... музеем не был. Меня никто не предупредил, что я попаду не в музей, а в мир Кафки. Дивный кафкианский мир. «Это невозможно описать», — сказали мне. Но я попробую.

*

Длинненький двухэтажный белый домик с маленькой деревянной башенкой, отдаленно напоминающей вышку конвоя. Внутри — холл с крохотным окошечком на величественный, озябший Карлов мост над хладными водами Влтавы. В холле пожилая интеллигентная служительница, одинаково неуверенно говорящая по-русски и по-английски. Но Кафку, сразу видно, любит. Экспозиция поделена на две взаимоперетекающие, взаиморастворенные части.

Часть первая

«Кафка в Праге. Экзистенциальное пространство»

Поднимаемся на второй этаж. Стены темные, торчат коричневые псевдо-фахверковые балки, слегка напоминающие (Кафка! Кафка же!..) виселицы. Маленькие окошки. Сквозь коричневато-подслеповатые тонированные стекла и двор, и экскурсанты видятся обобщенными смутными силуэтами, усредненно-вневременными, механистичными. Превращаются в иллюстрацию-анимацию к миру Кафки. Или в сам этот мир...

*

Затемненные лабиринты затягивают тебя в свои австро-венгерские глубины, не оставляя выбора. Семейные фотографии, выцветшие, чудовищно увеличенные. На прозрачном стеклянном листе — огромное фото сурового отца, Германа Кафки: лишь *сквозь его лицо* виден весь остальной мир. Мир этот черно-бел, обезличен, стерилизован. Фото тех пражских мест, где бывал Франц К., уложены в бесконечный ряд на черно-белой гальке на дне «речки» (Влтава? Лета?), накрытой стеклом. Под стеклом, над галькой, над черно-белыми домами старой Праги, медленно течет вода (настоящая!), размывая очертания улиц, рябью проходя над брусчаткой мостовых... Все зыбко, полуреально, все видится сквозь завесу воды/времени. Вспоминается «Сталкер», когда на дне лежат разные бесполезные артефакты «затонувшей Атлантиды». Но «атлантида» Австро-Венгерской империи, прекрасной и ужасной в своем бюрократическом величии, только начинает всплывать перед взором завороженного экскурсанта. «Клетка вышла на поиски птички»[1].

*

На огромном экране идет закольцованный фильм о Праге эпохи между двумя мировыми войнами. Черно-белые кадры: трамваи, башни, мужчины в смешных шляпах, важные дамы, башни, велосипедисты, ангелы, короли, автомобили, башни, трамваи... И постепенно вся эта хроника начинает преломляться, струиться, дробиться... Мелькают искаженные лица ангелов и королей, дома кренятся над брусчаткой мостовых и рушатся, рушатся. но никак не упадут на тебя — стороннего наблюдателя, маленького человечка в темном костюме и потертой шляпе, да только ты уже больше не сторонний, не посторонний, тебя затягивает, засасывает, ты уже — Йозеф К. И тебе отсюда не выбраться.
Возникает титр: «Прага больше тебя не отпустит. Никого из нас. У этой старой короны есть когти». И далее: «Только запалив этот город с двух концов, с Вышеграда и от Градчан, мы сможем освободиться»[2]. На этих словах изображение желтеет по краям, чернеет, съеживается, пока не остается лишь черное пятно, после чего экран гаснет. И через мгновение все, как всегда, начинается снова.

*

Ты (слава Богу, действительно ты, не призрак с целлулоида) идешь по затемненным переходам, по узким коридорам... Идешь мимо круглых стеклянных столиков с книгами Кафки, Макса Брода, Гегеля, Канта: они лежат на поверхности стекла, а внизу разложены их четкие тени — тоже книги, но без текста, для призраков; весь текст, все буквы слились в этих теневых книгах в сплошную черноту. И отовсюду — со стендов, со стен, даже, кажется, с потолка, глядят на тебя цитаты — на немецком, английском и чешском — из писем и дневников, рассказов и романов Кафки. И — звуки. Шорохи, шепоты, вздохи. Кажется, даже шелест переворачиваемых страниц. И вдруг надо всем этим каркает ворон. Дважды. Негромко, но очень отчетливо. Не спрашивай, по ком каркает ворон...

---

[1] Кафка Ф. Ангелы не летают / Пер. с нем. Г. Ноткина. — СПб: Издательская Группа «Азбука-классика», 2009, С.43.

[2] Из письма Кафки к Оскару Поллаку: «Прага не отпускает нас. Ни тебя, ни меня. У этой матушки, — говорит он, трансформируя чешское Maticka Praha, — есть когти. Надо покориться или же... Надо бы поджечь ее с двух концов, поджечь Вышеград и Градчаны — тогда, может быть, удалось бы вырваться...» (http://www.kafka.ru/biografy/read/praga.) Наскоро переводя для себя английские титры, я перепутала «crone» (старая карга) и «crown» (корона).

*

Вот — второй экран, с коротеньким мультфильмом, основанным на трех рисунках Франца К., на их метаморфозах и трансформациях.
Белый экран. Скупыми черными линиями рисуется стол — точнее, его, в обратной перспективе, проекция, как на древнерусской иконе. На столе острым, нервным почерком проступают слова «Im Prag», «В Праге». Рисуется стул, на стуле — человек: локти на столе, задумался. Отъезжает на стуле назад, поза становится напряженной, в каждой линии — застывшее отчаяние. Перед нами — классический рисунок Кафки, воспроизведенный на обложках многих его книг. Потом из-под человека исчезает стул. Он сохраняет прежнюю позу, не замечая исчезновения. Постепенно растворяется стол. Человек (не сразу, а тоже постепенно) как-то «складывается», откидывается назад, — и вот он уже полулежит в крайне неудобной позе, локти и колени остро торчат, весь словно ощетинился, пытаясь противостоять враждебному миру, отнявшему у него последнее — письменный стол.
Очень трагический мультфильм.

*

В следующем зале (отсеке лабиринта) — его женщины. Милена, Фелиция и другие. Каждая заключена в некий стеклянный ящик, подвешенный на цепях. «В той норе, во тьме печальной, гроб качается хрустальный...». Вначале я не поняла и пережила томительную минуту головокружения, когда, случайно задев поверхность стекла, незаметно для себя качнула ящик, — а ощущение было, что это у меня почва из-под ног уходит. О зыбкость, ненадежность кафкианской вселенной...
А цитата над этой Вечно Женственной зыбкостью нависает такая: «Сизиф был холостяком!».

*

Везде, везде, кругом — цитаты, маргиналии, комментарии... О том, что Кафка увлекся театриком, гастролировавшем в Праге со спектаклями на идиш. В частности, по пьесе Якова Гордина «Дикий человек» (одна из сюжетных линий: умственно неполноценного Лемеха его братья и сестра боятся, стыдятся и прячут от чужих глаз). Да так увлекся, что писал о постановках статьи, сдружился с труппой, в частности, с актером и режиссером Ицхаком Леви (Людвигом Сацем). Вскоре Франц напишет «Превращение»... Папаше Герману все эти «театральные игры» очень не нравились. Кто бы сомневался.
Улиткой заворачиваются белые полотнища. Идешь по спирали, медленно, и так же медленно, не обгоняя и не отставая, сопровождают тебя огромные фото на белых барабанах в человеческий рост. Фото: Леви в роли этого самого Лемеха-идиота. Стоит на коленях, в белой сорочке, кисти рук висят перед грудью, как у тираннозавра, красивое лицо перекошено (то ли от боли, то ли от смеха), но совсем не сумасшедшее. Фото: солидный господин при плаще и шляпе, в коротких панталонах и белых чулках, воплощение добропорядочности (если не знать, что господин этот — актриса-травести Флора Клюг, еще одна любовь Кафки). Улитка-спираль наконец тебя отпускает, и ты со вздохом облегчения попадаешь... попадаешь...
...Вот свидетельство о смерти. От туберкулеза. Рядом огромные буквы: «The God of Suffocation», «Бог удушья»[1]. Вот некрологи в газетах: «Франц Кафка... Франтишек Кафка... В венском санатории... сорока одного года... gestorben ist[2]», — на чешском и на немецком, унизительно коротенькие, словно скончался просто еще один маленький человек. Да, быть может, и был Франтишек маленьким человеком, винтиком бюрократической тоталитарной махины, но — непокорным винтиком, *великим* «маленьким человеком».
И — цитаты: «Перед смертью его мучила жажда. Он грезил о «полном рте воды», о чудесной минеральной воде...» И рядом — бесстрастная ремарка: «Обычно умирающим пить не хочется. Но некоторые срезанные цветы, к примеру, лилии, продолжают пить воду и в самый момент своей гибели».
От всего этого как-то... не по себе. А за несколько витков спирали до, в одном из предыдущих залов повествуется о том, как, создавая рассказ «Голодарь», Кафка болел тяжелейшим фарингитом, ему в горло буквально, без метафор, *не лезла* никакая еда. И — да, ему приходилось жестоко голодать. К тому же, будучи вегетарианцем, он вообще ел немного. Да еще шутил: вегетарианец, мол, пожирает не чью-нибудь, а свою собственную плоть.
...А тут — про жажду. Страшную, предсмертную. И — обрывается вниз узкая крутая лестница, деревянная и обшитая деревом со всех сторон. Разумеется, ассоциация с гробом неизбежна. Эти коды мы читаем на раз... Но вот когда, ближе к концу спуска, замечаешь, что внизу тебя ждет слегка наклоненное зияющее зеркало, «zrcadlo» по-чешски, то... Весь этот деревянный колодец становится уж слишком похож на могилу, в которую ты, лично ты, здесь и сейчас, неотвратимо опускаешься, погружаешься... О, вот тогда ты краешком сознанья начинаешь чуть-чуть понимать: а ведь я — уже не совсем я. Я, кажется, все-таки становлюсь персонажем. А спустившись, утыкаешься в очередной белый экран, на котором...

[1] «Каждому больному — своего домашнего бога, легочному больному — бога удушья». (Кафка. Дневник от 1 февраля 1922 г. Пер. Е.Кацевой). Цит. по: Кафка Ф. Дневники 1910—1923. Путевые дневники. Письмо отцу. Завещание. — М.: ОЛМА-ПРЕСС. 2004.
[2] умер *(нем.)*

Часть вторая

«Прага в Кафке. Воображаемая топография»

...Постепенно возникает, проявляется дорога с одиноким путником. Видно только удаляющуюся спину. Это может быть любой. Это можешь быть ты. Причем, по мере того, как человек уходит, он становится все прозрачнее, словно бы растворяясь, исчезая в пространстве. А вот пространство — наоборот: по мере того, как человек стирается, дорога проступает все отчетливее, расширяется, захватывает все больше места, приковывая взгляд. Наконец, на горизонте, в тумане, появляется что-то. Появляется — и исчезает. Проявляется — и вновь заволакивается туманом. И вдруг, на миг, станет видно: башни? стены? *замок*?

И — черные слова на пустом экране: «Ты не из Замка. Ты не из деревни. Ты — ничто. Нет, к сожалению, ты все же что-то собой представляешь. Ты — странник. Чужак. Лучше бы тебе оставаться никем»[1]. И — громоздятся башни и стены, удваиваясь, утраиваясь, отражаясь в зеркальных (zrcadlo!) стенах этого странного «кинозала». Они громоздятся прямо на твой бедный мозг, такие незыблемые, такие уверенные в своей реальности, в своей инвариантности. Это — Замок Замков, квинтэссенция квадратной романской архитектуры, безо всякой там «пламенеющей готики». Этот монстр невозможен, но он твердо стоит на земле и твердо намерен завоевать, заполонить своими башнями все небо. У башен квадратные зубцы и крайне самодовольный вид. Но не успеваешь толком испугаться, как они выпускают из себя лестницы, становятся ближе к народу, «политкорректнее»...

Раздается телефонный звонок: землемеру Йозефу К. звонят из Замка. В трубке — шорохи, шепоты, треск, какая-то возня, неясные звуки, то ли женский, то ли детский смех... На экране — глаза. Глаза женщины и глаза мужчины. Две пары глаз, расширенных от напряженного любопытства. Или от ужаса? Глаза, всматривающиеся в нас. Глаза, отраженные в зеркалах многократно...

Потом замок (да, вновь замок) как-то подтаивает, оплывает, расплавляется, теряет форму — и исчезает. И вновь — туман, дорога... Потом исчезает и она. И в белизне экрана проступают едва различимые белые буквы с теневой обводкой. Буквы медленно складываются в слова: «Что бы ты ни делал, это всегда неправильно»[2]. Потом так же медленно исчезают. Совсем. И ты остаешься наедине с белым экраном и зеркалами, отражающими пустоту.

«Мессия приходит тогда, когда в нем уже перестали нуждаться»[3], — еще одна цитата, начертанная на стене.

*

А еще там был... была... Бесконечная канцелярия, «The endless office». Бюро с черными ящичками картотеки. Некоторые открыты. На них таблички с именами. Например, «Йозеф К.». Невольно ищешь глазами табличку со своим (своим?) именем. Кажется, там должно быть полное досье, проштампованное, прошнурованное, включающее не только твое прошлое, но и будущее, вплоть до последнего параграфа. А иногда среди черных лаковых картотечных ящичков вдруг обнаруживается черный же телефон кафкианско-сталинской эпохи. Конечно, ты поддаешься искушению снять трубку: а что там? А там — сочный, но слегка скучающий немецкий баритон зачитывает с канцелярской выразительностью нечто бесконечное, убористо-прижимистое. Мне, немецкого не знающей, почему-то померещился фрагмент из «Процесса». Это было бы логично. Хотя в кафкианском экзистансе царствует логика абсурда, и кто знает что тебе могут наговорить в черной-черной комнате по черному-черному телефону... А вдруг это оглашают приговор ИМЕННО ТЕБЕ? И вот сейчас придут, да и заберут, да и отправят в *исправительную колонию*...

Подняв глаза, вдруг видишь, что уныло-зловещие ряды черных ящиков прерываются уютным экранчиком-мониторчиком, оруэлловским вполне, на котором бесконечно, вновь и вновь отпечатывает металлический штампик остренькими своими шипами буковки и цифирки. На чем отпечатывает? А вот, можете видеть, уважаемые господа: макет машины, изобретенной директором исправительной колонии. Правда, слава Богу, *бездействующий* макет. Но и без того впечатляет. Машина (махина) — черная, чугунная, беспощадная, а внутри распластан обнаженный восковой человечек. Мышцы скручены, лицо искажено, глаза безумные. Слюна капает и стекает по специальному желобку, а на спине множественные иглы пишут не-

[1] «Вы не из Замка, вы не из Деревни. Вы ничто. Но, к несчастью, вы все же кто-то, вы чужой, вы всюду лишний, всюду мешаете, из-за вас у всех постоянные неприятности...» — Кафка Ф. Замок. (Цит. по кн. Кафка Ф. Избранное, пер. Р. Райт-Ковалевой. М. Радуга, 1989).

[2] Из послесловия Макса Брода к первому изданию «Замка». (В тексте послесловия этой фразы почему-то не обнаружила. Однако в музейном каталоге стояло: «Whatever you do, it is always wrong». Max Brod. Afterword to the first edition of *The Castle*.)

[3] «Мессия придет только тогда, когда уже не будет нужен; он придет только на следующий день после того, как будет возвещен его приход; он придет не в последний день, а в самый последний». — см.: Кафка Ф. Ангелы не летают / Пер. с нем. Г. Ноткина. — СПб: Издательская Группа «Азбука-классика», 2009, С. 50.

счастному приговор с перечнем всех его преступлений[1]. Крови не очень много, ибо она тоже стекает в спецемкости: все предусмотрено, «все включено». Долго глядеть на это невозможно, не надо, нельзя, потому что невольно начинаешь ассоциировать себя с... И чувствовать все на собственной шкуре.
А потом, в самом конце, перед глазами у тебя появится надпись: «Мы были созданы, чтобы жить в раю, рай был предназначен для служения нам. Наше предназначение было изменено; о том же, было ли изменено и предназначение рая, не сказано»[2]

Эпилог

В общем, когда, наконец, покидаешь этот призрачный, черно-белый, ирреальный, но подавляющий своей тяжестью мир, то в полной мере ощущаешь себя распластанным на страницах «Процесса», «Превращения» или «Замка». Я так и подписалась в книге отзывов, которую мне молча протянула пожилая служительница: «Tatiana V., a personage»[3].

Прага, январь 2011 — Москва, февраль 2013

Наталья НИКОЛАЕВА

МОСКВА — ИЕРУСАЛИМ — БАКУ — МОСКВА

АВГУСТ 2012. ИЕРУСАЛИМСКАЯ РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА

В августе я прилетела из Москвы на Святую землю в город Ариэль, где уже несколько лет живёт семья моего сына. Особенно я соскучилась, конечно, по внукам, да и они по мне ещё как скучают. Но не только ждали меня семейные счастливые денёчки, но надо было и по делам литературным поездить по Израилю, благо, страна небольшая. Сначала поехала я навестить экономиста Бориса Пинскера в Натанию, чтобы передать ему альманах «Словесность 2012», там публикация об истории его издательского дела в России.
А 28 августа я устремилась в Иерусалим, на поиски Иерусалимской русской библиотеки.
У меня при себе было рекомендательное письмо от Союза литераторов и номер телефона библиотеки. Благополучно дозвонилась и нашла не только библиотеку, но и радушный приём. Поэтому и хочу поделиться своим впечатлением от встречи с интересными людьми и знакомства (пусть беглого) с интересными книгами. Библиотека производит грандиозное впечатление своим собранием уникальных изданий. Множество автографов очень известных людей. Фонды библиотеки собирались из собраний репатриантов, из подарков российских деятелей культуры, библиотек и институтов. А сейчас авторы сами рады преподнести в дар библиотеке свои труды. Но наиглавнейшая достопримечательность библиотеки — ее директор ***Клара Эльберт.*** Такого энтузиазма, такой влюбленности в свое дело, такой самоотдачи мне встречать не приходилось. Она работает в библиотеке более 20 лет, а глаза горят, а энергия бьет через край, заражая всех вокруг. Каждый вечер в библиотеке проводятся встречи с интересными людьми: писатели, поэты, художники, режиссеры, актеры. Посмотришь их афишу и обзавидуешься. Библиотека стала местом, где собирается русскоязычное население Иерусалима, приезжают и из других стран, городов, работает детский театр. Я с трепетом и удовольствием передала в дар Иерусалимской русской библиотеке альманах Союза литераторов России «Словесность 2012».

СПРАВКА. Иерусалимская городская русская библиотека — самое большое хранилище книг на русском языке за пределами СНГ — была создана в 1990 году. Основой библиотеки послужило несколько сотен книг — личное собрание ***Клары Эльберт****. Она же стала первым директором и руководит библиотекой до сих пор. Сегодня библиотечные фонды насчитывают около 100 тысяч единиц хранения (книг, журналов, газет, рукописей, компакт-дисков).*

ЯНВАРЬ 2013. БАКУ.
БАКИНСКИЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ ЛИЦЕЙ

Мой Баку,
город пахнущий морем,
я вернусь к тебе будто
журавлиная стая.
Рашад Бекдемирли
(пер. с азерб. Дмитрия Цесельчука)

Баку — мой родной город. Мне пришлось не уехать, мне пришлось бежать из него в начале 90-х гг. вместе с семьёй. Ведь фамилия моего мужа и моя была Шахгильдян, что многое объ-

[1] «Нижнюю часть прозвали лежаком, верхнюю — разметчиком, а вот эту, среднюю, висячую, — бороной... Итак, это, как я сказал, лежак... Животом вниз кладут осужденного — разумеется, голого, — вот ремни, чтобы его привязать: для рук, для ног и для шеи... Наш приговор не суров. Борона записывает на теле осужденного ту заповедь, которую он нарушил... Она, вибрируя, колет своими зубьями тело, которое в свою очередь вибрирует благодаря лежаку... Конечно, эти буквы не могут быть простыми; ведь они должны убивать не сразу, а в среднем через двенадцать часов...» (Цит. по: Кафка Ф. В исправительной колонии (пер. С. Апта) // Кафка Ф. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1 — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2009.) http://prose-book.ru/document8108.html
[2] Кафка Ф. Афоризмы / Пер. с нем. Ю. Архипова. Г. Ноткина. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. С.44.
[3] Татьяна В., персонаж *(англ.)*

ясняет. В России мы получили статус беженцев. Но я скучала по Баку.

Я не была в Баку 20 лет. И вот, наконец, встреча с родным городом. Не скрою, я сильно переживала. Прилетела ночью. Море света — это для Баку нормальное явление, но усыпанные яркими лампочками автозаправочные станции — поразили. Очень красиво подсвечены все балконы домов.

Город был всегда красив, всегда интересен своей архитектурой. Строился он в основном в XIX веке, когда началась активная добыча нефти. Нефтемагнаты (а в Баку, в подавляющем большинстве, это были европейски образованные люди) строили дома без восточной вычурности, строго, элегантно и с большим достоинством. Много красивой резьбы по камню на фасадах.

Нынешние архитекторы тоже оказались на высоте: новые здания встраиваются очень органично. Узнать вновь построенный дом можно только основательно поднапрягшись и вспомнив, что же было здесь раньше. Даже в старом городе, в нашей любимой Крепости IX-X веков все новые постройки не выбиваются из общего ансамбля.

А наш Бульвар, которому уже 103 года! Это 25 км. моря, фонтанов и зелени! Вечнозеленые деревья, кустарники, пальмы, кипарисы, сосны.

Веселый и очень доброжелательный народ. Бакинский язык (два слова по-азербайджански, три слова по-русски), наверно, никогда не изменится.

В Баку сохранились и работают русские школы с очень сильным преподавательским составом. В конце прошлого года по итогам конкурса по русскому языку для учащихся национальных республик, проводившимся в Санкт-Петербурге, трое учеников Бакинского Европейского Лицея заняли первые места в трех номинациях.

Бакинский Европейский Лицей находится в самом центре Баку, на ул. Ростроповичей: отца — Леопольда и сына — Мстислава, они были бакинцами. Рядом находится их дом-музей.

Лицей открылся ещё при жизни Мстислава Ростраповича и Гейдара Алиева — они же были большими друзьями.

Лицею 27 лет. Руководит им психолог по образованию, закончившая Московский вуз, Вейсова Зульфия Алтаевна, прекрасно владеющая 3-я языками, очень грамотная и креативная женщина, которая принимала участие в создании Лицея.

У лицея собственная программа обучения, она базируется на государственной, но более объемна по охвату материала. Преподавание ведётся на двух языках: азербайджанском и русском. Русскому языку и литературе в программе отводится практически столько же часов, сколько и в России. Это понятно, т.к. он является языком обучения в русском секторе.

Учебники используются различные, в т.ч. и российские. А вот современной периодики и современной литературы из России не хватает. Для закрепления дружеских связей я передала 7 января в Бакинский Европейский Лицей альманах «Словесность» за разные годы и книги серии «Визитная карточка литератора».

Педагог по русскому языку и литературе Алла Владимировна Ганцева приняла наш дар с благодарностью: «Переданные тобой альманахи и книги лично для меня стали, можно сказать, глотком свежего воздуха, глотком родниковой воды». И к словам, сказанным с чисто бакинской восточной учтивостью, добавила незабываемую бакинскую улыбку.

Виктория ШАРПАК

ПОЛУОСТРОВ КРЫМ

Серия зарисовок в жанре путеводителя
под условным названием «Неизвестный Крым»

СТАЛИНСКИЙ ЛЕС

Во время ялтинской конференции Рузвельту очень понравилась Ливадия, особенно Глициния. Рузвельт — Сталину: «Когда я выйду на пенсию, смогу ли я здесь купить участок, где я мог бы выращивать деревья?» Сталин быстро ухватился за эту идею. Вскоре вышло постановление ЦК КПСС засадить лесом Керченский полуостров. Советская идея покорения природы срабатывала плохо — под небольшим слоем почвы была солёная вода, солончаки. Саженцы не росли, лесники отправлялись в ГУЛАГ. Южный берег по распоряжению Сталина был отдан элите для организации отдыха, а северный — народу.

Вокруг плохо растущего леса появилось два пионерлагеря. Уже после смерти Сталина случилась неожиданная напасть: на верхушках деревьев стали гнездиться бакланы, уничтожая своим ядовитым помётом посадки. Среди пионеров был объявлен конкурс по сбору и уничтожению бакланьих яиц. Тогда бакланы начали своим помётом обстреливать пионеров, нанося им сильные ожоги. Пионерскими стараниями поголовье бакланов было уменьшено. И вот теперь мы, посещая Ливадию, видим этот лес, его протяжённость 20 км.

ТАРХАНКУТ

Место, где встречается морской и степной ветер. Тарханкутский полуостров — западная оконечность Крыма, омываемая с севера — Каркинитским заливом, с юга — Каламитским.

Причудливость этого края создаёт степь, которая обрывается в море огромной отвесной каменной стеной вдоль всего побережья, изрезанного известняком. Самое удивительное в этом ландшафте — разительный контраст горизонтальных линий степи и строгих вертикальных линий известняковых скал. И стоя у края обрыва, явственно чувствуешь смесь свежего морского воздуха и горького, полынного, обжигающего степного.

ПАНТИКАПЕЯ

Земля, где закончили своё существование сразу несколько цивилизаций: Пантикапей, скифы. Здесь в античную эпоху располагалось два городища — Золотое (бухта) и Сююрташское. Повсюду в заросших раскопках видны фундаменты домов и оборонительных сооружений, существовавших в 3 — 1 веках до н.э.

РОЗОВЫЕ СКВОРЦЫ

Гора Опук — край розовых скворцов и страна Зазеркалья. На южной оконечности Керченского полуострова, в районе нынешнего Опукского заповедника, находилось в V в. до н. э. греческое поселение Киммерик, входившее в состав Боспорского царства.
Интересной находкой стала стела с руническими надписями. Исследователи рунических знаков определили, что эту стелуруну использовали в своих обрядах эрулы (лат. Heruli, Eruli), воины-маги, жившие на горе Опук, где было их святилище. У этого воинственного племени был свой Бог — Один. Считается, что он является хранителем Опука, а его основная задача — вести борьбу со злом.

АЛИМ, КРЫМСКИЙ РОБИН ГУД

Разбойник Алим, крымский Робин Гуд, защитник бедных крестьян, друживший с Айвазовским, жил в Крыму в этих местах в первой половине XIX века.
Алимова балка — красивое ущелье со стремительными скалами и горными водопадами. В этом ущелье, неподалеку от источника, есть камень «силы» с арабской вязью. Этот камень скрыт от случайного взгляда, и найти его можно только зная точное месторасположение. Нашедший камень обретает немалые материальные и духовные блага: безбедную жизнь, добрую жену и послушных детей. Этот каньон издавна облюбовали целители и маги. Они утверждают, что здесь одно из мест «силы», очень хорошее место для пополнения сил духовных.

Иосиф РАБИНОВИЧ

Фестиваль «Арфа Давида — 2013» в Назарете
Завершен Второй Международный Фестиваль русской поэзии и культуры «Арфа Давида — 2013» в Израиле. Спец. корр. альманаха «Словесность 2013» в числе призеров.

Фестиваль проходил в Нацерете в отеле «Святой Габриель».
На отборочный тур было прислано более 30 заявок поэтов и переводчиков из России (Москва, Санкт-Петербург, Тюмень), Беларуси, Украины, США, Ирландии, Эстонии и 10 городов Израиля. Возраст участников — от 18 до 75 лет. 15 февраля были определены победители турнира поэтов и обладатели специальных призов. Нагарийцы выступили достойно — оба участника — в числе призёров. ***1-е место***: Мария Малиновская (Беларусь, Гомель) ***2-е место***: Саша Зайцева (Россия, Санкт-Петербург). ***3-е место***: Евгения Босина (Израиль, Нагария). ***Приз зрительских симпатий***: Марк Луцкий (Израиль, Хайфа). ***Приз за лучшее конкурсное стихотворение о царе Соломоне***: Нахум Виленкин (Израиль, Петах Тиква). ***Приз «Песня Песней» за лучшее стихотворение о любви***: Марина Викторова (Эстония, Таллинн). ***Приз «За улыбку!» за лучшее юмористическое стихотворение о царе Соломоне***: *Иосиф Рабинович* (Израиль, Нагария). ***Специальный приз жюри за лиричность и богатство языка***: Наталья Чиркова (Ирландия, Дублин)
17 февраля во Дворце культуры Нацерет-Иллита состоялась торжественная церемония чествования победителей и участников фестиваля. Открывая торжественную церемонию, мэр Нацерет-Иллита Шимон Гафсу приветствовал литераторов — гостей Израиля и вручил дипломы и призы участникам и победителям Фестиваля. Затем выступил руководитель Представительства Россотрудничества в Израиле Александр Крюков. Отметив высокий творческий уровень работ поэтов и переводчиков, А. Крюков вручил дипломы Российского культурного центра и памятные призы инициатору Фестиваля поэтессе Людмиле Чеботарёвой (Израиль) и переводчице Виолетте Сакович (Украина).
В завершение вечера лауреаты Фестиваля «Арфа Давида-2013» познакомили аудиторию со своими конкурсными произведениями, после чего состоялся концерт русскоязычных мастеров искусств Нацерет-Иллита.

ХРОНИКА ТВОРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Март 2012 — февраль 2013

13 марта *в Георгиевском зале в Лучниковом переулке* собрались почитатели творчества ***Юрия Мамлеева,*** представившего две свои книги: культурологическое исследование ***«Россия вечная»*** и роман ***«После конца».*** Юрий Витальевич сначала рассказал о концепции книги «Россия вечная» (серия «Библиотека всемирной литературы»). Как сказано в аннотации, «Знаменитая работа *Ю. В. Мамлеева* «Россия вечная» посвящена исследованию русского национального духа во всех его проявлениях: в культуре, искусстве, истории, философии и даже образе жизни; духа, позволяющего русским, по слову автора, «творить вторую реальность». Автор исследует и определяет черты русского самобытного характера, русской культуры, русского ума, пытаясь ответить на главный вопрос: «Что такое Россия?». Присутствовавшие на презентации задали много вопросов автору, развернулась жаркая дискуссия, в которой приняли участие *Сергей Алимарин, Валентин Куклев, Татьяна Пацаева, Наталья Рожкова, Фёдор Шелов-Коведяев, Мария Мамлеева,* а также автор предисловия к книге *Валерий Инюшин.* Подробности этой баталии можно увидеть в Интернете. О книге «После конца» *Ю. Мамлеев* ограничился небольшим сообщением, что она повествует об антропологической катастрофе, постигшей человечество будущего.

14 марта. ***Рязань.*** Музыкой и возвышенными поэтическими строками отметила свой 8-й год рождения Рязанская региональная организация Союза литераторов в канун Международного дня поэзии. Поздравить именинников в библиотеку им. Горького пришли представители областного комитета по культуре и туризму, коллеги из творческих союзов и общественных организаций, любители изящной словесности. У истоков Рязанской организации литераторов стоял инженер и рационализатор *Александр Кодылев,* который бессменно руководил ею более семи лет. Сначала это было отделение из трех человек, но по мере роста авторитета рос и состав членов. Сейчас организация насчитывает более тридцати человек. Это люди разных профессий. У каждого из них свой путь в литературу, свой голос, свое творческое кредо, но все они самозабвенно преданы русской культуре. Издано 5 коллективных сборников, около 150 авторских книг. Это художественная проза, поэзия, документалистика, исторические исследования, басни и стихи для детей. На Межрегиональном фестивале «Региональная книга России» организация награждена дипломом в номинации «За широту творческого диапазона». Только за последние два года региональные литераторы удостоились ряда престижных премий и наград федерального и международного уровней: стали лауреатами Международного конкурса славянской письменности в Казахстане, литературной премии им. А.П. Чехова, Всероссийского конкурса МВД «Щит и перо», Международного молодежного фестиваля поэзии и авторской песни «Оскольская лира» и многих других.

Дружными аплодисментами были встречены выступления *Галины Гедерт, Валентины Романенко, Лидии Симаковой, Станислава Красного, Виктора Чувилкина, Виктора Мосолова, Елены Одековой, Людмилы Елисеевой* и других. Приветствовать лауреата премии им. А.П. Чехова *Валентину Тимонину,* которая была организатором и ведущей вечера, пришли рязанские школьники. Не остались равнодушны гости и к авторской песне. Зал охотно подпевал лауреатам многих музыкальных конкурсов *Александру Костенко, Николаю Махибороде, Александру Трушину, Галине Масленниковой.* А песни под гитару *Галины Кузькиной,* которая скоро отмечает свой 75-летний юбилей, буквально воодушевили представителей старшего поколения, которых на творческом вечере было немало. Хорошее настроение не испортил и серьезный момент праздника. Недавно избранному председателю Рязанской организации литераторов *Ирине Челикановой,* поэту, публицисту, прозаику, была вручена Почетная грамота Управления Федеральной службы наркоконтроля по Рязанской области за последовательное и профессиональное освещение темы борьбы с наркотиками в публицистике и художественной прозе. В подарок от литераторов руководитель пресс-службы Илья Хлуденев получил подборку детских книг поэтессы *Нины Павловой* для передачи в Шереметьево-Песоченский детский дом, над которым шефствуют наркополицейские.

Изюминкой творческого вечера стала книжная лотерея. Читатели получили произведения рязанских литераторов с автографами. Среди выигрышей книги, только что вышедшие из типографии.

17 марта *в выставочном зале* ***«Тринити»*** в наукограде Троицк открылась экспозиция ***«Параллели и меридианы»,*** были представлены художники-географы, среди них члены Союза литераторов России *Любовь Езерова и Наталья Шмелькова.* отметившая свой юбилей. Наталья представила не только свою живопись, но и собственные портреты, написанные известными художниками, в том числе Анатолием Зверевым. Во время открытия студентка консерватории *Наталья Терёхина*

исполнила Шопена. Мгновение остановилось. Счастье творческого общения закрепилось в вечности. Музыка, картины, восторги почитателей, букеты цветов, песни, написанные на стихи *Натальи Шмельковой,* шампанское «Брют», утонченные разговоры – что еще нужно, чтобы вдруг ощутить: весна наступила и все должно быть хорошо.

21 марта. ***Челябинск***. Всемирный день поэзии. «*...Дай мне, Господи, постепенно/ Превращаться в детей лесных, / В лепестках этих бледно-пенных/ Вспоминая морские сны». (Наталья Рубинская)*. День поэзии в Челябинске отмечен неожиданным, ярким вечером в Камерном театре. Это было совместное выступление восьми молодежных литературных студий города. Ведущие челябинские поэты представили своих питомцев на суд полного зала искушенных слушателей, среди которых было много профессиональных литераторов. По словам председателя регионального отделения Союза литераторов России *Л.С. Федоренко*, городу было впервые явлено творческое содружество поколений, где порядка тридцати юных и молодых авторов заявили себя. Многое из услышанного позволяет надеяться, что поэтическая поросль Южного Урала принесет в дальнейшем весомые плоды. Особенным вниманием были отмечены участники творческой лаборатории ЮУрГИИ им.Чайковского «Серебристая высь»(руководитель *Н. Рубинская*) и литмастерской лицея №31 (руководитель К.Рубинский).

23 марта в ***клубе «Феерия»*** отмечался Всемирный День Поэзии. Выступали перед собравшимися члены Союза литераторов. Поэты *Татьяна Виноградова, Людмила Колодяжная, Дмитрий Цесельчук, Татьяна Пацаева, Мария Панфилова, Александра Миронова, Ксения Радионова;* бард *Дмитрий Курилов*, рок-музыканты *Олег Чилап и Евгений Згодов.* Руководитель секции публицистики *Нина Давыдова* представила человека-легенду – писателя, художника, мемуариста *Наталью Шмелькову*, опубликовавшую воспоминания-портреты выдающихся современников: Венедикта Ерофеева, Леонида Губанова, Анатолия Зверева. Демонстрировался фрагмент видеофильма «Непрерывный фотомонтаж», снятого к юбилею Д. *Цесельчука.* Вела вечер председатель секции поэзии Союза литераторов *Наталья Рожкова.*

7-8 апреля *в* ***«Подвале-5,3»*** в течение двух дней проходила *музыкально-художественно-поэтическая акция* ***«Каляки-маляки-каракули».*** Буйство музыки, живописи и поэзии не прекращалось ни на минуту, поддерживаясь выступлениями *Маши Прокофьевой* – рок-группой «ЗайМе», *Олегом Чилапом и Евгением Згодовым* – рок-группа «Оптимальный вариант», *Юрием Балашовым*, лауреатом музыкальной премии «Грэмми», диджеем *Юрием Моно* и др. А на стенах были размашисто намалёваны поэтические строчки *Дмитрия Курилова, Ксении Радионовой,* привлекли внимание присутствовавших «почтовые метания» *Дмитрия Цесельчука: «Высунул язык, лизнул небо, марку приклеил: куда бы послать?».* Актриса, режиссёр и художник *Таня Стрельбицкая* представила проект «Лики времени»: портреты известных творческих людей: например, портрет Романа Виктюка.

9 апреля *в* ***Георгиевском зале*** в Лучниковом переулке прошла первая презентация альманаха ***«Словесность 2012».*** Перед собравшимися выступили поэты *Александра Крючкова, Александр Воловик, Татьяна Грауз, Валерий Ковалевский, Илья Оганджанов, Суламифь Канарская, Ксения Радионова. Потап Могутов* – худрук группы «Потап и корешки» внес свою лепту в зигзаг чтений, исполнив оригинальную песню в сопровождении своеобразного там-тама – собственного живота. *Борис Якубович* представил свою публикацию *«Акоста — шут императоров». Владимир Новиков* поведал, как небольшая книжица, изданная в серии «Визитная карточка литератора», привела автора к изданию книги в ЖЗЛ. *Сергей Шелов* завершил литсобрание рассказом о своей поездке к Чингисхану.

17 апреля прошла презентация альманаха «Словесность 2012» ***в Пушкинской библиотеке*** *на Спартаковской, 9.* Выступили авторы воспоминаний об этой библиотеке – *Валентин Куклев* с эссе «Невыносимо горят на синем твои прощальные апельсины» и сотрудница библиотеки *Татьяна Королева.* Раздел «Дебют» циклом стихов представила *Александра Миронова*, «Диалог культур» – «Французским циклом» *Марина Левина.* «Мастерскую», проводя мастер-класс *«Венок сонетов»*, проиллюстрировали *Мария Миронова и Дмитрий Цесельчук.* «Антологию одного стихотворения» олицетворила *Анна Гедымин.* И всё органично перетекло в «турнир поэтов», руководимый *Натальей Рожковой.* Победителями были объявлены *Татьяна Виноградова* (группа *«Другое полушарие»*), и сразу трое «спектровцев»: *Инна Ряховская, Григорий Арлинский и Михаил Николаев.* После объявления победителей прямо под портретом А.С. Пушкина раздались хлопки вылетающих пробок от шампанского, и воспетый Александром Сергеевичем напиток с шипеньем был разлит по бокалам. «Шепенье пенистых бокалов» увенчало незабываемую встречу.

18 апреля. ***Московский музей образования.*** Вечер ***«Апрельские сны».*** Писатель, философ, художник *Дэвид Вонсбро* и поэт, литературовед и переводчик *Татьяна Виноградова* представили книгу (билингва) стихотворений *Д. Вонсбро* «В пещере снов моих... *Сны Восторги Страхи Отрывки*» (*«Dreams Delights Fears Fragments»*), изд-во «Вест-Консалтинг». *Т. Вино-*

градова обстоятельно рассказала обо всех этапах работы над книгой. *Д. Вонсбро* произнёс слова благодарности творческому коллективу авторов, работавших над книгой, отметив особую роль *Т. Виноградовой.* На презентации выступил *Дмитрий Цесельчук*, рассказавший о двух различных советских школах перевода. В качестве иллюстрации, с позволения *Ингрид Кирштайн*, он, изменив одну строчку переведенного ею четверостишия из *Д. Вонсбро*, максимально приблизил свой перевод к оригиналу. В программе встречи одна из сотрудниц музея рассказала о Миклухо-Маклае, долгое время проживавшим среди людоедов, открывшим новый вид кенгуру и сделавшим ещё немало открытий. Всё это вместе взятое произвело неизгладимое впечатление на литераторов *Г. Генниса и И. Харичева,* как и сама экспозиция музея. А литератор *Н. Давыдова* подошла во время фуршета к Дэвиду и попросила объяснить про тот новый вид кенгуру. Оказывается, по словам Дэвида, шерсть у этого вида растёт не сверху вниз, сохранились до нашего времени только в Новой Гвинее. Финансирует этот невероятный музей Правительство Москвы.

19 апреля *в* ***филиале музея А.С. Пушкина*** *на Арбате* прошла презентация книги ***Юрия Полякова «Конец фильма, или Гипсовый трубач».*** Это заключительная часть сатирической эпопеи, в которую вошли романы «Гипсовый трубач, или Конец фильма» и «Гипсовый трубач: Дубль два». В 2008 г. за роман «Гипсовый трубач, или Конец фильма» Юрию Полякову была присуждена премия «Словесность» Союза литераторов России *(см. Чупринин С.И. «Русская литература сегодня: Малая литературная энциклопедия». — М.: Время, 2012, стр. 792).*

23 апреля, во ***Всемирный день книги и защиты авторских прав,*** прошла презентация альманаха «Словесность 2012» *в* ***библиотеке Экономики и Бизнеса на Лесной.*** Перед читателями предстали авторы разделов «Семейное чтение», «Проза и поэзия» и «Нешуточные страницы»: *Людмила Серова и Юрий Шапка; Алексей Гравицкий и Наталья Рожкова; Александр Петрович-Сыров, Александр Олейников и Иосиф Рабинович.* Особую ответственность чувствовал *Дмитрий Цесельчук*, вспоминавший о *Владимире Прибыткове*, ушедшем из жизни год назад фронтовике, поэте и писателе. В библиотеку приехала его дочь, ей торжественно вручили авторский экземпляр. Дмитрий прочел стихи Владимира Сергеевича из «Книги в альманахе» «Разнолетье», опубликованной в альманахе «Словесность 2012». *Наталья Габриэлян*, автор раздела «Имена и символы эпох», вызвала большой интерес читателей, вспоминая о встречах с *Александром Менем.*

26 апреля прошла презентация альманаха ***«Словесность 2012»*** *в* ***Галерее 2 в Золотых ключах***. Собрались авторы альманаха, причастные к андеграунду 60-80-х гг. прошлого века. *Наталья Шмелькова, Валерий Дудаков, Аркадий Агапкин, Нина Давыдова, Наталья Николаева, Дмитрий Цесельчук* вспоминали и рассказывали истории из времён СМОГа, Спектра, Лианозовской группы, эмиграции не только брежневского периода, но и более ранних времен корниловского «ледяного похода», — обо всём этом на протяжении шести лет издания повествуют разные авторы на страницах нашего альманаха. Большое внимание, подчеркнул главный редактор альманаха *Д. Цесельчук,* уделяется тому, как выглядит каждое издание. Поэтому приглашаются не просто верстальщики, но и художники, такие, как *Любовь Езерова.* Люба рассказала, как искали «лицо» «Словесности 2009»: в 2009 г. отмечался юбилей Н.В. Гоголя, решили поместить на обложке фотографии бронзовых барельефов памятника Гоголю, скульптор Николай Андреев. А чтобы придать книге современность, на корешке и увековечили угодливого чиновника из «Ревизора». *Нина Давыдова* представила свою статью «И умерли в один год», о Марине Цветаевой и Сергее Эфроне, подчеркнув особую актуальность строк М. Цветаевой, написанных ею за 7 лет до своей гибели: *«А Бог с вами! / Будьте овцами! / Ходите стадами, стаями / Без мечты, без мысли собственной / Вслед Гитлеру или Сталину».* Спровоцировала спор и интереснейшее обсуждение Катя Рубина, затронувшая любимую тему *Валерия Дудакова*: а как сегодня оценивается творчество Родченко, Лентулова, Степановой, Бурлюков, Маяковского...

27 апреля *в* ***галерее «Артефакт»*** *на Пречистенке* завершилась выставка художницы ***Кати Рубиной***. Её работы можно видеть в различных музеях мира. Интересно, что Катя не только художник, но она пишет прозу и является постоянным автором альманаха «Словесность», газет «МОЛ» и «Литературные известия».

14 мая. ***Челябинск. В Музейно-выставочном центре Краеведческого музея*** прошла презентация новой книги стихов ***Натальи Рубинской «Седьмая книга».*** Режиссером вечера была Марина Шмидт, основатель Театра слова имени Майи Дробининой. «Седьмая книга» — это не просто порядковый номер сборника, цифра семь — любимая и счастливая для автора, сопровождающая поэтессу по жизни. Предисловие к сборнику написал *Захар Прилепин:* «поэзия Рубинской вообще очень «природна» — в том смысле, что ее лирический герой непрестанно смотрит не внутрь себя, а вокруг — и любуется, и восхищается, и цокает языком, и перечисляет плоды, деревья, насекомых, птиц...». «Все эти маленькие существа, все эти крыластики, вся эта мелюзга продолжают населять мою поэ-

зию. Мои стихи часто состоят из них, но добавляются и другие персонажи. Например, я сейчас очень много думаю о камне. О таком существе, как камень, о его личности», – признается поэтесса Наталья Рубинская. Состоявшийся вечер нельзя назвать ни спектаклем, ни музыкально-поэтической композицией. «Это такое ритуальное действо стихий: воды, земли, огня. Все, что есть в ней», – подытожила Марина Шмидт.

15 мая. ***Институт русского языка им. Виноградова.*** На совместном заседании семинара д. филол. н. *Л.Л. Шестаковой* «Теория и практика авторской лексикографии» и секции лексикографии Союза литераторов прошло знакомство с альманахом «Словесность». Присутствовали не только научные сотрудники института, но и музейщики, литераторы. О Союзе литераторов и альманахе рассказали *Д.Ю. Цесельчук, Н.В. Давыдова, председатель секции лексикографии д. филол. наук С.Д. Шелов.* Главный редактор журнала «Дети РА» *Е.В. Степанов* представил свою публикацию о палиндроме, после чего собравшимися экспромтом было проведено «палиндромочтение». Подборки стихов представили, *Т. Грауз, Д. Цесельчук, И. Оганджанов.* Также о своих публикациях рассказали *К. Кедров, Ф. Шелов-Коведяев, В. Бережков, Л. Волохонская, С. Алимарин, И. Рабинович, А. Козырева.*

27 мая. ***Санкт-Петербург.*** Поздравляем с заслуженной, не первой, но долгожданной победой члена Союза литераторов России, неутомимого евпаторийца, поэта и прозаика: ***Максим Жуков*** в майском этапе фестиваля «ПЕТЕРБУРГСКИЕ МОСТЫ»-2012, назван победителем. В последний день прошел вечер конкурса «Заблудившийся трамвай», прозвучали стихи всех финалистов и состоялась церемония объявления победителя и призеров, тогда-то жюри и провозгласило победителем М. Жукова.

28 мая *в* ***Георгиевском зале*** **РОПЦ** были представлены книги:
адвоката ***Юлия Квартина «Житейское море»,*** серия «Визитная карточка литератора». Это и воспоминания, и статьи, и интервью. Большой интерес и много вопросов вызвала позиция автора в вопросах современного гражданского и уголовного права, личности адвоката в судебном процессе.
Алла Козырева прочила несколько стихотворений из своего нового поэтического сборника ***«Я верю в расписанье Бога»,*** серия «Визитная карточка литератора», 2012. *Владимир Глянц* отметил совпадение авторского чтения и романтической направленности стихов, представленных в книге. «*Дождь то нежно лижет руку, / То играючи укусит. / Жить по заданному кругу... / Жить, как облако, без грусти. / Жить дождем на эти пашни, / Жить травой под эти ноги. / Пусть вечерне и вчерашне / Трепыхаются тревоги; / А на туче дождик вышит, / Хочется ему молиться. / Жаром, ветром, ливнем дышит / Старый поезд до столицы...*».
Максим Жуков представил книгу ***«ЛуТшее».*** . В предисловии Игорь Панин, сетуя или констатируя, пишет: «И в данной книге он остался верен себе. Ни единого слова не заменил точками. Ни одного «крамольного» стихотворения не смягчил. Так что делать *с Жуковым?*». После чтения стихов, как всегда, началась бурная дискуссия. *Иосиф Рабинович* прочитал пародию, *Марина Левина* доказывала, что без мата было бы только лучше. Примирились на том, что каждый сам выбирает свой путь.

7 июля – *новые традиционные* ***Летние сезоны в Купавне. Марина Левина*** на только что созданной сцене, под куполом берёз, клёнов и акаций, читала стихи из своей новой книги, серия «Визитная карточка литератора», ***«CooKissы»***. А *Иосиф Рабинович* по ходу чтения снижал поэтический пафос пародиями на особо понравившиеся ему стихи Марины. После презентации собравшиеся читали стихи по кругу. *Наталья Шмелькова* рассказала об арткоммуналке в Коломне, познакомив, таким образом, со своим новым эссе о Венедикте Ерофееве. О современном искусстве, Поклонной и Болотной, Петре Первом, Расколе и Перестройке, о том, «кто виноват и что делать», говорили *Фёдор Шелов-Коведяев, Нина Давыдова, Любовь Езерова, Наталья Николаева, Марина Кашуро.* Не обошлось и без гитары: *Валерий Ковалевский* и его дочь *Марина Ковалевская* пели песни на свои стихи.

28 августа, Иерусалим. ***Наталья Николаева*** *(Шатина)* передала в дар ***Иерусалимской русской библиотеке*** альманах «Словесность 2012».

3 октября в ***Большом Черкасском*** прошло торжественное ***открытие*** осенне-зимнего сезона, нетрадиционно начавшееся чтением стихов и эссе «по кругу». «Этим летом» – так называлось это действо, которого все ждали с нетерпением: хотелось поделиться написанным за летние месяцы. Презентацию книг из серии «Визитная карточка литератора» открыл ***Борис Якубович*** книгой ***«Миражи Антиоха».*** Это уже вторая книга Бориса, выходящая в этой серии. Знакомство с книгой ***Ирины Артамоновой «Лидерство»*** прошло под девизом «Лидерство – это разумный образ власти», что вызвало возражение со стороны председателя секции «Остроумной литературы» *Федора Филиппова*, написавшего недавно в одной из официальных анкет в графе образование – самородок. Федор потребовал от Ирины Александровны чтения стихов, что и было исполнено.

8-16 октября. ***«Лапа Азора»****, фестиваль авангардной поэзии.* 7-й по счёту, он проходил в течение недели на нескольких площадках в Москве под эгидой журнала ***«Другое полушарие»*** *и* ***Международной Академии Зауми.*** Фестиваль продемонстрировал почти весь спектр авангардного, экспериментального опыта русской литературы – от *комбинаторной* и *звучарной* поэзии до поэтических перформансов, визуальных экспериментов и театрального авангарда. Кураторы фестиваля *Евгений В. Харитоновъ и Татьяна Виноградова.*

16 октября на встрече *в* ***Георгиевском зале РОПЦ*** первой возникла тема ***«О гибели современного книгоиздания»,*** предложенная для обсуждения ***С. Чекмаевым***. Известным прозаиком, автором 13-ти романов и нескольких сборников рассказов, а также составителем нескольких антологий и т.д. Сергей нарисовал не слишком радостную картину, подчеркнув, что вопрос о гибели литературы и книги как таковой не стоит, всё упирается только в массовое книгоиздание; отметил, что и чтение, как вид досуга, в последние годы не привлекает молодых людей, основная жизнь которых проходит в Интернете. Совершенно неожиданно для докладчика собравшиеся не стали рвать на себе волосы и даже не впали в истерику. Всякое видавшие на своём веку литераторы стали даже успокаивать Сергея: *Валентин Куклев и Фёдор Шелов-Коведяев* совершили экскурс в Древнюю Грецию и напомнили о якобы ожидавшейся гибели театра и, в связи с этим, чуть ли не концом света. *И С. Чекмаев* перекинул мостик от «всё плохо» к ситуации «всё хорошо», рассказав о своём новом проекте, это вызвало интерес собравшихся. Во второй части программы познакомились с новой книгой ***Федора Шелова-Коведяева «Мир и мы. Стереть стереотипы»*** *(СПб: Алетейя, 2012).* Мы услышали о разных точках зрения историков на события российской истории XVII-XX вв., отношение к этому автора книги: например, трактовка автором Смутного времени, войны 1812 года и о многом другом. Книга, написанная известным государственным, политическим и общественным деятелем, построена таким образом, что все затронутые в ней темы плотно увязаны между собой и составляют единое целое. *Ф. Шелов-Коведяев* в своём исследовании нацелен не только на уход от шаблонов, но и на продвижение в каждой из рассмотренных коллизий с опорой на *фундаментальные культурные и нравственные ценности.* Основные акценты сделаны на явлениях, лежащих в основе ведущих мировых процессов, на преодолении фантомов исторического сознания, на социокультурных характеристиках и на требованиях, которое обществу следует предъявлять к себе и к власти. Все эти темы были близки присутствующим и оживлённо обсуждались.

19 октября – ***День памяти Царскосельского лицея****, Пушкинский День,* для каждого литератора особая дата, наполненная стихами и прославлениями истинно дружеских уз. В старинном здании на углу Кузнецкого моста и Большой Дмитровки, в уютном подвальчике бывшей Театральной, а ныне «Российской государственной библиотеки искусств» прошло знакомство с библиотекой, новыми журналом и книгой.

Начало встречи оказалось неожиданным: директор библиотеки ***Ада Ароновна Колганова*** пригласила всех подняться в Музей Читателя, где собравшимся рассказали об истории дома, библиотеки, о фондах и о стильной, с костюмами, экспозиции музея. Среди пришедших литераторов оказался почётный читатель этой библиотеки – ***Катя Рубина***, державшая в руках этот особый читательский билет, что и наполнило нас новыми переживаниями: как мы не всё хорошее ещё знаем друг о друге.

Спустившись снова вниз и наполнив собою, литераторами и гостями вечера, театральное библиотечное пространство, стали листать новый *литературный журнал* ***«Поляна».*** С присущим блеском и тончайшим юмором о журнале рассказал его главный редактор ***О. Солдатов***. Олег красочно представил работу гл. редактора, общение с гениями и графоманами, нарисовал перспективу нового издания и, в результате, получил букет подписчиков из чуть ли не всех собравшихся в зале.

Б*о*льшая часть вечера была посвящена знакомству с новой книгой ***Дмитрия Цесельчука «В рай как прежде открыта калитка...».*** Составитель *Нина Давыдова* рассказала о структуре издания: в основном это неизданные стихи 1969-2012 гг., но не только поэзия: в книгу включены воспоминания, диалоги, эссе. Это первая книга в серии «Поэтоград», изд. «Вест-Консалтинг». После авторского чтения стихов в обсуждении новой книги приняли участие поэты, литературоведы и любители поэзии: *Сергей Шелов, Вячеслав Сысоев, Сергей Алимарин, Евгений Степанов, Анна Гедымин, Наталья Ванханен, Владимир Глянц, Ингрид Кирштайн* и др. Совершенно неожиданным оказалось выступление гостя вечера, не видевшего *Д. Цесельчука* более 20 лет, бывшего члена Профкома литераторов, известного прозаика *Сергея Магомета.* Он, очень взволнованный, прочёл понравившееся ему стихотворение из книги, а потом стал рассказывать о первых годах становления Союза литераторов, и даже совершил экскурс в историю Профкома при Литфонде, о том времени, «когда могли, как И. Бродского, посадить пишущего человека за тунеядство. Через 2 дня в интернете на нескольких сайтах появился очерк *Сергея Магомета* «Сокровенный Цесельчук», Вечер закончился ***поэтическим конкурсом «Служенье муз не терпит суеты; Прекрасное должно быть величаво».*** Жюри назвало победителей, ими стали ***Татьяна Пацаева, Максим Жуков и Людмила Колодяжная.*** Нагруженные призами и переполненные впечатлениями, участники и гости «Лицейского» вечера разъехались по домам.

24 октября на ***Б. Черкасском*** литераторы встретились с прозаиком ***Игорем Харичевым***, представившим для обсуждения свой роман ***«Будущее в подарок»*** *(изд. Вест-Консалтинг, М., 2012, 340 с.)* Эта книга – попытка представить, какими будут мир и Россия через 50 лет. И речь идет, в первую очередь, не о развитии техники, хотя и об этом рассказано в романе, речь – об изменениях, которые случатся в обществе и психологии людей. Наряду с прочим, в романе есть ещё несколько переплетающихся линий – остросюжетная и любовная.
Игорь Чубайс представил свою новую книгу ***«Российская идея»*** *(Москва, изд. Аква-Терм, 2012, 488 с.)*. Ровно 150 лет назад Фёдор Михайлович Достоевский ввёл в употребление термин «Русская идея». И с тех пор не прекращается дискуссия о том, есть ли вообще русская идея, что она собой представляет, и каков же он, «российский маршрут». И на этой встрече полемика не утихала, обсуждение было весьма бурным и интересным.

30 октября – 2 ноября прошел ***III очередной съезд НКО***, делегатом на котором был координатор секции публицистики СЛ РФ – ***Ф.В. Шелов-Коведяев***.

14 ноября *в* ***Большом Черкасском Николай Калиниченко*** представил новый сборник стихов ***«Точка зрения»***. Собравшиеся отметили профессионализм молодого талантливого автора. Впрочем, это уже воспринимается констатацией факта, об этом писали в прессе, это отметили и на недавно состоявшейся презентации книги *Н. Калиниченко* в Париже. Название поэтического сборника запоминается сразу, а в одном из стихотворений приводится своеобразная «расшифровка» названия книги: *«Вот такое пришло ко мне озарение, / Утреннее, солнечное и неожиданно трезвое: / Самое важное – это точка зрения / Или просто дырка в ломте отрезанном...»*.
Член секции остроумной литературы и поэтического объединения при Союзе литераторов *«Третья среда»* ***Александр Петрович-Сыров*** представил на суд литераторов свои ***новые стихи,*** наполненные остросовременным содержанием, то, что иногда называют ***«на злобу дня»***. Просто чтением стихов не обошлось, «в кустах» оказался «рояль», а вернее, человек с гитарой, а ещё вернее – *Владимир Криворучко*, давно и плодотворно сочиняющий музыку на стихи *А. Сырова*, так что гости вечера познакомились с ещё одной гранью поэта, да и сам он с интересом вслушивался в свои омузыкаленные ритмы: *«Уходит жизнь за годом год, / Спешишь за ней, как за красоткой, – / И все равно она пройдет, / Но, главное, какой походкой!»*.

19 ноября *в* ***Георгиевском зале РОПЦ*** буквально разорвавшейся бомбой предстал ***Валентин Куклев*** с докладом ***«Новые жанры в литературе»,*** мгновенно вызвав возмущение одних и бурное одобрение других. «Какой же *Фейсбук* лит-жанр? Это просто инструмент, как и *Твиттер*, побойтесь Бога, вспомните Квятковского, например», – доносилось из зала. «При чём здесь уважаемый Квятковский, это было так давно, жизнь, литература изменились, вы, которые против, просто не владеете новыми технологиями, может быть, вы и без компьютера обходитесь? – парировал *В. Куклев*. А дальше уже вцепились с разных сторон: и в ЖЖ, и в 4-хстопный ямб без знаков препинания... А *Куклев* вещал, и вещал, пророчествуя, пугая: «Это матрица реальности –документальность. Это может быть запись диалогов, интервью, потом это перемонтируется и выкладывается в виде драматического произведения. Истоки этого можно найти в театре 20-х годов «Синяя блуза»; «пирожки» – малый поэтический жанр, рожденный и процветающий в рунете. Каноны «пирожковой» поэзии просты... А СМС, которыми пользуются молодые авторы?». Подытоживая, можно сказать, что было страшно интересно.
А тут подошли и ***Константин Кедров с Еленой Кацюбой и Ольгой Адровой,*** представили ***«Журнал ПОэтов»,*** начиная от первого, газетного по формату, и кончая последними его номерами. С хорошим тиражом – 2000 экземпляров, ежемесячным появлением на свет, а, главное, журнал чрезвычайно интересен – и стихами, и статьями, и воспоминаниями – просто всем. Некоторые из присутствовавших решили оформить подписку.

28 ноября *в* ***Большом Черкасском Суламифь Канарская*** представила свою новую книгу прозы и поэзии ***«Бордель (Бабочки не летают)»***. Материал автор собирала долго, из первых рук, что было небезопасно для себя и домашних. В романе много стихов Суламифь, некоторые она прочитала: « *И сердце моё – тир, / И тело моё – мишень. / Тебе меня перейти – / Короткий один день. / В тебе расхожусь по швам, / На хлеб твой ложусь – соль: / И тело моё – шрам, / И сердце моё – боль». Борис Якубович* выразил свою точку зрения: «Талантливо, смело, Куприн отдыхает», и на следующий день написал рецензию.
Большое внимание привлекла и презентация новой книги ***Михаила Николаева «Зеркало памяти. Избранное»***. М. Николаев стал в 60-ые гг. одним из первых членов Лито «Спектр», его публикаций всегда ждут, это один из интереснейших современных поэтов: *«...Вслед за спокойствием приходит грусть, / Как понимание исхода в неизбежность. / Тускнеет всё: мечты, любовь и нежность. / И никого судить я не берусь. / Ещё не раз ушедшее придёт, / Ещё не раз предчувствие обманет: / Надежда – только сон в самообмане, / Вдвойне неосязаемый. И пусть...»*. Михаил читал свои стихи перед затихшим залом, перед друзьями молодости и перед совсем молодыми поэта-

ми и любителями поэзии. Дочь Михаила *Лада Баламут*, чередуясь с отцом, исполнила несколько песен на его слова, к которым она написала музыку.

12 декабря — *МосГУ.* Уже несколько лет поэты, барды и прозаики Союза литераторов выступают *перед студентами* ***Гуманитарного университета.*** Путь туда неблизкий — Это территория бывшей Высшей комсомольской школы. Но овчинка стоит выделки: студенты услышат настоящую поэзию, не приглаженную, не псевдопатриотическую. Донести ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВО до молодёжи — непростая задача. Поэтому и «команда» подобралась особая: *Татьяна Виноградова, Илья Оганджанов, Татьяна Пацаева, Всеволод Арцинович, Татьяна Грауз, Инна Ряховская, Наталья Рожкова,* во главе с *Арсеном Мелитоняном и Дмитрием Цесельчуком.* В конце встречи сопредседателю СЛ РФ *Цесельчуку Д.Ю.* была вручена «Благодарность Союзу литераторов России за проведение встречи в Литературной гостиной со студентами Московского гуманитарного университета 12 декабря 2012 года» за подписью проректора МосГУ Е.А. Белого.

12 декабря. *Большой Черкасский.* Презентация книги ***Людмилы Серовой «Из Петиного детства»*** ощущалась как большое событие в детской литературе: задорные и печальные, мечтательные и философские стихи. Порадовали иллюстрации, сделанные студенткой Полиграфического института ***Катей Дмитриевой***. Катю рассказала, как несколько месяцев ходила по дворам, по детским площадкам, вглядывалась в детские мордочки, делала зарисовки, пугая мам, дедушек-бабушек и нянь. Так создавались иллюстрации к книге. А в названии и на обложке — мальчик Петя. Оказалось, что это образ собирательный, что-то от внука, что-то ещё где-то подгляделось *Людмилой Дмитриевной Серовой.* Она прочитала всю книжку, поворачивая ее иллюстрациями к слушателям после каждого прочитанного стихотворения, и каждый вспоминал, конечно, своё детство. Лица у всех стали светлые, а тут ещё и подарки: каждому — книга «Из Петиного детства» с дарственной надписью автора.

Но светлые лица присутствующих напряглись при следующей теме, предложенной ***Борисом Якубовичем*: *«Является ли А.С. Пушкин прадедом Л.Д. Троцкого?*** Версия А. Лациса, 1996 г.». Случилась остросюжетная дискуссия. А тут подошёл и известный литературовед *Козаровецкий* со своей только что вышедшей книгой о Пушкине. Резюмируя бурное обсуждение, можно подытожить так: всё случается, но только экспертиза на самом высоком уровне может всё расставить по своим местам.

Третья тема встречи была не менее интересной и сенсационной. ***Людмила Колодяжная*** показала пришедшим интереснейшее неосуществлённое издание (которое мы, даст Бог, может, и осуществим!).

24 декабря, да ещё и в понедельник, литераторы пришли на репетицию встречи Нового, 2013, года *в* ***Георгиевский зал***, но не Кремля, а ***Российского общественно-политического центра,*** что в Лучниковом переулке. С торжественными отчётно-перспективными докладами, вмещающими в себя не более двух предложений, выступили *Дмитрий Цесельчук, Сергей Алимарин и Фёдор Шелов-Коведяев.* Ведущая и сценарист вечера *Нина Давыдова* попросила рассказать: 1. *Владимира Бережкова и Наталью Шмелькову* о новой книге Леонида Губанова и о самом поэте; 2. *Ольгу Соколовскую* — о греческом короле Георге и греческой королеве Ольге, сестре К.Р.; 3. *Евгения Степанова* о газете «Литизвестия» — взгляд назад и вперёд. При упоминании публикаций о Кронштадте возникла тема переименования улиц, и к выступлению *Степанова* присоединился *Владимир Коркунов*, поведавший историю о переименованиях в Кимрах. Наконец, был объявлен поэтически — «эссеистический» блицконкурс на темы, имеющие отношение к 24 декабря:

1. День взятия крепости Измаил русскими войсками под командованием А.В. Суворова.
2. Католический Сочельник.
3. Императрица Елизавета подписала указ о праве помещиков ссылать крестьян в Сибирь.
4. В Англии состоялась первая поездка на первом пассажирском автомобиле.
5. В деревне Жостово возник художественный промысел — роспись на металлических подносах.
6. Родился польский поэт, деятель национально-освободительного движения и основоположник польского романтизма Адам Мицкевич.
7. Родился английский физик Джеймс Прескотт Джоуль, внесший большой вклад в развитие термодинамики. Он экспериментально обосновал закон сохранения энергии, определил механический эквивалент тепла. Установил закон, названный законом Джоуля-Ленца.
8. В Копенгагене родился Георг I Греческий — греческий король (1863-1913) из династии Глюксбургов, сын датского короля Кристиана IX. В 1863 году Георг сочетался браком с русской великой княжной Ольгой Константиновной.
9. После поражения в Гражданской войне 1861-1865 годов несколько ветеранов-конфедератов создали в США тайную расистскую террористическую организацию Ку-клукс-клан.
10. В Лондоне в семье офицера родился английский писатель, мастер детективного жанра, опубликовавший свыше восьмидесяти романов Джеймс Хедли Чейз.

11. С Комендантского аэродрома под Петербургом поднялся в небо новый самолет Игоря Ивановича Сикорского — «Илья Муромец». При остановке даже двух двигателей самолет мог продолжать полет.

Желающие принять участие должны были написать на одну из этих тем, на 2-3-4-5 или на все 11 сразу. Объём: поэтическое произведение — не более 16 строк, эссе — не более 2,5 тыс. знаков. Жюри под руководством *Натальи Рожковой* работало тайно, результаты конкурса объявили внезапно и с вручением призов. Абсолютным победителем стал ***Игорь Бурдонов***, включивший все 11 предложенных тем. Как он это сделал, не знает даже он сам, но с текстом победителя мы предлагаем познакомиться и читателям:

Игорь БУРДОНОВ

ТЯЖЁЛЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

Проснулся поздно, потому что мороз. Стал думать: что делать? Решил взять Измаил, гляжу — а Суворов его уже взял. Ну, и слава Богу. Хотел праздновать сочельник, но скоро выяснилось, что он католический. Не с руки. А не отправить ли мне крестьян в Сибирь? Идея хорошая, но вспомнил, что я не помещик, да и крестьян у меня нет. Тогда сам решил прокатиться — с ветерком, да по морозцу. Сел в пассажирский автомобиль, а он не заводится: это вам не Англия — это Россия, да ещё зимой. Вернулся в дом, чтобы на досуге расписать металлический поднос. Но ничего не вышло: во-первых, подноса нет, во-вторых, краски засохли, в-третьих, живу не в Жостово. Тут снизошло на меня романтическое настроение, захотелось кого-нибудь национально-освободить или, на худой конец, стихи написать, как Адам Мицкевич. Только имя у меня другое, не освободительно-романтическое. Пришлось переключиться на науку. Давно что-то никто термодинамику не развивал, внести, что ли, вклад побольше. Но тут мне голос был: «Не трожь!» С английским акцентом. «Ты кто?» — спрашиваю. «Джоуль я». «Это который Ленц? Русский физик?» «Обидеть хочешь, да?» Стыдно мне стало, поэтому захотелось стать каким-нибудь королём, причём обязательно из династии Глюксбургов. Только никак не мог выбрать: греческим или датским? Ощупал себя — а на мне женское платье королевы Эллинов Ольги Константиновны. Ни фига, себе, думаю, и со страху основал Ку-клукс-клан вместе с какими-то ветеранами-отморозками. Только мне не понравилось — душно под колпаком, да и негры мне ничего плохого не сделали. Другое дело, всякие воры, грабители и убийцы — эти мне не нравятся. Решил я про них детективные романы сочинить, восемьдесят девять штук. Но пока решал, родился Джеймс Хедли Чейз и все эти романы написал. «Да ну вас всех! — воскликнул я в сердцах. — Ничего сделать нельзя, всё уже сделано. Вот сяду в самолёт и улечу к едрене фене!». Беру билет на «Илью Муромца», взлетаем, летим. И тут — упс! — два двигателя остановились. Самолёт, правда, дальше летит, но я не стал рисковать: спрыгнул от греха подальше. Приземлился в Китае. Вокруг — ни одного китайца, потому что не Китай-страна, а Китай-город. Но приземлился мягко, в смысле на мягкое сиденье. Еле успел из вагона выскочить, и прямиком — в Лучников переулок. Оказывается, мне туда надо было. Чуть не забыл со всеми этими великими делами. Всё-таки понедельник — день тяжёлый.

Январь-февраль 2013 г.

23 января *на* ***Большом Черкасском*** прошла презентация двух поэтических книг. ***Валерий Шаронов*** предложил вниманию собравшихся сборник стихов ***«Долго и счастливо»***, вышедший в свет в конце 2012 года. Валерий известен не только как журналист и поэт, но, прежде всего, как известный путешественник. В предисловии к книге отмечается, что «Сертификат Книги рекордов Гиннесса, полученный автором сборника за одно из путешествий, предполагает как успешное достижение цели любого похода, так и качественное выполнение его задач — от научно-исследовательских до чисто познавательных. Из широкого круга интересов автора здесь отобраны мысли главной, по его мнению, темы — об отношении человека к жизни. По уверению путешественника, он будет счастлив, если читатель разделит с ним хотя бы некоторые рассуждения, ощущения и взгляды на мир: «*Чтобы где-то подумать / О смерти не как о костлявой / Старухе, /А о наивной девушке, / Страдающей от своих / Обязанностей*».

Книга ***Владимира Коркунова «Наедине»***, *Журнальный вариант, изд. «Вест-Консалтинг»*, вышла в первые дни 2013 г., это сборник стихов с предисловием *Кирилла Ковальджи*: «Стихи Владимира Коркунова я знаю не первый год, но по -настоящему узнал только теперь. Потому что он, выросши вдруг, стал самим собою — словно из кокона выпростался, освободился от спеленутости всей предыдущей, с любовью воспринятой поэзии...: «Любовь / *понимала / знала / верила любила / любимая / родная / милая / дорогая / а теперь поставь знаки вопросов и прочти заново*». И повеяло свежестью и просто новизной в старой как мир теме. Думаю, Владимир Коркунов вышел на простор. Что дальше?.. ...Коркунов восприимчив (жаден!) ко всему новому, он настоящий человек литературы, неустанно действующий не только как поэт, но и как критик, очеркист, издатель и организатор. Он многое может и — сможет».

По уже сложившейся в 2012 г. традиции, небольшой доклад предложил ***Борис Якубович: «Обрезание Господне»***. В России эта дата известна в светском контексте как Старый Новый год.

13 февраля встреча на ***Большом Черкасском*** началась докладом ***Бориса Якубовича: «Неизвестные годы жизни Иисуса*** Христа. Автор забытого Евангелия». Вопросы посыпались на Якубовича градом, но впереди были еще две поэтических презентации.

Ксения Радионова «В день последнего трамвая», М.: Вест-Консалтинг, 2012. Поэтесса, прозаик, сценарист, хозяйка московского поэтического салона «Эпоха Водолея». Постоянный гость программы «Мир моих интересов» на радиостанции «Подмосковье», участник 1-го Московского поэтического видеофестиваля. Стихи ее публиковались в газете «МОЛ», журналах «Страна и мы», «Студенческий меридиан», в альманахах «Вектор творчества – сорок до сорока», «Лики» и др. Дебютная книга стихов «Над землей» вышла в 2002 году в рамках издательской программы МОЛ СЛ РФ. «В день последнего трамвая» – второй поэтический сборник автора.

Людмила Колодяжная. «Позови... Избранные стихотворения 2000–2011 гг. Серия «Поэтоград». *Книга вторая.* М.: *Вест-Консалтинг, 2013.* Людмила – автор более 25 книг стихотворений (в том числе детской – «Стихи-крошки», опубликованной в издательстве «Московской Патриархии» в 2011 и 2012 гг.). Многие произведения опубликованы как в периодической печати, так и в сети Интернет. Кандидат филол. наук, руководитель Лито Центрального дома ученых РАН. Лауреат Международной премии «Золотая строфа – 2011 и 2012». На стихи Людмилы Колодяжной написано более 300 песен. Новая книга была высоко оценена собравшимися, чтение автора прерывалось аплодисментами после каждого стихотворения.

21 февраля, *зал* ***Абонемент библиотеки имени Н.А. Добролюбова*** состоялось пиршество русского поэтического авангарда (при поддержке группы ПСИ и Союза литераторов России). ***«Вызвукизвуки»*** – так озаглавили свою программу Евгений и Анна Харитоновы. Отец и дочь показали, какими разными путями может пойти поэт, отвергший традиционные формы стихосложения. В поэзии ***Евгения В. Харитонова*** смысловая составляющая еще очень сильна. Отдельные произведения и вовсе походят на рассказы, поданные в ритмической форме белого стиха и верлибра.

Анна Харитонова, напротив, разговаривает с залом на языке слогов и звуков, давая возможность уловить оттенок смысла через богатую палитру настроений и эмоциональных высверков. Анна также использует для выступления жестовую и мимическую систему, свойственную театральному действу. Как далек этот художественный месседж от монотонного чтения поэтов-традиционалистов!

Выступление *Анны и Евгения Харитоновых* – первое слово в серии мероприятий, предусмотренных проектом «Библиология». В рамках проекта предполагается организация поэтических и музыкальных вечеров, встречи с писателями и издателями. Площадками для выступлений станут московские библиотеки, учебные заведения и литературные кафе. В теплое время года планируется ряд мероприятий под открытым небом.

Главная задача проекта, подчёркивает его автор ***Николай Калиниченко,*** – показать заинтересованной публике многообразие современного литературного мира столицы в сочетании с «книжными» местами города. В финале ожидается масштабный фестиваль, на котором выступят наиболее яркие из участников проекта «Библиология».

МосГУ
ГОД ОСНОВАНИЯ – 1944

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

БЛАГОДАРНОСТЬ

Союзу литераторов России

за проведение встречи в Литературной гостиной
со студентами Московского гуманитарного университета
12 декабря 2012 года

Проректор МосГУ Е. А. Белый

МОСКВА 2012

РОК-ПОЭЗИЯ

Песни в переводах с английского
Евгения ЗГОДОВА:

Берни ТАУПИН

ПРОСТИ

(Bernie Taupin — «Sorry Seems to Be the Hardest Word», песня была написана для Элтона ДЖОНА)

Что мне сделать, чтобы ты забыла
Все обиды и пришла ко мне?
Мысли о тебе, о том, что было
Словно вспышка молнии во тьме.

Может, лучше точки все расставить,
Чем нелёгкий груз обид нести?
Кажется, так просто всё исправить
Но трудней всего сказать — Прости.

Как жаль, как жаль,
Мне бесконечно грустно
И покой душе не обрести.
Как жаль, как жаль,
Немало слов есть «трудных»
Но трудней всего, поверь трудней всего,
Но трудней всего сказать — Прости.

Где найти, когда любовь остыла,
Те слова, чтоб боль мою вместить.
Слов немало «трудных» в жизни было
Но трудней всего, поверь трудней всего,
Но трудней всего сказать — Прости.

Боб ДИЛАН

ДЕВЯТЬ ВОПРОСОВ

(Bob Dylan — «Blowin' in the Wind»)

Сколько нелёгких дорог нам пройти,
чтоб стать сильней мы смогли?
Долго ли птица над морем летит, пока долетит до земли?
И сколько ещё не убитых солдат, могут явиться на свет?
Мой друг слушай ветер, в словах правды нет...
Ветер знает ответ.

Сколько река будет камень точить, пока он не станет рекой?
Сколько от бед можно взгляд отводить,
лелея душевный покой?
И прежде чем станем свободными мы,
сколько пройдёт долгих лет?

Мой друг слушай ветер, в словах правды нет...
Ветер знает ответ.

И сколько ещё по течению плыть, не видя небес над собой?
Как можно чувства свои объяснить, так чтобы понял другой?
Да и скольким ещё умереть, чтоб нам понять,
краток наш век на земле?

Мой друг слушай ветер, в словах правды нет...
Ветер знает ответ.

Песня в переводе с английского
Олега ЧИЛАПА:

Джон ФОГЕРТИ

ЗЕЛЁНАЯ РЕКА

(John Fogerty — «Green River»)

Забери меня назад, туда к прохладной воде,
Напомни мне всё то, что я позабыл:
Постоять у коряги,
Где кусаются зубатки,
Ночные хождения вдоль реки,
Босые девчонки танцуют, да, в лунном свете...

Я слышу, как меня зовёт водяной.
Удивительно, на дереве ещё висит моя тарзанка.
Люблю ногой пнуть воду, чтобы брызги разлетелись,
Спугнув стрекоз и водомерок. И бегом-назад к маме.
И камешки поскачут по Зелёной Реке.

В лагере у Коди проводил я свои дни —
С приезжими в машинах и с пешими бродягами.
И старый Коди-младший взял меня к себе,
Сказав мне: «Если обнаружишь, что мир круглый,
И если заплутаешь —
Возвращайся-ка домой — к Зелёной Реке.»

АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Мария МИРОНОВА

По брезгливой воде,
по заточенной зыби зеркал
Перейти многополюсно,
прямофигурно и властно.
Сколько свет отраженный
собою во мне рисковал,
Столько раз проседала волна
и в волнении гасла.
Здесь Ослябя затих,
а вон там, впереди, — Пересвет
Все готовится пасть,
не остыв от монашеской части.
Домолились до ратного дела,
давая обет
Все земное пройти по воде
искупительной страсти.
Правда тут постаралась,
подставив свои рамена, —
Этих стойких и нежных,
собою и Богом точенных.
Только солнцу досталась не вечность,
а лишь времена,
Где и берегу мутно
от конницы красных да черных.
Заплескалась вода.
Научи меня прямо ходить,
Облеки в прямизну,
даже если до лодки неблизко,
Белым светом во мне затяни
вертикальную нить.
Я ступаю по водному пламени
полного диска.

Александр ЕРЕМЕНКО

Когда совпав с отверстиями гроз,
заклинят междометия воды
и белые тяжелые сады
вращаются, как жидкий паровоз,
замкните схему пачкой папирос,
где «Беломор» похож на амперметр...
О, как равновелик и перламутров
на небесах начавшийся митоз!
Я говорю, что я затем и рос
и нажимал на смутные педали,
чтоб, наконец, свинтил свои детали
сей влажный сад
в одну из нужных поз.

Марина КУДИМОВА

В мятежной очереди стоя,
Я никогда не знаю, кто я.
В ответ на каверзный вопрос:
— Как вас зовут? —
В лице меняюсь,
Ответить сразу затрудняюсь,
Однако, это не склероз.

Косноязычный комментатор
И засветившийся агент,
Я — всех акцентов имитатор
И всех земель абориген.

И — со всеобщим выраженьем —
Я обеспечена служеньем,
В круговорот вовлечена
И лишь отдельного изданья
За совокупное страданье,
За соучастье лишена.

Наталья ВАНХАНЕН

Когда между раем и адом
у добрых людей на виду
тяжелые тучи над МКАДом
идут на свинцовом ходу, —
на дне долгового колодца,
во тьме мелкотравчатых бед
мы знаем, что выжить придется —
иного-то выхода нет.
Но как нам взойти по ступеням,
живыми придя из боев,
к Твоим ненасытным сиреням
и грому Твоих соловьев?
Но как оторваться от хлеба
и черному дню не пенять,
и лестницу в жадное небо
слепыми руками поднять?
И верить в потемках кромешных,
что где-то, хоть сколько-нибудь,
еще оправдают нас, грешных,
за грешный и праведный путь?

***Татьяна* ПАЦАЕВА**

2000-ая ОСЕНЬ

То ли лес золотой освещает полуденный купол,
то ли небо роняет на землю густеющий свет.
Нынче Осень щедра, хоть и прежде сверкала не скупо.
Видно, вышли Земле наградные за выслугу лет.

В золотом и прохладном в волшебное следует верить,
злата много, найдется грамм сорок на ключ золотой,
и под пение арф отворит он небесные двери...
Впрочем, лучше не так. Дверь должна быть земной и простой.

На земле. Но вести в тот чертог, что набит совершенством,
в ароматы разгаданных тайн и решённых задач,
где под куполом Истина тает небесным блаженством,
а внизу — груда радостей жизни и куча удач.

***Михаил* НИКОЛАЕВ**

Я вхожу во владения Голубой Стрекозы.
Этот лес безымянный, с ажурной листвой невесомой,
Затаился, затих в ожидании близкой веселой грозы,
Малахитовый глаз озерка улыбается, сонный.

С бережка мохового сойду, безо всякого плеска
Соскользну в глубину, в полумраке глаза не закрыв.
Тени рыб и растений изогнуты линзой нерезкой,
А у самого дна — родники, изумрудной прохлады порыв.

Раскачаю над ряской былинной еловые лапы,
Распугаю мальков жемчугами своих пузырей.
Местный леший, чудила, приподнял лопуховую шляпу,
Выпуская мечтательный дым из корявых ноздрей.

Мы раскланялись молча. И я удаляюсь неспешно:
Расступись медвяной, травяной, выше пояса, шелк!
В этом ласковом царстве отчего бы не жить мне безгрешно,
Как грибы пряча сказки в заветный заплечный мешок.

***Светлана* ТИШИНА**

Под окошком в зарослях жасмина
Млело утро трелью соловьиной
В тихий, кроткий предрассветный час.
Солнышко вставать не тропилось —
Знать, певца оно вспугнуть стыдилось,
Словно знало, что он пел для нас.

Заливался тот непревзойденно!
Каждое коленце для влюбленных,
Для которых ночь всегда мала.
Всё вокруг божественно молчало...
В соловьином пении звучала
Миру и Творцу его хвала.

***Алла* КОЗЫРЕВА**

КРАСНЫЙ ЗОНТ

Замыслы осенней непогоды
Заострили тонкие черты.
Девушка, мной встреченная, кто ты?
Воплощенье чьей-нибудь мечты.

Помнишь мелкий дождик на вокзале,
Где пересечений не найти?
И еще по радио сказали:
Поезд задержался, он в пути.

Ты кого-то в этот день встречала,
И была мечтами занята,
Ожиданье ты обозначала
Поворотом красного зонта.

Как теперь узнать, что дальше было?
Ты поныне любишь, правда ведь?
Ты была любима, ты любила?
Ты ведь его встретила? Ответь...

Летний дождь рассеет все печали.
Пусть грозится атмосферный фронт,
Я стою сегодня на вокзале.
Крутится, как солнце, красный зонт

***Анна* ГЕДЫМИН**

Твой голос морозен — впору надеть тулуп.
Какого дьявола! Растопи эти льдины!
Ну почему, почему, почему так глуп
Самый умный и самый необходимый!

За что, несчастье мое, ты это все говоришь!
Тебя — разлюбила! Придумать такие бредни!
Свобода кончилась на тебе! Ты — Париж,
Который стоит обедни.

К Парижу этому вел диковатый шлях —
Дорога жизни моей, проложенная негладко.
И теперь я требую, чтобы на Елисейских Полях
Были теплые летние сумерки! Без осадков!

Александра **КРЮЧКОВА**

В ЭТОМ ГОРОДЕ

В этом городе стонут крыши
От решивших сбежать в века...
Я кричу тебе! — Ты не слышишь,
Год за годом, как День Сурка.

Сколько пятниц на той неделе?
Ежедневник бросает в дрожь!
В этом городе нет той двери,
За которой меня ты ждёшь...

В этом городе плачут стены
От подслушанных новостей...
И зашкалит безмен измены
Превышением скоростей,

И ударит по сердцу током
Столь привычно-циничный альт...
В этом городе пыльных окон
Солнце падает на асфальт...

Георгий **ЦЕСЕЛЬЧУК**

Догорают в огне обрывки листов,
Где тысячи строк и тысячи слов.
Я стою на краю бескрайней дыры:
На шее — петля, на запястьях — узлы.

Я прыгну туда — в глубину твоих глаз,
Я там утону, задохнусь сотни раз.
И молча уйду, растворяясь в тебе, —
Я капля слезы, что скользит по щеке...

Лидия **ОГАНЕСЯН**

Все было так, как не могло не быть. —
В одно мгновенье проносилась вечность.
Средь темноты соревновались свечи
за право ярче и сильней любить.

А на огонь слетались вечера,
и тонким кружевом сплетались ночи,
и голоса — звенящим многоточьем —
благословляли «завтра» и «вчера».

Так длилась та счастливая пора...
Но солнце грянуло однажды утром
и осветило каждую минуту —
лишило «завтра», унесло «вчера»...

Мариам **КАБАШИЛОВА**

Если считать, что в жизни, как в кино
Бывает завязка, кульминация и прочее,
То в нашей истории, можно сказать точно,
Наступил момент, когда кончилось все вино.

Ночной ветер запутался в оконной раме.
И я уже два часа сижу перед потухшим экраном.
Вряд ли это фильм-катастрофа или бондиана.
Скорее романтическая мелодрама.

Где любовных и бытовых сцен поровну.
В финале они долго говорят про общих знакомых.
Смущаются, чувствуют себя сковано.
А на прощание самое важное и — в разные стороны.

Светлана **АРТЁМОВА**

Солнце падало
камнем за море.
Словно замертво
солнце падало.

День горит огнем —
погребальный жар.
Тьме осенней в дар
солнце отдаём.

Осень, будь добра!
Ты прости нам всё.
Гулким смой дождём
и отдай ветрам

глупость летних дней,
и печаль, и боль...
Но мою любовь
отбирать не смей.

Илья **ОГАНДЖАНОВ**

ни о чём не будем плакать
пусть закончилась весна
и соловей захлёбываясь трелью не выманит из облака звезду

уже смычок взмыл в небеса
и холод пробежал по струнам
и твоя тень в моей памяти корни пустила

как воздух чист
как тёмен взгляд цветка
когда бы знать в какие двери стучится сердце детским кулачком

когда бы знать
и стрелки переставить
и вновь коснуться твоего плеча

Александр ИВАЩЕНКО, Новороссийск

МИР БЕЗ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ

возможно
однажды
он нагрянет и к тебе
этот странный мир
в котором в одночасье вдруг исчезнут все
такие привычные сегодня для всех нас
знаки препинания
точки и запятые
двоеточия и тире
восклицательные
вопросительные
и все иные
знаки и правила
мешающие
как может быть покажется и тебе тоже
более свободному изъявлению твоих фантазий
их полёту
на грани возможного и невозможного
реального и запредельного
и ты скажешь себе
вот это и есть мой мир
мир без тормозов
мир без ограничений
мир
открывающий новые небывалые горизонты
и ты
освободившись наконец
от груза обыденных
земных
дел и проблем
обратишь свой взгляд
к бесконечно-звёздному небу
и легко
свободно
улыбнёшься вселенной
а вселенная улыбнётся тебе в ответ
и из бесконечных глубин её
загадочно-непостижимый космический морзе
откроет тебе
на гигантском экране небесного компьютера
страницы воспоминаний
о твоём грядущем будущем
и о напрочь забытом
прошлом
и ты сделаешь
ещё один
такой важный для тебя и для всех нас
шаг к звёздам
шаг
к звёздам

впрочем
не исключено
что он
к сожалению
так и не явится к тебе
этот мир
мир без знаков препинания
ведь в него
как минимум
нужно верить

Владимир МАСАЛОВ

МАГИСТРАЛ*

Ты не со мной, сегодня не со мной,
Ты в мире грез во тьме по небу бродишь,
И, может быть, душе своей находишь
Чудесное забвенье и покой.

Багаж любви несу печально свой.
Душа твоя несет тебя в мир новый,
Безумная, захлопнуть дверь готова
Перед моей истерзанной душой.

Последний лист срывает ветр шальной.
Несется он на крыльях легкой птицы,
Как день свиданья уходящий мой,
Не дав душе блаженством насладиться.

Наверно, есть у жизни свой закон.
Струна, порвавшись, исторгает стон.

Григорий АРЛИНСКИЙ

Это осень, единственно, осень,
Ну, о чем еще мне говорить...
Ветер лист, как листовки, разносит
И под дверь мне сует — на, бери...

Я и сам-то — листок безымянный,
То взлечу, то на землю паду.
То ли вестника жду, то ли манну,
То ли женщину, что никогда не найду.

Эта осень пришла слишком рано,
Чуть подкрасилась — и в хоровод.
А куда ей спешить?.. Сокровенною праной
И насытит, и горло сожмет.

Инна РЯХОВСКАЯ

Октябрьские леса... Медь, золото, багрянец...
И поределых рощ берёзовая стать.
Как запахи остры, очищены и пряны —
земли, грибов, хво***и***, опавшего листа!

И глазу не вобрать всей глубины осенней
задумчивых небес, колеблемых вершин,
стоячих тёмных вод, дремучих елей сени
и огненную страсть, кровавую, рябин.

Что ж смолкла ты в ветвях, певунья и отрада?
Допой, досвиристи, что летом не пришлось.
пусть прозвенит твоя прощальная рулада,
как тот внезапный луч, что брызнул на откос...

Но подступил ноябрь, набухший влагой, зыбкий.
Сиротствуют поля в последней наготе
под посвистом ветров.
Дождей унылы скрипки
В темнеющих равнин предзимней пустоте,

в краю бессветных дней и тысяч одиночеств
заброшенных людей, порушенных надежд,
где ворон ворону повыклюет все очи
и состраданья человеку нет...

Но не любить не властна эту землю,
где волнами неторопливых рек,
над мраком одичания подъемля,
врачует душу мне родная речь.

Анатолий КУТНИК

ВОЛОШИН

Посмертно жить в Крыму,
На склонах, на холмах,
Летать над пропастью
В январскую мокрель
И верить в ту страну,
Где важен крыльев взмах,
Последней робостью
Надежды акварель.
Безумья моря,
Тишь после убийств,
Скудеет эхо
Да мгновенья лада,
Скалисто горе,
Воля для витийств,
Спаси от века,
Уведи, Эллада.

Татьяна ГОРДИЕНКО

«СОЛНЦЕ СЕЛО ЗА КАРА-ДАГ...»

Солнце село за Кара-Даг.
Розов цвет резного утеса.
И луны бледно-белый флаг.
И полынный дурман откоса.

Луч ползет по седой гряде.
Сердцем слушаю всхлип рапана.
В предзакатной вечерней мгле
Строгий профиль Максимильяна.

Безграничен души полет,
Парапланы парят безмолвно.
И уже ничего не в счет:
Ни «как будто», ни «вдруг», ни «словно».

Елена КАЦЮБА

ВИДЕНИЕ

Море морщило мыслями лоб Волошина
...было ли
  было ли
  было
    ли-
      вни смыли следы
иссушило солнце крышу
мертвые осы падают
      осыпается дом
серебром века
трещат опоры
рушатся стропила
перекосились пейзажи в рамах оконных
лестницы улетели
или вихри-ангелы унесли
...было ли
  было ли
  было
    ли-
      знула волна берег
и ушла дальше дальше
шелковица ягоды уронила

чернильными кляксами на бумаге
боги мои боги...
Кубик Рубика крутит в руках Волошин —
может, сложится все же еще раз
время мое время
море мое

Встрепенулись травы
дрогнула гора
рванулся ветер с вершины
и развеял видение
...было ли
    было ли
     было
          ли...

***Наталья* РУБИНСКАЯ**

МНОГИЕ ИЗ ТРАВ, А С НИМИ ПОЛЫНЬ,
К СЕНТЯБРЮ ЗАЦВЕЛИ ВО ВТОРОЙ РАЗ

Венцы себе сплетаю из полыни.
Прохладна, как проточная вода,
полынь велит от бытности отлынить,
напомнив, что *душа* ты иногда,
и только. Пряный дух её — с иссопом
и даже с базиликом не сравнить —
меня пленяет горькой доли соком,
меня ласкает... Венчик можно свить
из маков, из ромашек, колокольцев. —
Но я, как тоже Максимилиан,
люблю полыни маленькие солнца
в цветках невзрачных...

***Ирина* РЕПИНА**

Как по чёрной земле
да за чёрной рекой,
утонув в ковыле
с непонятной тоской.

А дороги все лгут,
разбиваясь в квадрат,
закрутившись, как жгут,
приводя в новый град.

Но дорожная пыль
налетит, как напасть,
и нас бросит в ковыль
то ли боль, то ли страсть...

***Ирина* ТИШИНА**

КЛЁН

Был беспощаден заморозок краткий...
Высокий клён в пунцовой лихорадке
Горит, дрожит, ладони распластав,
Бросая жар на ветошь чахлых трав.

Остынет жизнь в его древесных жилах,
Его дрозды достигнут теплых скал,
Расскажут им, как трепетно, как живо,
Как дерзко солнцу он рукоплескал!

***Олег* ЧИЛАП**

Рот с рожденья полон гравия.
Изобилие?
Нет, равноправие...

***Олег* БОГДАНОВ**

БРОД
Иосифу Бродскому

на речке у склизкого брода
стояла дурная погода
хоть тучи прошли стороной
погода стояла дурная
но вброд уходила иная
чем та что была за спиной

я мыкался меж берегами
я глину месил сапогами
а после всплывала строка
но мутные мутные строки
пророчили новые сроки
вдобавок к моим сорока

их впрочем тогда было меньше
и брод был положе и мельче
подмыло течение грунт
все сохла луна на балконе
но не был я вором в законе
а ворон накаркивал бунт

а ворон варьировал войны
а я их свидетель невольный
кастрировал свой гарнизон
чтоб волны разбились об камень
не смешиваясь с облаками
идущими за горизонт

восток относило на запад
вчера озираясь на завтра
прощально махнуло рукой
и не было в сущности брода
а мне предстояла свобода
и что там вдали за рекой

***Вадим* ВИЛЬДШТЕЙН**

НА СМЕРТЬ БРОДСКОГО

Мне нечего сказать ни греку, ни варягу
Зане не знаю я, в какую землю лягу...

Я буду бормотать
Арабу и еврею.
Петлей не испугать,
Хотя намылят шею.
Гранитные тома
Надгробий и заглавий.
Здесь погребен Поэт.
Иосиф...
Иосиф Флавий
Писал в свои года
Еще красноречивей.
Тогда была беда
И виноград червивей.
Тогда была война,
Она почти сегодня.
Смолчу — моя вина,
А жизнь в руке Господней.

N.Y.04.02.1996

***Людмила* КОЛОДЯЖНАЯ**

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

«Когда погребают эпоху...»
Анна Ахматова

Сквозь лампадные блики
слова в дневнике процвели:
«Еще один умер великий
писатель Русской Земли...»

Щедро роняет влагу —
и не стереть с лица —
царственный месяц август,
оплакивая Певца.

Слез своих лепту-кроху —
к природе добавим и мы...
Когда отпевают эпоху,
всю ночь читают псалмы.

Величие — не измерить,
аршин Ему общий мал,
Пророку можно лишь верить,
словам, что он нам сказал.

Слова его стали святы,
слышны сквозь времени гам —
он был наш первый Вожатый,
проведший по Первым кругам.

Он до последнего вздоха
нас выводил из тьмы...
Когда отпевают эпоху,
всю ночь читают псалмы

***Александр* ОЛЕЙНИКОВ**

ВОЛОДЕ КОРМЕРУ

Ты, действительно, знал цену
Людям, мыслям и вещам.
Жаль, что ты ушёл за сцену,
Ничего не обещав.

Шёл спектакль, и зритель зоркий —
Завсегдашний театрал
За сюжетом из галёрки
Беспристрастно наблюдал.

Узнавал знакомых ранее
Исполнителей и лиц.
Поменялся только задник
С видом лучшей из столиц.

Вместо давешней стекляшки,
Где с тобою по утрам
Принимали по рюмашке,
Люди выстроили храм.

Снова молимся мы хором.
Бьём поклоны куполам.
Демократия — с террором,
Водка — с пивом пополам.

Купола и крыши, крыши.
Над Москвою — лёгкий смог.
Диссиденты в нувориши
Обустроились, кто смог.

Ты же лёгкою походкой
Нас покинуть предпочёл,
Как всегда ходил за водкой —
Встал, оделся и ушёл.

***Татьяна* ВИНОГРАДОВА**

Н.К. и М.Б.

Черный свет, белая тьма.
Разлеглось повсюду отечество.
Родная, чужая, слепая страна, —
кресты, купола, сума да тюрьма...
Я не хочу сойти здесь с ума.
Ненависть к родине — это не лечится.

Россия, Расея... Всё те же дела, —
пошла писать кренделя:
бабло, купола, ответ за «козла»,
телевизионное «бла-бла-бла»,
всенародное вечное «бля»...

Черный свет. Белая тьма.
И полны закрома векового дерьма.

...Но ведь было! — Серебряный морок берёз,
и над Лизиным прудом — мерцанье стрекоз,
и Татьяна гадала в крещенский мороз,
и сияла вдали Покрова на Нерли...
Что же? Всё под откос?
«Отвали, досвидос»?

Белоснежная нежная тьма.
Русь моя, где ты? А где я сама?
— Бездорожье. Безвременье. Безнадёга.
И повсюду, повсюду отечество
разлеглось.
Где же к храму дорога?
— Нет ответа. Нет слёз. Досвидос.
Ненависть к родине — это не лечится.

***Александра* МИРОНОВА**

АВСТРАЛИЯ

Тот лес подмосковный, что детством пропах,
Мне снился в Австралии жаркой,
Туда улетала в упрямых мечтах
Никем не оплаченной маркой.

Меня всё хотел приручить эвкалипт,
Но в памяти — горки да ели,
Я думала, жизнь не идет — семенит,
Бесцельно считая недели.

Гудел океан, словно фивский колосс,
Над пирсами чайки носились,
А душу терзал неутешный вопрос:
Когда мы вернемся в Россию?..

Из чудных минут витражи наберу,
Чтоб прошлое стало милее, —
Как с воздухом бился боксер-кенгуру,
Как нежно коалы глядели...

Тот край остролистый мне снится порой,
Туда не мечтаю вернуться,
Но абрис на карте уже не чужой:
Страницы из детства не рвутся.

***Валерий* ДУДАКОВ**

ВЫХОД В АТЛАНТИКУ

Тихий прошли. Позади острова
Воды шумят Атланта.
Мелко расходятся волн кружева,
Словно изделья Брабанта.

Вдоль полукругом свит горизонт,
Небо с водой смыкая,
Купола легкий раскрылся зонт,
Свет без конца, без края.

Радуги отблеск касался вод,
Цветом лаская зренье,
И прогибался небесный свод
В тяжести оперенья.

Дольше бы радость дней сохранить
В воспоминанье светлом,
Плыть в океане и в жизни плыть
С первым попутным ветром.

13.01.20 I2, Атлантика

***Ольга* КАРУЛИНА**

ИСКУПИТЕЛЬНАЯ ЖЕРТВА

Когда-то плотью стало Слово,
Дабы спасён был грешный мир.
Завет Бог дал с Любовью Новый,
И тьмы повержен был кумир.

И Тот пришел, кто хлеб духовный
Взамен земному предложил.
За всех, кто выбрал путь греховный,
Кровь пролилась на Крест из жил.

Кто предал, кто, умывши руки,
Закрыл от Истины глаза...
За грех Невинный принял муки,
И виноградная лоза

Вовеки не лишится плода.
Все, как написано, сбылось.
Пусть даст нам Истина свободу,
Как заповедовал Христос!

Борис ШАПИРО

ПСАЛМ I

Алеф веры моей в тебе,
День грядущий.
Осыпь лжи и насилий
Надежду не сможет убить. Оглянись,
Эхо истины
Хлебом приходит насущным.
Оглянись же, Господь,
Дай и нам до свободы дожить.

Арсен МЕЛИТОНЯН

ЛОЗА

Богу выкрутили руки,
И осталась в память боли
Виноградная лоза,
Перекрученная в узел...
Всё сочатся капли крови,
Столь горячей,
Что мгновенно замерзает,
В гроздья ягод превращаясь...

Ксения РАДИОНОВА

Так, летящей души маскарад
Ослепляюще шелком бьет радость,
Ветку сердца обвил виноград
и повис...
Гроздь янтарная ягод.

Юрий БОЧКОВ

НАПУТСТВИЕ

Верьте химерам, зовущим в надзвёздные дали,
Верьте мечте, отнимающей сон и покой.
Верьте, что вера приносит не только печали;
Стисните зубы — и верьте, и будьте собой.

Верьте, что чистая совесть сильнее наживы,
Что в человеке — душа, а не просто нутро.
Верьте, что всё-таки люди добры и красивы —
Может быть, вам и ответят добром на добро.

Верьте в любимых, прекрасных, как добрые феи
(Даже когда они походя могут предать).
С каждым ударом в лицо становитесь добрее,
Не уставая любить, понимать и прощать.

Верьте, что сказка мудрее «житейской науки»,
Верьте, что клёны цветут и в конце ноября...

Ну, а когда потускнеют глаза и опустятся руки —
Всё же попробуйте верить, что жили не зря.

Ольга БИБИКОВА

Я выплесну остатки чая.
Остыл он, без меня скучая.
А я, часов не замечая,
Сижу над клетчатым листом.

Сижу и мучаюсь отчаянно:
Ну, хоть бы строчка, пусть нечаянно...
Мне б заварить по новой чая, но —
Оставляю на потом.

Боюсь спугнуть я вдохновение,
Оно как бриза дуновение,
Промедлишь даже на мгновение, —
И сможешь лишь мечтать о том,

Чтоб ровных строчек вязь узорная,
Во всём душе твоей покорная,
Под настроенье непритворное
Ложилась на листе пустом.

Дмитрий **ЦЕСЕЛЬЧУК**

РЫЖИЙ ПЁС

Наташе Мочаловой и Серёже Шелову

На прогулке за Бежаром,
как за вспыхнувшим пожаром,
припустились впопыхах
не взаправду, а в стихах.

Ну и получился стих,
как Бежар, покорен, тих —
голос не повысит даже
за котом в ажиотаже
пробежав кружок, другой.
— Кот, Бежар, тебе на кой?

Прочь отводит взор Бежар:
— Разве я за ним бежал?
Жалобно скуля: кис-кис,
враз затосковал и скис.

И хотя он ярко рыж,
но, как пламя, не бесстыж —
что гоняет он котов
объяснить всегда готов.

Дома ждал Бежара Кот,
но Кота не стало... Вот
он к другим своим соседям
ищет правильный подход —
может даже подружиться
с Тем, Кого Себе Найдет.

А пока он одинок,
безутешен, видит Бог, —
позабыть не может Друга,
а Других найти не смог...

И, как утверждает стих,
стал Бежар спокоен, тих,
будто истинный философ —
тянет лямку за двоих.

07.11.12. Невский экспресс. Спб — Москва.

Владимир **КОРКУНОВ**

одиночество
вагон времени
сошедший с рельсов

Аркадий **ПАХОМОВ**

Я еду к бабушке, я ростом невелик.
Начало лета. Стук колес подробный.
Стояло утро. Шаркал проводник
по коридору, веяло ознобом

от стекол, от деревьев, желтых стен
прекрасно-желтых зданий станционных.
Я просыпался, наступала лень
прекрасная. В сознанье полусонном

я помню мамин аккуратный рот,
слова смешные, головокруженье,
и шорох платья, и душистый мед
ее волос, и в тамбуре движенье.

Стояло утро. Мы на полпути
до белозубой украинской речи.
И я впервые не хочу расти,
хочу быть маленьким и ехать бесконечно

Анна **ПОПОВА, Орёл**

НЕ-ДЕТСКОЕ

Мама-мама... тревогу прячет, смотрит пристальней
и светлей.
Тихо трогает лоб горячий: ну пожалуйста, не болей...
Полукругом сидят игрушки, охраняя тяжёлый сон.
Жарко плавится в белой кружке плоский, лунный
кружок — лимон.
Чайник звонко и зло забулькал. Свет обманчиво
подмигнул.
В руку «ватную» верный Булька носик пуговичный
уткнул.
Мой задумчивый клоун снова погрустнел,
головой поник.
Кнопки-фишки лото цветного порассыпались,
не до них.
Я витаю, летаю, таю, обитаю — ни там ни тут.
Вверх упрямо ползёт густая, серебристо-живая ртуть.
Кто-то ходит, чужой и страшный, затаился
в густой тени.
Водит глазом, шуршит бумажно... Мама, мамочка,
прогони!..
...Дальний город январской шалью весь укутан,
как пеленой.
Я, уехавшая, «большая», называюсь теперь больной.

Я просеиваю сквозь сито — годы. Память — как полынья.
Кто б наведался, кто б спросил-то: как ты,
маленькая моя?!
Плохо, мама. Судьбы осколки. И чужая — всегда! — нора.
Я лежу на больничной койке, в теле жар, и кругом жара.
Ткань противно прилипла к телу, нарастает звенящий фон...
Жарко плавится там, на белом, жёлтый, лунный
кружок — плафон.
Тонкий ломтик больничной булки. Кружка, тумбочка...
дальше — мгла.
Ткнулся в руку уже не Булька. В вену — капельница —
игла.
Одиночество — что ж поделать, мама, знаешь,
не в этом суть...
На делении 39 серебристо застыла ртуть.
Фишка выпадет как придётся. Цифра — годы мои —
лото...
Кто-то страшный в тени крадётся. Мама-мамочка...
Ясно — кто.

Елена ЯВОРСКАЯ, Орёл

ОСЕНЬ СТЫНЕТ

Осень стынет.
И станет однажды
седой
дамой в буром манто
и каких-то немыслимых чоботах.
Не согреться.
Упала снежинка в ладонь,
как монетка на бедность...
А может, на счастье?
Хворобы да
пожелтевший любительский фотопортрет —
все твое достоянье.
Гляди на себя, златовласую.
Не согреться.
Последний твой день не согрет
ни нарядом богатым,
ни словом прощальным,
ни лаской.
А припомни:
смеясь, принимала дары,
принимала дары —
и сама воздавала сторицею.
В ридикюле —
пилюли
от сонной хандры
и старинный роман
о прекрасном
и доблестном рыцаре.

Валерий ШАРОНОВ

ПЛАЩ

Раньше жил, прикрытый
От ветра времени
Спинами прабабушек,
бабушек с дедушками,
Родителей.

Теперь от линии горизонта
Закрывает лишь неуверенная
спина отца — среди
слабеньких кустиков
багульника, неохотно цедящего
Фиолетовые цветки.

Владимир ГЛЯНЦ

Мужчины не спят ночами,
Электроэнергию жгут,
Ступая босыми ногами,
У окон чего-то ждут.
Идея?
Семейная драма?
Моление о любви?..
Прицелом оконной рамы
Их перекрещены лбы.

Борис ПЕРШУТКИН

ВОТ ОНО КАК...

Натурщицей бесстыжей, белотелой
позирует на улице зима,
под солнечным софитом
чуть вспотела,
но ей к лицу погоды кутерьма:
то свистопляска разбитной метели,
то неба редко просветленный лик,
а то внезапный перезвон капели
сосулек, очень острых на язык...

Александр ВОЛОВИК

Январский вечер, но — почти весна.
Не 90-х, нет! 80-х.
И молодость ещё почти видна,
она как звёзды: светит, да не взять их.
Но молодость ещё почти слышна,
почти что ощутима, точно запах,
который во флакон надёжный заперт

и рвётся в щелку. Но почти — весна.
Вершись, игра, пиши моя контора!
Ещё провала не видать почти,
где пагубные ящики Пандоры
распилят надо мною скрипачи.
Но жуток перечень грядущих дел и бед.
Гляжу: копеечка. А это белый свет.

***Валерий* ШАПИРО**

Меня гоняет суета.
Туда — сюда. Туда — сюда.
Куда я в ночь?
Зачем я — вскачь?
Любой из нас — себе палач.
И дело есть, да смысла нет.
Повис на мне чужой обет.
И вкривь, и вкось,
И вширь, и ввысь,
И ноги врозь.
И мысли — всклизь.

***Фёдор* ФИЛИППОВ**

Стать умнее — пустая задача:
Необъятного нам не обнять.
Хочешь быть в этой жизни удачлив —
Не пытайся ее осложнять.
Все философы кончили плохо,
В нищете гордый век протрубя.
И не надо винить в том эпоху —
Все эпохи достойны себя.
Наша тоже не лучше, не хуже,
В ней, подобно иным временам,
Ум с одною лишь целью нам нужен:
Чтоб понять — что не нужен он нам.

***Константин* КЕДРОВ**

Я не стараюсь вырваться из смысла
Смысл иногда бывает очень мил
Раскачивая смысла коромысло
Я мысль как воду в вёдрах сохранил

Мысль хоронить надумали но рано
Она воскреснет хоть и умерла
Она одна затягивает раны
Всеисцеляющая добрая герла

Мысль существует мысль преображает
Мысль открывает новые миры
Так счастлив тот кто мысли подражает
Мысль интереснее любой игры

Ка баскетбольный мяч летит над сеткой
Над миром мысль парит туда-обратно
Мыслепоклонников единственная секта
В которой состоять всегда приятно

Мысль бескорыстна нелицеприятна
Есть чувство мысли — мысль святое чувство
Приятна мысль хотя и необъятна
Всё остальное мне сегодня чуждо

Мысль молоко младенца-человека
Ей вскормлен мозг кормлю лишь ею ум я
Я славлю мысль от века и до века
Но более всего среди безумья

***Илья* ЕГАРМИН**

Нет спасенья от хода мысли
Вот крещенье прошло крестины
Вот смотрю на набор крестильный
В опустевших зрачках бессилье

Как я рад в самом деле рад
Под водою дома горят
Пруд стоит под осенней мглою
Я держу тебя свят свят свят

Нет спасенья от бега крови
Кровь мою замети метель
Дверь закрой постели постель
Нет покоя в бегущей крови
Только сон. Только сон как зверь.

Ирина* ЧЕЛИКАНОВА, *Рязань

В душе такая пустота,
Такие сумерки плакучие,
Считай баранов хоть до ста —
Уснуть до света не получится.

В уме такая канитель,
Такие мысли безутешные,
Что даже вешняя капель
Тебя не радует, безгрешную.

В речах такая злая стынь,
Такие звуки очумелые —
Переходи хоть на латынь
И одевай в одежды белые.

***Евгений* СТЕПАНОВ**

ДОБРОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ ДУХА, В КОТОРОМ АВТОР ВСЕГДА ПРЕБЫВАЕТ НА ДАЧЕ

что надо делать? собраться
с мыслями
печку топить
о дорогие собратья
хватит друг друга топить

***Юрий* ПРОСКУРЯКОВ**

Попросил меня самурай
Его просьбы всегда неуместны
Мы заходим в кабак Тишина
Кокаин на нестриженном ногте
И наколка на левом плече
Сквозь окно пролетел дирижабль
Фудзияма скользя повернулась
В тиглях вспенилось серебро
И шестнадцатый век
Рассмеялся на лезвие бритвы

***Игорь* БУРДОНОВ**

«ЖУРАВЛИ»
картина 8-го императора династии Сун Чжао Цзи (1082-1135)

Старый клён похож на крышу
Императорского дома,
И взлетающую выше
Стаю диких и красивых.

А мы бродим по колено
В отсыревшей позолоте,
Из фарфоровых осенних
Пьём тяжёлое вино.

В небе, разом потемневшем,
Тело белой и холодной.
Будто целый год не евши,
Ветер рыскает голодный.

Неприкаянно-крылата,
Что украла нашу душу.
Тает бледная над сушей,
И над морем, и над небом.

***Татьяна* ГОРОХОВА**

ПРОРОЧЕСТВО

Никому не избежать боли,
Никому не уйти от расплаты,
Если тайное станет явным
И журавль потребует доли.

Если сон волшебный свершится
И задуют костры печали.
Если странным образом случится
То, чего мы не ждали, не гадали.

То неведомое и далекое
Вдруг проснется в душах, как птица.
Разольется озером глубоким —
Из него мне суждено напиться.

***Алексей* ПАХОМОВ**

Я качался на качелях бытия,
Занесли меня качели в область «Я»
Огляделся, боже правый, что за вид:
Я не я уже и наголо обрит.

Нету носа, нет ушей, и нету рта,
Признаюсь, не понимаю ни черта.
Чем же нюхать буду, слушать и дышать?
Это смертному бедняге не понять!

Голый череп не порадовал меня,
И решил тогда вернуться я в «Не Я».
Возвращаюсь, чудеса на решете:
Я-то я уже, но запахи не те!

***Юрий* ПОЛЯКОВ**

ЗЕМЛЯНИЧНАЯ ПОЛЯНА

...И вот рассветный лес,
        парной, туманный,
Трава умыта,
        ствол сосновый рыж,
А дальше —
        земляничная поляна:
Казалось,
        ступишь —
                ноги обагришь,
Казалось,
        не собрать всего и за год...

Но вот растаял
золотистый чад,
И я иду из леса
с горстью ягод,
Да и они —
по-моему —
горчат...

Татьяна ГРАУЗ

ПЕРЕД ГЛАЗАМИ

неужели я никогда не увижу
холодное тёмное Белое море
вереск и сосны
поморские низкие облака
по которым гадала
будто читала древнюю алмазную сутру

теперь уж не вспомнить
зачем и о чём я гадала
перед глазами асфальтовая река
шум вековечной дороги
и беспробудное небо пустое

Мария ПАНФИЛОВА

А над землею
Небо
Ангельский трёп
Дуются вдрызг в картишки
И листья летят
Литеры желтые
Желто-красные
Ржавое
оперенье небесных вобл
Нездешнего пива пена
По нёбу Бога, языку...
языку...
Яко же и мы...
Прости, заболталась совсем,
Что-то не то реку...

Николай ГРИЦАНЧУК

Взять молоток
Прибить картину морем

Холст — парус
Якорь взгляду в глубине

Плеснуть азотом в космос
Холод

Посыпятся морские звезды
Злые

Отверстия загадывать
На дне

Марина КОВАЛЕВСКАЯ

Если рядом — читала бы стихи других, но о тебе,
Ведь сама писать не смею о твоем... о наших...
В такое время лежать бы на ровном дне
И тенью укрывать ресниц моих опавших
Твои плечи, шею, где спят воспоминания моих губ.
Бывает глуп, но резок в такт их голос, взгляд, —
Ведь они пьют залпом яд. А мы, вместо воды, друг друга,
Стук сердец наполняет объем двух чаш,
Видишь, мир этот — наш.

Анна ХАРИТОНОВА

В руке сердце
бьется
Небо закидано
оливками
Деревьями прорастают
звезды
Слышу как воздух
откусывается
пастью каблука
и мостовой

Евгений В. ХАРИТОНОВ

она
белокожа без белья
была бела
как чистый лист как страх
как первый грех
как соул Simply Red
и без белья без «нет» без бед
на теле как
младенец только
дикарка как клеопатра как
в ночь последней любви
белокожа без белья
белобебель я
смотрел на нее и любил
и смотрел
и любил
и смотрел
как она

***Суламифь* КАНАРСКАЯ**

НЕ ЗАРЕКА...

Каждой ДээНКа,
Каждым сантиметром кожи,
Ты не зарека...,
Что раздельно сможем.

Тело не крести
Новым словом «порознь» —
Прорасти в горсти
Мой упавший волос.

***Ингрид* КИРШТАЙН**

РОЗОВЫЙ КУСТ

Не тот я, кто верит в наплывы чувств,
И Кафку сто лет не читал.
Но вот из груди торчит розовый куст.
Черт бы его подрал.

Наденешь пиджак, так колет и жжет,
А снимешь — дома сиди.
Лечение местное. Ножик, лед
И «Падме хум» на CD.

Подруга, в объятиях прирастешь.
Забудь про меня совсем.
А запах бешеный — не собьешь
Мегатройным LM.

На форуме вычитал, рыжих дев
В розах одних ... Верняк.
Двенадцать чтоб было этих Годив
В вагоне метро за так.

Забить. И стать дурацким кустом.
Такой уже был, говорят.
Как звали? Осип. Но я не о том,
Люблю, кругом виноват.

Да нет, я справлюсь? И ты не грусти.
Бегом из царства теней.
Торгуешь розой? Давно? Прости.
Все злобствует пена дней.

***Николай* ИОДЛОВСКИЙ**

Я укололся веткой,
Растущей у забора.
И зажила отметка —
Царапина не скоро.

Я укололся строчкой,
Придуманной когда-то.
В душе осталась метка —
Поэзия — расплата.

***Марина* ЛЕВИНА**

СЛОВА

Даже если слова ничего не значат,
наполняю до верха сосуд бесценный —
молоком — мороком — белым облаком, —
пусть проливается провидением.

Даже если слова ничего не значат,
я пойду до конца и до края пропасти —
под ногами — оврагами — выпить браги бы! —
миновать жернова и другие лопасти.

Даже если слова ничего не значат,
потону в этом мареве, в этом зареве,
в белом облаке, в сером мороке, —
даже если слова начертали на небе.

***Олег* ГОНТАРЕВ**

Какой сюжет?
Зачем сюжет?
Ни мысли нет, ни слова нет —
Одни лишь зарисовки,
И те порой неловки...
Когда в душе лишь чувства,
И те — не для искусства,
Когда в душе лишь лето —
Лишь лето без сюжета!..
А, может, лето — сам сюжет,
Где лишь один зеленый цвет?
Рассказывать-описывать —
Всю жизнь слова
Подыскивать!

О'КАРПОВ

ВЕЧЕР

Как-то не давно, недавно, давеча-давеча
Из оврагов-буераков поднимался вечер.
Темным лоскутом небесным звезды протирая,
На дуде болотной выпи жалобно играя...

По деревням, по подворьям ставни закрывались,
В тихих заводях русалки в ил позарывались.
Черти месяц залепили облачною ватой,
В конурах, дрожа, скулили псы, хвосты поджаты!..

В дуплах лешие проснулись, сучьями скрипели...
По печным трубопроводам ведьмы полетели.
Два медведя выходили из лесной чащобы,
Даже мыши в избах стихли — боязно, еще бы!..

Два медведя выносили ношу. Ноша тяжка.
Не хватило малость силы. Не допел, бедняжка...
Под горою яму рыли у Кривого Лоха...
В яме той и схоронили в полночь скомороха...

То-то нечисти веселье! Сладкая добыча!
С веток листья облетели от лихого клича!
Под зарю росой прибило светляковы свечи...
Отдыхай покуда, милый!.. Завтра снова — вечер!..

Валерий КОВАЛЕВСКИЙ

В какой-то миг весь мир пустился в путь
Холодной Тьмы покой нарушив
Лишь только Бог так сделать смог
Никто не смог бы лучше

Младые звезды вознеслись сиять
Согрели нежные планеты
Чтоб имена свои узнать
От будущих поэтов

И стал возможен год, и день, и час
Соединенья двух влюбленных —
То перст судьбы коснулся нас
Среди дубрав зеленых

Блуждают двое по ночной земле
И слилось всё в их поцелуе —
И горечь бед, и блеск побед
И неизбежность «сует»

А свет давным-давно угасших звезд
Спешит вселиться в наши души
Лишь только Бог так сделать смог
Никто не смог бы лучше

Николай КАЛИНИЧЕНКО

ТЕМ, КТО В ПУТИ

Не зажгу я на башне огня,
Света здесь мне довольно. И, впрочем,
Нет пристрастья к письму у меня,
Только россыпь искрящихся точек.

Льдистый бисер далеких миров
Я слагаю в привычные знаки.
Украшают небесный покров
Скорпионы, слоны и собаки.

Отверзая завесу времен,
Освещая идущим дорогу,
Эти контуры — первый закон,
Книга странствий, открытая богом.

Капитан, проницающий путь,
Караванщик в безводной пустыне,
И паломник, чья гордая суть
Так пристрастно взыскует святыни, —

Все мы братья сплетенных стезей
В этом мире прекрасном и грозном,
Как нагое дитя по росе,
Безоглядно бегущие к звёздам.

Валентин КУКЛЕВ

Живет не здесь — в звездах Поэта — душа моя!
Е.А. Баратынский

Мы все-таки живем в предчувствии иного света.
Там в Млечной полосе, где жизнь течет без слез,
Где нет весны, ни осени, ни лета
И трепета чуть обнажившихся берез.

Мы все-таки живем и, веря в тайные приметы,
В мирах любви летим к своим созвездиям,
Пусть путь наш осветит хвост ледяной кометы,
А стих — с неверным перебоем, шестистопный ямб.

Мы все-таки живем, так начинают жить сначала.
И в небо глянет Русь, не ставшая сполна...
Мы все-таки живем, и в трепете берез
и в досках деревянного причала,
Где тихо бьется одинокая волна.

***Вячеслав* СЫСОЕВ**

Постоял у реки —
не замедлит свой бег,
Даже если уже
не приду сюда снова.
Не замедлит свой бег
и жестокий наш век
У церквушки без окон,
без Божьего слова.

Обезглавленный купол —
в грядущее крик.
Вижу с пика столетья:
в пожарищах дали.
Как мне выказать боль?
Будто вырван язык.
Мало слов,
хоть веками слова собирали.

***Владимир* ПРИБЫТКОВ**

Хоть жизнь выматывает жилы,
Не суесловь и не ропщи,
Терпи, не тратя даром силы,
И слово точное ищи!

Найдешь — подавленные чувства
И потаенных дум накал
Взорвутся, словно тол, искусством,
Чтоб мир таким, как есть, предстал.

***Владимир* БЕРЕЖКОВ**

Проснусь на утренней заре —
Туман выделывает штучки,
Петух горланит кукаре,
Ни облачка вокруг, ни тучки.
Росой покрытый, замер сад,
Но над крыльцом уже висят
Две ранних стрекалки-летучки.

В туман не опуская крыл,
Над речкой ястреб молча плыл,
Как нарисованная птица,
И солнцем полная луна
Совсем не думала садиться;
Венера к ней прикреплена,
Поскольку ведает она,
В какую сторону светиться.

Как чист их отраженный свет —
Уже нигде ни складки мрака,
И петуху поет в ответ
В мажоре верная собака.

Я времени заметил грань
И задержался на крылечке,
Мне хорошо в такую рань
В июле, на земле, у речки.

Чего искал я столько лет?
Какого не хватало знака?
Я сам — как отраженный свет,
Во мне — почти ни складки мрака.

* *Полностью венок сонетов Владимира Масалова «Ты не со мной, сегодня не со мной...» опубликован в «Литературных известиях» №1(93), 2013.*

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ГЛАВНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ МАТЕРИАЛОВ АЛЬМАНАХА

В скобках указан псевдоним автора, а через запятую расшифровка псевдонима; после фамилии (или псевдонима) указывается порядковый номер раздела, см. содержание

АГАПКИН Аркадий 1,20,23
АДРОВА Ольга 4,20
Александр ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ, Александр Сыров 13,20
АЛИМАРИН Сергей 1,18,20
АНАНИАШВИЛИ Элизбар 4
АРЛИНСКИЙ Григорий 20,22
АРТАМОНОВА Ирина 18,20
АРТЕМОВА Светлана 22
АРЦИНОВИЧ Всеволод 20
БАБУШКИНА Полина 5
БАТЮШКОВ Константин 1,16
БАЙКАЛОВА Людмила 3
БЕРЕЖКОВ Владимир 20,22
БИБИКОВА Ольга 22
БЛОК Александр 1,14
БОГДАНОВ Олег 12,22
БОЧКОВ Юрий 22
БРОДСКИЙ Иосиф 4,22
БРУКС Олеся 10,20
БУРДОНОВ Игорь 20,22
ВАНХАНЕН Наталья 1,20,22
ВЕЧЕРИНА Римма 1,5,10
ВИНОГРАДОВА Татьяна 19,20,22
ВИЛЬДШТЕЙН Вадим 22
ВОЛОВИК Александр 20,22
ВОЛОХОНСКАЯ Лилия 1,14
ВОНСБРО Дэвид 15,20
ГАБРИЭЛЯН Наталья 1,9,20
ГЕДЫМИН Анна 20,22
ГЕЙЧЕНКО Сергей 6
ГЛЯНЦ Владимир 3,20,22
ГОЛОВ Андрей 4
ГОЛУБЕВ Анатолий 16
ГОНТАРЕВ Олег 22
ГОРДИЕНКО Татьяна 22
ГОРОХОВА Татьяна 1,7,22
ГРАВИЦКИЙ Алексей 20
ГРАУЗ Татьяна 1,3,20,22
ГРИЦАНЧУК Николай 1,3,22
ГУМИЛЕВ Николай 1,14
ДАВЫДОВА Нина (Инна Васильева) 1,11,14,20
ДЕМИДОВ Анатолий 14
ДЕРЖАВИН Гавриил 1,16
ДИЛАН Боб 4,21
Дмитрий НЕКРАСОВ, Дмитрий Цесельчук 12
ДОЛГОРУКИЙ Александр, князь 14
ДОРИНА Станислава 4
ДУДАКОВ Валерий 20,22
ЕГАРМИН Илья 6,22
ЕЗЕРОВА Любовь 20
ЕРЕМЕНКО Александр 22
ЕРОФЕЕВ Венедикт 9
ЖУКОВ Максим 1,3,20
ЖУКОВСКИЙ Максим 13
ЗАМИРАЙЛО Виктор 17
ЗГОДОВ Евгений 20,21
ИВАЩЕНКО Александр 1,22
Инна ВАСИЛЬЕВА, Нина Давыдова 14
ИОДЛОВСКИЙ Николай 22
КАБАШИЛОВА Мариам 22
КАВЕРИН Артем 1,18
КАЙСАРОВА Татьяна 1,6
КАЛИНИЧЕНКО Николай 1,20,22
КАМАЛОВА София 5
КАНАРСКАЯ Суламифь 6,20,22
КАРУЛИНА Ольга 22
КАФКА Франц 19
КАЦЮБА Елена, Елена Кедрова 1,10,20,22
КВАРТИН Юлий 20
КЕДРОВ Константин 1,4,20,22
КИРШТАЙН Ингрид 20,22
КЛЕЙМАН Тамара 13
КОВАЛЕВСКАЯ Марина 20,22
КОВАЛЕВСКИЙ Валерий 1,20,22
КОЗЫРЕВА Алла 20,22
КОЛОДЯЖНАЯ Людмила 8,15,20,22
КОРКУНОВ Владимир (Василий Манулов) 3,20,22
КОРМЕР Владимир 22
КРЮЧКОВА Александра 20,22
КУДИМОВА Марина 22
КУКЛЕВ Валентин 6,20,22
КУРИЛОВ Дмитрий 6,13,20
КУТНИК Анатолий 22
ЛЕВИНА Марина 14,20,22
ЛЕРМОНТОВ Михаил 1,5
ЛЕСОВОЙ Алексей 22
ЛОЗОВОЙ Александр 1,17
ЛОЗОВОЙ Николай 17
МАГОМЕТ Сергей 1,4,10,20
МАЗУР Валентин 13
МАКАРОВА Анна 14
МАМЛЕЕВ Юрий 1,8,20
МАНДЕЛЬШТАМ Надежда 8
МАНУЛОВ Василий, Владимир Коркунов 14
МАСАЛОВ Владимир 22
МАЯКОВСКИЙ Владимир 9,20
МЕЛИТОНЯН Арсен 20,22
МЕНЬ Александр, священник 1,9,20
МИРОНОВА Александра 1,10,20,22
МИРОНОВА Ксения 5
МИРОНОВА Мария 1,6,22
МИХАЙЛИНА Анна 10
МИХАЙЛОВА Алёна 6
МИХЕЕВА Марина 13
МОГУТОВ Потап 13,20
МОСКАЛЕВ Сергей 18
НАДАЛИНСКИЙ Евгений 1,10
НИКИТЕНКО Константин 13
НИКОЛАЕВ Михаил 1,10,20,22
НИКОЛАЕВА Наталья, Наталья Шатина 19,20
О'КАРПОВ, Александр Карпов 22
ОГАНДЖАНОВ Илья 1,3,20,22
ОГАНЕСЯН Лидия 22
ОЛЕЙНИКОВ Александр 13,20,22
Ольга Константиновна, Королева Греции 1,14
ПАНФИЛОВА Мария 20,22
ПАХОМОВ Алексей 22
ПАХОМОВ Аркадий 22
ПАХОМОВА Наталия 8
ПАЦАЕВА Татьяна 1,3,20,22
ПЕРШУТКИН Борис 22
ПОЗДНЯКОВ Денис 1,18
ПОЛЯКОВ Юрий 20,22
ПОПОВА Анна 22
ПРИБЫТКОВ Владимир 20, 22
ПРОСКУРЯКОВ Юрий 22
ПУЗЫРЕВСКИЙ Глеб, Евгений Степанов 13
РАБИНОВИЧ Иосиф 1,10,13,19,20
РАДИОНОВА Ксения 20,22
РЕПИНА Ирина 22
РОЖКОВА Наталья 1,4,20
РУБИНА Катя 13,20
РУБИНСКАЯ Наталья 2,5,11,20,22
РЯХОВСКАЯ Инна 20,22
СЕРОВА Людмила, Людмила Нестругина 1,10,20
СИГУТИН Андрей 14
СОКОЛОВСКАЯ Ольга 1,14,20
СОЛДАТЁНКОВ Николай, протоиерей 14
СОЛДАТОВ Олег 20
СОЛЖЕНИЦЫН Александр 22
СТЕПАНОВ Евгений (Глеб Пузыревский) 1,10,20,22
СТРИЖНЁВА Светлана 14
СЫСОЕВ Вячеслав 16,20,22
ТАУПИН Берни 21
ТИШИНА Ирина 22
ТИШИНА Светлана 22
ТОРИК Александр, протоиерей 14
ФЕДОРЕНКО Людмила 2,,20
ФИЛИППОВ Федор (Артур Ио)13,22
ФОГЕРТИ Джон 21
ХАРИТОНОВ Евгений В. 1,3,20,22
ХАРИТОНОВА Анна 10,20,22
ХАРИЧЕВ Игорь 6,20
ЦЕСЕЛЬЧУК Георгий 22
ЦЕСЕЛЬЧУК Дмитрий (Дмитрий Некрасов) 1,4,14,20,22
ЧЕКМАЕВ Сергей 1,18,20
ЧЕЛИКАНОВА Ирина 20,22
ЧИЛАП Олег (О'Чилап) 21,22
ЧУБАЙС Игорь 20
ШАРОНОВ Валерий 20,22
ШАРПАК Виктория 19
ШАПИРО Борис 7,22
ШАПИРО Валерий 22
ШАПКА Юрий 13
ШЕЛОВ Сергей 1,13,20
ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ Федор 1,13,18,20
ШЕСТАКОВА Лариса 9,20
ШМЕЛЬКОВА Наталья 9,20
ЭРЛИХ Лев 15
ЯВОРСКАЯ Елена 22
ЯКУБОВИЧ Борис 14,15,20

СОДЕРЖАНИЕ

Краткая аннотация (1) . . . 2

ЧЕБАРКУЛЬ (2)

Репортажи очевидцев из Челябинска
Наталья РУБИНСКАЯ. Репетиции Армагеддона . . . 3
Людмила ФЕДОРЕНКО. При взрыве ложитесь на землю ногами к центру взрыва . . . 6

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ (3)

Максим ЖУКОВ. Татаро-монгольский трамвай. *Стихи* . . . 8
Илья ОГАНДЖАНОВ. Из цикла «Рассказы длиной в одну выкуренную сигарету» . . . 10
Татьяна ГРАУЗ. Ластик дождя. *Стихи* . . . 13
Владимир ГЛЯНЦ. Врубись, что такое хокку… *Рассказ* . . . 14
Николай ГРИЦАНЧУК. Дверь пожарного выхода. *Стихи* . . . 16
Владимир КОРКУНОВ. Об Айги. *Эссе* . . . 18
Наталья ВАНХАНЕН. Отзвук зазеркальный. *Стихи* . . . 19
Александр ИВАЩЕНКО. Будя из барака напротив. *Картинка детства* . . . 20
Татьяна ПАЦАЕВА. Первозданное счастье. *Стихи* . . . 20
Людмила БАЙКАЛОВА. В полете. *Рассказ* . . . 21
Евгений В. ХАРИТОНОВЪ. Вот бы. *Стихи* . . . 22

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ (4)

Константину Кедрову – 70!
Ольга АДРОВА. Прометей метафоры. *Эссе* . . . 24
Константин КЕДРОВ. Распрями свой мозг. *Стихи* . . . 25
«100»-летний юбилей Натальи Рожковой
Станислава ДОРИНА. Кошка, которая гуляет сама по себе. *Беседа с поэтом* . . . 27
Наталья РОЖКОВА. Год за семь. *Стихи* . . . 28
Дмитрий Цесельчук: 45 лет в поэзии
Сергей МАГОМЕТ. Сокровенный Цесельчук. *Опыт дифирамба* . . . 30
Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК. Скоростишия . . . 35
ДЕБЮТ (5)
Полина БАБУШКИНА. Ирка, Люська, Танечка. *Рассказ. Напутствие* Натальи РУБИНСКОЙ . . . 38
София КАМАЛОВА. Везунчики – невезунчики. *Рассказ. Напутствие* Риммы ВЕЧЕРИНОЙ . . . 40
К 200-летию Михаила Лермонтова
Ксения МИРОНОВА. Близкое и чуждое: два облика Родины М.Ю. Лермонтова. *Напутствие* Марии МИРОНОВОЙ . . . 43

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ (6)

Мария МИРОНОВА. Веря в единство, любить воплощенье. *Стихи* . . . 46
Илья ЕГАРМИН. Целующая спящих. *Рассказ* . . . 48
Аркадий АГАПКИН. Что жить да жить… *Стихи* . . . 50
Дмитрий КУРИЛОВ. Дворянская фамилия Домбровский. *Рассказ* . . . 51
Суламифь КАНАРСКАЯ. Эмигранты рая. *Стихи* . . . 52
Сергей ГЕЙЧЕНКО. Знаков всегда слишком много. *Стихи* . . . 53
Игорь ХАРИЧЕВ. Иммунная система государства. *Маленькая повесть (окончание)* . . . 54
Татьяна КАЙСАРОВА. По белому белым. *Стихи* . . . 57
Валентин КУКЛЕВ. В поисках Андрогина. *Главы из романа (продолжение, начало в «Словесности 2008»)* . . . 58
Алёна МИХАЙЛОВА. Навырост. *Стихи* . . . 61

ДИАЛОГ КУЛЬТУР (7)

Год Германии в России

Борис ШАПИРО. Шехина. *Поэма* . . . 63
Татьяна ГОРОХОВА. В лабиринтах души. *Рассказ* . . . 64

МАСТЕРСКАЯ (8)

Юрий МАМЛЕЕВ. «Мир таинственный, мир мой древний…». *Из книги «Россия вечная». Отрывок* . . . 66
Наталия ПАХОМОВА. Питательный раствор или среда обитания. *Воспоминания* . . . 67
Людмила КОЛОДЯЖНАЯ. В роскошной бедности, в могучей нищете… *Два дня дежурства у Н.Я. Мандельштам* . . . 69

ИМЕНА И СИМВОЛЫ ЭПОХ (9)

К 120-летию со дня рождения Владимира Маяковского

Лариса ШЕСТАКОВА. ...И едят нэпчи и завы в декабре арбузы и дыни: *нэп в языке поэзии Владимира Маяковского* . . . 72

75-лет со дня рождения Венедикта Ерофеева

Наталья ШМЕЛЬКОВА. У твоего окна. *Из дневниковых зарисовок* . . . 74
Наталья ГАБРИЭЛЯН. Александр Мень. *Воспоминания (окончание)* . . . 75

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ (10)

Елена КАЦЮБА. Диалектика положительного. *Стихи* . . . 78
Олеся БРУКС. *Рассказ* . . . 79
Анна ХАРИТОНОВА. Люлюшка. *Стихи* . . . 81
Иосиф РАБИНОВИЧ. Черный кофе. *Рассказ* . . . 82
Анна МИХАЙЛИНА. В распухшей Москве, где наш двор раскурочен. *Стихи* . . . 83
Николай КАЛИНИЧЕНКО. Театр. *Рассказ* . . . 85
Людмила СЕРОВА. Как будто жизнь – сплошной Эдемский сад. *Стихи* . . . 86
Римма ВЕЧЕРИНА. Потапов – актер первой категории. *Рассказ* . . . 88
Михаил НИКОЛАЕВ. Росинка упадет – и рухнет чудо. *Стихи* . . . 92
Евгений НАДАЛИНСКИЙ. Армия. Холод и слезы. *Рассказ* . . . 93
Евгений СТЕПАНОВ. Деньги и скрипка. *Стихи* . . . 94
Сергей МАГОМЕТ. Вышел месяц из тумана. *Рассказ* . . . 95
Александра МИРОНОВА. Из вертикали снег идет в диагональ. *Стихи* . . . 99

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ (11)

Наталья РУБИНСКАЯ. Слунные песенки. *Стихи для самых маленьких* . . . 100
Вячеслав СЫСОЕВ. Загадки . . . 101
Нина ДАВЫДОВА. Путешествие в Москву . . . 102

MEMORIA (12)

Дмитрий НЕКРАСОВ. Вечный август Олега Богданова . . . 106
Олег БОГДАНОВ. Летучий голландец. *Стихи* . . . 106

НЕшуточные СТРАНИЦЫ (13)

Глеб ПУЗЫРЕВСКИЙ. Старые карасики. *Голая правда* . . . 107
Катя РУБИНА. АААААА! *Рассказики* . . . 108
Юрий ШАПКА. Изобретение трамвая. *Из Любоховских сказок* . . . 109
Федор ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ. Не верь времени. *Две забытые истории в обработке автора* . . . 109
Валентин МАЗУР. Я сохранил бы статус-кво. *Стихи* . . . 110
Сергей ШЕЛОВ. Чист славянским телом или Public life. *Пародия* . . . 111

Марина МИХЕЕВА. Ремонт. *Стихотворение* . . . 112
Потап МОГУТОВ. С именем твоим. *Стихотворение* . . . 112
Федор ФИЛИППОВ. Нет, я скромней в желаниях не стал. *Стихи* . . . 112
Иосиф РАБИНОВИЧ. Настенный стих . . . 113
Александр ОЛЕЙНИКОВ. Если ты не худосочен. *Стихи* . . . 114
Дмитрий КУРИЛОВ. Темные, кривые зеркала… *Стихи* . . . 114
Константин НИКИТЕНКО. Я выпущу русскую трель. *Стихотворение и пародии* . . . 115
Александр ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ. Произойдет Армагеддончик. *Стихи* . . . 116
Максим ЖУКОВСКИЙ. Родовспоможенье. *Стихи* . . . 117
Алексей ЛЕСОВОЙ. Книги на полках. *Стихотворение* . . . 118
Тамара КЛЕЙМАН. Ничто нечеловеческое нам не чуждо. *Фразочки* . . . 118

КОНТРАПУНКТЫ ИСТОРИИ (14)

Андрей СИГУТИН и протоиерей Александр ТОРИК. Здания видны каждому – души только Богу! *Беседа* . . . 120
К 400-летию дома Романовых
Ольга СОКОЛОВСКАЯ. Королева эллинов, она же – адмирал Российского флота . . . 124
Анатолий ДЕМИДОВ. Я помню, как грабили нас голодранцы… . . . 127
Лилия ВОЛОХОНСКАЯ.
Искусство делать деньги. *Воспоминание об отце* . . . 129
Центр Европы. Разгар XXI века. *Документальный рассказ* . . . 131
Борис ЯКУБОВИЧ. Потомки караима . . . 132
Марина ЛЕВИНА. Не было бы вообще понятия русской эмиграции, если бы не церковь…
Два интервью: с князем Александром ДОЛГОРУКИМ; с протоиереем Николаем СОЛДАТЁНКОВЫМ . . . 134
Нина ДАВЫДОВА, Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК. Ноябрьские дни 2012: Спб – Кронштадт. А. БЛОК и Н. ГУМИЛЁВ . . . 137
Анна МАКАРОВА. «Что делать нам с бессмертными стихами?» . . . 138
Нина ДАВЫДОВА. Как назовешь корабль, так он и поплывет . . . 139
Василий МАНУЛОВ. Возвращение исторического имени улице Троицкая . . . 140
Инна ВАСИЛЬЕВА. Солнечное затмение в комнате-лодочке на Лубянке . . . 140

РЕЦЕНЗИИ (15)

Две первые книги в серии «Поэтоград», *совместного издания Союза литераторов и Союза Писателей XXI века:*
ПЯТИКНИЖИЕ, ЛГ № 51, 2012: о *книге Дмитрия ЦЕСЕЛЬЧУКА «В Рай как прежде открыта калитка…»* . . . 142
Лев ЭРЛИХ. Причастность иному пространству. *О книге Любови КОЛОДЯЖНОЙ «Позови…»* . . . 142
Борис ЯКУБОВИЧ. Репортаж из «Борделя». *О книге Суламифь КАНАРСКОЙ «Бордель»* . . . 143
Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК. Самое главное. *Заметки о книге Дэвида ВОНСБРО «В пещере снов моих…»*
Пер. с англ. Татьяны Виноградовой, Ингрид Кирштайн, Ирины Репиной и др. . . . 143

НАСЛЕДИЕ (16)

Исполнилось 270-лет со дня рождения Г.Р. Державина
Вячеслав СЫСОЕВ. Слишком ревностно служишь! . . . 145
Исполнилось 225-лет со дня рождения Константина Батюшкова
Анатолий ГОЛУБЕВ. «Нет, нет! Себя не узнаю под новым бременем печали!» . . . 146

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО (17)

Александр ЛОЗОВОЙ. Рукописи из архива. . . . 149
Николай ЛОЗОВОЙ:
ВОЛЬФИЛА . . . 149
Виктор Дмитриевич Замирайло . . . 150

ПУБЛИЦИСТКА (18)

Фёдор ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ. Стереотипы и мировое развитие . . . 153
Сергей АЛИМАРИН. Из дневника читателя . . . 155
Сергей МОСКАЛЕВ. Информация на кончиках пальцев. *(Окончание)* . . . 157
Ирина АРТАМОНОВА. Кто он – искусный лидер? . . . 159
Дискуссия:
Артем КАВЕРИН. На смерть писателя . . . 162
Денис ПОЗДНЯКОВ, Сергей ЧЕКМАЕВ. Выживание сильнейших . . . 162

ПУТЕШЕСТВИЕ ЛИТЕРАТОРА (19).

Татьяна ВИНОГРАДОВА. Музей Кафки в Праге . . . 163
Наталья НИКОЛАЕВА. Москва – Иерусалим – Баку – Москва . . . 167
Виктория ШАРПАК. Полуостров Крым . . . 168
Иосиф РАБИНОВИЧ. Фестиваль «Арфа Давида – 2013» в Назарете . . . 169

ХРОНИКА ТВОРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ (20)

Март – декабрь 2012 170
Январь – февраль 2013 . . . 177

РОК-ПОЭЗИЯ (21)

Песни в переводах с английского
Евгения ЗГОДОВА:
Берни ТАУПИН. Прости (Sorry Seems to Be the Hardest Word) . . . 179
Боб ДИЛАН. Девять вопросов (Blowin' in the Wind) . . . 179
Олега ЧИЛАПА:
Джон ФОГЕРТИ. Зеленая река (Green River) . . . 179

АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ (22)

Мария МИРОНОВА, Александр ЕРЕМЕНКО, Марина КУДИМОВА, Наталья ВАНХАНЕН, Татьяна ПАЦАЕВА, Михаил НИКОЛАЕВ, Светлана ТИШИНА, Алла КОЗЫРЕВА, Анна ГЕДЫМИН, Александра КРЮЧКОВА, Георгий ЦЕСЕЛЬЧУК, Лидия ОГАНЕСЯН, Мариам КАБАШИЛОВА, Светлана АРТЕМОВА, Илья ОГАНДЖАНОВ, Александр ИВАЩЕНКО, Владимир МАСАЛОВ, Григорий АРЛИНСКИЙ, Инна РЯХОВСКАЯ, Анатолий КУТНИК, Татьяна ГОРДИЕНКО, Елена КАЦЮБА, Наталья РУБИНСКАЯ, Ирина РЕПИНА, Ирина ТИШИНА, Олег ЧИЛАП, Олег БОГДАНОВ, Вадим ВИЛЬДШТЕЙН, Людмила КОЛОДЯЖНАЯ, Александр ОЛЕЙНИКОВ, Татьяна ВИНОГРАДОВА, Александра МИРОНОВА, Валерий ДУДАКОВ, Ольга КАРУЛИНА, Борис ШАПИРО, Арсен МЕЛИТОНЯН, Ксения РАДИОНОВА, Юрий БОЧКОВ, Ольга БИБИКОВА, Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК, Владимир КОРКУНОВ, Аркадий ПАХОМОВ, Анна ПОПОВА, Елена ЯВОРСКАЯ, Валерий ШАРОНОВ, Владимир ГЛЯНЦ, Борис ПЕРШУТКИН, Александр ВОЛОВИК, Валерий ШАПИРО, Федор ФИЛИППОВ, Константин КЕДРОВ, Илья ЕГАРМИН, Ирина ЧЕЛИКАНОВА, Евгений СТЕПАНОВ, Юрий ПРОСКУРЯКОВ, Игорь БУРДОНОВ, Татьяна ГОРОХОВА, Алексей ПАХОМОВ, Юрий ПОЛЯКОВ, Татьяна ГРАУЗ, Мария ПАНФИЛОВА, Николай ГРИЦАНЧУК, Марина КОВАЛЕВСКАЯ, Анна ХАРИТОНОВА, Евгений В. ХАРИТОНОВ, Суламифь КАНАРСКАЯ, Ингрид КИРШТАЙН, Николай ИОДЛОВСКИЙ, Марина ЛЕВИНА, Олег ГОНТАРЕВ, О'КАРПОВ, Валерий КОВАЛЕВСКИЙ, Николай КАЛИНИЧЕНКО, Валентин КУКЛЕВ, Вячеслав СЫСОЕВ, Владимир ПРИБЫТКОВ, Владимир БЕРЕЖКОВ . . . 180

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ГЛАВНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ МАТЕРИАЛОВ АЛЬМАНАХА . . . 197

СОДЕРЖАНИЕ . . . 199

Форзацы . . . 202

ОБЛОЖКА 1

1. Николай Гумилёв.
2. В чугунную ограду Докового оврага в Кронштадте нами «вмонтирована» фотография, которую мы сделали с набережной р. Мойки в Спб.: два значимых питерских дома – в одном (угол Невского, 15 и наб. Мойки, 59) после октябрьского переворота размещался ДИСК, или Дом Искусств, это был центр литературной и артистической жизни, в ДИСКе выступали А. Блок, А. Ахматова, В. Маяковский, В. Замирайло и др. Здесь жил, руководил Союзом поэтов и был в 1921 г. арестован Н. Гумилёв. Напротив, Невский проспект, 18, находится кофейня Вольфа и Беранже, отсюда в 1837 г. Пушкин и Данзас направились на Чёрную речку.
3. Владимир Маяковский.

ФОРЗАЦ 1

1. Татьяна Грауз.
2. Наталья Рубинская.
3. Лариса Шестакова.
4. Нина Давыдова, Евгений Степанов в Институте русского языка (ИРЯ) им. Виноградова.
5. Аркадий Агапкин, Наталья Шмелькова, Валерий Дудаков. Галерея 2 в Золотых ключах, на презентации альманаха «Словесность 2012».
6. Валентин Куклев, Татьяна Кайсарова в Георгиевском зале Российского общественно-политического центра (РОПЦ).
7. Дмитрий Цесельчук.
8. Юрий Мамлеев на презентации альманаха «Словесность 2007» на Пречистенке.
9. Илья Оганджанов.
10. Всеволод Арцинович в Московском гуманитарном университете выступает перед студентами на презентации «Словесности 2012».
11. Ксения Миронова.
12. Полина Бабушкина.
13. София Камалова.
14. Наталья Рожкова, Татьяна Пацаева, Борис Якубович в РОПЦ.
15. Лилия Волохонская, Наталья Фатеева, Фёдор Шелов-Коведяев в ИРЯ им. Виноградова на презентации альманаха «Словесность 2012».
16. Международная конференция «Равнина русская. Опыт духовного сопротивления», 31 января – 2 февраля 2013 года. Ольга Седакова и Людмила Федоренко.
17. Протоиерей Александр Торик с читателями.
18. Константин Кедров, Елена Кацюба, Ольга Адрова проводят в РОПЦ презентацию «Журнала ПОэтов».
19. Три сопредседателя Союза литераторов России: Вячеслав Сысоев, Дмитрий Цесельчук, Сергей Алимарин в Российской государственной библиотеке искусств (РГБИ).

ОБЛОЖКА 2

1. Экскурсия по Музею Читателя в РГБИ.
2. Протоиерей Николай Солдатёнков и князь Долгорукий. На заднем плане «пролетает Чебаркульский метеорит».
3. Музей Маяковского. Директор музея С.Е. Стрижнёва поздравляет Союз литераторов России с 20-летием. Весна 2010 года.

ФОРЗАЦ 2

1. Потап Могутов, Московская Рысь.
2. Катя Рубина, Натюрморт на синем.
3. Ирина Челиканова после вручения награды.
4. Владимир Коркунов.
5. Татьяна Виноградова на острове Санторини.
6. Александр Лозовой, Японские мостики и лиса, 2011. Холст, масло, акрил, бумага, монотипия, коллаж. 105 х 90.
7. Николай Грицанчук, Пантеон, 110х90, холст, масло, 2011 год.
8. Сергей Магомет.
9. Любовь Езерова, Домик.
10. Виктория Шарпак исследует полуостров Крым.
11. Памятник Кафке в Праге работы скульптора Ярослава Роны (2003) между Испанской синагогой и костелом Святого Духа в Старом городе.
12. Николай Лозовой.

ФОТОГРАФИИ:

Евгений Надалинский, Олеся Брукс, Юрий Шапка, Алла Козырева, Татьяна Виноградова, Лев Алабин, Александр Нехорошев, Марина Левина, Макс Матсов, Александр Мухин, Александр Андрюшкин, Нина Давыдова и др.

Типография «Вест-Консалтинг», Москва, Есенинский бульвар, д. 1/26, корп. 1, оф. 34